

ЯПОНИЯ

ЕЖЕГОДНИК

1994

1995

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

АССОЦИАЦИЯ ЯПОНОВЕДОВ

ББК 66.2(5Я)я5
Я70

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР К. О. САРКИСОВ

РЕДАКЦИЯ: А. Д. БОГАТУРОВ, В. С. ГРИВНИН,
Н. П. ДМИТРИЕВСКАЯ (ответственный секретарь), В. Н. ЕРЕМИН,
И. П. ЛЕБЕДЕВА, М. Г. НОСОВ, В. Б. РАМЗЕС, В. Я. РОСИН,
А. И. СЕНАТОРОВ

Я70 Япония 1994–1995. Ежегодник. — М., 1995, — 288 с.

В очередном выпуске ежегодника освещается широкий круг проблем современной жизни Японии. Основное внимание уделено вопросам экономического и политического развития, внешнеэкономической деятельности, социальным связям в обществе и социальной роли культуры Японии. Помещены материалы, посвященные жизни, творчеству русских и японских ученых, истории японо-русских театральных связей и т.д.

Я $\frac{0805000000-023}{001(01)-95}$ (без объявл.-95)

ISBN 5-88440-064-0

© Ассоциация японоведов, 1995

ЯПОНИЯ

1994–1995

ЕЖЕГОДНИК

МОСКВА

1995

Поздравляем юбиляра

Вадиму Алексеевичу Попову исполнилось семьдесят пять лет. Возраст патриарха. Но со словом «патриарх» не согласится прежде всего сам юбиляр — неизменно веселый, остроумный, молодой духом и непримиримый ко всякой казенщине и официальности. Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, крупнейший специалист по аграрному вопросу в Японии — все это так, но слишком официально, а значит, не отражает сути дела. За сухими строками анкет, за титулами и почетными званиями — добрая улыбка, неизменная благожелательность, стремление помочь, просто, сказать доброе слово. Вадим Алексеевич как бы не склонен придавать излишнего значения своим трудам, а уж манисей величия он точно не страдает. А между тем его работы — целая эпоха в отечественном японоведении. Об этом сегодня можно говорить, даже не используя юбилей в качестве повода.

Вадим Алексеевич Попов родился в Ялте 21 марта 1920 г. Однако вся его жизнь связана с Москвой: здесь он восьми лет пошел в школу, здесь с отличием окончил ее в 1938 г. и поступил в Московский авиационный институт. По окончании МАИ он работал на оборонном авиазаводе, но судьба направила его на восточное отделение Дипломатической школы МИД СССР (ныне — Дипломатическая академия). После ее окончания (также с отличием) получил направление в Дальневосточный отдел МИДа, затем он поступает в аспирантуру Тихоокеанского института Академии наук (который в 1950 г. был влит в Институт востоковедения). В 1950 г. появляются первые печатные работы В.А. Попова, годом позже он защищает кандидатскую диссертацию «Земельная реформа в Японии». Избрав путь академического ученого, Вадим Алексеевич никогда не страдал превратно понятым «академизмом» — его работы были неизменно связаны с современностью, с актуальными проблемами. С ноября 1951 г. В.А. Попов работает в отделе Японии Института востоковедения РАН, являясь ныне его старейшим сотрудником. От младшего до ведущего научного сотрудника — таков путь, пройденный Вадимом Алексеевичом по академической «лестнице».

С 1960 г. труды В.А. Попова регулярно переводятся и издаются в Японии. Первое десятилетие его научных изысканий блистательно подытожили две монографии: «Земельная реформа и аграрные отношения в Японии» (1959 г., в яп. пер. издана в Японии в 1961 г.) и «Крестьянское движение в Японии после

второй мировой войны» (1961 г., в Японии — 1963 г.). В первую очередь именно трудами Вадима Алексеевича формируется «аграрное направление» в отечественной японистике, хотя он, по свойственной ему скромности, никогда не напоминал о собственных заслугах. Равнодушный к внешним проявлениям славы, он отличался и отличается поныне исключительной требовательностью к себе и своим работам, а потому нередко воевал с редакторами, если считал, что искажается или нечетко формулируется его мысль. Строгость, точность и аккуратность — отличительные черты всего написанного В.А. Поповым, и если его работы порой читаются не очень «увлекательно», то в достоверности их можно не сомневаться.

С начала 60-х фамилия В.А. Попова все чаще появляется на титульных листах коллективных монографий и сборников, где он выступает в качестве ответственного редактора. Большой опыт, исключительные знания и авторитет, умение работать с людьми и умение строго спрашивать с них наглядно проявились в его редакторской и организаторской работе. Он — ответственный редактор и один из авторов сборников «Современная японская деревня» (1964), «Крестьянское движение в странах Востока» (1967), «История Японии. 1945-1975» (1978) и др., монографий И.А. Латышева, С.Б. Маркарян, Г.Ф. Кунадзе и многих других известных японоведов. Итоги его собственных исследований подвели книги «Развитие капитализма в сельском хозяйстве Японии» (1970; в яп. пер. издана в Японии в 1972 г.) и «Развитие социально-экономической культуры японской деревни» (1987). На основе последней монографии, подкрепленной, впрочем, четырьмя десятилетиями плодотворной работы, Вадим Алексеевич защитил в 1989 г. докторскую диссертацию «Формирование социально-экономической структуры японской деревни (1868-1985)». Требовательность к себе и поглощенность другими проблемами (в частности общеисторическими) на долгие годы отсрочили защиту докторской диссертации, так что она стала только формальным подтверждением давно завоеванного научного и нравственного авторитета.

Долгая, насыщенная, плодотворная жизнь и деятельность Вадима Алексеевича — великолепный пример не для одного поколения ученых. Но итоги подводить еще рано, хотя, как любит шутить сам юбиляр, «юбилей — это репетиция похорон». Статьи и выступления Вадима Алексеевича последних лет характеризуются все той же исключительной эрудицией, остротой реакции и восприимчивостью ко всему новому. Он решительно отказывается стареть и превращаться в патриарха, хотя лета и побуждают его, как и всякого ученого, сконцентрировать внимание на глобальных выводах и обобщениях. Его присутствие неизменно придаст нам заряд бодрости и энергии, особенно необходимых в столь нелегкое для науки время. Коллеги, друзья, ученики поздравляют Вадима Алексеевича Попова с семидесятипятилетием и желают ему крепкого здоровья, бодрости духа и неизменной душевной молодости. На славу отечественной науке и на радость нам!

Первые уроки коалиционного правления

А.И. Сенаторов

Отстранение либерал-демократов от власти, формирование 9 августа 1993 г. многопартийного кабинета министров во главе с лидером Новой партии Японии (НПЯ) Морихиро Хосокава открыли эпоху коалиционного правления в Японии, где на протяжении 38 лет у руля государства бессменно стояла Либерально-демократическая партия (ЛДП), а ее главным оппонентом была Социалистическая партия Японии (СПЯ, или СДПЯ). Параллельно тому, как на место первого коалиционного правительства пришел кабинет Цутому Хата, а затем — правительство во главе с Томиити Мураяма, в котором стали сотрудничать прежние непримиримые противники — либерал-демократы и социалисты, продолжался, усложнялся и набирал темпы процесс формирования новой расстановки политических сил. Возникали новые комбинации партийных союзов в борьбе за власть, разительно менялся облик традиционных японских партий, даже вставал вопрос о дальнейшем их существовании.

Цель настоящей статьи дать обзор политических событий, начиная примерно с осени 1993 г., при сменяющих друг друга трех коалиционных правительствах, попытаться показать существо нынешних и определить перспективы дальнейших перемен на японской политической арене, по мере возможности проследить их влияние на другие стороны жизни Японии — экономику, внутреннюю и внешнюю политику.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ

Кабинет министров М. Хосокава, опиравшийся на многопартийную коалицию, включающую СДПЯ, Партию обновления, Комэйто, НПЯ, Партию демократического социализма (ПДС), Новую партию — Инициативу (Сакигакэ, в нашей прессе и научной литературе это слово переводится также как «Провозвестник»), Социал-демократический союз (СДС) с самого начала рас-

сма­три­вал­ся как пе­ре­ход­ный, спо­соб­ный ре­шать лишь ог­ра­ни­чен­ные за­да­чи, со­гласо­ван­ные ме­жду столь раз­но­род­ны­ми по­ли­ти­че­ски­ми пар­тия­ми в стрем­ле­нии по­ло­жить ко­нец за­тя­ну­в­ше­му­ся еди­но­лич­но­му прав­ле­нию од­ной пар­тии. Ис­то­рия от­ве­ла ему срав­ни­тель­но не­бо­ль­шой срок — вос­емь ме­ся­цев.

Глав­ным его на­сле­дием стал па­кет за­ко­нов, ка­са­ю­щих­ся по­ли­ти­че­ской ре­фор­мы, про­ве­де­ние ко­то­рой с це­лью «ут­вер­жде­ния чи­стой по­ли­ти­ки» про­воз­гла­ша­ли, на­чи­ная с 1989 г., один за дру­гим ка­би­не­ты ми­ни­ст­ров ли­бе­рал-де­мо­кра­тов Н. Такэ­си­та, С. Уно, Т. Кай­фу и К. Ми­яд­за­ва¹. Взяв курс на пре­вра­ще­ние по­ли­ти­че­ской ре­фор­мы в сред­ство со­хра­не­ния и да­же уп­ро­че­ния сво­е­го го­су­дар­ства, до­би­вая­ся в ма­ксималь­ной сте­пени пре­тво­ре­ния в жизнь сво­е­го дав­ниш­не­го за­мы­сла — вы­бо­ра па­ла­ты пред­ста­ви­те­лей по «ма­лым», или од­но­ман­дат­ным из­би­ра­тель­ным ок­ру­гам, ли­бе­рал-де­мо­кра­ты не сде­ла­ли су­щес­твен­ных прак­ти­че­ских ша­гов в на­прав­ле­нии про­воз­гла­шен­ной ими же це­ли. Это­го смо­гло до­бить­ся ко­али­ци­он­ное прав­и­тель­ство, из­на­чаль­но об­ра­зо­ван­ное в ка­че­стве прав­и­тель­ства по­ли­ти­че­ской ре­фор­мы (сам Хо­со­ка­ва свя­зал свою судь­бу с ре­фор­мой, пок­ляв­шись до­бить­ся при­ня­тия не­об­хо­ди­мых за­ко­нов до ко­н­ца 1993 г.). Оно до­ве­ло до ко­н­ца труд­ный про­цесс под­го­тов­ки и про­ве­де­ния че­рез па­рла­мент ос­нов­ных за­ко­нов, оп­ре­де­ля­ю­щих со­дер­жа­ние по­ли­ти­че­ской ре­фор­мы, пре­одо­лев, хо­тя и це­ной не­ма­лых ком­про­мис­сов, со­про­тив­ле­ние как пе­ре­ше­д­ших на по­ло­же­ние оп­по­зи­ции ли­бе­рал-де­мо­кра­тов, так и су­щес­твен­ные раз­но­гласия сре­ди пар­тий, со­став­ля­ю­щих опору но­вой вла­сти.

До­воль­но бы­стро, за не­сколь­ко ме­ся­цев, бы­ли раз­ра­бо­та­ны че­ты­ре прав­и­тель­ствен­ных за­ко­но­про­ек­та: о по­прав­ках к за­ко­ну о вы­бо­рах, о вве­де­нии го­су­дар­ствен­но­го фи­нан­си­ро­ва­ния по­ли­ти­че­ских пар­тий, о по­прав­ках к за­ко­ну о ре­гу­ли­ро­ва­нии по­ли­ти­че­ских фон­дов и об уч­ре­жде­нии со­ве­ща­тель­но­го ор­га­на для вы­ра­бот­ки ре­ко­мен­да­ций по со­ста­ву вновь об­ра­зу­е­мых из­би­ра­тель­ных ок­ру­гов на вы­бо­рах па­ла­ты пред­ста­ви­те­лей. За­няв­шая жест­кую по­зи­цию ЛДП, стре­маясь ли­бо до­бить­ся су­щес­твен­но­го пе­ре­смот­ра прав­и­тель­ствен­ных за­ко­но­про­ек­тов, ли­бо во­об­ще сор­вать их про­хо­жде­ние в па­рла­менте и вы­нудить прав­и­тель­ство уй­ти в от­став­ку, под­го­то­ви­ла альтер­на­тив­ные про­ек­ты за­ко­нов. На ста­дии об­суж­де­ния в па­рла­мент­ской ко­мис­сии в пред­ло­же­ния прав­и­тель­ства бы­ли вне­се­ны из­ме­не­ния, но ли­бе­рал-де­мо­кра­ты, при­знав их не­до­ста­точ­ны­ми, свои за­ко­но­про­ек­ты не ото­з­ва­ли.

17 но­яб­ря 1993 г. па­ла­та пред­ста­ви­те­лей бо­ль­шин­ством го­ло­сов (270 — за и 226 — про­тив) при­ня­ла прав­и­тель­ствен­ные за­ко­но­про­ек­ты. При го­ло­со­ва­нии вы­яви­лось не на­блю­дав­шее­ся ран­ее не­по­ви­но­ве­ние де­пу­та­тов ре­ше­ния­м своих пар­тий. Так, в ко­али­ции пять де­пу­та­тов (чле­ны СДПЯ) вы­ска­за­лись про­тив прав­и­тель­ствен­ных за­ко­но­про­ек­тов. В то же время по­след­ние под­дер­жа­ли 13 де­пу­та­тов оп­по­зи­ци­он­ной ЛДП. Пер­вые со­чли ус­ту­пки

¹ См.: *Сенаторов А. И.* Из­би­ра­тель­ная си­сте­ма: за­ко­ны, прак­ти­ка, про­бле­мы об­но­вле­ния. — Япо­ния 1993. Еже­год­ник. М., 1994.

либерал-демократов чрезмерными, вторые не видели в предложениях правительства Хосокава большого отличия от тех, которые ранее, в 1991 г. ЛДП сама представила в парламент, но затем отозвала обратно.

В палате советников при обсуждении законопроектов недовольных оказалось значительно больше и поэтому развернулась бесконечная дискуссия. Чтобы не допустить автоматического, из-за недостатка времени, отклонения законопроектов, премьер-министр прибег к максимально допустимому продлению сессии парламента — до 29 января 1994 г. Тем не менее, когда за неделю до ее окончания состоялось голосование, большинство палаты советников законопроекты отвергло.

Выйти из тупика Хосокава смог, лишь применяя экстраординарные меры. Он предложил создать согласительную комиссию двух парламентских палат и вступил в переговоры с председателем ЛДП Коно, во время которых пошел на дальнейшие крупные уступки. В результате правительственные законопроекты были утверждены в последний день внеочередной сессии парламента, правда, без указания срока введения законов в действие и при необычном условии внести в них дополнительные поправки на открывающейся тотчас же очередной парламентской сессии. В соответствии с договоренностью между партиями правящей коалиции и ЛДП такие поправки были сделаны и одобрены парламентом в начале марта 1994 г.

Каково же конкретное содержание законов, относящихся к политической реформе?

Центральным моментом реформы становится пересмотр порядка выборов палаты представителей, играющей ключевую роль в звене представительной власти. Япония отказывается от выборов ее членов исключительно по многомандатным округам. Состав палаты сокращается с 511 до 500 депутатов. Вводится смешанная система выборов: 300 депутатов избирается по местным одномандатным округам, а 200 — в 11 территориальных округах — блоках по пропорциональному принципу и партийным спискам (депутатские места здесь распределяются согласно собранным каждой партией голосам и передаются кандидатам соответственно их месту в списке партии).

К выборам по пропорциональной системе допускаются политические организации, имеющие в парламенте не менее пяти депутатов или собравшие на ближайших выборах не менее 2% голосов. Однако в них может принять участие и партия, способная выдвинуть по своему списку такое число кандидатов, которое составляет не менее 1/5 предназначенных для территориального округа — блока депутатских мест. В закон о выборах внесены и некоторые другие изменения. Таким образом, в конечном счете либерал-демократы отказались от давнего замысла добиться выборов палаты представителей по «малым» избирательным округам, согласившись на смешанную систему выборов. Но и коалиции пришлось отойти от согласованной наметки установить равное соотношение депутатов, избирающихся по двум вы-

борным принципам, а также отказаться проводить пропорциональные выборы не по территориальным блокам, а в едином национальном округе.

Выборы палаты представителей по новой системе будут проведены только после установления состава и границ одномандатных избирательных округов. Один из новых законов предусматривает учреждение консультативного совета (семь членов, назначаемых премьер-министром), которому поручается подготовить необходимые для этого рекомендации. В законе названы принципы, которыми должен руководствоваться консультативный совет в своей работе: при нарезке округов учитывать существующее административное деление, географический и транспортный факторы, вместе с тем в интересах соблюдения равенства «цены одного голоса» не допускать различия в численности населения по округам более чем в 2 раза.

Консультативный совет был создан в начале апреля 1994 г. Деликатная работа, предполагающая перекройку прежних местных округов, где партии и депутаты многими годами создавали базу электоральной поддержки, поручена известным в стране ученым и практикам с большим жизненным опытом, которые не являются депутатами парламента.

Принципиально новым для Японии становится государственное финансирование деятельности политических партий представленных в парламенте. Считается, что это новшество послужит сдерживанию широко распространенной в политических кругах страны коррупции, ослабляя зависимость партий от постоянного поиска источников средств на их нужды, особенно при проведении выборов компаний. За образец взят максимальный уровень дотаций, применяющихся в западно-европейской практике государственного финансирования партий. Новый закон устанавливает выделение крупных денежных сумм на эту цель из расчета ежегодно 250 иен на душу населения страны.

Деньги будут распределяться среди партий, имеющих в парламенте не менее пяти депутатов, или получивших не менее 2% голосов на парламентских выборах. Принцип распределения пропорциональный: одна половина выделяется партиям в зависимости от числа депутатских мандатов у каждой из них, а вторая — соответственно доле собранных ими на парламентских выборах голосов.

Еще одним направлением политической реформы стали поправки к законам, определяющим правила финансирования политических партий и кандидатов на выборах общественных должностных лиц. Поправки ограничивают разрешенные каналы поступления денежных средств к политическим кругам, повышают требования к «прозрачности» политических пожертвований, усиливают ответственность за нарушение установленного законом порядка. Но поправки к соответствующим законам и здесь носят преимущественно компромиссный характер.

Не удалось добиться полного запрета передачи денег предприятиями и организациями непосредственно отдельным политическим деятелям и введения порядка политических пожертвований исключительно через центральные органы партий, на чем активно настаивали широкие круги японской общественности, требуя положить конец коррупции. На ближайшие пять лет законом предусмотрено ограничение указанных денежных пожертвований (депутатам всех представительных органов, главам местных администраций, кандидатам на всех выборах). Средства на политические цели от предприятий должны поступать только через одну контролируемую организацию. Неготовность к радикальному решению объяснялась не только сопротивлением либерал-демократов, но также и нежеланием многих депутатов из партий правящей коалиции нарушить прямые связи с деловым миром. По истечении пяти лет парламент вновь вернется к рассмотрению этого острого вопроса.

Снижены допустимые размеры анонимных пожертвований. Каждое поступление денег на политические цели, превышающее 50 тыс. иен, должно быть открытым. Общие годовые размеры пожертвования одной компании персональному политику не должны превышать 500 тыс. иен.

Нарушители законов лишаются права на участие в выборах не только на период исполнения судебного наказания, но и на последующие пять лет. Кандидат на выборах теперь рассматривается как лицо, причастное к нарушениям, которые совершают в ходе выборной кампании его ближайшие родственники и секретари.

С точки зрения «утверждения чистой политики» принятые при правительстве Хосокава законы, как полагают в Японии, вряд ли окажутся достаточными, чтобы разрубить порочную связку «деньги — политика». Но они укрепили юридическую основу борьбы с коррупцией, установили постоянный контроль за получением и использованием денежных средств, предназначенных для партий, их фракций и отдельных политиков, со стороны государственных органов и общественности, включая соперничающие партии и средства массовой информации. Кроме того, поползновения политиков использовать свои связи с предпринимателями, чтобы в обход закона черпать от них требующийся капитал, после введения финансирования партий за счет налогоплательщиков будут выглядеть более аморальными, вызывать резкое общественное осуждение. В этом смысле совершенствование японского законодательства идет в общем русле мировой практики демократических стран, изыскивающих эффективные, но в то же время не авторитарные средства и методы предупреждения коррупции.

Время покажет, насколько действенна реформа, призванная «очистить» политику. Сейчас же более очевидно ее большое влияние на ход начавшейся «реорганизации политических сил». Несомненно, что в соперничестве за места в палате представителей по одномандатным округам будут побеждать

крупные партии или их блоки, не оставляя шансов для кандидатов малых партий. На руку крупным партиям играют и условия финансирования из государственной казны, при котором малым партиям останутся лишь жалкие крохи. И то и другое сокращает перспективы последних, подталкивая их к блокированию или роспуску.

Деятельность правительства Хосокава, разумеется, не замыкалась на одной политической реформе. Множество проблем, не разрешенных при власти либерал-демократов, стояло перед ним, в особенности, в сфере экономики.

В обстановке продолжающейся экономической депрессии прибыли корпораций сокращались, сильная иена оборачивалась трудностями экспорта японских товаров, сказывались пагубные последствия недавней «экономики мыльного пузыря», характерной беспрецедентным размахом в конце 80-х годов биржевых и земельных спекуляций. Иностранцы, особенно американские, партнеры по торговле требовали сократить громадное положительное сальдо Японии, расширив внутренний спрос и полностью открыв японский рынок для зарубежных товаров. К тому же государственное регулирование экономики, которое в свое время было важным фактором ее феноменального подъема, стало давать сбои, теряло прежнюю эффективность. Более того, широкие масштабы «административного руководства» сформировали благодатную почву для коррумпированности политиков и чиновников разного ранга.

В своей программной речи М. Хосокава заявил о решимости правительства, наряду с политической реформой, сделать акцент на осуществлении экономических и административных реформ. Премьер-министр поручил председателю Федерации экономических организаций (Кэйданрэн) Г. Хираиwa сформировать специальный совещательный орган для выработки рекомендаций по конкретному содержанию возможных экономических преобразований. В октябре 1993 г. Комитет исследования экономических реформ во главе с Хираиwa представил «промежуточный доклад», в котором упор был сделан на обоснование необходимости широкомасштабного отказа от административного регулирования, разного рода ограничений в экономике, а также в других сферах.

Регулирование, указывалось в докладе Хираиwa, способствует окостенению экономики, мешает изменению ее структуры. Дeregулирование откроет перед бизнесом новые шансы, расширит занятость, даст больший выбор потребителям. Оно послужит сокращению разрыва цен на внутреннем и внешнем рынках, будет содействовать усилению конкуренции и т.д. Следует изучить возможность пересмотра регулирования, в том числе в сфере благосостояния, образования, трудовых отношений, финансов. Никаких «священных зон» быть не должно. Руководствоваться следует принципом свободы, а регулирование должно стать исключением².

² Майнити симбун. 29.10.1993.

В общих чертах в докладе излагались взгляды его составителей на допустимые пределы дерегулирования в конкретных отраслях и сферах народного хозяйства, указывались некоторые возможные меры предотвращения отрицательных для общества последствий отказа от лицензирования, контроля и прочих видов регулирования. За этим докладом последовала разработка перечня желательных изменений в законах, стандартах, правилах и прочих регламентациях. Предвидя сильное сопротивление центральных ведомств планам ослабления их контролирующей роли, Комитет исследования экономических реформ предложил создать специальный надведомственный орган, который должен следить за ходом работы по дерегулированию экономики³.

Как и ожидалось, в практическом плане дерегулирования, идею которого кабинет министров Хосокава поддержал, большого прогресса не было достигнуто. Хотя еще при правительстве Миядзава, в апреле 1993 г., намечалось отменить 10 тыс. из практиковавшихся 11,4 тыс. различных актов регулирования экономики, на конец марта 1994 г. это было сделано лишь в отношении 866 из них.

Правительство Хосокава приняло трудное для себя решение, касавшееся позиции Японии на Уругвайском раунде многосторонних переговоров Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ), где от нее долго и настойчиво требовали снять запрет на импорт риса. Япония, выступая в принципе за свободную торговлю, в данном случае проводила протекционистскую политику. Уступить требованиям ГАТТ значило бы подорвать собственное, неконкурентоспособное рисоводство, сохраняющееся при интенсивной государственной поддержке. Прежде либерал-демократы оттягивали принятие решения, опасаясь отрицательной реакции крестьян, большинство которых на выборах отдавали свои голоса ЛДП. Многие партии нынешней правящей коалиции также не желали удовлетворить требования ГАТТ. Однако М. Хосокава и его партия уступку Японии на переговорах считали неизбежной, чтобы не вызвать дополнительные трудности при японском экспорте промышленных товаров. В какой-то мере Хосокава помогла природа — 1993 год в Японии был неурожайным для риса, что вызвало потребность его закупки за рубежом. Кстати, и секретариат ГАТТ пошел навстречу Японии, предложив компромиссный вариант либерализации импорта риса.

Вопреки упорному сопротивлению партий, обещавших избирателям не допустить иностранный рис на японский рынок, Хосокава добился решения правительства разрешить его импорт. 14 декабря 1993 г. Япония объявила о готовности постепенно, к 2000 г. открыть до 8% своего рисового рынка,

³ Подробнее о работе Комитета исследований экономических реформ см.: Миядзаки И. Процесс смягчения административного регулирования: перспективы и проблемы. — Япония о себе и мире. 1994, N 4, с. 10-13.

а затем полностью отменить запрет на импорт риса, введя регулирование таможенными пошлинами.

Неудачей для Хосокава, завершился его конфликт с участниками коалиции по проблеме налоговой реформы, требующей быстрее решения. В начале февраля 1994 г. премьер-министр, игнорируя мнение СДПЯ и Комэйто, выступавших на выборах против повышения потребительского налога, публично заявил о том, что правительство готовит законопроект, предусматривающий снижение подоходного налога и некоторых других сборов на 6 трлн. иен. При этом ущерб, нанесенный государственному бюджету будет компенсирован введением 7%-ного «налога национального благосостояния» взамен действующего 3%-ного налога на потребление. Тактически этот шаг нужен был Хосокава, чтобы подготовить благоприятные условия на предстоящих переговорах с президентом США. Американцы рассматривают сокращение в Японии налога на прибыль как одно из средств увеличения японского внутреннего спроса, а следовательно, и сокращения дефицита США в торговле с ней, остающегося на уровне 50 млрд. долл. в год.

Расценив акцию Хосокава как попытку более, чем вдвое увеличить непопулярный у населения косвенный налог — налог на потребление, тяжесть которого в равной степени ложится на всех японцев независимо от их доходов, СДПЯ выразила премьер-министру решительный протест, пригрозив отозвать своих министров из правительства, если с ее мнением не будут считаться. На совещании представителей семи партий коалиции объявленное премьер-министром намерение было срочно дезавуировано.

Разногласия внутри коалиции не помешали правительству разработать и представить в начале февраля 1994 г. пакет мер по стимулированию национальной экономики, чтобы вывести ее из затянувшейся депрессии и сократить положительное сальдо внешней торговли. В комплекс финансовых и экономических шагов правительство включило сокращение подоходного и других налогов (на 5,85 трлн. иен), программу финансирования работ в коммунальном секторе (6 трлн. иен), дотации сельскому хозяйству на покрытие издержек, связанных с импортом риса, программу поддержки мелких и средних предприятий, пострадавших от депрессии (1,36 трлн. иен). На эти цели планировалось выделить в общей сложности 15,25 трлн. иен.

Обширный пакет чрезвычайных антикризисных мер правительству предстояло защитить в парламенте при обсуждении проекта дополнительного, а также очередного, на 1994/1995 фин. г. государственного бюджета (финансовый год в Японии начинается с 1 апреля). Однако положение правительства чрезвычайно осложнилось тем, что бюджетная комиссия палаты представителей занялась рассмотрением «персонального дела» М. Хосокава, отложив бюджетный проект в сторону. Хосокава обвиняли в получении взятки от корпорации «Сагава кюбин» в размере 100 млн. иен в 1982 г. и ис-

пользовании этих денег в выборной компании по избранию его губернатором префектуры Кумамото (Хосокава утверждал, что деньги пошли на покупку жилища, а к 1991 г. возвращены кредитору с процентами).

В начале марта, когда были удовлетворены требования либерал-демократов о внесении поправок в законы о политической реформе, председатель ЛДП Коно подал сигнал фронтальной атаки на коалиционное правительство, обвинив его на парламентских дебатах в крупных просчетах на торговых переговорах с США, в неудачной попытке ввести новый налог, в неспособности решить проблему утверждения госбюджета до начала финансового года и т.д.

В конце марта правительство обнародовало программу мер по открытию внутреннего рынка и удовлетворению в перспективе других требований США, касающихся двухсторонней торговли. Информировав об этом решении американского президента, Хосокава несколько разрядил напряженность в отношениях с главным партнером и союзником Японии.

Но в парламенте он не смог преодолеть возникшего к нему недоверия: проект бюджета оставался неутвержденным, а предъявленные ему обвинения в незаконных финансовых действиях не были отвергнуты с достаточной аргументацией.

8 апреля 1994 г. М. Хосокава вынужден был заявить об отставке с поста премьер-министра. При объяснении мотивов отставки он признал «проблематичность с юридической точки зрения» некоторых денежных операций, осуществлявшихся сотрудниками его офиса, и посчитал себя «морально ответственным» за это. Хосокава взял также на себя «политическую ответственность» за парализацию работы парламента из-за расследования обвинений в его адрес.

Таким образом, пришедший к власти на волне борьбы с коррупцией кабинет министров, просуществовав менее года, пал под ударами оппозиции, прежде всего либерал-демократов, обвинившей главу правительства в причастности к той же самой коррупции.

Почти три недели потребовалось для того, чтобы определить преемника Хосокава на посту премьер-министра и сформировать новое правительство.

ВТОРОЙ АКТ РЕОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ. ПРАВИТЕЛЬСТВО Ц. ХАТА

Как переход к коалиционному правлению, так и все последующие коллизии состава правящих коалиций тесно связаны с процессом «реорганизации политических сил», который начался в 1992-1993 гг. Напомним, что первые шаги этой перестройки были связаны с образованием Новой партии Японии (май 1992 г), расколом крупнейшей фракции Н. Такэсита в ЛДП (осень

1992 г.), а затем выходом из ЛДП трех групп ее депутатов парламента, сформировавших в июне 1993 г. Новую партию — Инициативу (Сакигакэ) и более крупную Партию обновления.

Многообразны причины, побудившие руководство японских политических партий, а также стоящие за ними предпринимательские, профсоюзные круги и прочие общественные силы перейти от дискуссий по поводу возможных перемен в прежнем спектре политических партий к конкретной и притом существенной его перетасовке. На первом плане среди этих причин — застой и болезненная обстановка в двух наиболее влиятельных партиях — ЛДП и СДПЯ, выразившиеся в коррупции, проникшей во все поры первой из них, и в длительной неспособности второй найти выход из состояния «вечной оппозиции». К реорганизации подталкивали неудовлетворенные желания играть большую роль в политике у тех честолюбивых деятелей, карьере которых в ЛДП мешали фракционность и господствовавшая практика продвижения по «старшинству», а не по деловым качествам, в оппозиционных партиях — бесперспективность прихода последних к участию в правительстве. В целом же в Японии считали, что новая расстановка политических сил обеспечит сменяемость власти и поможет преодолеть пороки загнивающего правления одной партии.

Глубоким переменам в политическом мире Японии способствуют новые мировые тенденции. Окончание эпохи «холодной войны» настоятельно диктует отказ от присущих традиционным партиям конфронтационных подходов во внутренней и внешней политике, чрезмерной их идеологизации, что в свою очередь открывает возможность строить отношения между политическими партиями на новой, «прагматической» основе, делает границы между ними более подвижными.

Кроме того, такие факторы, как относительно высокий уровень благосостояния народных масс и соответственно изменение приоритетов в политических и экономических задачах страны, крупная реорганизация профсоюзного движения, появление новых критериев в отношениях профсоюзов с политическими партиями, создали благоприятную почву для распространения среди японцев настроений в пользу коренных перемен в расстановке политических сил.

При этом одни из них имеют в виду формирование некоего подобия двухпартийной системы, в которой от участия в споре за власть отсекаются партии радикальной, левой ориентации, и заодно лишаются шансов на участие в реальной политике любые малые партии, даже если за ними стоят относительно крупные слои избирателей. За такое развитие событий особенно ратуют руководители предпринимательских организаций. Другие предпочитают «трехполюсную» расстановку, при которой действуют консервативные, неоконсервативные и социал-либеральные политические силы. Такую

структуру поддерживают большинство социал-демократов, руководство Японской конфедерации профсоюзов, признают реалистичной политики многих партий, в том числе из ЛДП.

Однако в 1994 г., как и в предыдущие годы, изменения в расстановке политических сил первоначально свидетельствовали о преобладании центробежной, а не объединительной тенденции, число партий продолжало множиться. Еще две группы депутатов парламента покинули ЛДП.

18 апреля пять депутатов ЛДП, принадлежавших к фракции Мицудзуки создали Новую партию — Будущее (Мираи), которая заявила о «реформах, обращенных в будущее», «творческой политике», «политике доверия». Лидером партии стал Митихико Кано. 21 апреля семь депутатов из фракции Ватанабэ образовали Либеральную партию, ее возглавил Кодзи Какидзава. Даже лидер этой крупной фракции Митио Ватанабэ, который соперничал с Ё. Коно за руководство ЛДП, едва удержался от искушения покинуть свою партию в надежде стать премьер-министром при поддержке представителей правящей коалиции, но критически взвесив имеющиеся возможности, не решился пойти на подобный шаг.

В то же время за кулисами шла работа, направленная на сплочение вновь образованных партий, на установление партнерских отношений между ними и устраивающих их старыми партиями, в том числе в форме создания объединенных парламентских фракций. Активизировались встречи депутатов парламента на надпартийной основе, организовывались форумы для регулярного обсуждения актуальных проблем, в которых участвовали совместно члены ЛДП и СДПЯ, других партий.

Нарастанию объединительной тенденции явно способствовало принятие законов о политической реформе, которые заставляли малые партии находить способы выживания в новых условиях.

Инициативу в подготовке условий для образования новой объединенной партии, способной соперничать с либерал-демократами, взяли в свои руки лидеры новых партий — неоконсерваторы (так их определяют японские политологи), бывшие либерал-демократы, которым хорошо знакомы вкус и преимущества властного положения. В рамках правящей коалиции они почти не пытались скрывать сокровенного желания отодвинуть самую крупную силу в ней — социалистов, чтобы в дальнейшем обеспечить себе полную свободу рук. Вместе с тем с самого начала обнаружилось соперничество между самими лидерами новых партий за руководящую роль в объединительном процессе.

Первым шагом в сторону планируемого сплочения могло бы стать объединение Новой партии Японии и Сакигакэ. На некоторое время депутаты этих партий объединились в палате представителей в единую фракцию. Однако слиянию партий помешали личные разногласия между их лидерами:

М. Хосокава был недоволен чрезмерной самостоятельностью М. Такэмура на посту генерального секретаря кабинета министров и собирался вывести его из состава правительства. А после того, как Хосокава был вынужден уйти в отставку, союз с НПЯ потерял для Сакигакэ прежнюю привлекательность. Несомненное беспокойство Сакигакэ вызывала политическая игра лидеров Партии обновления (Синсэйто), особенно ее генерального секретаря И. Одзава, которого в Японии рассматривали как «серого кардинала» правящей коалиции.

В марте 1994 г. на встрече М. Хосокава с генеральными секретарями Партии обновления и Комэйто И. Одзава и Ю. Итикава было достигнуто согласие идти к созданию объединенной партии через формирование совместной политико-исследовательской группы. Хотя следует отметить, что Одзава и Итикава решили этот вопрос ранее, без участия Хосокава. Практическое руководство в объединении взял на себя Одзава.

Естественно, такие закулисные действия среди участников коалиции без ведома социалистов, не могли не настораживать руководство СДПЯ. Опасалась быть отодвинутой на задворки политики и Сакигакэ. Все это осложняло формирование коалиционного правительства после отставки Хосокава в его прежнем составе.

Сакигакэ провозгласила «новую концепцию власти»: не цепляться за прежнюю правящую коалицию, добиваться широкого сплочения при солидарности с «фракцией реформ» в ЛДП, с СДПЯ и ПДС. А затем, поняв, что реальная, ведущая роль в будущем коалиционном правительстве все равно будет принадлежать лидерам Синсэйто, она отказалась от участия в консультациях о политическом курсе новой коалиции и согласовании кандидатуры премьер-министра. Сакигакэ не вошла в коалицию и решила осуществлять «внешнее сотрудничество» с будущим правительством.

Что же касается СДПЯ, то она согласилась отдать приоритет сохранению прежней коалиции и, несмотря на большие разногласия с другими партиями, особенно по налоговой реформе, приняла участие в консультациях по общему политическому курсу, пошла на некоторые уступки, поддержала кандидатуру председателя Партии обновления Ц. Хата на пост премьер-министра.

Состоявшееся в парламенте 26 апреля 1994 г. голосование показало, что Ц. Хата уверенно победил опасного соперника — председателя ЛДП Ё. Кона благодаря поддержке со стороны социалистов.

В тот же день Партия обновления, Новая партия Японии, ПДС, Либеральная партия и Общество реформ объявили о создании в палате представителей объединенной фракции «Обновление» («Кайсин»). СДПЯ восприняла этот факт как вероломство и вышла из коалиции. Последующие маневры Хата, направленные на возвращение социалистов, успехом не увенчались.

28 апреля Ц. Хата сформировал правительство, 2/3 мест в нем получили Партия обновления (восемь) и Комэйто (шесть). Важнейшие министерские посты (министры финансов, внешней торговли и промышленности, генеральный секретарь кабинета министров) оказались у Партии обновления, а представители Комэйто возглавили «деловые ведомства» (министерства транспорта, почт и связи, строительства и т.п.). ПДС получила два поста (министром иностранных дел стал бывший либерал-демократ, лидер Либеральной партии К. Какидзава). Министром просвещения стала беспартийная женщина — Р. Акамацу.

Таким образом, во втором коалиционном правительстве пресобладающие позиции заняли бывшие либерал-демократы. Нельзя не согласиться с оценкой японской прессы, которая обращала внимание на «удивительную похожесть» состава кабинета министров Хата на те правительства, которые прежде формировали либерал-демократы.

Главная особенность второго коалиционного кабинета министров состояла в отсутствии у него достаточной опоры в парламенте, это было правительство парламентского меньшинства. Любое совместное выступление находящихся в оппозиции ЛДП и СДПЯ (280 депутатов в палате представителей и 162 — в палате советников) могло парализовать деятельность правительства, которому в связи с этим предрекали нежизнеспособность и не ошиблись.

В парламентской программной речи Хата назвал основным девизом своего кабинета «реформы и согласие», декларировал решимость сделать важнейшей задачей правительства продолжение политической реформы, в кратчайший срок добиться принятия закона о границах одномандатных избирательных округов, чтобы очередные выборы в палату представителей проводились по новой избирательной системе, осуществить налоговую реформу в 1994 г и т.д.

Но уже в первые недели правления новой коалиции оппозиционная ЛДП открыто выразила намерение сместить правительство Хата несмеленно вслед за принятием парламентом государственного бюджета. 20 мая парламент одобрил временные, неотложные меры по бюджетным ассигнованиям, а 23 июня, т.е. почти через три месяца после того, как начался финансовый год, наконец-то, был принят госбюджет на 1994 г. ЛДП незамедлительно внесла в парламент проект резолюции о вотуме недоверия кабинету министров. В качестве повода была избрана «недостаточная активность правительства» в продолжающемся расследовании все тех же финансовых махинаций Хосокава. СДПЯ выразила готовность поддержать вотум недоверия.

25 июня 1994 г., всего через два месяца начала работы второго коалиционного правительства и за час до назначения (и практически предрешенного) голосования по вотуму недоверия, Хата объявил об отставке, не ис-

пользовав, как и его предшественник Хосокава, права на ответный роспуск палаты представителей. Отставка мотивировалась желанием Хата не допустить вакуума власти накануне неапольской встречи «семерки» лидеров ведущих стран мира, не затормозить осуществление политической реформы и избежать вредных последствий для японской экономики. Реальная же отставка Хата определялась осознанием невозможности работы правительства при отсутствии поддержки парламентом. А нежелание Хата распустить палату представителей можно объяснить отсутствием у Партии обновления и ее союзников по коалиции реальных перспектив укрепить свои позиции путем выборов по старой избирательной системе, а также надеждой на возможность привлечения СДПЯ при формировании нового правительства, что сделало бы его более устойчивым.

НЕОБЫЧНАЯ КОАЛИЦИЯ «НЕПРИМИРИМЫХ ПРОТИВНИКОВ»

Дальнейшие события пошли в непредсказуемом направлении. На власть фактически претендовали две главные силы: либерал-демократы, стремившиеся вернуть свое прежнее господствующее положение, и «неоконсерваторы» — выходцы из ЛДП, которых в желании не упустить власть из своих рук поддерживали партии «среднего пути» — ПДС и Комэйто. Исход противостояния теперь зависел от позиции СДПЯ.

За несколько дней до отставки Хата социалисты начали политические консультации с партиями правящей коалиции, предложив им согласовать программу новой коалиционной власти. В канун отставки на переговорах произошел разрыв. СДПЯ заявила о недопустимости переизбрания Хата премьер-министром. Тогда либерал-демократы решились пойти на сближение с социалистами. После первой встречи лидеров ЛДП и СДПЯ, где Ё. Коно предложил создать правительство двух партий, это предложение было отвергнуто. Председатель ЦИК СДПЯ Т. Мураяма вступил в переговоры с лидером Сакигакэ М. Такэмура, а затем с руководителями семи партий прежней правящей коалиции, достиг с ними договоренности возобновить совместные консультации по выработке общего политического курса. Развязка сложной политической игры наступила на четвертый день. СДПЯ прервала консультации с партиями коалиции, не найдя с ними общего языка по ряду вопросов, в частности по налоговой реформе. Напротив, согласие было достигнуто в ее переговорах с ЛДП и Сакигакэ, было решено совместно выдвинуть социалиста Т. Мураяма кандидатом в премьер-министры.

29 июня 1994 г. второй раз в послевоенной истории Японии парламент избрал главой правительства социалиста⁴. Им стал председатель ЦИК СДПЯ

⁴ Первый премьер-министр из социалистов, Тэцу Катаяма возглавлял правительство с июня 1947 по февраль 1948 г.

Томити Мураяма. В палате представителей за него проголосовал 261 депутат (214 — отдали предпочтение его сопернику Тосики Кайфу, который спешно перешел из ЛДП в лагерь многопартийной коалиции, надеясь также и на сохранение поддержки со стороны либерал-демократов). Однако победа к Мураяма пришла в результате переголосования — редкого явления в японском парламенте. В палате советников его преимущество было более заметным.

В то же время избрание Т. Мураяма главой правительства блоком бывших непримиримых противников — социалистов и либерал-демократов, при поддержке Сакигакэ, отнюдь не означало занятие социалистами господствующих высот в правительстве. В составе кабинета министров, сформированного 30 июня, СДПЯ имеет шесть мест, включая премьер-министра, а ЛДП — 13 (большинство), в том числе пост заместителя премьер-министра, министра иностранных дел. Сакигакэ получила два министерских поста, в том числе министра финансов.

Чем же объяснить образование непредсказуемого союза социалистов и либерал-демократов? Справедливы ли упреки (почему-то в основном в адрес социалистов) в том, что принципы были отброшены в сторону?

Разумеется, обоим сторонам был присущ холодный расчет, стремление к власти. Возможно, сильнее это проявилось у либерал-демократов. По крайней мере, инициатива исходила от них. Есть доля истины и в упреках о забвении «принципов», если исходить прежде всего из истории отношений между СПЯ и ЛДП.

Но не следует игнорировать и большие перемены в обеих партиях за последние годы. СДПЯ, перейдя, хотя и на небольшой срок, на положение правящей партии, полнее осознала необходимость проведения ответственной, конструктивной политики. ЛДП, спустившись с высот власти в оппозицию, видимо, также должна была сделать для себя определенные выводы, чтобы более считаться с общественным мнением и быть готовой к компромиссам. На фоне значительных изменений в международной обстановке обе партии (особенно СДПЯ) отошли от чрезмерной идеологизации политики, конфронтационных методов ее проведения и стали более реалистично оценивать и решать актуальные проблемы современности. Для СДПЯ не существовало и формального препятствия вступать в сотрудничество с ЛДП. В ее программном документе («Новая декларация», 1986 г.) записано, что допускается участие в коалиционном правительстве с любой партией при двух условиях: «соблюдение конституции» и «хотя бы небольшое продвижение вперед». В свою очередь ЛДП в последнее время перестала призывать к пересмотру конституции 1947 г. В связи с этими шагами появилась возможность зафиксировать некоторые общие с СДПЯ моменты, касающиеся обсуждаемых в стране реформ.

Т а б л и ц а 1
Состав кабинета министров

Должность	Имя, фамилия	Партия
Премьер-министр	Томиити Мураяма	Социал-демократическая партия
Заместитель премьер-министра, министр иностранных дел	Ёхей Коно	Либерально-демократическая партия
Министр юстиции	Исао Маэда	- " -
Министр финансов	Масаэси Такэмура	Сакигакэ
Министр здравоохранения и благосостояния	Сейти Идэ	- " -
Министр просвещения	Каору Ёсано	Либерально-демократическая партия
Министр сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства	Таитиро Окавара	- " -
Министр внешней торговли и промышленности	Рютаро Хасимото	- " -
Министр транспорта	Сидзука Камэи	- " -
Министр почт и связи	Сюн Оидэ	Социал-демократическая партия
Министр труда	Мансо Хамамото	- " -
Министр строительства	Кокэн Носака	- " -
Министр по делам местного самоуправления	Хирому Нонака	Либерально-демократическая партия
Госминистр (начальник управления обороны)	Токуитиро Тамадзава	- " -
Госминистр (генеральный секретарь кабинета министров)	Кодзо Игараси	Социал-демократическая партия
Госминистр (начальник управления общих дел)	Цуруо Ямагути	- " -
Госминистр (начальник управления экономического планирования)	Масахико Комура	Либерально-демократическая партия
Госминистр (начальник управления по науке и технике)	Макако Танака	- " -
Госминистр (начальник управления защиты окружающей среды)	Сип Сакураи*	- " -
Госминистр (начальник управления национальных земель)	Киёси Одзава	- " -
Госминистр (начальник управления по делам развития Хоккайдо и управления по делам развития Окинавы)	Садатоси Одзато	- " -

* В середине августа 1994 г. С. Сакураи вынужден был покинуть кабинет министров из-за заявления, что будто бы Япония «не имела агрессивных планов в отношении стран Азии и Тихого океана».

Наконец, либерал-демократов и социалистов подтолкнул навстречу друг к другу особый характер их отношений с партиями правящей коалиции. Так, ЛДП не хотела иметь дело с партиями, которые были созданы бывшими ее членами, в частности для того, чтобы предотвратить дальнейший распад партии. Несомненно, что и на решении социалистов сказались обиды на Партию обновления. Практика их сотрудничества с «неоконсерваторами» убеждала не только в отсутствии у последних лояльности, но и подтвердила сохранение немалых различий во взглядах по важным практическим вопросам, близких по глубине с теми, которые бывали у социалистов с либерал-демократами.

Появление коалиции ЛДП, СДПЯ, Сакигаке не выглядит столь неожиданным, если вспомнить неформальные контакты между их парламентариями и даже лидерами, которые с недавнего времени перестали считаться запретными. Например, сообщалось, что весной 1994 г. около 40 депутатов парламента от этих партий готовили на случай отставки правительства Хата создание Общества за либеральную власть⁵.

Во всяком случае руководители трех партий, чем бы они не руководствовались, образуя коалицию, осознавали трудности практического согласования правительственных решений. Не случайно, первые консультации их представителей после формирования кабинета министров были посвящены выработке механизма такого согласования.

Была принята система многоуровневой координации политического курса — созданы советы функционеров, ответственных за политику партий, а также председателей партийных комитетов парламентской политики, и, наконец, совет лидеров партий коалиции (высший орган); учрежден внутрипарламентский исполнительный совет правящей коалиции (10 представителей от ЛДП, 7 — от СДПЯ, 3 — от Сакигаке), который должен участвовать в решении политических задач правительства. Еженедельно проводятся совещания представителей правительства и ответственных функционеров партий коалиции.

Правительство Мураяма приступило к работе, стремясь разрешить оставленные ей двумя предыдущими коалициями проблемы, подчеркивая, как и его предшественники, решимость осуществить политическую, административную, экономические реформы, а также сохранить преемственность общей внешнеполитической линии.

Наибольшие трудности необычайная форма коалиции вчерашних противников создавала для социалистов, в частности лично для председателя ЦИК СДПЯ в его новом качестве главы правительства. Тем более, что оппозиция всячески подогревала существующие внутри СДПЯ сомнения по поводу сотрудничества с либерал-демократами.

⁵ Майнити симбун. 31.05.1994.

Во время парламентских запросов по первой программной речи главы правительства представители оппозиции буквально принудили Мураяма к прямому, без каких-либо недомолвок, ответам на те вопросы, по которым СДПЯ в ходе внутренних дискуссий еще не приняла окончательного решения. Получив ответы, оппоненты Мураяма не замедлили поднять ажиотаж, заявив о полном отходе социалистов от своих принципов, об изменении лица СДПЯ.

Действительно, в ответах речь шла о внесении заметных коррективов в прежние взгляды и практическую деятельность социалистов в вопросах внешней и оборонной политики, в подходы к государственным символам, к использованию атомной энергии. Однако в целом партия уже созрела для таких изменений. Если обратиться к упоминавшейся выше «Новой декларации», последующим поправкам устава партии⁶, проекту «Декларации 1993 г.», который обсуждался социалистами в качестве нового программного документа, то ответы Мураяма выглядят не столь уж сенсационными. К тому же высказывания Мураяма в основном касались позиции коалиционного правительства, которое не может мыслиться без готовности его участников к разумным компромиссам, и не означали отказа СДПЯ от провозглашаемых ею целей. В них просматривалось желание полнее учитывать происходящие в современном мире большие перемены.

В этой связи генеральный секретарь ЦИК СДПЯ В. Кубо выступил с объяснениями, заявив, что внутри партии идет собственная политическая реформа, проведено достаточно дискуссий, но «наступило время, когда возможность назначения лидера партии главой правительства возникла раньше, чем была создана система поддержки партий новой власти... Нам было необходимо положить конец бесконечной дискуссии. В столь быстро меняющейся обстановке совершен крупный поворот политики. Однако партия не изменила своим первоначальным принципам уважения идеалов конституции и стремления к миру без вооружения. Напротив, сделаны шаги, придающие реализм нашей прежней политике»⁷.

Тем не менее высказывания Мураяма в парламенте вызвали бурную реакцию внутри СДПЯ, в которой сосуществуют три течения: левое — социал-демократическое, правое — более близкое к либеральному, и центристское. Руководство партии быстро подготовило проект документа, названного «Основами новой политики» и вынесло его на рассмотрение чрезвычайного, 61-го съезда СДПЯ, который состоялся 3 сентября 1994 г.

Съезд одобрил представленный руководством партии документ, главные положения которого обосновывают следующие новые подходы в политике партии:

⁶ См.: Сенаторов А. И. Социал-демократизация первой оппозиционной партии. — Япония 1991 — 1992. Ежегодник, М., 1994.

⁷ Майнити симбун. 31.07.1994.

— сохранять и в дальнейшем приверженность невооружению, рассматривая его как конечную цель человечества; идея нейтралитета и неприсоединения завершила свою историческую роль;

— настаивать на сокращении вооружений, но признать силы самообороны как реальную силовую организацию в минимально необходимых размерах; нынешние силы самообороны существуют в рамках конституции;

— сохранять японо-американский договор безопасности, исходя из возрастания роли Японии и США после окончания «холодной войны» и с учетом других факторов нынешнего времени;

— признать «хи-но мару» государственным флагом, а «кимига ё» — государственным гимном;

— действующие атомные электростанции считать переходными источниками энергии; при строительстве новых и модернизации старых АЭС серьезно считаться с волей местных жителей, соблюдать предельную осторожность.

Поправки к документу, предложенные рядом местных партийных организаций, несмотря на то, что они лишь корректировали формулировки, но не отвергали в принципе новые подходы к перечисленным выше вопросам, съезд отклонил. Решения съезда свидетельствовали о преобладающей поддержке социалистами участия своей партии в коалиционном правительстве.

НОВЫЙ ЭТАП РЕОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ

Образование «необычной коалиции» вслед за принятием законов о политической реформе дало новый толчок к ускорению перестройки политических сил Японии. В лагере оппозиции началась спешная работа по конкретной подготовке формирования, объединяющего многочисленные партии и фракции, за исключением Коммунистической партии Японии (КПЯ)⁸. ЛДП занялась главным образом укреплением собственной организации⁹. СДПЯ столкнулась с необходимостью срочно сделать выбор, какое место ей следует занять в отношении этих двух, превосходящих ее сил.

В Либерально-демократической партии с тех пор, как от нее начался отток видных ее членов — депутатов парламента, развернулись дискуссии о путях возврата к власти. Споры шли вокруг политического курса, выбора партнеров для сотрудничества из других партий, организационной перестройки партии.

⁸ КПЯ находится в состоянии застоя, в планах формирования новой партии и правящих коалиций ее не учитывают. Из решений 20-го съезда КПЯ (июль 1994 г.) видно, что партия еще не способна адаптироваться к резко изменившейся, неблагоприятной для коммунистического движения обстановке.

⁹ 30 июля 1993 г. председателем ЛДП стал Ёхэй Коно, победивший претендовавшего на этот пост Митио Ватанабэ. Коно в отличие от многих видных деятелей ЛДП имеет незапятнанную репутацию. В знак протеста против коррупции он в 1976 г. выходил из ЛДП, был одним из основателей Нового либерального клуба и вернулся в свою партию через семь лет, после роспуска НЛК.

В ЛДП по-прежнему сохранились фракции парламентариев (на август 1994 г. их возглавляли Мицудзука — 67 депутатов, Миядзава — 66, Обути — 63, Ватанабэ — 58, Комото — 23 депутата)¹⁰. Однако теперь фракции, особенно после сокращения их денежного снабжения со стороны предпринимательских кругов, занявших на время реорганизации политических сил более осторожную, выжидательную позицию, уже не отличались прежней сплоченностью и дисциплиной. Напротив, у депутатов выявилась тяга к участию в разного рода надфракционных форумах, занявшихся разработкой концепций власти. Одни из них поддерживают участие СДПЯ в правящей коалиции, другие относятся к этому настороженно.

Руководство ЛДП стремится преодолеть наблюдающиеся у членов партии брожение умов и определенную растерянность. Созданный в ЛДП «штаб партийной реформы» в августе 1994 г. после годичной работы представил рекомендации по политическому и организационному укреплению партии. На первое место поставлена (в который раз!) задача роспуска внутрипартийных фракций, закрытия их офисов до конца текущего года. Те функции, которые они выполняли (финансовая поддержка кандидатов фракции на выборах, взаимное содействие политической карьере членов фракции и ее лидера и т.п.), должны осуществляться в рамках официальной партийной структуры. Фракциями не считаются открытые политические и дружеские группы парламентариев, не занимающиеся денежными и кадровыми делами.

В рекомендациях предлагается назначить комиссию для разработки нового политического курса партии, изучения принципиальных вопросов (среди них — отношение партии к конституции). Помимо того, высказаны предложения, направленные на демократизацию принятия партийных решений, ликвидацию практики назначения руководящих лиц «по старшинству», а не по деловым качествам и т.д.¹¹.

Неуклонно сокращающееся время до наступления выборов палаты представителей по новой избирательной системе заставило партии, перешедшие в оппозицию, торопиться с их объединением. Прежний замысел объединения партий и фракций бывших либерал-демократов с привлечением Комэйто и ПДС после поражения коалиционного правительства Хата приобретает конкретные формы.

6 июля 1994 г. партии отстраненной коалиции договорились начать подготовку к формированию более широкой, чем прежняя Кайсин (Обновление), объединенной парламентской фракции. 13 июля лидеры этих же партий высказались за быстрее формирование новой партии. Партия обновления и Комэйто настаивали на том, чтобы сделать это в форме одновременного акта всех ее потенциальных участников. Для Новой партии Япо-

¹⁰ Асахи симбун. 10.08.1994, веч. выпуск.

¹¹ Асахи симбун. 11.07.1994.

Таблица 2
Партийная принадлежность депутатов
парламента на сентябрь 1994 г.

Название партии (фракции)	Палата представителей	Палата советников
Партии правящей коалиции		
Либерально-демократическая партия	201	95
Социал-демократическая партия	73	68
Новая партия – Инициатива (Сакигакэ)	21	-
Объединенные партии		
Кайкаку	187	
в том числе:		
Партия обновления	62	
Комэйто	52	
Новая партия Японии	29	
Партия демократического социализма	19	
Либеральная партия	7	
Общество Косикай	6	
Новая партия – Будущее (Миран)	5	
Общество либеральных реформ (Дзию кайкаку-но кай)	5	
Либералы	2	
Син рокуфу кай		39
в том числе:		
Партия обновления (Синсэйто)		14
Лига демократических реформ		10
Партия демократического социализма		8
Японская новая партия		4
Спортивная партия		2
Беспартийные		1
Прочие партии		
Комэйто		24
Коммунистическая партия Японии	15	11
Новый демократический клуб	4	-
Клуб второй палаты (Нинку)	-	5
Группа защиты конституции (Гокэн)	-	5
Беспартийные	8	5
Вакансии	2	-
Всего	511	252

нии, ПДС, Либеральной партии было предпочтительно сначала объединиться между собой, иначе говоря, сделать первый шаг к общему объединению.

25 июля бывшие премьер-министры Хата, Хосокава и Кайфу¹² объявили о намерении форсировать создание новой партии. В течение сентября десять партий и фракций согласовывали основные принципы, которыми должна руководствоваться новая партия.

28 сентября 1994 г. было официально оформлено создание одновременно и объединенной группы десяти партий и фракций в палате представителей под названием «Реформы» («Кайкаку») и Подготовительного совета новой партии. В группу вошли 186 депутатов (в палате советников уже имелась аналогичная фракция — Синрокуфу кай, но депутаты от Комэйто в ней не участвовали). Собравшиеся вместе депутаты объединенных фракций двух палат парламента (225 человек) избрали Исполнительный комитет Подготовительного совета во главе с генеральным секретарем Партии обновления И. Одава, а также несколько специализированных комитетов по отдельным направлениям подготовительной работы.

Создание объединенных парламентских фракций из депутатов партий оппозиции явилось солидной основой вновь формируемой партии. В палате представителей численность ее депутатов приблизилась к той, которой располагает ЛДП, хотя намного уступала общему числу депутатов трех партий правящей коалиции (см. табл. 2). Но на пути формирования новой партии предстояло еще решить немало сложных организационных вопросов.

Партия обновления и другие образованные в последнее время партии — это были главным образом группы депутатов парламента, каждый из которых в своих избирательных округах имеет персональные общества поддержки, иногда весьма влиятельные. Однако эти партии не располагали единой сетью местных партийных организаций. Напротив, ПДС и Комэйто имели все необходимые для партий национального масштаба атрибуты, включая партийные организации на местах, немалое число партийных функционеров, партийную печать. Например, в центральном аппарате Комэйто имелось 100 функционеров, а с учетом работающих на местах и в органах партийной печати более 600, в то время как у Партии обновления их официально всего семь¹³. Лишь Комэйто сумела наладить издание ежедневной партийной газеты (600 тыс. экз.), создала мощную издательскую базу для печатания и распространения пропагандистской литературы.

Еще одна сложная проблема организационного плана — судьба нынешних депутатов после формирования новой партии. Будут ли все они реко-

¹² Т. Кайфу вышел из ЛДП вместе со своими сторонниками, из общества Косикай (всего шесть депутатов палаты представителей), а затем стал представлять и некоторые другие, столь же мелкие группы бывших либерал-демократов.

¹³ Асахи симбун. 31.07.1994.

мендованы ею кандидатами на предстоящих парламентских выборах, смогут ли надеяться на получение в новом объединении действительно активной, согласованной поддержки?

Не случайно, Комэйто, согласившись в принципе на объединение и стремясь играть в нем наряду с Партией обновления руководящую роль, тем не менее не спешила полностью раствориться в новой партии. В ее поведении явно просматривалось желание оставить себе запасной путь на случай неудачного дебюта. Ссылаясь на мнение местных организаций, не готовых к быстрому слиянию с другими партиями, руководители Комэйто отстояли для себя «двухступенчатый способ» вхождения в новое политическое объединение. ЦК Комэйто утвердил следующий порядок подключения к новой партии.

1. Комэйто разделяется на две части.

2. Одна из них (Комэйто Б) в составе депутатов палаты представителей и не подлежащих переизбранию на ближайших выборах депутатов палаты советников участвует в формировании новой партии.

3. Другая часть (Комэйто А), включая депутатов палаты советников, подлежащих скорому переизбранию, депутатов муниципальных собраний, партийных функционеров, партийную печать и т.п., временно сохраняется как самостоятельная организация.

4. На выборах местных органов самоуправления весной 1995 г. Комэйто А выступает самостоятельно.

5. Выборы палаты советников, а также выборы палаты представителей по новой избирательной системе проводятся новой партией.

Большинство сторонников образования новой партии считали необходимым завершить процесс ее формирования до конца 1994 г. Объединенная парламентская фракция «Реформы», костяк будущей партии, начала немедленно играть своими мускулами, организовав в начале октября бойкот парламентской сессии, отказавшись от присутствия во время программной речи премьер-министра Мураяма. От имени этой фракции Хата высказался за роспуск палаты представителей и назначения ее выборов по новой избирательной системе сразу же после принятия парламентом закона о границах новых, одномандатных избирательных округов.

Создание новой партии представляет большую угрозу в первую очередь парламентским позициям СДПЯ. В ее рядах озабочены, как не допустить такого положения, когда в стране, по крайней мере в парламенте, влиятельными останутся только две крупные политические силы: консервативная ЛДП и новая партия, в которой главную скрипку будут играть неоконсерваторы — все те же бывшие либерал-демократы.

В тот же день, когда формировался Подготовительный совет новой партии, около 60 депутатов парламента, принадлежавших к различным тече-

ниям внутри СДПЯ, провели учредительное собрание Новой демократической лиги (Синминсю рэнго), провозгласившей своей целью образование третьего полюса в процессе перестройки политических сил путем сплочения социал-демократов и привлечения к ним людей с либеральными взглядами.

Достижение этой цели весьма затруднительно, так как круг потенциальных партнеров быстро идет на убыль. Социал-демократический союз, который мог бы поддержать идею «третьего полюса», в мае 1994 г., после 16 лет существования, распущен, его члены вошли в Новую партию Японии. Лидер СДС С. Эда, который заявлял, что он — сторонник «либеральной коалиции» с участием СДПЯ, ПДС, Сакигакэ и т.д.¹⁴, теперь оказался среди тех, кто выступает за объединение в союзе с «неоконсерваторами». Такого же мнения придерживалась Партия демократического социализма. Новая партия Японии, у которой Новая демократическая лига надеялась встретить понимание, также относится к инициаторам объединения в новую партию. У социал-демократов есть возможность ждать поддержки от профсоюзов. Однако это движение само испытывает трудности: оно теряет привлекательность для рабочих. Политическая ориентация крупнейшего центра — Японской конфедерации профсоюзов — неопределенна. Ее председатель А. Ямагиси, который добивался сближения СДПЯ и ПДС, сплочения «социал-демократических сил», в сентябре 1994 г. ушел в отставку.

На уровне руководства СДПЯ еще не сложилось единого мнения, как партии действовать в меняющейся обстановке, с кем ей следует налаживать сотрудничество на предстоящих парламентских выборах, без которого теперь трудно ожидать сохранения прежнего представительства в высшем законодательном органе страны. Генеральный секретарь ЦИК СДПЯ Кубо, например, считает, что участие в правительственной коалиции не обязательно должно вести к сотрудничеству на выборах именно с членами коалиции. Одобрительно относясь к сплочению социал-демократических и либеральных сил, он не исключает сближения с «либеральными фракциями внутри ЛДП», намекает на возможность роспуска СДПЯ при создании такого рода широкого объединения¹⁵.

Судьба СДПЯ беспокоит не только ее членов и тех, кто отдаст за нее голоса на выборах. Отмечая кризисное положение, в которое попадает партия, газета «Асахи» пишет: «Мы не думаем отрицать все «социалистическое». Утверждается, будто с провалом социалистической идеологии рыночная экономика обретает безграничные возможности. Однако, напротив, политика исправления недостатков рыночной экономики, достижения социаль-

¹⁴ Асахи симбун. 23.05.1994.

¹⁵ Асахи симбун. 02.10.1994.

ной справедливости становится более важным делом». Авторы редакционной статьи желают социалистам исполнения своей миссии «представлять голос народа против господства бюрократии»¹⁶.

Политики разной ориентации спешат найти себе надежную крышу в условиях новой расстановки сил, ведущих борьбу за власть. Тем не менее создается впечатление, что и оппозиции, и правящей коалиции скорейшее проведение парламентских выборов не выгодно, так как всем соперничающим сторонам необходимо время, чтобы привести в порядок и мобилизовать собственные ряды. Следовательно, правительство трехпартийной коалиции может надеяться на более продолжительное по сравнению с его предшественниками существование.

Основные направления дальнейшей работы правительства указаны в программной речи Мураяма в начале октября 1994 г. Правительство, во-первых, подтвердило желание продолжить политическую реформу. Оно обещало добиваться принятия дополнительных мер по предотвращению коррупции, расширения полномочий органов местного самоуправления, внесения коррективов в методы работы законодательной и исполнительной власти, чтобы активизировать роль парламента и т.д.

Во-вторых, правительство видит перед собой задачу дальнейшего продвижения административной реформы и тесно с ней связанной налоговой реформы, предусматривающей «основательный пересмотр» всей системы налогообложения¹⁷. Оно намерено внести изменения в «экономическую структуру», чтобы Япония могла адаптироваться как к требованиям интернационализации ее экономики, так и к новым явлениям внутри страны, особенно к проблеме старения населения.

Наконец, Мураяма представил свое правительство в качестве активного сторонника «мирного государства», не забывающего о том, что в свое время «агрессивные действия и колониальное господство» Японии привели к множеству жертв и оставили несмываемый след в сознании людей соседних стран. Правительство составляет «план мирных дружественных связей», намеревается финансировать обмен материалами и людьми, чтобы налаживать с со-

¹⁶ Асахи симбун. 05.09.1994.

¹⁷ Незадолго до этого партии правящей коалиции согласовали собственную программу налоговой реформы. Они заявили о желании «построить налоговую систему, направленную на прочное обеспечение необходимых финансовых ресурсов. В ней достигается баланс налогообложения на доходы, на имущество и на потребление». Стержнем реформы должно стать крупное, начиная с 1995 г., сокращение налогов на прибыли компаний и доходы ряда категорий налогоплательщиков при дальнейшей, с 1997 г. компенсации ущерба госбюджету повышением нынешнего налога на потребление с 3 до 5%. Явное отступление СДПЯ от прежнего решительного неприятия потребительского налога сопровождалось удовлетворением некоторых ее требований, касающихся четкой фиксации использования дополнительных поступлений от повышения налога на социальные цели. — См.: Асахи симбун. 23.09.1994.

седами диалог и углублять взаимопонимание. Япония, считает Мураяма, должна усилить свою роль на международной арене в целях достижения мира и преуспевания мирового сообщества. Имеются в виду большее включение Японии в миротворческие усилия ООН (например, гуманитарные действия с участием подразделений японских сил самообороны), расширение вклада Японии в другие формы деятельности этой организации «без применения вооруженной силы, запрещенного конституцией». Мураяма заявил, что Япония «готова принять на себя ответственность» постоянного члена Совета безопасности ООН¹⁸.

Программная речь Мураяма отразила поиск компромисса среди участников трехпартийной коалиции с учетом господствующих в стране настроений и ожиданий. Интересно, что сравнивая заявленные позиции правительства с теми, которые изложены в курсе парламентской деятельности объединенной фракции оппозиции «Реформы», аналитики затрудняются обнаружить существенные различия между ними. «Участники фракции «Реформы», — пишет газета «Асахи», — теряют свой самостоятельный голос, жалуются на то, что им недостает оснований для ударов на правительство и назначению новых выборов»¹⁹.

Когда настоящая статья была уже подготовлена к печати, из Японии пришли сообщения о том, что объединение группы оппозиционных партий в новую большую партию осуществилось. 10 декабря 1994 г. на учредительном съезде в г. Иокогама провозглашено образование Новой прогрессивной партии (Синсинто) — далее НПП. Для внешнего пользования специально придумано броское английское название — New frontier party, т.е. Партия новых рубежей.

Этому крупному политическому событию предшествовали съезды и собрания партий и групп, объединившихся в Новую прогрессивную партию, на которых объявлялось об их самороспуске. Таким образом, завершилось краткое существование партий — выходцев из ЛДП, включая Партию обновления и другие мелкие партии и группы, а также чуть более длительная деятельность Новой партии Японии. Одновременно с политической арены ушли и старые, называвшие себя центристскими, «среднего пути», партии — Партия демократического социализма и Комэйто. Но в отличие от других участников объединения Комэйто, как и ожидалось, направила в Новую прогрессивную партию только своих депутатов палаты представителей и часть депутатов палаты советников. Остальные партийные силы, включая 12 депутатов палаты советников, более 3 тыс. депутатов местных собраний, образовали самостоятельную партию под прежним названием Комэйто, на съезде которой 5 декабря 1994 г. принята собственная программа, избраны новые центральные руководящие органы.

¹⁸ Нихон кэйдзай симбун. 01.10.1994.

¹⁹ Асахи симбун. 04.10.1994.

Все принципиальные вопросы оформления Новой прогрессивной партии были решены до ее учредительного съезда Подготовительным советом. В разработанной им программе идеалами партии названы «свобода, справедливость, любовь, совместное существование», заявлено о стремлении к «здоровому развитию демократии», «построению новой Японии» и намерении «неустанно проводить реформы» и «ответственную политику». Согласно программе НПП должна стать «политической партией народного участия, открытой для народа»²⁰. Помимо того, принят документ об основных направлениях политики НПП на ближайшее время. Он составлен в общих выражениях, что, видимо, отражает наличие разногласий во взглядах участников объединения на пути решения актуальных проблем.

Определение лидера НПП решалось в процессе голосования, поскольку на этот пост претендовали бывшие либерал-демократы и премьер-министры Ц. Хата и Т. Кайфу, а также бывший председатель ПДС Т. Ёнэдзава. С большим перевесом над соперниками председателем НПП избран Тосики Кайфу, за него отдали голоса 131 депутат парламента из 216, принявших участие в выборах. Генеральным секретарем партии назначен без голосования И. Одзава. Другие центральные посты распределены между прежними руководителями Комэйто и ПДС, а Ц. Хата назначен одним из трех заместителей председателя партии.

С созданием Новой прогрессивной партии, которая имсет теперь 178 депутатов в палате представителей и 33 в палате советников, правящая коалиция в лице ЛДП, СДПЯ и Сакигакэ получила серьезного конкурента. Хотя НПП значительно уступает совокупному представительству правящей коалиции в парламенте, она развернула активную подготовку к будущим парламентским, а также местным выборам, надеясь на укрепление своих позиций в представительных органах власти.

Что же касается возможности сохранения правящей коалиции в ее прежнем составе, то это во многом будет зависеть от развития событий в СДПЯ. Влиятельная политическая группировка в этой партии — Новая демократическая лига настойчиво ведет работу в пользу принятия СДПЯ решения о роспуске и преобразовании в партию демократическо-либеральной ориентации, что, по ее мнению, приведет к созданию третьего, помимо ЛДП и НПП, центра притяжения политических сил, представители которых будут более последовательными демократами, нежели либерал-демократы в ЛДП и во вновь образованной НПП. Наряду с усилившимися после создания НПП требованиями Новой демократической лиги вплоть до угрозы покинуть СДПЯ по разным соображениям несогласие с линией партии выражают многие другие социалисты, что ставит ее на грань раскола.

²⁰ Асахи симбун. 11.12.1994.

Итак, вступив в полосу коалиционного правления, Япония получила недолговечные правительства. Коалиции правящих партий приобретают размытые, порою неожиданные контуры.

В быстротекущем калейдоскопе политических событий иногда задерживается принятие оперативных государственных решений, на некоторое время страна может оставаться без надлежащего политического руководства. Однако это не означает общей дезорганизации работы государственного аппарата — он продолжает функционировать без серьезных сбоев. Сменяемость власти в Японии не предполагает «чистки» чиновников по политическим мотивам, при ней происходит только замена министров и их парламентских заместителей. Страна защищена также от волюнтаристских действий приходящих к власти политиков. Законы и сложившаяся политическая культура требует от них следовать установленным демократическим процедурам: запрашивать мнение специалистов и заинтересованных сторон до принятия важных решений, получать одобрение парламента.

В то же время нельзя не заметить, что сменяемость власти привела к тому, что «политическая реформа», о которой при однопартийной власти либерал-демократов столь много и долго говорилось, теперь поставлена на практические рельсы. Хотя и с большими трудностями, но совершенствуется система противодействия коррупции в среде политики и бюрократии.

В условиях обострившегося соперничества политических сил все участники независимо от того, находятся они в данный момент у власти или в оппозиции, признали необходимость многих других реформ (административной, налоговой и пр.), настоятельно диктуемых переменами в Японии на международной арене. Сближаются взгляды прежних непримиримых противников на проблемы внешнеполитического и оборонного курса страны, причем сдвиги происходят в сторону реализма, отвергающего великодержавие и какую-либо милитаризацию.

В политических платформах старых и новых партий нет откровенного радикализма, чрезмерной идеологизации, их взгляды на актуальные проблемы заметно нивелируются, отличаясь лишь в определенных нюансах.

Трудно сказать, сколь прочно укрепятся эти позитивные, необходимые для политической стабильности и нормального экономического развития, тенденции, которые проявились, когда гипотетическая возможность сменяемости власти «в соответствии с волеизъявлением народа» превратилась в реальность.

Во многом это будет зависеть от результатов развернувшейся «реорганизации политических сил». Многопартийность парламента Японии даже при неизменном господствующем положении либерал-демократов всегда оставалась важным фактором формирования государственной политики с большим или меньшим учетом запросов различных слоев общества. Благодаря дея-

тельности широкого спектра партий, законы, принятые в ходе политической реформы, благоприятствуют наиболее мощным партиям, способствуют объединительной тенденции в среде разнообразных политических сил, что в свою очередь рассматривается как гарантия сменяемости власти. Но уже сейчас в процессе политической перестройки наблюдается идеологическая направленность: консерваторы и неоконсерваторы стремятся использовать ее для вытеснения из сферы реальной политики социал-демократии, внесшей большой вклад в послевоенное развитие Японии по мирному, демократическому пути. К тому же методы формирования нового крупного политического объединения трудно назвать подлинно демократическими. Идет верховущее объединение депутатов парламента, которые руководствуются в первую очередь интересами собственной политической карьеры, мало считаясь с мнением рядовых членов партий, где они достигли нынешнего положения.

Не станем заниматься предсказаниями, будет ли в Японии создана таким путем двухпартийная система по американскому образцу, или появится что-нибудь особенное. Во всяком случае приходится констатировать, что перестройка японских политических сил подошла к весьма важному рубежу.

Особенности механизма экономического развития Японии

И.П. Лебедева

В современном мире Япония, как известно, занимает особое положение. Сохранявшиеся в течение почти всего послевоенного периода высокие и стабильные темпы экономического роста, выдающиеся успехи в научно-техническом развитии, высокий уровень взаимодействия и взаимопонимания между государством и частнопредпринимательским сектором, специфические формы организации бизнеса и методы внутрифирменного управления, особые отношения между трудом и капиталом — все это заметно отличает Японию от других развитых стран и формирует представление о ней как о своего рода феномене. И хотя социально-экономический процесс страны в целом протекает в русле общих закономерностей развития современного капитализма, следует признать, что японский опыт дает весьма веские основания, чтобы говорить о его специфичности, а возможно, и уникальности.

Долгое время успехи послевоенного экономического развития Японии рассматривались в российском японоведении как результат «благоприятного сочетания внешних и внутренних условий развития страны». Расчлененные на группы экономических и социально-политических факторов, эти условия были всесторонне проанализированы в работах советских японоведов и положены в основу исследования различных этапов и аспектов социально-экономического развития Японии.

Однако с течением времени становилось все более очевидным, что многие важные факторы, обеспечивающие быстрый рост японской экономики, до последнего времени оставались за рамками анализа (по крайней мере в экономических исследованиях). Речь идет об исторических традициях и социокультурных характеристиках японского общества, формировавшихся на протяжении многих веков, в том числе и в условиях продолжительной изоляции страны

от внешнего мира, и отличающихся ярко выраженной национальной спецификой. Их «наложение» на экономические и социополитические факторы и предопределяют специфичность экономического развития Японии.

Задача данной статьи заключается в том, чтобы с учетом этого обстоятельства попытаться ответить на вопрос: из чего складывается и каким образом действует японский механизм экономического развития.

С точки зрения основных принципов функционирования японская экономика ничем не отличается от других западных экономик. В то же время среди специалистов весьма широко распространено мнение, что она не является чисто рыночным организмом, а представляет собой некую «смешанную», «планово-рыночную», или «рыночно-организационную» модель. Начиная с конца 70-х годов на Западе одна за другой стали выходить работы, ставящие под сомнение рыночный характер японской экономики на том основании, что на ее развитие значительное влияние оказывает государство.

Действительно, государство занимает важные позиции в японской экономике. Однако, на наш взгляд, вопрос о характере японской модели развития нельзя сводить лишь к особой роли государства в экономике. Для того чтобы судить о том, в какой степени она является рыночной, необходимо прежде всего оценить в целом соотношение между рыночными и нерыночными принципами ее функционирования.

Как отмечает американский ученый О. Вильямсон, капиталистическая экономика основана на двух фундаментальных моделях принятия решений и осуществления сделок: рынке и организации. Рынок функционирует благодаря информации о ценовой ситуации или на ценовых сигналах; организация же вводит в процесс принятия решений неценовые, или надрыночные факторы¹. Следовательно, для ответа на поставленный нами вопрос необходимо прежде всего выявить те области, где неценовые, или надрыночные факторы либо преобладают при принятии решений, либо присутствуют наряду с рыночными факторами.

Очевидно, что в любой капиталистической экономике вес неценовых, или надрыночных факторов определяется в первую очередь позициями государства: во-первых, долей государственной собственности в национальном богатстве и налогов в национальном доходе, удельным весом государственных расходов в совокупных общественных расходах и т.д.; во-вторых, совокупностью средств регулирования и контроля за деятельностью отдельных отраслей или секторов. Совершенно очевидно, что по первой группе показателей государство в Японии занимает намного более слабые позиции, чем в других развитых странах². Большинство исследователей также считает, что

¹ The Trade Crisis: How Will Japan Respond. Seattle. 1987, p. 90.

² Так, в 1991 г. доля государственных расходов в ВВП составила в Японии 15,4%, в то время как в США — 23,4, Великобритании — 30,9, Италии — 35,5, Франции — 23,3, Германии — 15,7%; в том же году доля налогов в национальном доходе составила в Японии 27,9%, США — 26,1, Велико-

регулирующая и контрольная функции японского государства введены в более жесткие юридические рамки, чем в других странах, прежде всего США.

Что же касается оценок реальных позиций и роли японских бюрократов в экономической жизни общества, то здесь существует весьма широкий разброс мнений. Одни авторы полагают, что японское государство представляет собой сильную и могущественную, вездесущую и всепроникающую организацию, способную подчинить своей воле и направить в русло своих интересов действия любого из участников рынка. Другие, напротив, считают, что власть бюрократии в Японии весьма незначительна и ограничивается пределами, о которых она договаривается с другими участниками политического процесса (бизнесом и парламентом).

Важно, однако, подчеркнуть, что и те и другие участники дискуссии признают, что реальные позиции и роль японского государства выходят за пределы как формальных показателей, по которым можно судить о его участии в создании и распределении национального богатства, так и юридических норм. На что же в таком случае опирается эта «избыточная» власть японских бюрократов, в чем черпают они свою силу?

На наш взгляд, ответ на этот вопрос следует искать прежде всего в том особом положении, которое занимает бюрократия в японском обществе в силу исторических традиций, с одной стороны, и социокультурных ориентиров японской нации — с другой. Не вдаваясь в подробности, приведем лишь основные аргументы, свидетельствующие в пользу этого тезиса.

Как известно, одной из наиболее ярких социопсихологических характеристик японской нации является группизм. Большинство исследователей усматривают корни этого явления в так называемой рисовой цивилизации. В силу своей специфики рисоводство, бывшее на протяжении многих веков основным занятием большей части населения Японии, требовало коллективных действий и кооперации на всех стадиях процесса производства. Вместе с тем групповое сознание вырабатывалось и в силу необходимости преодоления совместными усилиями последствий всевозможных стихийных бедствий (землетрясений, извержений вулканов, тайфунов, цунами), которые весьма часто случались на Японских островах.

В результате группа либо коллектив (семья, компания или нация в целом) стали рассматриваться японцами как средоточие высших ценностей, объект их моральных обязательств. Подчеркивая превосходство группы над

британии — 40,6, Германии — 30,6, Франции — 33,9, Швеции — 55,9% (Japan. An International Comparison. Tokyo, 1993, p. 81, 83). В то же время в Японии доля государственной собственности в совокупном основном капитале составляет около 11%, а позиции государства в таких ключевых отраслях, как сталелитейная, судостроительная, автомобильная, авиационная, электронная, в сфере связи и финансах намного слабее, чем позиции государства во Франции, Италии, Великобритании (Япония: смена моделей экономического роста, М., 1990, с. 236; *Okimoto D.I. Between MITI and the Market*, Stanford, 1989, p.2).

индивидом и групповых интересов над частными, профессор университета Мэйдзи такуин Хаяси Сюдзи заключает: «Западный образ мыслей исходит из математической формулы: целое равно сумме его частей. В Японии же издавна полагают, что целое больше суммы составляющих его частей»^{2а}.

Японское общество — это организация особого типа, «состоящая из множества вертикально организованных групп, жестко конкурирующих между собой и обладающих довольно слабыми горизонтальными связями»³. Очевидно, что такая структура чревата возникновением расхождений, конфликтов и даже открытой конфронтацией между отдельными группами. Если этого не случается (или случается крайне редко), то только потому, что японская культура с ее акцентами на *ва* (гармонии) требует выработки консенсуса на основе уважения и учета мнений всех заинтересованных сторон. *Ва* издавна является основным принципом сосуществования групп в японском обществе, поскольку за свою долгую историю японцы хорошо усвоили, что конфликты и конфронтация в такой маленькой стране, как Япония, и при такой высокой плотности населения чреваты самым разрушительными последствиями.

Из группизма и *ва* как основных социопсихологических установок японской нации вытекают следующие моменты, важные для понимания особых позиций государства в Японии.

Во-первых, благодаря таким выработанным в течение многих веков качествам, как ощущение себя частью целого, ориентация на достижение коллективных целей и готовность принести личные интересы в жертву интересам коллектива (семьи, компании, нации), японцы возводят бюрократию на высшую ступень общественной иерархии, поскольку она традиционно воспринимается ими как носитель и гарант общенациональных интересов.

Во-вторых, для осуществления такого сложного и болезненного процесса, как достижение консенсуса в обществе, состоящем из изолированных конкурирующих групп, необходим посредник, который, с одной стороны, занимал бы нейтральное положение по отношению ко всем участникам этого процесса, а с другой — обладал необходимым авторитетом. И совершенно естественно, что в японском обществе эту роль берет на себя государство. Как справедливо отмечает американский японовед Д. Окимото, «посредничество в конфликтах между отдельными группами... является неистощимым источником мощи японского государства»⁴.

В-третьих, особое положение государства в японском обществе в целом связано с той значимостью, которая придается в Японии лидеру группы. Для объяснения феномена группизма профессор С. Хаяси использует тер-

^{2а} Shuji Hayashi. Culture and Management in Japan. Tokyo, 1991, p. 72.

³ The Political Economy of Japan. Stanford (California), vol. 2, 1989, p. 313.

⁴ Ibid.

мины «мура» («деревня») и «из» («семья»), которые являются ключевыми и для понимания роли лидера в японской группе. В обычных условиях, пишет С. Хаяси, каждая японская группа представляет собой *мура* — организацию типа деревенского сообщества, закрытую для аутсайдеров. Главной заботой *мура* является взаимная выгода ее членов, Она защищает их от неприятностей извне, но в случае нарушения внутренних правил член группы может быть изгнан из нее. До тех пор пока извне ничто не угрожает *мура*, ее лидер поддерживает *ва* — гармонию внутри группы. Он действует как организатор и посредник, а также как хранитель обычаев сообщества. Однако, когда возникает внешняя угроза, *мура* превращается в *из* — более жесткую организацию, требующую от своих членов безусловного подчинения и принесения личных интересов в жертву интересам группы. В этом случае ее лидер превращается в могущественного вождя, лидера авторитарного типа, действующего на основе приказов, а не уговоров и увещаний⁵.

Поскольку за свою долгую историю Япония весьма часто оказывалась перед лицом национальных кризисов, когда государство превращалось в жесткого лидера, а функции его чрезвычайно ужесточались и расширялись, общественное сознание как бы закрепило за государством особый статус и право действовать «на грани закона, если не за его пределами»⁶.

Таким образом, основополагающие социокультурные ориентиры нации — группизм и *ва* — как бы легитимизируют особое положение японского государства и его действия, выходящие за пределы легальных полномочий. Кроме того, сама история, отраженная в общественном сознании, способствовала возвышению бюрократов и росту их престижа. Дело в том, что в японской истории было два периода, когда бюрократия действительно сыграла выдающуюся роль в развитии страны, — это Токугава и Мэйдзи.

В период Токугава благодаря разумной политике центральной власти и усилиям преданных своему долгу чиновников на местах были обеспечены условия для почти 200-летнего процветания нации в обстановке мира, безопасности и социальной стабильности. После революции Мэйдзи (1868) в результате действий бюрократии были созданы предпосылки для быстрого преодоления страной технико-экономической отсталости и превращения ее в одну из ведущих империалистических держав. Как отмечает Д. Холли, нынешние японские чиновники считают себя прямыми наследниками и продолжателями дела токугавской военной бюрократии и бюрократической элиты Мэйдзи⁷.

Надо отметить, что по своему интеллектуальному потенциалу и моральным характеристикам бюрократия в целом вполне соответствует тому осо-

⁵ Hayashi Shuji. Culture and Management in Japan, гл. 4.

⁶ The Trade Crisis: How Will Japan Respond, p. 6.

⁷ Ibid., p. 180.

бому положению, которое отведено ей обществом в Японии. Ее часто называют элитой нации. По своему социальному происхождению и образовательному уровню японская бюрократия весьма однородна — большинство чиновников происходит из наиболее обеспеченных и образованных семей и имеет диплом одного из наиболее престижных университетов. Высокие требования конкурсных экзаменов, через которые необходимо пройти для поступления на государственную службу, служат эффективным инструментом отбора наиболее способных выпускников. Лучшие же из лучших, продвигаясь по все более сужающемуся коридору, оказываются на самой вершине пирамиды — на постах заместителей министров⁸. Многие исследователи отмечают не только высокую квалификацию японских бюрократов, но и их удивительную преданность министерствам, а также глубокое осознание ими своих моральных обязательств — использовать власть на благо всего общества, для достижений общенациональных интересов.

Особое положение государства, легитимизированное историко-культурными традициями и социопсихологическими ориентирами японской нации, предопределило и особый тип государственного вмешательства в экономическое развитие страны. Прежде всего это проявляется в особенностях политекономического подхода бюрократов к рынку как таковому.

Рассматривая рынок как совокупность индивидуальных центров принятия решений (т.е. частных предприятий), функционирующих на основе интенсивной циркуляции информации, японские бюрократы признают за ним две функции колоссальной важности: во-первых, то, что он предопределяет структуру частных инициатив, основанных на рационально рассчитанных личных интересах, и, во-вторых, то, что он обеспечивает превосходный механизм обратной связи, который позволяет в случае необходимости осуществлять саморегулирование.

Однако в глазах японских чиновников «чистый» рынок имеет целый ряд таких недостатков, как несовершенство информации, преобладание узких, краткосрочных интересов, чрезмерная конкуренция, невнимание к общенациональным задачам и вольное толкование понятия «общественное благо» и т.д. Поэтому они полагают, что для преодоления этих недостатков «невидимая» рука рынка должна работать вместе с «видимой» рукой правительства⁹.

Очевидно, что подобное взаимодействие можно обнаружить в любой из развитых капиталистических стран, но Японию отличает то, что японские бюрократы, опираясь на свой особый статус и свои моральные обязательства перед обществом, могут позволить себе раздвинуть рамки вмеша-

⁸ Пост министра по своей сути является политическим, поэтому пост заместителя министра — высший в должностной иерархии бюрократических ведомств.

⁹ *Okinoto D.I. Between VINI and the Market*, p. 12.

ства в экономику за счет широкого толкования такого понятия, как «провалы» рынка.

В Японии «провалы» рынка трактуются шире, чем в других странах, и включают не только уже «состоявшиеся» негативные результаты (например, загрязнение окружающей среды), но и вероятные неудачи, которые, по мнению правительства не отвечают общественному благу и национальным интересам. Д. Окимото называет этот подход превентивным (в отличие от принятого в других странах преимущественно реактивного подхода) и проводит очень интересную аналогию между характером вмешательства японской бюрократии в экономику и японским искусством икэбана и бонсай. «Японцы предпочитают исключить как можно больше элементов неопределенности из рыночного процесса, что напоминает их практику использования веревок, проволоки и шнурочков для связывания и изгибания стволов и веток деревьев с целью придания им форм, отвечающих их эстетическим ценностям»¹⁰.

Примечательно, что отношение к рынку японских бюрократов в целом разделяют и предприниматели. Как отмечает Р. Самуэлс, «ни японское правительство, ни частный капитал никогда не доверяли рынку. По мнению и тех и других, государство должно быть всепроникающим..., обладать сильной властью в экономике..., обеспечивать определенную степень защищенности общества от просчетов рынка»¹¹.

Наиболее ярко специфика государственного регулирования проявляется в промышленной политике, которую в самом общем виде можно определить как совокупность мер воздействия, направленных на формирование и перестройку отраслевой структуры экономики с целью повышения эффективности использования факторов производства. Как справедливо отмечает Е.Л. Леонтьева, если в других капиталистических странах экономическая политика государства сводится главным образом к регулированию цикла и денежного обращения, а отраслевая структура складывается преимущественно в итоге действия частного предпринимательства, то в Японии последняя занимает важнейшее место в общем контексте государственного регулирования¹².

Исторические корни промышленной партии легко просматриваются в периоде Мэйдзи. Стечение особых обстоятельств — опасность иностранного засилья, значительное промышленное отставание, чувство национального кризиса — поставило реформаторов Мэйдзи перед необходимостью определения такого отраслевого набора, который позволили бы стране в кратчайшие сроки догнать западные страны и выйти в число мировых лидеров. Правда,

¹⁰ Ibid., p. 11-12.

¹¹ Samuels R. The Business of Japanese State. Atlanta — London. 1987, p. 261-262.

¹² См: Государственно-монополистическое регулирование в Японии. М., 1985, с. 138.

из-за слабости базы первоначального накопления капитала задача становления и развития этих отраслей практически целиком легла на плечи государства.

В послевоенный период, как известно, Япония оказалась в аналогичном положении. Поражение в войне, экономическая разруха, военная оккупация породили ощущение национальной катастрофы. Однако, выработанная веками «психология выживания» (умение преодолевать всевозможные бедствия) способствовала осознанию нацией своей новой исторической задачи — догнать западные страны по уровню экономического и технического развития. Широкий народный консенсус легитимизировал руководящую роль в этом процессе японской бюрократии, а заодно и ее особый подход к рынку. Понимая, что при всех своих преимуществах он не может обеспечить адекватную реализацию общенациональных интересов, японские бюрократы с первых же послевоенных лет приступили к последовательному «структурированию» экономического роста, т.е. к осуществлению промышленной политики.

До середины 50-х годов в целом воспроизводился довоенный тип отраслевой структуры. Однако с завершением восстановительных процессов все большее внимание начинает уделяться ее совершенствованию на основе активной поддержки новых отраслей. Во второй половине 50-х годов в число приоритетных выдвигаются станкостроение, электротехническая промышленность и нефтехимия, в 60-х годах — производство ЭВМ, новых синтетических материалов на базе нефтехимии, самолетостроение. В 70-х годах в связи с изменением условий развития на передний план выдвинулись интеллектуалоемкие отрасли, требующие применения передовой технологии, больших затрат квалифицированного труда и значительных расходов на научные исследования и опытно-конструкторские работы (НИОКР). Одновременно была определена группа «структурно-больных» отраслей, подлежащих свертыванию и переориентации на новые сферы деятельности.

«Структурирование» экономического роста начинается с определения желаемых направлений развития, которые отражаются в подготавливаемых каждые пять лет среднесрочных экономических планах, а также в периодически публикуемых долгосрочных прогнозах изменения производственной структуры. Правда, они дают лишь общую схему развития и носят чисто индикативный характер. И хотя ни в одном из послевоенных планов не были выдержаны макроэкономические пропорции из-за значительного превышения реальных темпов роста над планируемыми, в целом были выдержаны основные направления отраслевых сдвигов. Удалось решить социально-экономические задачи, которые стояли перед Японией на том или ином этапе структурной перестройки в качестве общенациональных целей. Так, к концу 60-х годов было ликвидировано отставание от стран Запада по уровню промышленного развития, достигнуто равновесие платежного балан-

са, обеспечено повышение уровня жизни населения, созданы условия для привлечения к производству избыточной рабочей силы. К концу 80-х годов на основе программы интеллектуализации производственной структуры значительно снизились энерго- и материалоемкость производства, улучшилось состояние окружающей среды. Были сохранены высокие показатели занятости, «облагорожена» структура производства и экспорта, обеспечен устойчивый рост доходов и уровня жизни населения, что в целом привело к социально-политической стабильности в обществе.

Безусловно, все это отнюдь не означает, что экономическая бюрократия Японии, вырабатывающая и осуществляющая промышленную политику, всегда действует безупречно и безошибочно. История экономического развития страны в послевоенный период знает немало примеров промахов и неудач, явившихся следствием государственной политики. Наиболее масштабные из них — крайне неравномерное распределение производственного потенциала на территории страны, приведшие в конце 60-х годов к резкому обострению проблемы когай (загрязнению окружающей среды) и значительному росту цен на землю в районах промышленного строительства; экономический кризис середины 70-х годов, обнаживший всю глубину накопившихся структурных диспропорций в том числе и в результате применения к определенным отраслям мер поддержки и стимулирования в рамках государственной политики. Сюда же можно отнести и последнюю затянувшуюся депрессию — прямой результат механизма развития второй половины 80-х годов, получившего название «bubble есопоту» («экономика мыльного пузыря») и лопнувшего к началу 90-х годов. Вольно или невольно этот механизм поддерживался, с одной стороны, усилиями МВТП, оказавшего всемерную поддержку компаниям новых высокотехнологичных отраслей — основным участникам биржевых операций, а с другой — действиями министерства финансов, слишком увлекшегося либерализацией финансовой сферы.

Однако, отмечая эти промахи, в определенной степени неизбежные и вполне объяснимые, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что особый подход японских бюрократов к рынку и, прежде всего, их неустанные попытки «структурировать» экономический рост в целом придают развитию экономики Японии более устойчивый и целенаправленный, чем в других развитых странах, характер.

Каким же образом японскому правительству удастся направить действия частных предприятий в русло развития, определяемое промышленной политикой? В самом общем виде ответ на этот вопрос состоит в том, что в течение многих десятилетий в Японии существует и поддерживается высокая степень взаимодействия и взаимопонимания между бизнесом и бюрократией, которая опять же имеет свои корни как в истории, так и в культуре японской нации.

Как отмечалось выше, индустриализация Японии, начавшаяся сразу после реставрации Мэйдзи, на первом этапе осуществлялась практически целиком за счет средств государства. Однако к концу 80-х годов, когда основы уже были заложены, правительство решило уйти из большей части базовых отраслей и передать их частному сектору. Сделка эта была чрезвычайно выгодна для последнего, так как рабочая сила необходимой квалификации уже была подготовлена, а само оборудование было продано по крайне низким ценам. Как отмечает Лодж Гобот, эта сделка явилась наградой тем знатым семьям, которые поддерживали правительство в первые годы реставрации Мэйдзи, и способствовала значительной концентрации в их руках богатства и мощи. В то же время она привела к возникновению двух видов фундаментальных связей, которые легко просматриваются и в современной Японии. Во-первых, сделка породила тесные личные взаимосвязи между правительственными чиновниками и лидерами большого бизнеса; во-вторых, она привела к углублению взаимопонимания и сотрудничества между ними. При этом правительство в течение всех последующих лет оказывало крупнейшим монополиям преимущественную поддержку, а большой бизнес всегда демонстрировал готовность подчиниться руководству, осуществляемому бюрократией¹³.

Кроме того, стремление к *ва* (гармонии) не только «обрезает» государство и бизнес на тесное сотрудничество, но и рождает типично японскую модель принятия решений, основанную на переговорах и компромиссах как способа достижения консенсуса.

В результате основным средством для направления действий частного сектора в русло промышленной политики становится не принуждение, а убеждение, и, совершенно прав Д. Окимото, подчеркивающий, что способность убедить и составляет секрет эффективности государственного регулирования в Японии¹⁴. При этом и частный сектор, естественно, прилагает усилия к тому, чтобы принять во внимание как общенациональные интересы, так и интересы других групп.

В арсенале методов государственного регулирования в Японии практически никогда не было средств принуждения (за исключением военного периода, когда действовал Закон об административном принуждении), а были в основном — средства убеждения и побуждения. С помощью различных инструментов налоговой и кредитно-финансовой политики государство создает условия, делающие привлекательными для частного капитала одни действия и непривлекательными — другие. Исходя из изначально присущей японцам ориентации на консенсус и *ва*, резонно предположить, что объем и структура легальных методов государственного регулирования (начиная с размеров государственной собственности и кончая налоговой и кредитно-фи-

¹³ Gobot L.G. Comparative Business-government Relations, N. Y., 1991, гл. 2.

¹⁴ The Political Economy of Japan, p. 314.

нансовой политикой) в значительной степени также являются продуктом переговоров и компромиссов между бизнесом и правительством.

Акцентируя внимание на переговорах и компромиссах как основе взаимоотношений между бизнесом и бюрократией, некоторые авторы делают из этого однозначный вывод о слабости позиций японской бюрократии, о том, что опора на компромиссы и переговоры — это следствие недостаточных легальных полномочий японской бюрократии и т.д. Так, например, Р. Самуэлс, пытаясь показать, что позиции бюрократии как бы «растворяются» в процессе принятия решений на основе переговоров и компромиссов, характеризует взаимоотношения между бизнесом и бюрократией метафорой «паутина без паука»¹⁵. Карел ван Волферен в своей известной книге «Загадки японской мощи» утверждает, что в Японии по существу нет целенаправленного руководящего органа как такового, органы государственной власти иллюзорны, а страна управляется всеильными сетями¹⁶.

На наш взгляд, подобные точки зрения вызывают серьезные возражения. Во-первых, органы государственной власти в Японии далеко не иллюзорны, а представлены весьма мощными институтами со своими функциями, интересами, традициями и т.д. (хотя они и неравнозначны по силе и степени независимости в принятии решений, о чем мы будем говорить ниже). Во-вторых, отношения между бизнесом и правительством действительно представляют собой «паутину», но «паук» в ней есть — это бюрократия, роль которой состоит в том, что именно она «плетет паутину», т.е. определяет состав участников переговоров по выработке консенсуса и организует работу по его достижению¹⁷.

Наконец, в-третьих, наряду с организационной ролью бюрократия играет еще более важную функциональную роль, содействуя социализации (здесь обобществлению) или распределению риска и издержек экономического роста. Остановимся на последнем моменте несколько более подробно.

Группизм как основополагающая социопсихологическая установка японской нации породил не только ориентацию на достижение коллективных целей, но и так называемое эгалитарное сознание, т.е. представление о том, что все члены группы равны и обладают одинаковыми правами и обязанностями¹⁸. Это сочетание в свою очередь предопределило такую уникальную черту японской нации, как готовность сообща разделить риск, финансовые потери и другие неприятности. Разумеется, эта готовность не реализуется

¹⁵ Samuels R. The Business of Japanese State, p. 288.

¹⁶ Van Wolferen K. The Enigma of Japanese Power. L. 1989, гл. 2.

¹⁷ «Одна из наиболее значительных ролей бюрократии, выходящая за пределы легальных полномочий и определяемая ее положением в общественной иерархии, состоит в возможности определять участников сделки и переговоров» (The Promotion and Regulation of Industry in Japan. Oxford, 1989 p. 67.).

¹⁸ Shuji Hayashi. Culture and Management in Japan, p. 109.

автоматически в формировании консенсуса по социализации риска или издержек экономического роста, поскольку японская культура с ее акцентом на *ва* лишь предопределяет стремление к консенсусу, но отнюдь не означает, что он формируется легко и безболезненно. Эту сложную работу берет на себя государство, которое со своей стороны всегда готово исправить «провалы» рынка, и использует для этого самый тонкий из инструментов государственного регулирования — административное руководство.

Административное руководство можно определить как не предусмотренные законодательством действия ведомств или государственных чиновников, направленные на то, чтобы побудить представителей частного бизнеса предпринять определенные действия или, наоборот, воздержаться от них. Подобная практика время от времени используется и в других странах, но Японии отличаются масштабы и интенсивность ее применения.

Наиболее впечатляющими примерами в этой области могут служить так называемые «добровольные экспортные ограничения», которые в 60-70-х годах вынуждены были принять на себя компании текстильной, сталелитейной, автомобильной и электронной промышленности, а также осуществленная во второй половине 70-х — первой половине 80-х годов программа широкомасштабного скрапирования мощностей в так называемых «структурно-больных» отраслях, определявшая не только объемы, сроки и объекты скрапирования, но и механизм социализации (распределения) издержек этой крайне болезненной акции.

Весьма часто административное руководство используется японской бюрократией и для борьбы с таким очевидным «провалом» рынка, как чрезмерная конкуренция, чреватая подрывом цен, ростом банкротств и возрастанием хаоса в экономике в целом. Хотя антитрестовское законодательство в 50-60-х годах неоднократно пересматривалось в сторону смягчения ограничений на создание картелей¹⁹, тем не менее и прежде и сейчас при посредничестве государственных чиновников в Японии создавалось и создается множество полулегальных и нелегальных «антидепрессивных картелей», основное назначение которых — достичь согласия между фирмами-участниками об определенном уровне инвестирования. Вместе с тем в 50-60-х годах МВТП неоднократно содействовало созданию так называемых «картелей по рационализации» с тем, чтобы усилить конкурентные позиции японских производителей на внешних рынках.

Итак, особенность государственного вмешательства в экономику в Японии состоит, прежде всего, в опоре на неформальные методы руководства и контроля при относительно незначительных объемах легальных средств регулирования. В частности, с этим связаны и крайне незначительные (и даже

¹⁹ The Trade Crisis. How will Japan Respond, p. 181-182.

сократившиеся в последние годы) размеры государственной собственности в Японии. Как заключает по этому поводу Р. Самуэлс, «японское государство не занимается бизнесом, потому что бюрократия может регулировать рынок более эффективно, чем присутствовать на нем»²⁰.

Опора на неформальные методы регулирования — переговоры, компромиссы и административное руководство — требует организации непрерывного и интенсивного обмена мнениями между бизнесом и правительством. Это тем более важно, так как Япония отнюдь не представляет собой «моноклитную экономическую машину, в которой все основные части (бизнес, правительство, профсоюзы и обычные граждане) работают в совершенной гармонии во имя общих целей. Япония является чрезвычайно плюралистическим обществом, каждая часть которого имеет ценности и идеологию. Нередко бизнес и правительство сотрудничают, но весьма часто они идут и в противоположных направлениях»²¹.

Процесс принятия решений в Японии значительно облегчается высокой степенью «ооустроенности» взаимодействия между бизнесом и бюрократией, существующей еще с довоенных времен. Прежде всего такое взаимодействие осуществляется через сеть организаций, основное назначение которых — посредничество между государством и частными предприятиями. К этой категории относятся общественные корпорации, особые юридические лица, смешанные частногосударственные компании, предпринимательские федерации, отраслевые промышленные ассоциации, многочисленные консультативные советы при правительстве, специальные группы изучения государственной политики и т.д. Эта сеть связывает государственных чиновников с банковской и промышленной элитой, а также с представителями средств массовой информации, науки, профсоюзов и т.д. и создает инфраструктуру для постоянного обмена информацией, проведение дискуссий, консультаций и т.д. Кроме того, подобные организации исполняют такие жизненно важные функции, как сбор и анализ данных о внешних рынках, отслеживание направлений развития науки и техники за рубежом, содействие экспорту и зарубежным инвестициям и т.д.²².

Однако наряду с институционализированным (формализованным) взаимодействием огромную роль в принятии решений в Японии играют неформальные связи между бизнесом и бюрократией. В японском обществе личным отношениям придается первостепенное значение. Ключом к пониманию этого явления может быть выросшая из группизма «инстинктивная зависимость японцев от связей — строго иерархических, высокоморальных и глубоко эмоциональных»²³.

²⁰ Samuels R. The Business of Japanese State, p. 258-259.

²¹ Gobot L.G. Comparative Business-government Relations, p. 85.

²² The Political Economy of Japan, p. 315.

²³ The Promotion and Regulation of Industry in Japan, p. 23.

Налагаясь друг на друга, формализованные и неформальные связи между бизнесом и бюрократией образуют комплекс взаимоотношений или так называемые сети, в рамках которых и происходит принятие решений. Причем, возможность успешно выработать, согласовать и осуществить политику зависит от степени организованности и прочности сети, т.е. от ее качества²⁴.

Несмотря на то что сеть функционирует на принципах взаимных обязательств и вознаграждений между бизнесом и бюрократией (правительство обеспечивает определенные выгоды для частного сектора в ответ на поддержку им экономической политики государства), лидирующее положение в процессе принятия решений занимает, как правило, бюрократия.

Итак, нам хотелось бы подчеркнуть два момента. Во-первых, государственное вмешательство в экономику в Японии основано не только и не столько на легальных или формальных, сколько на неформальных методах регулирования — переговорах, компромиссах и административном руководстве. Во-вторых, лидирующие позиции в процессе переговоров занимает, как правило, бюрократия. В терминах «рынок» и «организация», введенных в начале статьи, это означает, что в процессе выработки и осуществления экономической политики «организация» существенно теснит «рынок». В то же время, имея в виду интенсивные контакты между бизнесом и бюрократией, постоянный обмен мнениями и информацией между ними, можно предположить, что в Японии достигается весьма близкое к оптимальному сочетание «рынка» и «организации», или, другими словами, близкий к оптимальному баланс между решениями, основанными на рыночных сигналах, и решениями, учитывающими более широкий контекст (интересы экономической безопасности, социально-политической стабильности, сохранения окружающей среды и т.д.).

Важно, однако, подчеркнуть, что ограничение стихии рынка за счет ввода элементов «организации» происходит не только вследствие государственного вмешательства в экономику, но и в результате того, что в силу ряда особенностей сам японский бизнес способен к вводу в процесс принятия решений «организационных факторов».

В области межфирменных отношений наиболее ярко сочетание рыночных и нерыночных принципов проявляет себя в *кэйрэцу* — объединениях крупных фирм со средними и мелкими предприятиями, пронизанных различными видами связей. Сюда же можно отнести и особые отношения между японскими промышленными компаниями и банками, а также систему перекрестного владения акциями фирм-партнеров. Что касается собственно компаний, то наиболее ярко «вторжение» нерыночных принципов в процесс принятия решений проявляет себя в японской практике управления трудом (начиная с особенностей системы найма и кончая особыми отношениями

²⁴ Ibid., p. 324-325.

между высшими управленцами и остальными работниками), хотя их можно обнаружить и в других областях японского менеджмента (например, в ориентации компаний на поддержание и расширение доли на рынке в долгосрочной перспективе в ущерб получению высоких текущих прибылей).

Таким образом, суммируя изложенное выше, можно сделать вывод о том, что в целом в японской экономике удельный вес решений и сделок, базирующихся на рыночных принципах и ставящих во главу угла достижение экономической эффективности, значительно ниже, чем в других развитых экономиках. Весьма часто на всех уровнях экономической организации при принятии решений предпочтение отдается не экономической, а социально-экономической эффективности, которая далеко не всегда и лишь отчасти совпадает с первой. В отличие от решений, ориентированных на достижение рыночной эффективности, т.е. на наиболее эффективное использование факторов производства с точки зрения соотношения между затратами и результатами, решения, делающие упор на социально-экономическую эффективность, предполагают достижение результатов более широкого плана, — например, гармонизации отношений с внешним миром, сохранения социально-политической стабильности, окружающей среды и т.д.

Что же касается механизмов, существующих на всех уровнях японской экономики и позволяющих вводить в процесс принятия решений элементы «организации», то их действие основано на глубоко укоренившихся в национальном сознании социокультурных ценностях, таких, как превосходство группы над индивидом и коллективных целей над личными, акцент на гармонии и консенсусе, готовность к разделению риска, издержек и прибылей, взаимное доверие, предпочтение долговременных связей.

Региональное планирование в Японии

И.Л. Тимонина

Во второй половине 80-х годов министерство внешней торговли и промышленности Японии (МВТП) провозгласило 90-е годы «эрой регионального развития». Этот лозунг означал, что стратегия ускоренного развития относительно отсталых районов страны, «физическая реконструкция» всей территории Японии должны стать в наступившем десятилетии в ряд национальных приоритетов экономики и общества.

Приход «эры регионального развития» часто прямо связывают с так называемым «реконструктивным бумом» в Японии. Действительно, рубеж 80–90-х годов ознаменовался всплеском активности в строительстве всевозможных информационных и «высоко-функциональных» городов, телепортов, торговых и курортных комплексов, крупных транспортных объектов (мостов, тоннелей, аэропортов), высокотехнологичных и научных «парков» и «садов», «экополисов» и т.п. в дополнение к более чем двум десяткам технополисов, которые начали строиться ранее в рамках долгосрочной, крупномасштабной программы первой половины 80-х годов¹.

К концу 80-х годов в стадии разработки и реализации находилось несколько сотен проектов строительства территориально-функциональных образований, разбросанных по всей стране и охватывающих практически все сферы экономики и жизни японского общества.

Местные средства массовой информации широко обсуждали эти проекты. Японский опыт решения региональных проблем на основе строительства разнообразных территориальных комплексов привлек внимание зарубежных журналистов и исследователей. Так, в 1986 г. в Нью-Йорке вышло подробное исследование Ш. Тацуно «Стратегия — технополисы». Целый ряд публикаций о японских технополисах, телепортах и т.п. появился в 80-е годы

¹ Подробнее о программе «Технополис» см.: Япония 1988. Ежегодник. М. 1989, с. 109–122. Телепорт — информационно-коммуникационный комплекс.

и в России⁴. Более того, в России разрабатываются проекты своих технополисов в Зеленограде, Комсомольске-на-Амуре и др. и технопарков (например, на территории Всероссийского выставочного центра в Москве). Этот интерес вполне оправдан, но обилие публикаций по проблемам территориально-функциональных образований в Японии при почти полном отсутствии исследований по региональной политике японского правительства в целом⁵ и ее стержневого элемента — регионального планирования приводит к тому, что у читателя может создаться впечатление, что эти проекты и есть региональная политика. Однако, это неверно. Образно говоря, «большие проекты», как еще именуют технопарки, городки и т.п., — лишь надводная, хотя и, безусловно, наиболее заметная часть айсберга, называемого региональной политикой.

Более того, «реконструктивный бум», о котором идет речь, был вызван не только и не столько мерами правительства по регулированию региональных пропорций, а, скорее, причинами конъюнктурного характера. Длительный экономический подъем привел к определенному избытку капиталов. Одной из сфер их приложения стало строительство крупных объектов. К тому же при благоприятной экономической конъюнктуре государство смогло направлять значительные бюджетные средства на так называемые «общественные работы», т.е. в инфраструктуру, в том числе и строительство территориально-производственных комплексов. По расчетам четвертого комплексного плана развития территории страны, правительством намечалось выделить на эти цели до 2000 г. около 1000 трлн. иен.

Росту инвестиций в крупные проекты в конце 80-х годов способствовали также меры правительства в сфере денежного обращения, направленные на расширение капиталовложений и переориентацию экономики с внешнего на внутренний спрос. Таким образом, правительство стремилось нейтрализовать отрицательные последствия повышения курса иены.

Конечно «реконструктивный бум» объективно способствует и решению проблем регионального развития, поэтому «большие проекты» стали важной частью регионального планирования конца 80-х годов. Многие объекты запроектированы или уже строятся на периферии, давая стимулы к развитию местных экономик. Однако нынешний экономический спад ставит под сомнение дальнейшую судьбу многих проектов.

В то же время независимо от конъюнктурной ситуации в Японии давно функционирует хорошо отлаженная и четко структурированная система го-

² См., например: Япония: проблемы научно-технического прогресса. М., 1986; Япония 1988. Ежегодник. М., 1989; *Тижонина И.Л.* Япония: опыт регионального развития. М., 1991; Япония сегодня 1992, № 7.

³ Исключение составляет коллективная монография «Япония: региональная структура экономики» (М., 1987), где данной проблеме была посвящена одна из глав.

сударственной региональной политики, являющаяся неотъемлемой частью государственного экономического регулирования. Вместе с тем она — достаточно гибкая и способна воспринимать новые реалии. Региональная экономическая политика представляет собой систему мероприятий правительства по регулированию размещения производительных сил на территории страны и сбалансированного развития регионов.

Ключевым элементом этой системы является планирование регионального развития. Оно уходит корнями в далекое прошлое. Губернаторы периода Камакура (1192-1333) строили императорские деревни и прокладывали дороги, а при сёгунате Токугава (1542-1616) местные феодалы возвели более 30 городов-замков, заложивших фундамент крупнейших городов современной Японии. Первым среди городов-замков стал Эдо — будущая столица страны, который уже тогда развивался по плану и был разделен на несколько функциональных секторов. По приказу Токугава были проведены крупные строительные работы. Феодалы предоставляли рабочую силу для прокладывания каналов, засыпки болот, строительства дорог, мостов, портов⁴.

Начиная с эпохи Мэйдзи (1867-1912) можно говорить о зарождении современного регионального планирования. Конечно, оно не было общенациональным и комплексным, но отдельные ростки и элементы, составившие в будущем, уже после второй мировой войны, систему, обнаружить можно. Как известно, в эпоху Мэйдзи происходила централизация власти и экономических функций. Одновременно складывалась двухполюсная территориальная структура развития «центр-периферия». Отсталой периферией были о-в Хоккайдо и район Тохоку. Правительство уже тогда осознало необходимость помощи этим территориям, что и стало одним из направлений региональной политики и планирования.

В 1871 г. был принят первый 10-летний план колонизации Хоккайдо. В результате население острова увеличилось с 60 тыс. до 240 тыс. человек, было освоено около 17 тыс. га земель. Затем такая практика стала обычной (до второй мировой войны было принято и реализовано шесть планов)⁵.

Осуществлялось государственное финансирование региональных программ, выделялись средства на работы по улучшению земель, строительство дорог, пособия переселенцам. Создавалась и организационная структура: в 1882 г. было учреждено управление работ на Хоккайдо⁶.

Позже (с 1927 г.) стали разрабатываться планы помощи району Тохоку. В 1935 г. было образовано временное управление стимулирования Тохоку. Интересно, что уже тогда стала использоваться форма организации помощи регионам через специальные акционерные общества. В том же году прави-

⁴ Тацуно Ш. Стратегия — технополисы. М., 1989, пер. с англ., с. 138-144.

⁵ Ацуси Сато. Нихон-но тиики кайхацу (Региональное развитие Японии). Токио, 1965, с. 4-13.

⁶ Там же.

тельство создало две компании: Общество содействия промышленному развитию Тохоку и акционерную компанию развития энергетики Тохоку⁷.

Вторым важнейшим направлением региональной политики, начиная с эпохи Мэйдзи, стало планирование городов. В 1888 г. был опубликован проект перепланировки некоторых районов Токио, а в 1919 г. были приняты законы о планировании городов и строительстве в районах сложившейся городской застройки. На их основе планирование городов стало впоследствии оформляться юридически, технически, организационно.

В конце 30-х — начале 40-х годов региональная политика японского правительства была довольно активной, хотя и специфичной, так как проводилась практически полностью в интересах милитаризации хозяйства. Так, в целях рассредоточения производственных мощностей формировались новые индустриальные центры за пределами уже фактически сложившихся к тому времени тихоокеанского промышленного пояса. Поскольку сельскохозяйственные продукты поступали преимущественно из колоний, возникла идея «индустриализации сельскохозяйственных районов», и такой эксперимент был проведен в районе Хокурику. Развивались также районы, где располагались военно-морские базы (например, западный Хонсю) и территории вокруг портов, через которые поступало сырье с оккупированных территорий (например, район Санъин в юго-западной части Хонсю). В предвоенные и военные годы усилилась геологоразведочная деятельность на Хоккайдо, были развернуты работы по обеспечению сырьевой базы металлургической промышленности острова, которая не покрывала своих потребностей за счет местных рудников⁸.

В период послевоенного восстановления (1945-1955) были созданы основы для региональной политики и планирования в масштабах всей страны крупных экономических районов.

Цели и содержание планирования полностью определялось задачами восстановления разрушенного хозяйства, преодоления дефицита продовольствия и ресурсов. Сама территория Японии во время войны сильно пострадала. Были разрушены крупные города (жилой фонд сократился на 2300 тыс. домов), транспортные и другие коммуникации, находились в запустении и многие сельскохозяйственные районы. В этих условиях первоочередной задачей в области регионального планирования стало восстановление городов. Уже в первые послевоенные годы было принято несколько планов градостроительства, которые, однако, были реализованы лишь частично. Так, долгосрочный план строительства жилья даже к 1959 г. был выполнен менее,

⁷ Там же, с. 13-20.

⁸ См.: послесловие Попова К.М. к книге: *Треварта Г. Япония. Физическая и экономическая география*. М., 1949, с. 489-602.

чем на 1/3⁹. Такая же судьба была уготована и планам поддержки мелких и средних городов в провинции и планам освоения земель в пострадавших сельских районах. Причиной тому было, конечно, тяжелое экономическое положение и нехватка средств.

В этих условиях процессы территориального размещения населения, промышленности и транспорта развивались стихийно. Региональная политика (в частности планы застройки разрушенных городов) финансировалась по остаточному принципу. Да это и не могло быть иначе, поскольку все ресурсы направлялись прежде всего в промышленность. И такой подход закрипился в экономической политике японского правительства и в последующие десятилетия, что привело к возникновению серьезных структурных диспропорций (разрыву в уровнях развития центральных и периферийных районов, отставание инфраструктуры), со всей полнотой обнаружившихся на рубеже 60-70-х годов.

Однако, если на практике региональная политика была настолько вялой, что о ней едва ли можно всерьез говорить как о самостоятельном направлении экономической политики в целом, то в развитии теории и методики регионального планирования были сделаны чрезвычайно важные шаги.

Трудно поверить, но уже в 1945 г. департамент национальной территории министерства внутренних дел разработал «Основной курс планирования национальной территории». В 1947 г. были подготовлены «Основные принципы по составлению планов развития для районов», где впервые были конкретно выделены единицы планирования (префектура «фу-кэн», специальный район — «токутэй тиики», район — «тихо», состоящий из нескольких префектур). В «Принципах» также определялись цели и структура планов, ответственные органы¹⁰.

В марте 1947 г. правительство учредило Совет по национальной территории — исследовательский и консультативный орган по вопросам планирования территории, подчиненный непосредственно премьер-министру.

Важнейшим событием послевоенного периода с точки зрения регионального планирования стало принятие в 1950 г. Основного закона о комплексном развитии национальной территории. Этот закон впервые юридически оформил идею развития территории страны, комплексно определил структуру и соподчиненность отдельных уровней планирования (вся территория — большие районы — города и префектуры) и таким образом стал необходимой ступенью для подготовки государственного комплексного плана в указанной области.

С середины 50-х годов, когда Япония вступила в новый этап экономического развития началась следующая фаза региональной политики. Рени-

⁹ Исияма Хисанори, Кайдзай тири гаку (Экономическая география). Токио, 1976, с. 293.

¹⁰ Тиики кэйкаку-но рэкиситэки хаттэн (Историческое развитие регионального планирования). Токио, 1989, с. 20-22.

индустриализация в 50-60-е годы проходила преимущественно на экстенсивной основе и сопровождалась промышленным строительством таких масштабов, которые делали невозможной дальнейшую концентрацию производственных мощностей в крупных городах тихоокеанского промышленного пояса. В то же время в непрерывной гонке индустриализации периферийные районы все более отставали от центра, что помимо всего прочего порождало целый комплекс социальных проблем. В этот период, как никогда ранее, необходимо было внести плановые элементы в процесс размещения производительных сил и развития регионов. Региональная политика стала самостоятельным направлением государственно-монополистического регулирования экономики. Были определены долгосрочные цели и концепции, оформлена юридическая и организационная база, отработан порядок подготовки и реализации планов и программ, система финансирования. Конечно, все эти структурообразующие элементы планирования постоянно совершенствовались и дополнялись, но в целом можно утверждать, что система регионального планирования сложилась в 50-60-е годы.

Тогда же были сформулированы общие цели государственной региональной экономической политики: более рациональное размещение производительных сил на территории страны; смягчение хозяйственных диспропорций между различными экономическими районами; обеспечение примерно равных условий жизнедеятельности населения по всей территории страны; создание и сохранение благоприятной для жизни людей окружающей среды, комплексное и эффективное использование природных ресурсов¹¹.

Решение указанных задач остается на повестке дня и в наши дни. Это объясняется, прежде всего тем, что существо проблем регионального развития, которые, абстрагируясь от частных, сводятся к разрыву между центром и периферией со всеми вытекающими отсюда последствиями, остается неизменным на протяжении десятилетий. Меняются лишь количественные показатели, характеризующие этот лаг. Подтверждением этого тезиса могут служить данные бюро планирования и координации Управления национальной территории, которые были опубликованы в качестве справочного материала к четвертому плану комплексного развития национальной территории. В 1970 г. на три наиболее развитых экономических района Японии — Канто, Тюбу и Кинки¹² — приходилось 73,7% всех отгрузок промышленной продукции, а к 1985 г. доля этих районов выросла до 76,2%. В тексте плана приводится сравнение уровня жизни населения в городских и сельских рай-

¹¹ Япония: региональная структура экономики. М., 1987, с. 164.

¹² В экономический район Канто входят префектуры Ибараки, Тотиги, Гумма, Сайтама, Тиба, Токио, Канагава, Яманаги; в Тюбу — Токаяма, Итикава, Фукуи, Нагано, Гифу, Сидзуока, Айти, Мие; в Кинки — Сига, Киото, Осака, Нара, Вакаяма.

онах Японии¹³ за те же годы по пяти позициям: уровень доходов, возможности получения работы, образования, общения, строительства жилья. Приведенные там расчеты свидетельствуют, что разрыв в пользу городских районов по первым четырем позициям, несмотря на некоторое сокращение в 1985 г. по сравнению с 1970 г., тем не менее сохраняется¹⁴.

Цели региональной политики реализуются путем принятия и выполнения различных планов как общеэкономических, так и специальных. В первых вопросы регионального развития, как правило, решаются попутно и находятся в тени основных проблем. Специальные планы регионального развития не имеют четкой пирамидальной соподчиненности ни по масштабам охвата территории, ни по ведомственной принадлежности, взаимодействуя по горизонтали, сложным образом переплетаясь и дополняя друг друга. Рассмотрим основные звенья этой структуры.

Наиболее полное выражение проблемы размещения производительных сил и развития регионов находят в «планах комплексного развития территории страны». К настоящему времени в Японии было принято четыре таких плана. По сути, они представляют собой основной курс региональной политики Японии на 10-15 лет и содержат изложение взглядов правительства на текущие проблемы, общую концепцию и цели как по отношению к развитию территории страны в целом, так и по региональным блокам и так называемым «специальным территориям»¹⁵. В планах также в самом общем виде перечисляются основные направления реализации политики. Комплексные планы не содержат конкретных программ и проектов размещения производительных сил и развития регионов. Нет в них и контрольных цифр развития. Функция таких планов состоит в том, чтобы довести до сведения министерств и ведомств, властей различного уровня, предпринимателей точку зрения правительства и дать основные ориентиры. Среди них — целевые показатели по структуре промышленности и занятости по региональным блокам, уровню жизни по регионам и т.п.

Разработкой планов занимается межведомственный совет, по поручениям и заказам которого отдельные блоки плана, подготовительные материалы и расчеты выполняют различные государственные и частные исследова-

¹³ К преимущественно городским авторы относят следующие префектуры: Сайтама, Тиба, Токио, Канагава, Тифу, Айти, Миз, Киото, Осака, Хиого, Нара; к преимущественно сельским — все остальные.

¹⁴ The Fourth Comprehensive National Development Plan. Tokyo, 1987, табл. 6.

¹⁵ Региональные блоки — это 10 основных экономических районов страны: Хоккайдо, Тохоку, Канто, Тюбу, Хокурику, Кинки, Тюгоку, Сикоку, Кюсю, Окинава. По определению Основного закона о комплексном развитии территории страны 1950 г. (ст. 10), специальные территории в силу особенностей своего развития требуют особой правительственной политики по отношению к себе. В IV плане в качестве специальных выделены районы «смежного пояса», отдаленные острова и полуострова. Географического перечня в плане нет, определены лишь критерии выделения названных видов территорий.

тельские организации. При этом составители плана опираются на программы развития смежных сфер, которые так или иначе взаимодействуют со сферой региональной политики. Наиболее тесные горизонтальные связи комплексные программы имеют с планом использования национальной территории, представляющим собой изложение политического курса правительства в области землепользования (разрабатывается Управлением национальной территории) и планами размещения производительных сил, которые готовятся соответствующими подразделениями МВТП. Естественно, межведомственный совет активно контактирует с соответствующими министерствами и организациями.

Обработав проект, межведомственный совет передает его в консультативный совет планирования комплексного развития при Управлении национальной территории, куда входят несколько десятков видных специалистов. Последний представляет правительству свое заключение по содержанию проекта. На основе этих рекомендаций кабинет министров, пользуясь правом административного усмотрения, своим указом утверждает проект в качестве официального документа.

Комплексные программы имеют огромное методологическое и концептуальное значение. В комплексном плане, принятом в 1962 г. на 1960-1970 гг., впервые в Японии была провозглашена концепция, названная «методами развития с помощью опорных пунктов» («кётэн кайхацу хосики»), или «полюсов роста». Суть ее состоит в том, что в относительно отсталых районах создаются новые территориально-производственные комплексы, вокруг которых затем идет развитие окрестного района. В японском варианте «полюсами роста», по замыслу первого комплексного плана, стали так называемые «новые промышленные города» и «специальные промышленные зоны», где при финансовой поддержке правительства должны были строиться крупные комплексы инфраструктурных объектов и концентрироваться производства тяжелой и химической промышленности, связанные с первичной переработкой импортного сырья.

Указанная концепция стала основополагающей для региональной политики японского правительства и остается таковой до настоящего времени. Конечно, в зависимости от конкретной экономической ситуации, особенностей того или иного этапа развития, стратегических общеэкономических целей облик самих полюсов роста меняется, и это ясно прослеживается по планам комплексного развития территории страны.

Так, в плане, принятом в 1969 г. и рассчитанном на 1969-1985 гг., при сохранении общего курса на создание «полюсов роста» был сделан упор на их реализацию именно в отдаленных районах и было сокращено общее число новых территориально-производственных образований.

В дополнение к концепции там была выдвинута стратегия «развития на основе больших проектов» («дай кибо кайхацу пуроджэкто хосики»). Имелись в виду проекты создания новых сетей информации и связи, воздушного транспорта, «синкансэн», скоростных автомагистралей, портов; проекты промышленного развития (производственные и транспортные базы); проекты сохранения и обустройства окружающей среды (базы отдыха, объекты водочистки, защиты от стихийных бедствий и т.п.)¹⁶.

Идея «больших проектов» оказалась очень жизнеспособной. На каждом витке научно-технического прогресса и экономического развития она впитывала новое содержание и получила воплощение в 80-е годы. «Интеллектуальные небоскребы», телекоммуникационно-исследовательские парки, транспортные и туристические терминалы и многое другое — все это не что иное как «большие проекты» 80-х годов.

Создание новых промышленных городов и специальных промышленных зон, как это было предусмотрено двумя планами комплексного развития территории, оказало положительное воздействие на периферию. Хотя эти планы и не были выполнены полностью, но тем не менее «полюса роста» способствовали некоторому снижению концентрации промышленного производства в наиболее насыщенных приморских зонах самых развитых экономических районов — Канто и Кинки. Одновременно оживилась экономика Тохоку, Хокурику, Санъин, Санъё, Синоку, юга Кюсю, т.е. относительно менее развитых частей страны, что прослеживается по динамике такого обобщающего показателя, как отгрузка продукции обрабатывающей промышленности.

Дальнейшую судьбу концепции развития «полюсов роста» определила начавшаяся в первой половине 70-х годов структурная перестройка промышленности. Коренной поворот в сторону преимущественного развития наукоемких отраслей сделал неактуальным строительство новых центров промышленности по переработке первичных ресурсов, каковыми по сути являлись «полюса роста» 60-х — начала 70-х годов. Стало ясно, что на фоне серьезной перестройки всей экономики концепция регионального развития также нуждается в коррекции. Поиски нового пути привели к тому, что в 1977 г. в третьем плане комплексного развития территории страны (1976-1990) во главу угла были поставлены проблемы размещения населения, а «полюса роста» превратились в так называемые «зоны интегрированного расселения» (ЗИР). По определению третьего плана, ЗИР — это несколько общин, каждая из которых состоит из 50-100 семей, живущих по соседству. Такие зоны расселения, создаваемые в периферийных районах, должны были стать базовыми единицами регионального развития. Вообще сама идея ЗИР представляется довольно расплывчатой. Она оказалась практически не связанной с развитием новых производств, науки и техники. Отражая черты переход-

¹⁶ Тиики кэйкаку-но рэкиситэки хаттэн, с. 26.

ного этапа и трудного процесса переоценки ценностей в экономической стратегии в целом и региональной политике в частности, она оказалась мертворожденной, и к созданию ЗИР во многих местах практически не приступали.

Между тем поиски новых путей регионального развития продолжались. Наконец, в 1980 г. МВТП опубликовало концепцию «технополисов», согласно которой «полюсами роста» в относительно менее развитых районах страны должны были стать научно-производственные комплексы, базирующиеся на высоких технологиях и производствах и имеющие благоприятную и современную жизненную среду.

Программа «Технополис» отработывалась параллельно с подготовкой нового четвертого плана комплексного развития территории. Когда последний был опубликован в 1987 г., многие технополисы уже функционировали. В самом же плане концепция регионального развития предстала в виде мультиполярной модели использования территории. Суть ее — в рассредоточении всех функций центра (не только производственных, но и исследовательских, коммуникационных, информационных, управленческих и др.) по другим, «полярным» регионам.

Таким образом, даже краткий обзор истории комплексных планов убеждает в том, что уже на протяжении более чем 30 лет они развивают концептуальные основы регионального планирования в общенациональном масштабе и дают ориентиры для подготовки программ по отдельным направлениям регионального развития, а также локальных планов, разрабатываемых местными властями.

Следующий уровень — это планирование «больших районов», под которыми в настоящее время подразумевается 10 экономических районов Японии¹⁷. Планы по экономическим районам, за исключением Хоккайдо и Окинавы, составляются в отделе регионального планирования Управления национальной территории. Планирование развития Хоккайдо и Окинавы находится в ведении специальных самостоятельных управлений этих районов, подчеркивает их специфику и наличие особых проблем.

Законодательной базой для планирования развития на уровне экономических районов является закон о комплексном развитии территории страны 1950 г. (ст.8), а также ряд законов о развитии отдельных крупных районов, таких, как Хоккайдо (принят в 1950 г.), столичный регион (1956 г.), Тохоку (1957 г.), Кюсю (1959 г.), Хокурику, Тююку и Сикоку (1960 г.), Кинки (1963 г.), Тюбу (1966 г.), Окинава (1971 г.).

Основные планы обустройства содержат общие направления развития данного района на 10–15 лет. Они тесно увязаны с планами комплексного раз-

¹⁷ Система экономического районирования несколько раз менялась за последние 30 лет, поэтому в разные годы число районов и их состав были различными.

вития территории страны и, по сути, каждый из них является конкретизацией той части комплексного плана, которая относится к данному региональному блоку. В свою очередь планами для экономических районов, как сказано в законах, должны руководствоваться или по крайней мере учитывать их заинтересованные органы и местные власти.

Как известно, региональная система управления в Японии имеет два уровня: префектурный и муниципальный. Каждая префектура охватывает несколько муниципалитетов, координируя и дополняя их деятельность. Хотя местные власти действуют на основе бюджетных программ на год, для определения перспектив развития необходимо и более долгосрочное планирование. Поэтому каждая префектура разрабатывает свой собственный долгосрочный план развития, предусматривающий самые разнообразные аспекты деятельности — от проблем экономики и промышленной структуры до здравоохранения и благосостояния граждан.

Подобное планирование должно сводить воедино идеи, содержащиеся в отдельных планах, и обеспечивать координацию различных уровней плановой деятельности, в том числе приводить в соответствие общенациональные планы развития и локальные программы префектур и муниципалитетов.

В то же время в реальной действительности степень скоординированности планов сравнительно невысока. Отсутствует их строгая вертикальная соподчиненность, т.е. совсем необязательно, чтобы план развития города был частью плана развития префектуры, в которой он находится. Как правило, «вышестоящие» планы являются лишь общими ориентирами для «нижестоящих». Особенно это касается долгосрочных планов, которые имеют не директивный, а больше индикативный характер.

Более тесно скоординированы префектурные и муниципальные планы работ по годам, так как они увязаны с ежегодными бюджетными программами.

Локальные планы развития составляются на основе уже упоминавшегося нами закона 1950 г., а также закона о местной автономии. Выполняют эту работу департаменты и отделы планирования, имеющиеся в префектуральных управлениях и муниципалитетах. На местах также имеются консультативные советы по комплексному развитию территории. Для подготовки долгосрочных программ создаются и специальные временные органы.

Планы развития, составляемые в префектурах и муниципалитетах, отличаются большим разнообразием как по набору объектов планирования, так и по срокам. В большинстве случаев на префектуральном уровне общие планы состоят из трех основных частей: долгосрочного прогноза, или «базовой концепции» (на 25-50 лет), среднесрочного «базового плана» (8-10 лет), в котором конкретно воплощена предложенная концепция, и краткосрочной «программы внедрения» на 3-5 лет. Иногда роль краткосрочной про-

граммы выполняет годовой бюджетный план. В некоторых префектурах составляются планы и для ее отдельных районов, что также предусмотрено законом 1950 г.

Рассмотрим теперь несколько конкретных региональных планов, которые могут дать представление о том, как реализуются идеи локального планирования на практике.

Обратимся для начала к опыту преф. Осака¹⁸, являющейся ядром одного из самых развитых экономических районов Японии — Кинки.

В 1991 г. был принят новый комплексный план¹⁹, в котором определены общие перспективы развития префектуры до 2025 г., а также более конкретные целевые установки до 2001 г. План составлен по секторно-территориальному принципу. В нем намечены направления развития по отдельным социально-экономическим блокам (наука, культура, природная среда, инфраструктура, промышленность, информация и т.д.) и пяти территориям, включая г. Осака. В каждом из указанных разделов содержится список основных проектов, соответствующих поставленным целям.

В дополнение был разработан план мероприятий, который, как сказано в преамбуле, «должен разъяснить, каким образом будут решаться среднесрочные задачи (до 2001 г.), поставленные в комплексном плане»²⁰. По сути, это — полный перечень мероприятий и проектов с указанием сроков их реализации, источников финансирования, участников, схемами и картами.

Для г. Осака (Осака-си) составлен свой генеральный план, предусматривающий строительство «нового города XXI века». Первая часть генплана («Идея») содержит долгосрочные цели развития до середины следующего столетия, состоящие в достижении гармонии трех элементов: жилья, работы и отдыха. Вторая часть («Планы») раскрывает направления развития до 2005 г. в области здоровья и безопасности населения, образования и культуры, экономики и промышленности городской инфраструктуры и международных связей. В этой части названы и конкретные проекты, которые будут определять новое лицо города, например, технопорт, новый международный аэропорт Кансай, международный торговый центр азиатско-тихоокеанской торговли, научный городок Кансай и др.²¹.

Конечно, префектурный и городской планы связаны между собой и, кроме того, проникнуты духом и идеями четвертого плана комплексного развития территории страны. Например, в одном из вводимых разделов генерального плана для г. Осака, который называется «Национальная структура

¹⁸ По японскому административному делению, г. Осака с городами спутниками является особой префектурой — Осака-фу.

¹⁹ Осака-фу сип сого кэйкаку. Осака, 1991.

²⁰ Осака-фу сисаку кэйкаку. Осака, 1993, введение.

²¹ Osaka City Comprehensive Plan for the 21st Century. Osaka, 1991.

в XXI веке», прямо указывается, что план составлен на базе концепции, провозглашенной в четвертом плане. По мнению составителей, «Осака будет играть решающую роль в движении Японии от монополярной концентрации в Токио к мультиполярной, децентрализованной национальной структуре»²².

Префектурный и городские планы пересекаются в содержательной части, многие проекты входят одновременно и в тот и в другой. На деле это означает, что они находятся под патронажем двух властей — префектурного управления и муниципалитета.

Важное место в планах развития префектур и городов занимает определение порядка финансирования и состава участников тех проектов, которые включены в генпланы.

Финансирование региональных проектов осуществляется по нескольким каналам. Часть программ, относящихся в первую очередь к коммунальному хозяйству и социальной инфраструктуре (водопровод и канализация, транспортная сеть и т.п.), финансируется за счет местных бюджетов, в том числе с использованием средств, перечисляемых из центрального бюджета и по линии государственной программы займов и инвестиций. Для других проектов предусматривается косвенное финансирование: льготное кредитование, полное или частичное освобождение от налогов. Причем крупные проекты, имеющие общенациональное значение и входящие не только в локальные планы развития, но и в одну из общегосударственных программ (в Осака таковыми являются международный аэропорт Кансай, технопорт и некоторые другие), могут пользоваться льготами, предоставленными центральным правительством (например, кредиты Японского банка развития, снижение государственных налогов) и местными властями.

В настоящее время все более отчетливо заметно стремление правительства и местных властей вовлечь в реализацию региональных проектов частный сектор, сократить их финансирование из общественных фондов. Так, в докладе «консультативной группы по вопросам трансформации экономической структуры в целях достижения международной гармонии», широко известном, как «план Маэкава» (опубликован в мае 1987 г.), прямо выдвигается требование обеспечения прибыльности крупных проектов, связанных с реконструкцией городов, освоением и использованием местных ресурсов, развитием информационной структуры. Признается необходимым совершенствование системы гибких стимулирующих мер в направлении предоставления большей самостоятельности частному сектору и местным властям, упорядочение государственного кредитования, разделения доходов от освоенных объектов, выдачи лицензий на пользование государственной землей.

²² Ibid., p. 6.

Активно поощряется деятельность так называемого «третьего сектора», который представляет собой сотрудничество общественного и частного секторов, оформленное в виде акционерных обществ, корпораций со смешанным капиталом, фондов, обществ, которые как раз и стали едва ли не главной организационной формой реализации проектов регионального развития. Очевидно, что такой подход позволяет использовать технические и финансовые возможности частного сектора в данной сфере.

Степень участия той или иной префектуры в региональном планировании, конечно, во многом определяется позицией местных властей, а часто и глав местной администрации, особенно в свете стремления центрального правительства предоставить большую самостоятельность регионам, причем не только с точки зрения экономии средств госбюджета, но и превращения самих префектур из объектов в активно действующих субъектов региональной политики.

В этом смысле показателен пример преф. Канагава, где администрация с 1975 г. активно занимается социально-экономическим планированием. В 1978 г. там был принят первый новый план Канагава, а в 1990 г. — второй. По словам Такао Кубо, бывшего в 1987-1991 гг. вице-губернатором префектуры, а в настоящее время являющегося президентом научного парка Канагава²³, необходимость составления второго плана была вызвана, во-первых, тем, что в последнее десятилетие произошли серьезнейшие перемены в окружающем мире, более четко оформились пути перехода к обществу XXI века, обозначились новые тенденции общественного развития, такие, как старение населения, прогресс информационного общества, интернационализация, технологические инновации, растущий плюрализм общественной жизни. Во-вторых, в плане сделана попытка представить идеальный вариант жизни граждан, материальную окружающую среду и социальную систему префектуры в будущем. В-третьих, разработка нового плана во многом была связана с необходимостью координации и регионализации плановой политики администрации, так как к этому времени префектура буквально тонула под натиском различных концепций²⁴.

Второй новый план Канагава состоит из четырех разделов: базисная концепция, базисный план и программа внедрения, представляющие собой три временных горизонта планирования и регионального по шести блокам (район Иокогама-Кавасаки, п-в Миура, Центральный район префектуры, Сэкаи, Цукуи и Западный район).

Все конкретные программы развития префектуры, такие, как научный парк Канагава, технопорт в Иокогама «Минато Мирай XXI» и многие дру-

²³ Kanagawa Science Park (KSP) — один из крупных проектов по созданию научно-промышленной базы нового типа.

²⁴ Цит. по: Префектура Канагава: успехи регионального управления, М., 1992, пер. с япон., с. 17-18.

гие, по замыслу администрации, должны осуществляться в рамках основного плана. Для реализации его важнейших целей одним из приоритетных направлений стало проведение научно-технической политики, включающей в качестве составных и тесно взаимосвязанных друг с другом частей отдельные программы по науке и технике, экологии и новый план по развитию промышленности²⁵.

На уровне муниципалитетов средних и мелких городов перспективные планы развития разрабатываются не всегда. Обычно городские власти в длительной перспективе руководствуются префектуральными планами. Однако здесь опять-таки многое зависит от позиции властей. Например, муниципалитет сравнительно небольшого г. Кусацу (население в 1990 г. — 94 766 человек) регулярно составляет десятилетние комплексные планы. Для этого создан специальный комитет по комплексному планированию, куда приглашаются крупные специалисты. В 1991 г. был опубликован уже третий план на 1991-2000 г.²⁶.

Особое место в планах регионального развития Японии занимает столичный регион. В соответствии с идеями и целями четвертого плана комплексного развития территории страны Токийский метрополис будет все более превращаться в «глобальный», «международный» город — финансовый, деловой, информационный центр бассейна Тихого океана, поэтому правительство страны вновь и вновь возвращается к идее рассредоточения его функций как столицы страны по «полярным» регионам. Для этого, как считают авторы плана, необходимо продолжить политику перемещения промышленности, исследовательских и управленческих функций из столицы в другие регионы.

Конечно, не остается без внимания и будущее самого Токийского метрополиса. В 1991 г. токийский муниципалитет принял третий комплексный план развития до 2000 г., нацеленный, по словам мэра С. Судзуки, на существенную реорганизацию региональной структуры японской столицы, установление более рациональной системы землепользования, сбалансированное развитие центральной и прибрежной частей Токио. Третий план включает 10 направлений, среди которых строительство 350 тыс. жилых домов, создание современных систем переработки отходов и защиты от землетрясений, совершенствование транспортной сети и системы здравоохранения и социального обеспечения. Кроме того, намечается комплексное обустройство некоторых районов в качестве новых субцентров большого Токио. Это — проект динамичной независимой городской среды с собственной «индивидуальностью и очарованием» в р-не Тама и проект преобразования прибрежной зоны «Токио фронтье» со строительством телепорта Токио. Указанные

²⁵ Там же.

²⁶ Кусацу-си сого кэйкаку (Комплексный план г. Кусацу). Кусацу, 1991, с. 41.

районы должны, по замыслу, служить своего рода образом городской застройки будущего, обеспечивающим одновременно выполнение все более усложняющихся функций Токио как одного из ведущих мировых городов и представляющих необходимые удобства жителям²⁷.

В план также включен список конкретных проектов (19) с обозначением сумм, выделяемых на их реализацию городским бюджетом и общественными предприятиями²⁸.

Помимо комплексных планов развития всей территории Японии как единого целого и ее отдельных частей (экономические районы, префектуры, города), в структуру регионального планирования входят проекты и программы, которые предусматривают строительство объектов инфраструктуры в различных пунктах страны, образующих своего рода функциональные сети. Руководствуясь перечнем министерства строительства, опубликованным в 1993 г. и включающим 150 проектов, можно подразделить их на несколько групп.

Во-первых, это — проекты, нацеленные на создание новой информационной сети и предусматривающие строительство информационно-коммуникационных комплексов, где на ограниченном пространстве будут располагаться информационный центр, административные здания, представительства компаний, культурная и жилая зоны, морской порт или аэропорт. В их задачи входит обеспечение эффективной интеграции потребителей и производителей информации, современной международной связи (в том числе спутниковой), предоставление пользователям сложных информационно-коммуникационных услуг, выход на международный рынок знаний. С помощью оптоволоконных кабелей эти комплексы будут соединены в единую сеть и подключены к другим информационно-коммуникационным сетям. Спутники свяжут «интеллектуальные небоскребы» с городами Азии и Северной Америки.

Другую группу составляют проекты строительства высоко-технологичных комплексов. К ним относится прежде всего программа «Технополис» (начата в 1983 г.). По этому проекту в стране создается 26 промышленно-научных городков — «технополисов», призванных стать опорными пунктами развития периферийных районов на базе высоких технологий. С 1986 г. реализуется программа «исследовательских ядер»: в 10 пунктах страны начали строиться исследовательские комплексы, включающие отлично оборудованные лаборатории, центры обучения и стажировки ученых, информационно-коммуникационные мощности, «инкубаторы» для венчурного бизнеса.

Привлечению промышленности в периферийные районы и повышению качественного уровня местных экономик должны способствовать и так на-

²⁷ В качестве объекта планирования, о котором пойдет речь ниже, в Токийский мегаполис входят 23 городских района Тама (26 городов, пять городков и одна деревня), о-ва Идзу и Огасапара.

²⁸ The 3rd Long-Term Plan for Tokyo Metropolis. Tokyo, 1991.

зываемые «территории содействия размещению», которые создаются в соответствии с Законом о «размещении мозгов» 1988 г. Этот закон предполагает распределить «мозги индустрии» в слабо развитых районах — в специальных «территориях содействия». Образное выражение «мозги индустрии» означает те виды бизнеса и инфраструктуры, которые требуются промышленности нового уровня (исследовательские лаборатории, информационные услуги, службы дизайна и т.п.). Значение этой части промышленной структуры, как известно, сейчас стремительно возрастает по сравнению с собственно производственными подразделениями. Поэтому не удивительно, что уже 17 территорий в самых различных уголках Японии подключились к этой программе.

Третью большую группу составляют программы развития транспортных сетей, предусматривающие строительство новых аэропортов, мостов, тоннелей, современных железнодорожных терминалов (22 проекта).

Еще 22 проекта относятся к планам создания и оборудования современных курортных зон на территории Японии.

Другие крупные группы проектов направлены на совершенствование торговой инфраструктуры, обустройство комфортабельной среды обитания («высокофункциональные» города), использование подземного пространства городов, достижение гармонии с окружающей средой в градостроительстве (экополисы).

Будут ли выполнены грандиозные региональные программы Японии? И помогут ли они хотя бы частично решить проблемы территориальных диспропорций и вступить в XXI век с обновленной производственной, информационной, социальной инфраструктурой, преобразованной провинцией и удобными и приятными для жизни городами-гигантами? Это покажет будущее.

Конечно, длительный конъюнктурный спад — не самое удачное время для реализации больших проектов. Ответом японских компаний на продолжающийся рост курса иены стало все более отчетливое стремление перемещать предприятия и капиталы не в провинцию, а за рубеж — в места с более низкими издержками.

В то же время в ряду мер, предпринимаемых правительством для оздоровления экономики и повышения деловой активности, предусматривались и финансовые инъекции в крупномасштабные строительные и промышленные проекты. Показателен факт относительного благополучия в строительной индустрии на фоне общей депрессии.

Во всяком случае независимо от колебаний конъюнктуры региональное планирование было и остается необходимым и весьма значительным элементом экономической политики. И, возможно, идея преобразования территории своей страны станет одной из ключевых в поисках новых путей дальнейшего развития экономики и всего японского общества.

Пожизненный наем как система мотивационного управления

Т.Н. Матрусова

Среди известных систем управления японская модель заметно выделяется своей спецификой, которая в течение двух десятилетий привлекает пристальное внимание зарубежных специалистов и практиков и с которой они во многом связывают экономические успехи Японии. Эта специфика прослеживается на всех уровнях руководства фирмой, начиная с управления организационными структурами и кончая контролем над персоналом. Отчасти интерес специалистов вызван тем, что любые проблемы управления в конечном счете упираются в решение задач руководства людьми, однако главным образом их привлекает тот факт, что специфика японской модели наиболее ярко проявляется в области управления персоналом.

В настоящее время мировая практика управления развивается под влиянием двух основных, во многом противоположных теоретических концепций, водораздел между которыми пролегает по принципам их отношения к человеку и к его месту в управленческой системе. Сторонники так называемого рационалистического подхода усматривают истоки экономической эффективности управления в предельной целесообразности технико-организационной структуры и отводят человеку весьма скромное, подчиненное место. Напротив, приверженцы гуманистической концепции сосредоточивают свое внимание на мотивационной сфере. Дискуссия, развернувшаяся между учеными в последнее время по поводу достоинств и недостатков каждого из типов управления, вновь затронули вопрос об особенностях японской управленческой модели прежде всего по причине ее предполагаемой иррациональности. Особую остроту в спор вносят многочисленные ученые «традиционалисты», исповедующие взгляды в духе теории «нихиндзинрон» и стремящиеся увидеть в японской нации исторически и социально-психологически обусловленную исключительность¹.

¹ Внушительный список этих ученых, несомненно, возглавляет Тири Наканэ благодаря широко известной книге, выдержавшей с 1970 г. семь изданий на английском языке. См.: *Nakane Chie. Japanese Society. Rutland-Nokyo, 1991.*

Им противостоит не менее авторитетная группа исследователей, которые считают, что теория «нихондзинрон» мешает с рациональных позиций объяснить механизм управления, основанный на пожизненном найме. Учитывая специфику Японии, они пытаются устранить предрассудки, сложившиеся благодаря усилиям «традиционалистов» и объективно вызванные общим состоянием гуманистической теории, сузить нишу для ее критики со стороны представителей рационалистического подхода².

Ученые, противостоящие идеям «нихондзинрон», которые по существу развивают положения гуманистической теории, называют себя рационалистами, пытаясь не только обособиться от чистых «традиционалистов», но и разглядеть то рациональное в японской модели, что ускользает от внимания их оппонентов. При этом они никоим образом не объединяют себя и со сторонниками другого, собственно рационалистического воззрения на проблемы управления, которые сводят их к вопросу об эффективном управлении структурами.

Нельзя не согласиться с мнением подавляющей части исследователей в том, что среди структур и механизмов самой яркой отличительной чертой японской системы управления является так называемая практика пожизненного найма. Ее необычность длительное время фиксировала внимание западных наблюдателей исключительно на механизме обеспечения персонала гарантий пребывания в японской фирме и ставила под сомнение вопрос о рациональности всей управленческой системы, основанной на подобном феномене. Закономерно высказывались опасения по поводу эффективности и гибкости системы, лишенной такого источника жизнеспособности, как подвижность рабочей силы. Вся японская модель управления рассматривается чуть ли не как исторический казус.

Американские авторы Т. Адамс и Н. Кобаяси настаивали, в частности, на том, что практика пожизненного найма чревата застоєм, ведет к переизбытку кадров, нерациональному использованию рабочего времени и в целом неэффективна. А примеров неэффективности японской системы управления, по их мнению, было довольно много³, особенно на государственных предприятиях, на которых также распространена система пожизненного найма.

Как и любая управленческая система, будучи подвержена воздействию со стороны внешней среды и следуя собственной логике развития, японская модель постоянно трансформируется. В ходе этого процесса в ней выявляются новые проблемы, органически присущие исходной концепции пожизненного найма и вносимые в нее извне. Они бывают столь остры, а их ре-

² Во главе этого направления стоит Киокэ Кадзуо, взгляды которого теперь также хорошо известны благодаря переводам его работ. — см.: Нихон-но Дзюкурэн (Квалификация в Японии). Токио, 1981.

³ Adams Thomas Francis Morton, Kobayashi Noritake. *The World of Japanese Business*. Tokyo, 1974; Yoshino Michael. *Y. Japan Managerial System. Tradition and Innovation*. Cambridge (Mass.) — London. 1968.

шения настолько кардинальны, что среди ученых и практических деятелей все чаще возникает вопрос о судьбе пожизненного найма. Будущее этой системы и сейчас представляет собой одну из актуальнейших тем в области управления трудом в современной Японии.

Однако чем дольше японская экономика демонстрировала высокие показатели, тем слышнее становились голоса в защиту самобытной системы пожизненного найма, с которой связывались эти успехи, тем настойчивее делались попытки понять причины уникального явления.

Первые попытки объяснить пожизненный найм в прямой связи с границами его распространенности и со структурой рынка труда в Японии лишь отчасти помогли понять истоки эффективности системы управления. Вместе с тем такой подход расширил понимание самого «пожизненного найма» и вплотную подвел к возможности увидеть движущие силы управленческой системы в Японии и роль человека в ней.

Как известно, границы применения практики пожизненного найма весьма расплывчаты. Статус постоянного работника, который предусмотрен Законом о труде Японии, не вносит ясности в этот вопрос. В соответствии с законом каждый, кто проработал на одном месте более двух месяцев, считается постоянно занятым (на конец 1991 г. они составляли 89,9% лиц наемного труда⁴). Не говоря о том, что это не может свидетельствовать о фактическом постоянстве занятости работника, закон не обеспечивает юридических гарантий стабильности положения работников в фирме. Отсутствует нормативная база для оформления соответствующих отношений с работниками и у самих фирм.

Права персонала на пожизненный найм не являются, таким образом, ни результатом их юридической оформленности в рамках трудового законодательства, ни следствием нормотворческой деятельности менеджмента, но определяются исключительно традициями сложившейся практики взаимоотношений между работниками и фирмой.

В различных фирмах охват персонала пожизненным наймом имеет свои особенности: в крупных компаниях к числу постоянных относится подавляющая часть кадров, в более мелких она может быть сведена до управленческого состава. В зависимости от того, какие факторы влияют на размеры границ распространенности этой практики, учитываемая доля лиц наемного труда, охваченная пожизненным наймом, в оценках разных авторов колеблется от 17 до 55%⁵.

Для понимания механизма пожизненного найма, как мотивационной управленческой системы, наличие этих границ, однако, гораздо более важно, чем точность их определения.

⁴ Родо токэй теса гэппо. 1991, N 11, с. 31.

⁵ Более подробно по этому вопросу см.: Япония: смена модели экономического роста. М., 1989, с. 102-103.

Итак, в Японии существуют разделенные между собой закрытый и открытый рынки, в пределах которых рабочая сила поставлена в различные условия с точки зрения стабильности найма. Это разделение обеспечивает привилегированность положения той части рабочей силы, которая попадает на закрытый рынок и которая таким образом однозначно привержена ценностям исторической традиции, развиваемым менеджментом. Закрытый рынок обуславливает существование вертикального типа структурирования японского социума с ориентацией на иерархию старшинства и группизм в рамках крупных компаний.

Открытый рынок Японии представляет собой своеобразный анклав относительно второсортной рабочей силы. Он создает базу для потенциального расслоения общества на страты, соподчиненность которых между собой не объединяет структуру, а скорее расчленяет ее на отдельные части. Картина этого расслоения очень сложна прежде всего потому, что оно связано с вовлечением мелкого бизнеса, составляющего открытый рынок, в сферу влияния крупного. Расслоение открытого рынка приводит к появлению категорий рабочей силы, представляющих ценность для крупных компаний, поэтому разделенность рынков не исключает их взаимодействия. Более того, такое взаимодействие жизненно необходимо для существования закрытой вертикальной структуры крупной компании, поскольку открытый рынок представляет для нее первый резерв подвижности труда и всей организации в целом.

Таким образом, если и приходится говорить о пожизненном найме как отличительной черте японской управленческой системы, то только при осознании того факта, что он существует лишь в сочетании с развитым институтом негарантированной занятости. По мнению профессора Н. Цуцуми из университета Рицумэйкан, японский стиль управления невозможно рассматривать исключительно в приложении к какой-либо одной группе, скажем, постоянных работников. Это — система управления кадрами, сложившаяся в современной практике японского предприятия в результате взаимодействия различных частей рынка труда⁶.

Механизм управления на основах пожизненного найма запускается в действие не только в сфере его непосредственного действия, но и в области открытого рынка рабочей силы. Весьма важно и то обстоятельство, что традиции подобных взаимоотношений менеджмента с персоналом, сколь разнообразными они ни были в конкретных условиях, представляют собой явление общенациональное, сформировавшееся на общей социально-культурной исторической базе всего японского социума. Субъекты открытого рынка в этом отношении не являются исключением. Сама по себе потенциальная возможность включения в структуру крупных компаний предполагает их

⁶ Гэндай нихон-но сикай кодзо. Дайниikai ниссо гакудзюу симподзиуму (Современная японская структура управления. Второй японско-советский научный симпозиум). Ленинград-Токио, 1982, с. 84-85.

готовность к восприятию ценностей закрытого иерархического группизма и служит одним из факторов, препятствующих исчезновению исторической традиции.

Рассмотренная в сочетании с открытым рынком труда практика пожизненного найма, сколь специфической и исторически обусловленной она ни была, уже не выглядит столь иррациональной, как это кажется на первый взгляд. Но для понимания истоков жизнеспособности пожизненного найма недостаточно видеть, что находится за пределами сферы его непосредственного применения. Эффективность этой практики значительно зависит и от степени распространенности. Недаром компании используют ее только в той мере, в какой им позволяют их возможности. Масштабы применения пожизненного найма, несомненно, обусловлены экономической целесообразностью. Поэтому возникает целый ряд вопросов, связанных не только с той ценой, которую японские компании платят за стабильность своего кадрового ядра, но и с тем, каким образом достигается его эффективность.

Эти вопросы относятся к проблеме внутренних резервов системы управления, основанной на пожизненном найме. Обладает ли она собственными источниками саморазвития и повышения эффективности или целиком держится на питающей ее извне практике использования аутсайдеров? Ответы следует искать в области активизации человеческого фактора внутри закрытого рынка труда.

Очевидно, что сама по себе стабильность кадровой ситуации внутри закрытой системы равнозначна застою. Если с точки зрения внешних условий логическим продолжением существования закрытой системы управления является ее взаимодействие с открытым рынком труда, то внутренний смысл пожизненного найма кроется в соединении механизма закрепления кадров со средствами, компенсирующими его недостатки и активизирующими достоинства. Таких средств в японских компаниях очень много, причем каждая из них стремится выработать свои собственные и, модернизируя, поддерживать их в состоянии, адекватном производственно-экономическим условиям. Они группируются обычно в комплексы по отбору кадров, их обучению и материальному стимулированию, образуя соответствующие структуры, с помощью которых осуществляется мотивационное управление персоналом.

Ниже мы приводим некоторые доводы в пользу рациональных источников пожизненного найма и пытаемся объяснить его мотивационный механизм. Для этого, на наш взгляд, необходимо разобраться в сущности самого понятия «пожизненный найм».

Если практику пожизненного найма рассматривать как средство по обеспечению стабильности положения работников в фирме, то понимание этого явления сводится к механизму локального воздействия на персонал, лишь

гарантирующего ему занятость. Мы предлагаем взглянуть на нее как на фактор системообразующего характера, увязывающий между собой на единой основе разнообразные элементы управления человеком. Многие исследователи подчеркивают, что неизменным следствием пожизненного найма является вовлечение в управление целого комплекса институтов, с которыми он бывает тесно связан и для которых служит необходимой базой. Так, например, известный английский ученый Рональд Дор, изучавший организацию профессиональной подготовки в японских фирмах, пишет: «Частое переобучение работников, превратившихся в японских фирмах в необходимый элемент системы служебного продвижения, является прямым следствием «презумпции» пожизненного найма»⁷.

Поэтому в настоящее время японская система управления трудом в целом все чаще отождествляется исследователями с самим пожизненным наймом, который уже не рассматривается лишь в качестве одного из ее элементов, скажем, в составе известной триады, включающей помимо него по возрастной оплате труда и пофирменные профсоюзы.

Японская фирма встает перед необходимостью компенсировать издержки, возникающие в результате долговременных отношений с персоналом. Гарантия найма не просто накладывает отпечаток на весь комплекс взаимоотношений в компании, но определяет их характер. Она приводит к необходимости организации особо жесткой системы отбора, планирования внутрифирменного обучения, создания специфических способов возмещения трудовых затрат персонала. Закономерность появления соответствующих структур лежит на поверхности. Важно понять механизм эффективности этих структур.

Пожизненный найм распространяется, как правило, на весь персонал японской фирмы, что связано с действием механизма, с одной стороны, ограничивающего допуск рабочей силы, а с другой — помогающего избавиться от нее. Такой механизм, регламентирующий объем и качество рабочей силы, основывается прежде всего на возрастных критериях. Известно, что на условия пожизненного найма в фирме может претендовать лишь молодежь, только что закончившая учебу и нигде до сих пор не работавшая. Увольняется персонал также в строго определенном возрасте, предельном для данной фирмы. Преследуя по существу те же цели, что и на Западе, — не ошибиться в определении качества своих будущих кадров, — японская фирма иначе подходит к пониманию самого качества рабочей силы, связывая его прежде всего с возрастом. Принимая во внимание, что и другие критерии, определяющие это понятие в Японии, отличаются от западных, требования к возрасту претендентов на пожизненный найм — это не только стремление компаний увеличить сроки их использования.

⁷ Dore R.P. and Sako Maki. How the Japanese Learn to Work. Routledge-London-NewYork, 1989.

Другие критерии имеют отношение собственно к взглядам японского менеджмента на квалификацию кадров, к которой на Западе привыкли сводить понятие их качества в целом. Для японской фирмы уровень профессиональных знаний и навыков еще не адекватен квалификации кадров и тем более их качеству. Помимо самой профессии, в японский вариант квалификации включается отношение работника к труду и к своей компании. Считается также, что качество рабочей силы — это квалификация, накопленная опытом. Очевидно уже здесь Запад уступает Японии многие конкурентные позиции с точки зрения мотивации труда. Правда, зарубежные фирмы при оценке персонала в определенной мере учитывают производственный стаж. На это косвенно указывает наличие (например в США) некоторой корреляционной связи между ростом заработной платы и стажа⁸. Но в отличие от Японии на Западе такая оценка отнюдь не является результатом соответствующей организации заработной платы и лишена своего стимулирующего значения.

Лишь в самое последнее время западные теоретики в области труда стали смотреть на отношение человека к трудовой деятельности, как на одну из необходимых составляющих квалификации. К совершенно неизвестным для западного менеджмента компонентам квалификации относится такое обычное для Японии требование, предъявляемое к субъекту организации, как его лояльное отношение к ней и самоидентификация с местом труда. Между тем именно эти различия в понимании квалификации и качества рабочей силы в Японии и на Западе проливают свет на механизм мотивации в системе управления, основанной на пожизненном найме вообще и в момент отбора рабочей силы в частности.

Нетрудно представить, с какими трудностями сталкивается в момент найма новой рабочей силы японская компания, перед которой стоит задача избежать ошибок долговременного действия. Сложность, тщательность и жесткость процесса отбора, состоящего из ряда туров, занимающего несколько месяцев и вовлекающего в работу огромный персонал (далеко не только кадровых служб), очевидно, во много раз превосходят процедуру найма на Западе. Однако при этом внимание исследователей всегда привлекает тот факт, что основной акцент японские фирмы в момент отбора претендентов делают не на их квалификацию.

Действительно, профессия претендента на место в фирме традиционно мало увеличивает его шансы быть принятым на условиях пожизненной занятости. Решающее значение имеет уровень социальной адаптированности личности, степень принятия ею таких традиционных ценностей японского общества, как трудолюбие, умение интегрироваться со средой, уважение к иерархии старшинства, желание подчинить себя служению общей цели. Сло-

⁸ Нихон родо кёкай дзасси. 1976, N 199, с. 23-40.

вом, в сферу внимания руководства попадает весь тот комплекс качества личности, который может составить в будущем основу для направленного воздействия на ее мотивационный потенциал. Значение этих качеств в глазах японских менеджеров, видимо, очень велико, если для их выявления они прибегают даже к такому средству, как частный сыск. В то же время иногда решение о найме принимается только на основании рекомендаций, имеющихся у кандидатов со стороны лиц, заслуживших доверие фирмы. Отношение к критерию возраста при таком подходе к отбору рабочей силы выглядит вполне логичным: молодежь, еще не испытывавшая на себе постороннего влияния, является наиболее перспективным объектом воздействия.

Разумеется, столь сложно обусловленная система критериев отбора кадров при всей тщательности организации этого процесса не гарантирована от ошибок, за которые японская фирма платит высокую цену. Однако следует подчеркнуть, что цель отбора — создание изначально высокого мотивационного уровня среды, без которого существование основанной на гарантии найма системы управления кадрами как саморазвивающейся было бы невозможно.

Одной из логически обусловленных частей такой системы является внутрифирменная подготовка кадров, которая выступает в качестве обязательного и необходимого следствия их долговременной занятости. В самом деле, японская фирма в отличие от предприятий на Западе имеет возможность удерживать квалифицированных специалистов и вправе рассчитывать на полное использование тех, кого она подготовила собственными силами. Вместе с тем те гарантии найма, которые связывают фирму с персоналом, не оставляют ей другого выхода, как самостоятельно формировать его качество.

В прямой связи с основами управленческой концепции, заключенными в пожизненном найме, находятся многие фирмы и содержание внутрифирменного обучения персонала. Прежде всего обращает на себя внимание исключительный размах организации начального профессионального обучения, который является закономерным следствием найма профессионально неподготовленной молодежи и который характеризует повсеместную практику в отношении вновь нанимаемой рабочей силы. При всей растущей значимости академических форм японские фирмы не собираются видимо отказываться от таких традиционных средств обучения кадров, как ученичество, осуществляемое без отрыва от производства. И дело здесь не только и не столько в экономической целесообразности этого способа массовой подготовки кадров, сколько в уверенности в том, что ученичество, не позволяя молодежи надолго оторваться от фирмы, охраняет первую от искушения нарушить свою лояльность по отношению к ней. Именно поэтому они стремятся и академическую подготовку организовать главным образом собственными силами без привлечения посторонних организаций.

Однако истинный смысл пожизненного найма как системы мотивационного управления раскрывается при рассмотрении организации непрерывного процесса обучения, один из способов которого основывается на взаимодействии служебного продвижения по старшинству и ротации кадров. Под ротацией подразумевается периодическая смена рабочих мест, которая применяется здесь как метод расширения профессионального профиля работников любых категорий и выполняет, кроме того, самые различные функции, сообразные с особенностями их труда. В отношении служащих ротация является средством устранения таких нежелательных явлений в их производственном поведении, как инертность мышления, использование устаревших способов принятия решений, эксплуатация налаженных связей с коллегами во вред делу. Не обладающая развитым самосознанием и не нашедшая себя молодежь может определить через механизм ротации свое место в социально-производственной системе организации. Для рабочих она служит средством смягчения рутинности и монотонности труда, которые могут привести к технологическому отчуждению от производства. В каждом отдельном случае ротация сопряжена с обучением кадров, с повышением уровня их квалификации и расширением профессионального профиля. Общим моментом здесь является стремление менеджмента повысить уровень рационального использования кадров на основе комплексного подхода к ним и укрепления мотивационного механизма их трудовой деятельности в условиях закрытой системы управления. Ведь если работников нельзя уволить, то им необходимо найти другое, более подходящее применение.

На Западе ротация кадров осуществляется в весьма ограниченных масштабах, ее функции и значение не столь велики, как в Японии. Западный менеджмент применяет ее в основном в функции обогащения труда полуквалифицированных рабочих, занятых на монотонных видах работ, и в данном случае она не бывает связана с расширением профессионального профиля. Основанная на смене простейших видов конвейерных работ с целью снятия усталости работников такая ротация не требует их переобучения. Мотивационный потенциал ротации в функции обогащения труда весьма низок и обычно направлен на сокращение излишней текучести кадров.

Чтобы в полной мере понять возможности ротации в японской системе управления, следует проанализировать ее применение в отношении служащих.

Как способ мотивации ротация служащих интересна, с одной стороны, своей «классической» принадлежностью к системе пожизненного найма, поскольку в этом качестве не имеет аналогов в практике управления кадрами других стран. С другой стороны, ротация в японском варианте привлекает внимание иного, даже противоположного свойства, который связан с выявлением с ее помощью присущих системе пожизненного найма ограничений.

Вопрос о пределах возможностей этой системы управления является в отечественном и зарубежном японоведении наименее исследованной областью, приоткрыв которую мы получаем возможность восстановить объективную картину японского феномена.

Ротация служащих в японских фирмах совмещается с системой их служебного продвижения по старшинству и непрерывного обучения. На практике это выглядит следующим образом.

Каждый новый работник после прохождения обязательного начального обучения определяется на свое первое рабочее место, где он, осваивая свои трудовые функции, проходит профессиональную подготовку без отрыва от производства и достигает того уровня компетентности, который соответствует требованиям данного места работы. Те служащие, которые демонстрируют повышенную заинтересованность в труде, переводятся на другие места работы. Там процесс практического освоения новых трудовых функций повторяется, чтобы завершиться очередной переменой рабочего места.

Определенный период такой последовательной смены рабочих мест необходим для выявления наиболее перспективных работников на управленческие посты. Подобная система более характерна для ИТР и служащих административных подразделений компаний. По некоторым данным, работники, занимающие управленческие посты, бывают охвачены процессом ротации полностью, в то время как рабочие — лишь на 17%⁹.

В большинстве японских фирм различные управленческие функции структурированы по служебным должностям, иначе говоря, иерархия функций соответствует иерархии ступеней служебной лестницы. Продвижение вверх по этой лестнице влечет за собой не только смену функций, но часто и смену подразделений (например, повышение в должности от заместителя заведующего сектором в иностранном отделе до заведующего сектором в отделе труда, а затем до заместителя заведующего отделом сбыта и т.д.). Хорошо зарекомендовавшие себя работники целенаправленно и последовательно перемещаются по основным подразделениям фирмы с тем, чтобы они могли овладеть всем диапазоном знаний о ее деятельности, необходимым для руководителя. Всем этим перемещениям соответствуют и определенные этапы обучения. Обучение на рабочих местах без отрыва от производства на ранних стадиях ротации дополняется курсовым на ее более поздних этапах, когда работник готовится занять или занимает управленческий пост.

По мнению классиков современной теории мотивационного управления Дж. Марча и Г. Саймона, среди потребностей работника, определяющих его удовлетворенность трудом, важное место занимает частота изменения его статуса и (или) дохода¹⁰.

⁹ Kyoto University Economic Review. т. 3, 1983, N 1-2, p.25-50.

¹⁰ March S.G. and Simon H.A. Organization. Sydney, 1958.

Наличие ясных перспектив изменения служебного положения (по словам Марча и Саймона, «осознанной возможности продвинуться») включает в действие механизм мотивации, т.е. стремление работника к таким изменениям («осознанного желания продвинуться»), достижение которых обеспечивает ему удовлетворенность трудом и гармонизирует систему «субъект-объект». На этом пути у работника стоят определенные препятствия, в частности некомпетентность, которую ему необходимо преодолеть. Если уровень его мотивированности достаточен, то ему необходимы средства для преодоления такого препятствия (средства профессиональной подготовки).

Дж. Марч и Г. Саймон исследовали проблему удовлетворенности труда в связи с текучестью кадров, характерной для организации, которая действует в условиях открытого рынка труда, когда «осознанное желание» индивида продвинуться не соответствует его «осознанной возможности» сделать это. Наличие системы продвижения по службе при отсутствии реальных средств повышения уровня компетентности кадров лишь потенциально провоцирует нестабильность ситуации в такой организации. Претензии работников занять более высокое (или более высокооплачиваемое) положение в конце концов превышает возможности организации удовлетворить их, приводя к росту текучести.

Таким образом, открытая система на определенном этапе гасит в персонале мотивацию эффективного производственного поведения, которое на уровне управленческого звена во многом зависит от наличия у компетентных его представителей возможностей служебного роста. Для закрытой системы свойственна другая опасность — отсутствие или недостаточность эффективного обмена трудом, который за исключением своего крайнего проявления в форме стихийной и чрезмерной текучести является необходимым условием обновления организации.

Средством планомерного достижения баланса между обменом трудом и поддержанием мотивации персонала на должном уровне и является в японских фирмах ротация кадров. Соединенная с системой служебного продвижения, она превратилась в японской фирме в систему непрерывной подготовки, которая неизменно воспроизводит на новом уровне мотивацию персонала и направляет ее на развитие организации. В этом качестве ротация удачно заменила собой механизм стихийного перелива рабочей силы, существующий на открытом рынке труда, и включилась в сложный процесс формирования системы непрерывного образования.

Механизм ротации, с одной стороны, призван решать задачи производственного характера, обеспечивая постоянное соответствие субъекта производства его материально-технической основе и препятствуя моральному износу квалификации. С другой стороны, он обслуживает и потребности личности, включенной в производственный процесс, поддерживая баланс между

ее представлениями о собственной роли в этом процессе и реальным местом в нем. Фактически здесь речь идет о достижении удовлетворенности работника своим трудом.

Обе стороны находятся в неразрывном единстве, ибо соответствие качеств субъекта материально-техническим характеристикам производства влечет за собой удовлетворенность трудом, а в стремлении личности согласовать свою предполагаемую роль со своим реальным положением по существу заложены начала активизации человеческого фактора в системе «субъект-объект» производства. В основу механизма ротации положена, таким образом, идея саморазвития этой системы.

В самом деле, если осознанная возможность продвинуться в японской фирме постоянно поддерживается систематическим служебным ростом, то осознанное желание (или мотивация) сделать это постоянно подкрепляется систематическим повышением квалификации. Поскольку каждый новый акт смены рабочего места не только завершает предыдущий цикл, но и предполагает следующий, более высокого порядка, то налицо развитие системы по спирали.

Однако синтез ротации и служебного продвижения по старшинству с непрерывной подготовкой кадров в целом ряде случаев выступает в такой роли не более чем потенциально, практически никак не реализуясь. Эти случаи бывают связаны с такими субъективными особенностями, которые не позволяют их носителям использовать имеющиеся у них возможности повысить уровень своей квалификации. Если низкий мотивационный потенциал таких работников распознается на ранних стадиях ротации, то у японской компании имеются средства сдерживать развитие их управленческой карьеры. Но достигнув управленческого поста, они представляют для фирмы большую проблему.

Никакая организация не застрахована от претензий некомпетентного персонала на более высокое положение. При этом открытая организация западного типа в этом смысле оказывается даже в более выгодном положении по сравнению с закрытой, которая лишена возможности избавиться от таких претендентов. Правда японской действительности состоит в том, что ошибки в определении мотивационного потенциала работников, совершенные на ранних стадиях отбора на управленческие должности, в дальнейшем оборачиваются необходимостью нести все большие затраты на них (не только в виде увеличивающейся с возрастом заработной платы, но и в связи с повышением в должности).

Это противоречие японской системы, имеющее органический характер, по-видимому, кардинально разрешить невозможно. Отчасти в настоящее время оно снимается сугубо паллиативным образом, когда компания сбрасывает «балласт» в менее важные подразделения или филиалы фирмы, устраивает

чисто декоративные или представительские должности, перепоручая реальные функции ее исполнения другому, чаще всего подчиненному лицу. Ненужные затраты фирмы при этом отнюдь не сокращаются, но выступают очевидно, в качестве своеобразной цены за сохранение ее способности к саморазвитию.

Учет потребностей человека и переводение их в сферу мотивации его поведения носит в японской фирме комплексный характер, что отражается в системном подходе и к разработке мер материального стимулирования, и к использованию средств социально-психологического воздействия. Яркими примерами в области материального стимулирования является организация повозрастной оплаты труда и социально-бытовая деятельность фирм с выраженной ориентацией этих мер на их воспроизводственную функцию и потребности человека.

Согласно концепции Дж. Марча и Г. Саймона степень идентификации индивида с организацией тем больше, чем выше уровень осознания им общности своих целей с целями последней и чем больше его потребностей удовлетворяется в пределах этой организации¹¹. Задача долговременной ориентации работника на одно и то же место работы, полной интеграции в фирму решается в Японии с помощью системы материального стимулирования, которая на протяжении всей его трудовой деятельности удовлетворяет его разнообразные и меняющиеся во времени потребности. Благодаря этому достигается необходимое осознание им общности своих экономических интересов с интересами фирмы, которое побуждает работника к активному труду.

Система материального стимулирования Японии, взяв за основу воспроизводственную функцию, отличается от соответствующих систем на Западе тем, что экономическое побуждение работника к труду осуществляется не путем прямой увязки уровня оплаты с его результатами, а опосредовано через удовлетворение его жизненных потребностей. Об этом уже не раз писали японские и отечественные экономисты. Известный специалист по проблемам труда Т. Фудзимото, например, отмечал, что японская система заработной платы связывает уровень вознаграждения не с выработкой, а со стоимостью жизни работника¹². Советский экономист С. Игнатушенко констатировал более очевидную, чем в других странах, связь заработной платы в Японии со стоимостью рабочей силы, обращая внимание на то, что в японских компаниях делаются попытки определения заработка на основе концепции так называемого «жизненного цикла воспроизводства рабочей силы», т.е. исходя из уровня потребностей работника в различные периоды его жизни¹³.

¹¹ March S.G. and Simon H.A. Organization. Sydney. 1958.

¹² Фудзимото Т. Тинпин дзитэн (Справочник по заработной плате). Токио, 1967, с. 179.

¹³ Экономика и организация промышленного производства (ЭКО). 1971, N 1, с. 145.

Иными словами, в японской фирме стимулируется не просто трудовая функция, но весь творческий потенциал индивида, взятый, так сказать, в целом. С этой точки зрения японские менеджеры ближе, чем их западные конкуренты, подошли к решению проблемы полного использования человека в качестве фактора развития производства, в том числе с помощью средств его материального стимулирования.

Показательна уже сама структура заработной платы, ориентированная на определение уровня потребителя в пределах различных сроков жизни работника — краткого (месячная заработная плата), среднего (кроме месячного заработка, дважды в год выплачиваются бонусы, что обеспечивает годовой уровень потребления) и длительного (вся «пожизненная заработная плата», включая выходные пособия, начисляемые работнику, увольняемому с предприятия в связи с наступлением предельного возраста пребывания в фирме).

Такая организация отражает характер потребления японского работника на протяжении его жизни. Так, свой месячный заработок он расходует главным образом на текущее потребление (питание, оплату жилья, отдых и т.п.), годовой — на приобретение товаров длительного (но вместе с тем ограниченного) срока пользования (телевизор, стиральная машина и пр.), а также на личные сбережения. Наконец, выходные пособия представляют собой завершающий элемент его пожизненного дохода, который позволяет решить наиболее сложные проблемы, накопившиеся в течение предыдущего периода трудовой жизни (приобретение жилья, расходы на браки и образование детей, заведение дела, мастерской, лавки и т.п.), и (или) расходуется на поддержание себя в старости¹⁴.

Свое наиболее яркое, наиболее очевидное и последовательное проявление идеология патернализма, способствующая развитию в служащих чувства общности с фирмой, нашла в форме дополнительных социально-бытовых выплат, льгот и услуг, которые предоставляются персоналу на «добровольных» началах в добавление к установленным государственной системой социального обеспечения. Но необходимо подчеркнуть, что патернализм является элементом, органически встроенным во всю японскую систему мотивации, и если рассмотреть последнюю с этой точки зрения, то и повозрастная заработная плата оказывает не меньшее психологическое воздействие на работников, чем дополнительные льготы и выплаты.

Расчет на психологическое воздействие со стороны патерналистических форм и методов сыграли большую роль в создании на японских предприятиях особого механизма стимулирования, который обеспечивает активизацию трудовой функции рабочей силы не прямо, а опосредовано, через вов-

¹⁴ Более подробно по этому вопросу см.: *Матрусова Т.Н.* Япония: материальное стимулирование в фирмах. М., 1992, с. 36-40.

лечение в оборот целого комплекса мотивов к труду, свойственных человеку¹⁵.

Таким образом, мотивационное управление в японском варианте преследует цель достижения не просто экономической эффективности, к чему преимущественно стремятся рационалистические системы, основанные на оптимизации технико-организационной структуры, но эффективности социально-экономической. Среди других моделей управления мотивационного типа японская система занимает особое место благодаря тому, что получила свое развитие в особых условиях сочетания открытого и закрытого рынков труда и связанного с последним практикой пожизненного найма. Закрытость вертикальных структур и обусловленная ею философия предпочтения «своих» позволили логически развить идею ориентации на человека до возведения этого принципа в абсолют. В результате из объекта воздействия человек превращается в субъект действия и в качестве такового призывается чуть ли не наравне с менеджментом участвовать в развитии организации. Если в гуманистических концепциях управления на Западе все еще преобладает как бы «корыстный» мотив внимания к человеку с расчетом сугубо на активизацию его трудовой функции, то «альтруизм» японской системы уже вызывает к гораздо более широкому спектру его возможностей, многие из которых остаются в тени западной управленческой технологии.

Как и любая управленческая система, будучи подвержена воздействию извне и следуя собственной логике развития, японская модель постоянно трансформируется. В ходе этого процесса в ней выявляются все новые проблемы, органически присущие исходной концепции пожизненного найма и вносимые в нее со стороны. Это проблемы бывают столь остры, а их решения настолько кардинальны, что среди ученых и практических деятелей все чаще возникает вопрос о судьбе пожизненного найма. Будущее этой системы, причины, его определяющие, и неизбежные последствия представляют собой одну из актуальнейших тем в области управления трудом в современной Японии.

¹⁵ Там же, с. 60-72.

Зрелое партнерство на фоне экономической конкуренции

М.Г. Носов

11 февраля 1994 г. вошло в историю японо-американских отношений как день, когда лидеры обеих стран впервые публично и достаточно твердо заявили о невозможности достижения соглашения или даже компромисса по проблемам взаимной торговли.

Средства массовой информации по обе стороны Тихого океана, пытавшиеся сделать сенсацию из провала японо-американских переговоров на высшем уровне, значительно преувеличили масштаб и неразрешимость противоречий между стремлением президента США заставить Японию принять меры по сокращению ее положительного сальдо в торговле с США и попытками Токио доказать, что в настоящее время это сделать невозможно. Однако дефицит, который в 1993 г. составил почти 60 млрд. долл., остается и будет оставаться еще долгие годы наиболее болезненной проблемой в отношениях между двумя странами, о чем свидетельствует ход развития этого рекордного по своей продолжительности конфликта.

За всю историю Соединенных Штатов ни одна страна в американской экономической жизни не вызывала такого пристального внимания аналитиков и средств массовой информации, столь противоречивых оценок, как Япония в 80-е и 90-е годы. Больше половины автомобилей на дорогах Калифорнии — японского производства, большинство жителей американского Запада носит японские часы, в 90% американских домов стоят японские телевизоры, а большая часть радиоприемников, видеомагнитофонов и электробритв имеет торговую марку Японии. Японцы в значительной степени финансируют дефицит бюджета США, инвестируют деньги в американскую экономику, но при этом их постоянно обвиняют в хищнической скупке Аме-

рики, в отказе открыть свой рынок для американских товаров и прочих не менее тяжких «грехах». Список японских побед, равно как и мартиролог американских торгово-экономических поражений, можно продолжать до бесконечности. Однако уже сегодня, несмотря на углубляющийся американо-японский конфликт, становится все более очевидной тесная связь экономик обеих стран. Не случайно, по обе стороны Тихого океана эти отношения все чаще называют «неотвратимой взаимозависимостью» или «фатальной страстью».

Одной из самых сложных и наиболее дебатлируемых проблем японо-американских экономических отношений в течение многих лет остается несбалансированность внешней торговли, выраженная в огромном превышении американского импорта из Японии над ее экспортом. Особую остроту проблема приобрела в годы президентства Р. Рейгана, когда за период с 1981 по 1989 гг. дефицит торговли США с Японией достиг астрономической цифры в 297,8 млрд. долл.¹, что в шесть раз больше дефицита предыдущих 35 лет торговли между двумя странами. При этом с самого начала следует отметить, что Япония не была единственным виновником роста американского дефицита внешней торговли, который за годы правления двух рейгановских администраций составил свыше 800 млрд. долл., тогда как за 1971-1980 гг. — всего 122,8 млрд. долл. С 1990 по 1993 гг. объем дефицита японо-американской торговли составил 194 млрд. долл. Рост положительного сальдо Японии в торговле с США определяется сложным комплексом факторов как макро-, так и микроэкономического характера, формирование и действие которых связаны с особенностями исторического, экономического, политического и социального развития обеих стран и характера отношений между ними.

Хотя традиционно и достаточно справедливо считается, что экономика Японии ориентирована на внешнюю торговлю, она не является крупнейшим экспортером в мире, уступая по этому показателю и США, и Германии. Однако она далеко опережает всех по объему своего положительного внешнеторгового сальдо, который в 1991 г. достиг 113,7 млрд. долл. Аналогичный показатель для ФРГ составил 23,1 млрд., в то время как США имели отрицательное сальдо в 73,4 млрд. долл.

СТРУКТУРА ЯПОНО-АМЕРИКАНСКОЙ ТОРГОВЛИ

Анализ товарных потоков между Японией и США показывает, что львиная доля отрицательного сальдо в торговле с Японией приходится на продукцию машиностроения и металлургической промышленности. Дефицит по этим позициям в 1993 г. составил 61,5 млрд. долл. Из них 28,7 млрд. долл. при-

¹ Все данные по торговле, за исключением специально оговоренных случаев, приведены по: Statistical Abstract of the United States и «Цисё хакусё» за соответствующие годы.

шло на автомобили, около 15 млрд. долл. — на продукцию электромашиностроения, куда входит как бытовая электроника, так и оборудование связи, еще 15 млрд. долл. — на общее машиностроение (конторское оборудование, станки, продукция сельскохозяйственного машиностроения и т.д.). По другим категориям товаров, включая часы, фотоаппараты, спортивные и некоторые другие товары, дефицит достиг 5,9 млрд. долл. США имели положительное сальдо в торговле продуктами питания — 9,1 млрд. долл., лесоматериалами — 3,2 млрд. долл., химическими товарами — 2,4 млрд. долл. и неметаллическими изделиями — 0,4 млрд. долл.

В структуре японского экспорта в США произошло резкое сокращение вывоза продовольствия, сырья и продукции легкой промышленности, доля которых в 1955 г. составляла 82,7%, в 1960 г. снизилась до 67,3%, а в 1992 г. упала до 2,5%. Одновременно росла доля продукции тяжелого машиностроения, составившая в 1990 г. 90,2% импорта из Японии. Особенно быстрыми темпами увеличивался импорт легковых автомобилей (с 0,4% в 1960 г. до 17,8% в 1990 г.).

Поставки автомобилей составляют около 1/3 японского экспорта в США и более половины американского дефицита в торговле с Японией. В 1990 г. на автомобили приходилось 30,1% японского экспорта в США (28,3 млрд. долл. из 91,5 млрд.). Японо-американская конкуренция в этой области началась после нефтяного кризиса 1979 г., когда японцы, правильно уловив конъюнктуру, начали поставлять на рынок США малолитражные и экономичные автомобили².

В апреле 1981 г. под угрозой Вашингтона ввести ограничения на импорт японских автомобилей Япония взяла на себя «добровольные» обязательства ограничить импорт в 1981 и 1982 гг. квотой в 1,68 млн. шт. В дальнейшем «добровольные» ограничения продлевались. В 1988 г. квота составила уже 2,3 млн. автомобилей, при этом теперь уже Япония отказывалась ее увеличить, несмотря на то, что США были готовы пойти на это.

Япония, которая с 1986 по 1989 г. была крупнейшим американским импортером, в 1990 г. уступила первенство Канаде (91,4 млрд. долл.). В 1992 г. в импорте из Японии 29,5 млрд. долл. (32,8%) пришлось на автомобили, 10,3 млрд. долл. (11,5%) на конторское оборудование, 8,4 млрд. долл. (9,4%) на магнитофоны, 3,6 млрд. долл. (4%) на электронные компоненты, 3 млрд. долл. (3,3%) на двигатели. В том же году Япония импортировала из США 34,7% продукции машиностроения, 42,3% легковых автомобилей, 46,1% телекоммуникационного оборудования, 45,6% конторского оборудования.

² Вступать в борьбу за японский рынок США никогда всерьез и не собирались, ибо как справедливо заметил в свое время президент американской Ассоциации дилеров Р. Макелуайн, «как мы можем думать о продаже американских автомобилей в Японии, если мы не можем конкурировать с ними даже в Америке». — US-Japan Economic Relations. Hearings and Markup before the Committee on Foreign Affairs and its Subcommittees on Asian and Pacific Affairs and on International Economic Policy and Trade. HR 96th Congress, 2nd Session. 1980, September — October, p. 38-39.

Япония, экспорт которой в США в 1993 г. составил 107,3 млрд. долл., занимает двойственное положение на американском рынке. Несмотря на огромный объем поставок, позиции Японии здесь нельзя назвать доминирующими. Место Японии на американском рынке по некоторым группам товаров можно приблизительно рассчитать, если вычислить процент стоимости продажи японских товаров в США от суммы стоимости внутреннего производства и разности между импортом и экспортом. В стоимостном выражении в 1991 г. доля японских товаров на американском рынке по наиболее важным группам, где Япония является крупнейшим американским импортером, составила по электронным компонентам 8,9%, полупроводникам 12,8%, телефонному и телеграфному оборудованию 8,9%, аудио- и видеооборудованию 33,4%, мотоциклам и велосипедам 25,4%, по автомобилям 30% (без учета произведенных в США на японских заводах)³.

По расчетам российского экономиста В. Зайцева, на внутреннем рынке США импорт из Японии покрывает около 8% совокупного спроса населения на потребительские товары длительного пользования, а около 1/3 импорта из Японии не может быть заменено местными товарами, поскольку они представляют собой продукцию американских транснациональных корпораций, находящихся в Японии, либо изделия, которые не производятся в США⁴.

Наиболее сложной проблемой японо-американских экономических отношений остается вопрос о расширении продажи американских товаров в Японии. экспорт которых в 1992 г. составил 47,8 млрд. долл., или 11,3% общего объема экспорта США. Больше, чем в Японию, США вывозят товаров только в Канаду. Хотя Вашингтон постоянно обвиняет Токио в «закрытости» внутреннего рынка и искусственном сдерживании роста американского экспорта, Япония вывозит в среднем около 20% ежегодного импорта из США, тогда как в импорте ФРГ и Великобритании, чьи рынки считаются полностью открытыми, доля США составляет 6 и 11%.

Как уже отмечалось выше, на автомобили приходится свыше половины дефицита торговли между двумя странами и США активно настаивают на экспорте американских машин в Японию⁵. Однако американцы до сих пор не в состоянии поставить туда автомобили, отвечающие требованиям внутреннего рынка Японии. 80% машин на автомобильном рынке Японии имеют объем двигателя менее 2 тыс. см, но до 1994 г. лишь «Крайслер» предлагал для продажи в Японию одну малолитражную модель с правосторонним управлением, тогда как, например, BMW продает на японском рынке

³ Расчеты велись на основе исчисления доли товаров, импортированных из Японии, от суммы их производства в США и сальдо торгового баланса. — U.S. Industrial Outlook, 1993.

⁴ Зайцев В. Япония: поиски новой стратегии экономического развития. — Япония 1988. Ежегодник. М., 1989. с. 17.

⁵ В 1992 г. Япония закупила 181 417 автомобилей, из них 37,1 тыс. из США.

21 модель с двигателем объемом менее 2 тыс. см, из которых 17 имеют двустороннее управление⁶. Японские автопроизводители инвестировали в США свыше 10 млрд. долл., тогда как их американские коллеги истратили в Японии лишь символические суммы. Кроме того, ни одна компания из американской «большой тройки» не стала вкладывать средства в создание центров предпродажной инспекции в Японии, в то время как западно-европейские фирмы имеют там по несколько таких пунктов.

С 1985 по 1992 г. общий экспорт США вырос с 218 млрд. до 446 млрд. долл., а поставки в Японию увеличились с 22 млрд. до 48 млрд. долл. После 1990 г. экономический кризис в Японии вызвал сокращение темпов роста импорта. За этот период экспорт США в Японию вырос на 115%, а в Мексику, которая реально претендует занять второе место среди покупателей американских товаров, — на 198%. Переговоры с Японией, по оценке, дали возможность увеличить экспорт на 4,8 млрд. долл. и открыть в США 92 тыс. новых рабочих мест⁷. Настаивая на росте американского экспорта в Японию, США особое внимание уделяют необходимости расширения закупок сельскохозяйственной продукции и готовых изделий.

Япония остается крупнейшим в мире импортером сельскохозяйственной продукции и закупает около 20% американского экспорта сельхозпродуктов, включая свыше 70% экспортируемой говядины, 30% фруктов, 20% зерновых и соевых бобов. Из каждых 12 акров земли, занятых в США под сельское хозяйство, один производит продукты исключительно для Японии⁸. Однако последняя до сих пор сохраняет ряд квот на импорт сельскохозяйственной продукции, что осуществляется в рамках созданного еще в годы войны механизма контроля над продовольственным обеспечением. Цель этой программы — гарантия продовольственной безопасности страны и сохранение деревни, которая традиционно являлась одним из важнейших политических оплотов долгие годы находившейся у власти Либерально-демократической партии. Помимо импортных квот, действуют бюджетные ассигнования на покрытие разницы между закупочными и оптовыми ценами. По мнению американских сельхозпроизводителей, отмена квот на закупку риса позволила бы ежегодно продавать его в Японию на 1,5 млрд. долл.

В силу того, что Япония продолжает вывозить значительное количество сырья и продуктов питания, ее часто обвиняют в «колониальном» характере торговли с США. По сравнению с другими промышленно развитыми странами в импорте Японии сравнительно невысока доля готовых изделий. С 1980 по 1991 гг. этот показатель для Японии вырос с 22,8 до 50,8%. Однако доля готовых изделий в импорте Канады составляет 86%, США — 80%, Германии — 77,9%, Франции — 82,4%⁹.

⁶ The Nikkei Weekly. 15.11.1993.

⁷ Nanto D.K. Japan-US Trade: Results of Trade Negotiations. — CRS 93-946 E. 15.10.1993.

⁸ Schlossstein S. Trade War. N.Y. 1984, p. 71.

⁹ Japan 1993. An International Comparison, p. 36.

Одной из причин относительно низкого уровня закупки готовых изделий Японией считается ее недостаточное участие в международном разделении труда, что в первую очередь находит выражение в меньшем по сравнению с другими развитыми странами коэффициенте внутриотраслевой кооперации в глобальном масштабе. По расчетам американского экономиста Р. Лоуренса, если для Франции этот коэффициент на основе расчета данных по 94 отраслям промышленности составляет 82%, для Великобритании 78%, ФРГ — 66%, США — 60%, то для Японии он равен лишь 25%¹⁰.

Существует ряд причин, объясняющих подобную практику в Японии. В первую очередь это связано с уже неоднократно упоминавшейся ориентацией японской экономики на экспорт готовой продукции и импорт сырья. Эффективность экспортных отраслей промышленности позволяет создавать высокий уровень добавленной стоимости, обеспечивающий продукции конкурентоспособность на международных рынках. Мощность экспортных отраслей дает возможность проводить цикл производства внутри страны, что позволяет целиком оставлять себе добавленную стоимость, неся расходы лишь на закупку первичного сырья. Кроме всего прочего, крупнейшие японские компании активно сотрудничают со всеми многочисленными производственными и финансовыми филиалами как внутри страны, так и за рубежом.

Относительно низкий уровень внутриотраслевой кооперации в Японии связан и со способностью отраслей, ориентированных на экспорт, удовлетворять как внешний, так и местный рынок. Хотя в целом можно говорить об относительно небольшом внутреннем потреблении в Японии по многим видам товаров и услуг, это не относится к продукции, производимой экспортноориентированными отраслями. Япония имела возможность не только обеспечивать мировой спрос на видеомагнитофоны и различные виды бытовой электротехники и радиоэлектроники, автомобили и другие виды экспортных изделий, но и полностью насытить этими товарами свой достаточно емкий рынок, имеющий тенденцию к росту за счет увеличения личного потребления. В 1992 г. на каждые 100 семей в Японии имелось в среднем 103,6 цветных телевизоров, 117,2 холодильников, 107,9 стиральных машин, 131,7 пылесосов, 114,2 легковых автомобилей, при этом очевидно, что подавляющее большинство этих товаров было произведено в Японии¹¹.

В то же время во многих отраслях Япония в мировой торговле имеет достаточно высокий уровень межотраслевой кооперации, который особенно начал увеличиваться после повышения курса иены в 1985 г. Прежде всего это относится к полупроводникам и компьютерам, где индекс межотраслевой торговли вырос к 1988 г. соответственно до 31,3 и 30,5¹². Если рассмот-

¹⁰ *Lawrence R. Imports in Japan: Closed Markets or Minds? Brookings Papers on Economic Activity. Wash., 1987, p. 520.*

¹¹ *Japan 1993. An International Comparison, p. 85.*

¹² *Lincoln E. Japan's Unequal Trade. The Brookings Institution. Wash., 1990, p. 28.*

реть роль межотраслевой кооперации в торговле между Японией и США, проанализировать ее на уровне отраслей, а не товаров, то очевидно, что во многих из них осуществляется весьма интенсивный товарообмен. Это характерно для торговли компьютерами, канцелярским оборудованием, полупроводниками, продукцией электромашиностроения, станками и многими другими товарами.

США удалось значительно увеличить продажи своих готовых товаров на японском рынке. За последние три десятилетия наиболее заметными изменениями в структуре американского экспорта в Японию явилось значительное снижение доли сырья и топлива и увеличение доли готовой продукции. С 1960 по 1990 г. доля сырья в объеме экспорта сократилась с 45,4 до 14,7%, топлива с 11,5 до 3,1%, а экспорт готовых промышленных товаров вырос с 33,4 до 59,9%, в том числе доля машин и оборудования увеличилась с 17,3 до 34,1%.

Однако в американском экспорте в Японию в 1990 г. на продовольствие, сырье и минеральное топливо пришлось 37,9%, в то время как в импорте из Японии 82,7% приходится на машины и оборудование. Одной из важнейших причин роста дефицита в японо-американской торговле остается неблагоприятная для США тенденция к снижению цен на сырье и к росту стоимости промышленных товаров и в первую очередь таких изделий с высокой добавленной стоимостью, как автомобили, фотоаппараты, потребительская электроника и полупроводники. Исторически США всегда были крупнейшим экспортером сельскохозяйственной продукции и сырья и являлись единственной развитой страной, интегрированной в мировую экономику больше через экспорт сырья, чем через продажу готовых товаров. Если бы первый по своему относительному объему и стоимости в 80-х годах оставался на уровне 70-х годов, то дефицит американской внешней торговли, по некоторым оценкам, был бы на 1/3 меньше. Завышенная стоимость доллара в начале 80-х годов, несомненно, была связана не только с кризисом американской экономики, но и с падением спроса на продовольствие и сырье.

С начала 80-х годов шел процесс резкого увеличения разрыва между снижающимися ценами на многие виды сырья и растущей стоимости готовых изделий. К концу 80-х годов, после того как даже Индия превратилась в экспортера сельскохозяйственной продукции, в мире осталось лишь два крупных импортера продовольственных товаров — Япония и СССР. Падение курса доллара, начавшееся в 1985 г., не слишком сильно отразилось на ценах на сырье и сельскохозяйственные товары в силу имевшихся излишков, что поддерживало их свободный рынок. После того, как курс доллара в сентябре 1985 г. упал почти в 2 раза, цены на американское сырье снизились, а цены на сельскохозяйственную продукцию вернулись к уровню

1980 г. Что касается товаров с высокой добавленной стоимостью, то здесь Япония до определенной степени сохраняла возможность диктовать монопольные цены, что было в первую очередь связано с конкурентоспособностью японской продукции на американском рынке. По различным оценкам, изменение соотношения цен между этими группами товаров ежегодно составляет от 1/3 до 2/5 американского пассивного сальдо в торговле с Японией¹³.

При анализе положительного сальдо японской торговли с США следует принять во внимание, что значительная часть дефицита формируется за счет деятельности в этой стране японских компаний, занятых в сфере продажи отечественных товаров длительного пользования и прежде всего автомобилей. Кроме того, значительная часть американского экспорта в Японию идет через филиалы японских компаний в США¹⁴. В Японии находятся офисы более 600 американских компаний, которые ежегодно зарабатывают миллиарды долларов, не включаемых в статистику торговли между двумя странами, поскольку речь идет либо о продажах на японском рынке, либо о сделках с участием третьих стран¹⁵. Проблему дефицита необходимо рассматривать с учетом деятельности американских компаний в Японии. По подсчетам японского экономиста Кэничи Омаэ, продажи американских компаний, зарегистрированных в Японии, на японском рынке в среднем более чем в 3 раза превышают продажи японских компаний, действующих на территории США¹⁶. В статистике не учитывается и то, что Япония ежегодно покупает огромное количество нефти у транснациональных нефтяных корпораций, где значительная часть акций принадлежит капиталу США.

НЕСБАЛАНСИРОВАННОСТЬ ТОРГОВЛИ И КОНЦЕПЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Несмотря на то, что микроэкономические факторы играют определенную роль в дисбалансе торговли между двумя странами, в основе его лежат базовые различия макроэкономического характера, касающиеся концепции экономического развития, роли государства в регулировании экономики, национальной психологии и т.д. Без их анализа картина японо-американских экономических отношений была бы неполной и весьма односторонней.

На определение причин образования дефицита в двухсторонней торговле в США существуют различные точки зрения — от безоговорочного осуждения Японии за попытку разрушить и подчинить собственным интересам американский промышленный потенциал до обвинений администрации в эконо-

¹³ См.: Wall Street Journal. 11.10.1985.

¹⁴ Так, в 1985 г. только компания «Мицубиси», имеющая свои филиалы в США, импортировала туда на 1,5 млрд. долл. и экспортировала в Японию американскую продукцию на сумму свыше 3,5 млрд. долл. — DeMente B., The Japanese Influence on America. Chicago, 1989, p. 12.

¹⁵ The Nikkei Weekly, 15.11.1993.

¹⁶ Ohmae K. Beyond National Borders. Reflection on Japan and the World, Illinois, 1987, p. 27.

мической некомпетентности. Большинство представителей администрации, конгресса, средств массовой информации, а также некоторые экономисты считают, что основной причиной роста несбалансированности торговли является «закрытость» японского рынка, осуществляемая с помощью различного рода тарифных и нетарифных барьеров. Тем самым вся вина за дисбаланс торговли автоматически перекладывается на Японию. По словам Сьюзен Шваб, долгие годы проработавшей в конгрессе США, с точки зрения «среднего члена конгресса Япония выглядит экономической сверхдержавой, которая не играет по тем же правилам, что и другие промышленно развитые страны..., закрывает свои рынки для импорта и заполняет открытый американский рынок своим экспортом»¹⁷.

Многие американские специалисты считают, что дефицит является не столько результатом мощи японской экономики, сколько следствием фундаментальных слабостей собственного общества. По мнению экономиста и бизнесмена И. Шапиро, «решение проблемы дефицита зависит не от давления или протекционизма, а от мер, направленных на устранение внутренних причин экономического упадка нашей страны»¹⁸. В Японии большинство экономистов разделяют эту точку зрения. Однако объективный анализ состояния японо-американских экономических отношений говорит о том, что причины несбалансированности торговли являются результатом не только объективно существующей определенной закрытости японского рынка для импорта и кризиса американской экономики, но и ряда макроэкономических факторов, корни возникновения которых уходят глубоко в историю экономического развития обеих стран.

Одной из определяющих причин образования дефицита в двухсторонней торговле является несовпадение стадий экономического развития Японии и США, в основе которого изначально лежат разные подходы к достижению конечных результатов функционирования хозяйства. Сама концепция экономической деятельности в этих странах понимается по-разному. В обоих государствах целью экономической деятельности является получение прибыли, однако в США основным средством ее достижения является максимизация внутреннего потребления, а в Японии основной акцент долгие годы делался на заботу об интересах производителей и обеспечения экспортного потенциала. Экономическая безопасность в Японии в отличие от США мыслилась не в категориях стабильного потребительского спроса и доступного кредита, а в высоком уровне сбережений, гарантированных поставках сырья и доступе на иностранные рынки, среди которых крупнейшим является американский. Отсутствие собственного сырья, которое Япония вынуждена им-

¹⁷ Schwab S. Japan and the Congress: Problems and Prospects. — Journal of International Affairs. 1983, Summer, N1, p. 123.

¹⁸ См.: Foreign Policy. 1981-1982, Winter, p. 147.

портировать, и длительные традиции изоляции формировали политику необходимости как можно более широкого контроля над внутренним производством с целью максимального сокращения зависимости от внешнего мира. Дефицит в торговле продовольствием, сырьем и топливом покрывается положительным сальдо экспорта готовых изделий.

С известной долей условности и схематичности можно сказать, что американская экономическая философия всегда предусматривала в качестве важнейшей задачи получение прибыли и рост потребления, японская — получение прибыли, инвестируемой в получение новой прибыли. В 80-е годы это вело к тому, что США больше потребляли, чем производили, а Япония, наоборот, больше производила и продавала, чем потребляла. Японская стратегия хозяйственного развития долгие годы была нацелена в первую очередь на увеличение экспорта за счет концентрации усилий на расширении производства в экспортных отраслях. Своеобразная взаимодополняемость растущего потребительского рынка США и японской экономики, готовой удовлетворить его аппетиты, вели к беспрецедентному росту американского дефицита в торговле с Японией.

Между США и Японией существуют и серьезные различия в подходе к роли и месту внешней торговли в экономике страны. Хотя на уровне экономической теории в США всегда существовало понимание необходимости превышения экспорта над импортом, практически внешняя торговля никогда не играла в американской экономике столь значительной роли как в японской. Уже с середины XIX в. внутренняя торговля значительно превышала по своему объему внешнеторговые операции. И сейчас в среднем внешняя торговля США составляет около 1/10 внутреннего товарооборота.

Потеря Соединенными Штатами позиций мирового кредитора по сути означала завершение послевоенного периода экономического развития, когда они имели возможность использовать те преимущества, которые приобрели в результате войны, и переход к нормам экономической конкуренции и сравнительного превосходства. Как показала практика, этот переход оказался для американской экономики весьма болезненным и сложным. Вероятно, отнюдь не случайно, что Япония и ФРГ, которые были в наибольшем экономическом проигрыше в результате второй мировой войны сумели быстро и эффективно восстановить экономику и стать наиболее серьезным конкурентом США.

Многие причины ориентации японской экономики на экспорт объясняются сложным переплетением экономических, социальных и исторических факторов. Начиная середины XIX в. и практически до начала 80-х годов Япония, подвергнутая унижению «открытия» страны и военного разгрома, постоянно догоняла США и страны Западной Европы. При этом, ощущая себя жителями четырех небольших островов, к тому же лишенных природ-

ных ресурсов, японцы на уровне национального менталитета десятилетиями вырабатывали в себе стереотип изоляционизма, направленного на избежание любых форм внешней зависимости. После 1945 г. стремление к военной независимости было надолго разрушено, однако тенденция к независимости была целиком перенесена в сферу экономики. Экономические программы действительно стали общенациональными, и японцы для достижения поставленных правительством целей сознательно шли на снижение уровня жизни и социальной защищенности. В центре этих общенациональных программ в качестве основного средства их достижения всегда стояло развитие экспорта, находившегося под патронажем государства. Созданная в результате этого структура экономики в первую очередь отвечала интересам экспортеров и лишь затем прочим задачам хозяйственного и социального развития.

Ориентация на экспорт достигается высоким уровнем концентрации на выпуске достаточно узкой группы товаров. Например, Япония контролирует около 48% мирового рынка полупроводников, одновременно имея значительный уровень их импорта. Однако по полупроводникам RAM мощностью в 1 Мегабайт Япония захватила 90% мирового рынка¹⁹ и до появления на мировом рынке Южной Кореи она не знала конкуренции в области видеотехники и т.д. В 1985 г. в Японии 50% стоимости экспорта приходилось на 6 категорий товаров, в США — на 9, в ФРГ — на 13, во Франции — на 18²⁰. В 1990 г. в японском экспорте в США только на автомобили приходилось 25,6% общего объема, в то время как в американском экспорте в Японию на три наиболее крупные группы товаров — оборудование для учреждений, зерно и продукцию аэрокосмической промышленности пришлось лишь 17,7% стоимости всего экспорта.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ

Серьезное воздействие на формирование экономических противоречий как на реальном уровне, так и в сфере восприятия странами друг друга, оказывают не только несовпадение в концептуальных представлениях о функционировании экономики, но и социальные, а иногда даже и этнопсихологические различия между американцами и японцами.

Вопрос о том, что лучше «богатое государство и бедный народ» или «богатый народ и бедное государство» при всей условности применения подобных категорий к США и Японии, пока остается открытым. По-видимому, истина, где-то посередине, что и показывает стремление США ликвидировать внешнюю и внутреннюю задолженность, а Японии повысить уровень жизни народа и увеличить внутреннее потребление.

¹⁹ Japan Economic Journal. 04.02.1989, p. 3.

²⁰ Lincoln E. Japan's Unequal Trade, p. 32.

Многие из тех преимуществ, которые долгие годы определяли конкурентоспособность японских товаров на американском рынке исчезли. Если до конца 80-х годов стоимость рабочей силы в Японии оставалась более низкой, чем в Америке, то в настоящее время по этому показателю обе страны фактически сравнялись. В конце 70-х годов американские компании, переоценив значение расходов на заработную плату в стоимости продукции, проиграли Японии конкурентную борьбу в производстве бытовой электроники. Считая, что успех Японии основан прежде всего на дешевой рабочей силе, американские фирмы начали выводить производство бытовой электроники, в частности видеомagnetофонов, в Мексику и в страны Восточной Азии. Однако более дешевая рабочая сила оказалась недостаточно квалифицированной для высокотехнологического производства. Кроме того, если в начале и середине 70-х годов расходы на труд составляли 25-30% стоимости наукоемкой продукции, то в 80-е годы они сократились до 7-8% общих затрат. Даже в 2 раза меньшая заработная плата сокращала стоимость продукции лишь на 4%, в то время как доставка компонентов, страховка, налоги и прочие расходы составляли около 15% стоимости изделия²¹.

Снижению себестоимости японских товаров способствовало и то, что в стране до середины 80-х годов, сохранялась самая высокая продолжительность рабочей недели среди развитых капиталистических государств. Однако в 1991 г. в Японии количество рабочих часов в неделю в обрабатывающей промышленности составило 41,4 часа, в США 38,1, в Англии 42,9²².

Фактором, укрепляющим конкурентоспособность японских товаров явился рост производительности труда. Долгие годы США сохраняли наивысшую в мире производительность труда, однако в 70-х годах по темпам роста этого показателя Япония стала значительно обгонять Америку. Практически во всех отраслях за исключением производства средств связи японские темпы роста были более высокими. Уже в 1978 г. Япония обогнала США по уровню производительности в металлургической промышленности, а в 1981 г. в автомобилестроении и электромашиностроении. С 1970 по 1987 г. производительность труда в США в среднем ежегодно возрастала на 0,8% в год, тогда как в Японии — на 3,4%, с 1970 по 1986 г. ежегодный рост производительности труда в обрабатывающих отраслях составил в США 2,9%, а в Японии — 6%. В 90-е годы Японии удалось ликвидировать отставание от США в производительности труда во многих отраслях.

У Японии значительно меньшие издержки в ходе трудовых конфликтов, чем в США. Если в 1990 г. США потеряли 5,9 млн. человеко-часов в ходе рабочих конфликтов и забастовок, то Япония — только 140 тыс. человеко-часов.

²¹ Ohmae K. Beyond National Borders. Reflections on Japan and the World, 1987, p. 115.

²² Japan 1993. An International Comparison, p. 67.

Япония продолжает оставаться страной с высоким уровнем личных накоплений. В 1992 г. в среднем каждая японская семья обладала сбережениями в сумме 12,6 млн. иен, что соответствовало примерно 100 тыс. долл.²³. Это — следствие не только конфуцианской морали и национального характера, но и тщательно разработанной программы поощрения вкладов. До второй мировой войны и США, и Япония имели практически равный уровень накоплений, но вся послевоенная экономика Соединенных Штатов строилась на принципе «купи сегодня, заплати завтра», в то время как японцы практически не использовали кредитование потребления. Высокая стоимость покупки жилья и сложность получения индивидуального кредита в Японии, система выплаты годовых или полугодовых премий в размерах половины или четверти годовой заработной платы, отсутствие налога на процент по вкладам и ряд других факторов стимулировали накопления. В США любые крупные покупки всегда делаются в кредит, что создает потребителю налоговые льготы, так как проценты по вкладам облагаются достаточно высоким налогом, заработная плата выплачивается еженедельно и т.д. Все это является еще одним примером действия американской экономической модели, в первую очередь предназначенной для поощрения спроса, и японской, обеспечивающей расширение производства через создание огромной массы накопленных денег, питающих инвестиции в экономику.

Различия в подходе к выбору экономической модели развития между двумя странами серьезно сказываются и на проблеме качества жизни. Более низкий уровень благосостояния в Японии, по сравнению с США, дает ей определенные преимущества в конкурентной борьбе. Даже более высокие, чем в США, доходы на душу населения до сих пор во многом перераспределяются прежде всего в производство, а не в сферу потребления или социальной защищенности населения. Решение одной из наиболее острых проблем современной Японии — жилищной, сдерживается высокими ценами на землю, что в свою очередь стимулирует рост накоплений. Только в 1986 г. цены на землю в Токио выросли на 76%. По оценкам, стоимость всей земли в Японии в 2 раза превышает стоимость всей земли в США, несмотря на то, что японская территория равна одному штату Монтана, а 3/4 страны покрыто горами и непригодно для строительства. В среднем земля в Японии в 50 раз дороже, чем в США²⁴.

В конце 80-х годов в результате действия как внутрисполитических факторов, так и американского давления японское правительство было вынуждено пойти на увеличение затрат на общественные работы и поощрение роста внутреннего потребления, включая расширение импорта, чему в не малой степени способствовало повышение курса иены. Однако, хотя покупа-

²³ JETRO Nippon Business Facts and Figures. 1993, p. 151.

²⁴ Economic Eye. 1987, September, p. 8.

тельная способность японцев значительно увеличилась, правительство и компании сделали все возможное, чтобы японские потребители не смогли полностью воспользоваться преимуществами высокого курса иены. Были сохранены цены, существовавшие до повышения курса, на импортированные товары, на такие международные платежи, как оплата авиабилетов на международные рейсы, плата за международные телефонные переговоры и т.д. Необходимость увеличения цен на японские товары на американском рынке, что логически вытекало из повышения стоимости иены, частично компенсировалась сохранением высоких цен на внутреннем японском рынке. Американцы постоянно и, надо сказать, справедливо обвиняют японцев в том, что цены на японские и американские товары до сих пор выше в Токио, чем в Нью-Йорке. Существование подобных ценовых «ножниц» является еще одним подтверждением различий в концепциях функционирования экономик Японии и США.

ПРОТЕКЦИОНИЗМ — МИФ ИЛИ ПРОБЛЕМА?

В 1993 г. в докладе торгового представителя США, в котором 28 страниц было посвящено списку японских импортных ограничений, японский рынок был назван одним из самых закрытых в мире. Японцы отрицают это, справедливо утверждая, что с конца 70-х годов имеют наиболее низкие тарифы среди всех индустриально развитых стран. В 1989 г. Япония сняла импортные тарифы на 1004 вида готовых изделий, что снизило средний уровень тарифов на промышленные изделия до 2%²⁵. В 1989 г. средний уровень тарифов в Японии составлял 2,9%, тогда как для США и ЕС — 3,5%, для Канады — 4%, для Австралии — 7,6%²⁶. Однако сохраняются высокие тарифы на многие виды сельскохозяйственной продукции. Импорт ограничивается и за счет квотирования некоторых видов товаров — зерна, молочных продуктов, крахмала и т.д., что делает японские розничные цены на продукты питания одними из самых высоких в мире. В соответствии с практикой ГАТТ Япония сохраняет квоты на 13 видов сельскохозяйственной продукции в качестве временной меры, направленной на сохранение сбалансированного баланса платежей. В июне 1993 г. Япония объявила, что она принимает предложенное ГАТТ снижение на 36% тарифов на 1400 видов сельскохозяйственной продукции²⁷.

Полная либерализация японской торговли, по оценкам американских экономистов Фреда Бергстена и Маркуса Ноланда из Института международ-

²⁵ 1993 National Trade Estimate Report on Foreign Trade Barriers. U.S. Trade Representative. Wash., 1993, p. 146.

²⁶ Customs and Tariff Bureau Annual Report. Japan Ministry of Finance. Tokyo, 1992, p. 9.

²⁷ Nanto D. Japan's Official Import Barriers, CRS 93-657 E, 11.07.1993.

ной экономики, могла бы повысить стоимость американского экспорта в Японию от 8,9 млрд, до 18,2 млрд. долл. в год²⁸. Более скромны прогнозы Исследовательской службы конгресса США, утверждающих, что устранение сохраняющихся в восьми секторах японской экономики барьеров могло бы увеличить экспорт США приблизительно на 4,8 млрд. долл. в год, а ликвидация всех барьеров — на 10 млрд. долл. Считается, что 1 млрд. долл., полученных в результате экспорта товаров, обеспечивает работой приблизительно 19 тыс. американцев²⁹.

Япония пошла на либерализацию своей внешней торговли не в силу осознания невыгодности принципов свободного обмена товарами для собственной и мировой экономики, а лишь под давлением своих конкурентов. Однако в силу того, что допуск японских товаров на внешние рынки и в первую очередь в США прямо увязывался с проблемами снятия достаточно высоких таможенных барьеров в Японии, она была вынуждена подчиниться международному нажиму.

В то же время, приняв принцип «открытого рынка» де-юре, но отнюдь не как руководство к практической деятельности, Япония не слишком торопится отказаться от множества «нетарифных барьеров», ограничивающих импорт из США. И хотя в настоящее время Япония имеет один из самых низких в мире уровней внешнеторговых квот и тарифов, многие в США утверждают, что японский рынок остается закрытым для американского экспорта именно в результате действия «неформальных» барьеров. Часто суть подобного рода препятствий сводится к различным требованиям безопасности, предъявляемым товарам на японском рынке в соответствии с внутренним законодательством, которое с японской точки зрения никак не связано с международными обязательствами.

К другой категории неформальных и трудно устранимых барьеров относятся те, возникновение и существование которых основано на уже отмечавшихся выше структурных и концептуальных различиях в экономической политике и практике обеих стран. Если первая категория неформальных барьеров может стать предметом достаточно трудных, но все же конкретных переговоров, то вторая группа препятствий может быть устранена только в процессе длительного приспособления экономических структур обеих стран друг к другу.

Прежде всего речь идет о таких традиционных японских экономических структурах, как устоявшиеся иерархические межфирменные связи и сложная система внутренней торговли. Например, в среднем каждая из шести

²⁸ Bergsten Fred, Noland Marcus. Reconcilable Differences? United States — Japan Economic Conflict. Institute for International Economics. Wash., 1993, p. 187-192.

²⁹ Nanto D. Japan's Import Protection: Quantitative Measures and Effects on US Exports. CRS 930765 E, 20.08.1993, p. 23.

японских крупнейших финансово-промышленных групп — кэйрэцу, на которые приходится четверть ВВП и 18% продаж, 15% всех своих закупок делает внутри собственной группы, 25% товаров приобретается у дочерних компаний в Японии, 28% — у иностранных дочерних компаний, 6% — у других кэйрэцу, 21% — у прочих японских компаний и только 5% — у иностранных фирм, не связанных с группой³⁰.

Существующая в Японии система распределения также создает массу барьеров для широкого проникновения импортированных товаров на японский рынок. На пути к потребителю товар в Японии проходит через множество посредников, которых в 2 раза больше, чем в США, что неблагоприятно сказывается на стоимости импорта и объеме его продаж. До сих пор характер внутренней торговли в Японии определяют 1,5 млн. семейных лавок, через которые проходит свыше половины японской розничной торговли³¹. В Японии в 1991 г. на долю универсальных магазинов (более 50 продавцов), пришлось лишь 13% продаж³². Открытие новых универмагов ограничено до сих пор существующим законодательством и требует преодоления сложных бюрократических барьеров, что значительно тормозит процесс модернизации внутренней торговли. Существующая система торговли представляет хороший сервис, но абсолютно не приспособлена к развитию импорта прежде всего в силу товарной и кредитной зависимости от крупных японских компаний.

Препятствием на пути расширения импорта из США остается и характер традиционной японской деловой этики. Такие факторы, как устоявшиеся внутрифирменные связи, существование закрытых экономических группировок, включающих в себя банки, торговые, перерабатывающие и производящие компании, система пожизненного найма и привязанность работника к внутрифирменному распределению, не способствуют расширению американского экспорта. Серьезным препятствием остается и достаточно закрытый характер японского общества, сложность бюрократической системы и процедуры принятия решений, языковой барьер и т.д.

Американцам весьма трудно понять приверженность японцев сложившимся связям и обязательствам, которые с их точки зрения зачастую выглядят убыточными. В рамках американского делового менталитета не укладывается поведение японских компаний, которые, несмотря на отмену любых тарифов и квот, предпочитают более дорогую японскую продукцию американской, исходя не из соображений качества и патриотизма, а лишь из приверженности устоявшимся фирменным связям. Принцип сиюминутной выгоды скрывает от американцев возможность компенсации потерь в будущем

³⁰ Нихон-но року дайкигё судан (Шесть японских промышленных групп). Токио, 1992, с. 61.

³¹ Ahearn R. Japan Prospect for Greater Market Openess. — CRS Report for Congress. 26.06.1989, p. 12.

³² Japan 1993. An International Comparison, p. 28.

за счет надежной репутации, сделок по другим видам товаров, стабильности цен в период изменения конъюнктуры.

До последнего времени в Японии не было влиятельных сил, заинтересованных в расширении импорта. Если в США в качестве спонсоров увеличения закупок японских товаров выступают такие мощные организации, как Ассоциация автомобильных дилеров или представители оптовой торговли, владеющие сетью крупнейших универмагов и получающие колоссальные прибыли от продажи японских товаров, то в Японии специфика внутренней торговли до сих пор исключает подобного рода поддержку. Сеть универмагов в Японии до настоящего времени не определяет характер внутренней торговли, поскольку основные продажи идут через мелкие магазины и лавочки. Что же касается японских универмагов, то в основном они принадлежат крупнейшим торгово-промышленным домам, контролирующим не только производство, но и внутреннюю и внешнюю торговлю.

Проблема доступа американских товаров на японский рынок сложна и многогранна, поскольку ее невозможно проанализировать только с точки зрения действующих торговых правил и уложений. Весьма часто то, что формально разрешено, на деле оказывается невыполнимым как в силу скрытых барьеров, так и за счет непонимания американцами этики и практики японских торговых взаимоотношений. Американо-японские дебаты вокруг вопроса о «закрытости» или «открытости» японского рынка чаще всего заходят в тупик из-за значительных различий в понимании этого феномена обеими сторонами. Японцы в принцип «открытости» рынка не вкладывают ничего, кроме принятия юридических решений, отменяющих де-юре все тарифы и квоты. Американцы хотели бы видеть японский рынок настолько же открытым, насколько их рынок является открытым для товаров из Японии. Однако, если в США действует принцип «все разрешено, за исключением того, что запрещено», то в Японии основой социального поведения все еще остается установка на то, что «все запрещено, за исключением того, что разрешено».

Постоянно обвиняя Японию в протекционизме и декларируя свою приверженность принципам «свободной торговли», в Вашингтоне не слишком часто вспоминают о том, что США широко используют различного рода протекционистские мероприятия для ограничения японского экспорта. Вашингтон идет на такого рода меры, даже несмотря на то что в конце 80-х годов средний размер действующих таможенных тарифов в США составлял 4%, а в Японии — лишь 3%. Доля продукции обрабатывающей промышленности, которая при импорте подвергается таможенному обложению, в США составляла около 30%, а в Японии чуть больше 20%. Чаще всего устанавливаются различного рода прямые и косвенные протекционистские барьеры, в соответствии с которыми Япония под американским давлением берет на

себя обязательства не превышать экспортные квоты на те или иные товары. Наиболее распространенной формой подобных мер являются так называемые «добровольные» ограничения, которые принимает Япония под угрозой закрытия или серьезного сокращения американского рынка.

По оценкам экономистов, около 70% японского экспорта в США попадает под действие различного рода «добровольных ограничений» и «джентльменских договоренностей». Против Японии широко используются и такие чисто протекционистские меры, как введение тарифов и квот против японского экспорта. США продолжают сохранять тарифные санкции и квоты на некоторые виды японской электроники, станков, действуют ограничения на импорт стали, автомобилей и ряд других товаров. Как писал бывший президент Дж. Картер, «будем честны в отношении японцев: наши законы почти полностью исключают иностранный импорт, который может конкурировать с уязвимыми или политически влиятельными американскими промышленными отраслями или производителями сельскохозяйственной продукции. К тому же до самого последнего времени большинство наших производителей ориентировалось на наш колоссальный внутренний рынок и не делало особого акцента на экспорт»³³. Несмотря на существование множества подобного рода барьеров, конгресс США ежегодно принимает резолюции, требующие введения новых ограничений на импорт из Японии.

Стремление США решать проблемы экономических отношений с Японией с помощью протекционистских мер наглядно демонстрирует отсутствие у американской администрации и представителей бизнеса сколь-либо серьезного намерения найти возможность для действительного разрешения конфликта. И в Японии, и в США протекционизм чаще всего защищает ту или иную отрасль, однако на этом сходство кончается и начинаются различия. В Японии поддержка отрасли направлена на создание предпосылок для завоевания ею конкурентоспособности либо обусловлена внутривнутриполитическими причинами, при этом и в первом и во втором случае активным участником подобных мероприятий является государство, координирующее такую политику, а иногда и оказывающее финансовую помощь защищаемой отрасли. В США протекционизм отстаивает в основном интересы рынка и прибылей. В масштабе отрасли американский бизнес после введения ограничений получает определенную передышку. Ценовое или количественное ограничение на импорт из Японии позволяет сохранить уровень собственных продаж, а иногда и увеличить прибыли. Однако протекционистские меры в конечном итоге приводят к ослаблению защищаемой отрасли, ибо значительно ослабляется стимул для модернизации и повышения конкурентоспособности.

³³ New York Times. 21.02.1994.

ПРОТЕКЦИОНИЗМ ИЛИ СВОБОДНАЯ ТОРГОВЛЯ?

Оценка перспектив развития американо-японских отношений в сфере торговли, как и анализ любой сложной и многофакторной системы, не может привести к получению однозначных и четко определенных ответов. Крупнейшие в мире по своему объему двусторонние отношения, если учесть совокупность политических, военных и экономических связей, пронизаны сложнейшим переплетением государственных, групповых, ведомственных и прочих интересов, разновекторное воздействие которых с трудом поддается учету. В то же время, перефразируя слова шекспировского Полония, можно сказать, что обе страны прикованы друг к другу «стальными обручами», правда, не столько бескорыстной «дружбы», сколько расчетливого партнерства, а сохранение их союза определено совпадением и взаимодополняемостью интересов. Несмотря на периодически появляющиеся в средствах массовой информации обеих стран взаимные обвинения, в целом эти отношения, по крайней мере в обозримом будущем, «обречены» на партнерство. Какие же долгосрочные факторы подтверждают подобную точку зрения?

Находясь в тесных союзнических отношениях с США, за послевоенные годы Япония создала второй в мире экономический потенциал, а по доле доходов на душу населения обогнала Соединенные Штаты. Внутренняя обстановка в стране, даже несмотря на приход к власти в августе 1993 г. коалиционного правительства, остается достаточно стабильной. Подписанный в 1951 г американо-японский договор безопасности, в соответствии с которым США обеспечивает оборону Японии, дислоцируя свои войска на ее территории, до сих пор определяет ход двусторонних отношений. В значительной степени это относится и к японской внешней политике, которая практически не выходит за рамки американских стратегических интересов.

Во многом будущее место Японии в политике США будет зависеть от урегулирования их экономических противоречий. Несмотря на сохранение опасно высокого уровня дефицита торговли США с Японией, позитивные изменения во взаимном подходе к экономическим проблемам все же происходят. Серьезные перемены в японской экономике ведут к росту потребления за счет как импорта, так и расширения производства в тех отраслях, которые предназначены для обеспечения внутреннего рынка товаров и услуг. Американцы в свою очередь достаточно творчески восприняли японский опыт менеджмента и стратегического планирования в экономике, что позволило США не только вернуть утраченные в 80-е годы позиции, но и потеснить японцев даже в тех видах производства, где они долгое время имели неоспоримые преимущества. Так, американцам удалось создать и наладить производство автомашин, которые с успехом конкурируют с японскими моделями на внутреннем рынке.

Если попытаться проанализировать американские требования, предъявляемые Японии на торговых переговорах, то многие из них не только разумны и справедливы, но и не вызывают слишком серьезных возражений со стороны японских партнеров. В Японии хорошо понимают, что многие экономические механизмы нуждаются в модернизации и приспособлении к международным системам. Однако при этом возникает ряд трудных вопросов. Не говоря о том, что любые трансформации требуют сложной и длительной законодательной процедуры, их рациональность на уровне общественного восприятия подвергается сомнению, поскольку японская экономика в целом функционирует более успешно, чем экономические структуры США и Запада. С точки зрения будущего развития Япония должна увеличить уровень внутреннего потребления, модернизировать свое сельское хозяйство и систему внутренней торговли, увеличить расходы на общественные работы, изменить формирование цен на землю и расширить импорт, убедить в этом всех тех, чьи сегодняшние интересы так или иначе затрагиваются подобного рода решениями. Однако все это представляется непростой задачей. Естественно, что подобного рода изменения теснейшим образом связаны с проблемами японской внутриполитической борьбы.

Вышедшие на международные рынки крупнейшие японские компании обладают огромными финансовыми ресурсами, что определяет их все большую зависимость от государства, регулирующие функции которого начинают сокращаться. Ослабление бюрократического контроля над экономикой создает более широкие перспективы для роста импорта и либерализации торговли. Расширение географического диапазона деятельности японских компаний и их участие в глобальной производственной и финансовой деятельности постепенно ведет к размыванию многих традиционных принципов японской производственной этики, что не может не сказываться и на экономической ситуации внутри страны. Главным образом это воздействует на разрушение связей между производителями и субконтрактором, поскольку на передний план все больше выходит принцип стоимости, а не обязательной в прошлом лояльности. Снижение значения транспортных расходов в производственных издержках, в особенности для высокотехнологических компонентов, ведет к расширению их импорта, а структурные изменения японской экономики, в которой расширяется сфера услуг, способствуют постепенному демонтажу системы пожизненного найма, что увеличивает возможности для иностранных компаний получать квалифицированную рабочую силу. Хотя все сдвиги подобного рода пока еще малозаметны, тем не менее они свидетельствуют о постепенном переходе японской экономики от ее уникальности к системам и зависимостям, действующим в промышленно развитых странах, где международное разделение труда повышает значение импорта готовых изделий в экономике страны.

Определенную роль в этом процессе играет и смена поколений в Японии: отсутствие у более молодых ощущения изолированности от остального мира и опыта экономической разрухи, что во многом обуславливало приверженность старших поколений традиционным этическим и поведенческим нормам, изменяет потребительский вкус в сторону его интернационализации. В то же время, если будет продолжаться процесс перехода от «экономики производства» к «экономике потребления» и часть огромных средств, аккумулированных японской промышленностью, будет обращена в сферу потребления и удовлетворения социальных потребностей, это приведет к значительному увеличению импорта.

Рост стоимости иены способствовал тому, что только в 1991 г. свыше 10 млн. японцев побывали за границей. Это тоже оказывает определенное воздействие на их потребительские вкусы. Кроме всего прочего, интернационализация японского быта за счет расширения международных контактов и воздействия средств массовой информации ведет к усилению давления на политиков в плане приведения стандартов жизни в Японии в соответствие с ее экономическим статусом. Точно так же, как в 60-е и 70-е годы, общенациональным лозунгом была политика удвоения национального дохода, что и предусматривало призыв к жертвенности во имя национальных интересов и аскетизм в потреблении, так с середины 80-х годов, когда Япония превратилась в мирового кредитора, а США — в должника, мотивом японских средств массовой информации стало богатство Японии и пропаганда национальной гордости за достигнутые экономические успехи, замешанные на националистических чувствах собственной исключительности.

С политической точки зрения существует как внешнее, так и внутреннее давление, направленное на интернационализацию японской экономики и либерализацию ее рынка. Прежде всего проблема роста импорта из США и сбалансированности торговли находится в контексте всего комплекса американо-японских отношений. Политические и военные связи между двумя странами все чаще оказываются привязанными к экономическим проблемам. Вне зависимости от обоснованности или необоснованности американских претензий видно, что США будут наращивать давление на Японию с целью скорейшей ликвидации огромного отрицательного сальдо взаимной торговли. Хотя многие американские экономисты хорошо понимают тесную взаимосвязь между дефицитом федерального бюджета и потерей конкурентоспособности в некоторых отраслях с ростом отрицательного сальдо в торговле с Японией, на уровне общественного мнения, средств массовой информации и конгресса США вина за сложившуюся ситуацию возлагается прежде всего на нежелание Японии открыть свой рынок для американского экспорта. Отсюда протекционистские решения конгресса и непрекращающиеся требования к Японии расширить импорт из США. Любые меры по ограничению япон-

ского экспорта в США неприемлемы для Токио, что не может не усилить тенденцию к открытию японского рынка. Насколько такая политика сможет стать определяющей для принятия серьезных экономических решений, во многом зависит от внутривластной ситуации в Японии.

Реакцией японских деловых кругов на американские угрозы прибегнуть к протекционизму явилась тенденция к диверсификации рынков, продукции и размещения промышленности. Прежде всего японцы наконец вняли многолетним и многочисленным американским указаниям относительно необходимости роста внутреннего потребления, однако они приступили к этому не за счет увеличения импорта американских товаров, а путем расширения продаж собственных товаров на внутреннем рынке. Снижение положительного сальдо внешнеторгового баланса Японии в 1987-1988 гг. в основном связано с большей ориентацией японской экономики на внутренний рынок. Значительная доля японского внутреннего рынка досталась и новым индустриальным государствам. Как с горечью заметил представитель США на торговых переговорах с Японией Дэвид Сангер, «мы достигли успеха в открытии японского внутреннего рынка... для южнокорейцев»³⁴.

В целом можно предположить, что несмотря на все противоречия и сложности экономического взаимодействия между США и Японией, они будут прилагать все усилия для его сохранения и укрепления. Обе страны уже накопили определенный опыт улаживания конфликтов, а взаимные претензии играли роль катализатора оздоровления экономических структур по обе стороны океана. Японцы уделяли внимание росту внутреннего потребления и расширению импорта, а американцы прилагали усилия для ликвидации бюджетного дефицита, для роста сбережений, совершенствования системы образования, стимуляции инвестирования и выпуска товаров высокого качества.

Любой анализ перспектив развития двусторонних отношений должен принимать во внимание объективно существующую взаимозаинтересованность и США, и Японии в стремлении избежать острой конфронтации. Помимо политических и военно-стратегических соображений даже с чисто экономической точки зрения стабильность мировой экономики и мирохозяйственных связей во многом держится на устойчивом функционировании экономик США и Японии, что в свою очередь обеспечивается тесным переплетением их промышленно-финансовых структур. Немаловажную роль в сглаживании экономических противоречий играет и общая ответственность двух самых богатых стран мира в решении таких глобальных проблем, как борьба за экологическую безопасность и создание условий для выживания человечества. Очевидно, что все эти факторы будут заставлять обе стороны активно искать и находить пути урегулирования конфликтов, неизбежных при столь огромных объемах экономического взаимодействия.

³⁴ The New York Times. 25.11.1988.

Россия и Япония: экономические отношения в интерьере территориальной проблемы

В.О. Кистанов

Экономические отношения Японии с Советским Союзом, а после его распада — с Россией, на всем протяжении послевоенного периода не имели существенного значения для японской экономики. В силу различий в общественном строе и способах производства их экономические контакты сводились к торговым обменам, одностороннему валютно-финансовому взаимодействию, заключавшемуся в предоставлении Советскому Союзу кредитов и займов (в основном для обеспечения взаимной торговли), а также ограниченному по масштабам научно-техническому сотрудничеству.

До начала перестройки в СССР, в середине 80-х годов из-за несовместимости двух типов экономик, а также идеологического неприятия экономических воззрений Японии (мы не могли допустить «эксплуатации» советских трудящихся иностранным частным капиталом), абсолютно исключался такой важнейший компонент международного взаимодействия, как прямые частные инвестиции.

Что касается развития советско-японской торговли, то здесь сказались прежде всего ограничительные факторы чисто экономического характера. На наш взгляд, так называемая взаимодополняемость экономик СССР и Японии, долгое время поднимавшаяся советской пропагандой на щит как главное доказательство огромного потенциала взаимовыгодного экономического сотрудничества между двумя странами, на самом деле являлась одним из крупнейших препятствий на этом пути. Это показала структурная перестройка японской экономики в 80-е годы, резко сократившая ее потребности в первичном сырье и энергоносителях, а другими товарами, конкурентоспособными на японском рынке, наша страна не располагала. К тому же, стремясь к диверсификации внешних источников сырья и энергоносителей, Япо-

ния ставила целью избежать сколько-нибудь существенной зависимости от страны, которая рассматривалась японскими правящими кругами в качестве главного военно-политического противника.

В отличие от 70-х годов, когда отмечался устойчивый рост объемов торговли между СССР и Японией, обусловленный экстенсивным характером развития экономик обеих стран в тот период, низким уровнем стартовых показателей взаимной торговли, а также относительно спокойным состоянием двусторонних политических отношений, 80-е годы характеризовались застоем в этой области (см. табл.). Помимо сокращения потребностей Японии в первичном сырье и энергоносителях, важной причиной застоя явилось то, что двусторонняя торговля оказалась заложницей политических отношений между странами, а в более широком плане — конфронтации между Востоком и Западом.

Так, негативное влияние на объемы советско-японской торговли оказало присоединение Японии к экономическим санкциям Запада в отношении Советского Союза в связи с вводом войск в Афганистан в 1979 г. Под давлением США были усилены ограничения КОКОМ на поставку в СССР высоких технологий и ряда важных промышленных товаров, составлявших основу японского экспорта в нашу страну. Многие японские фирмы, питавшие интерес к советскому рынку, были напуганы случившимся в 1987 г. инцидентом с компанией «Тосиба кикай», которая поставила СССР в обход ограничений КОКОМ металлообрабатывающее оборудование, за что США запретили ввоз ее товаров на американский рынок.

Кроме того, в 80-е годы Япония более активно, чем прежде, стала выдвигать принцип «неразрывности экономики и политики», обусловивший развитие экономических связей с Советским Союзом необходимостью решения проблемы «северных территорий», т.е. передачи ей четырех островов Южнокурильской гряды.

Далее, снижение конкурентоспособности японских товаров на внешних рынках из-за повышения курса иены и приостановка предоставления СССР кредитов из-за общего охлаждения политических отношений привели к тому, что практически не осуществлялись новые совместные советско-японские проекты по освоению Сибири и Дальнего Востока. По этой причине прекратился экспорт из Японии в СССР крупных заводов.

Наконец, отрицательную роль сыграло сокращение валютных ресурсов в результате снижения мировых цен на нефть, которая наряду с природным газом составляла основу советского экспорта в промышленно развитые страны Запада. Хотя в 80-е годы Советский Союз резко увеличил вывоз на внешние рынки нефти и природного газа, этот процесс практически не затронул Японию, поскольку она не импортировала из СССР природный газ, а поставки на ее рынок нефти были весьма незначительны. В силу действия

Таблица

Динамика торговли Японии с СССР*,
млн. долл.

Год	Оборот	Экспорт из Японии	Импорт в Японию	Сальдо торгового баланса
1970	821,9	340,9	481,0	- 140,1
1971	873,2	377,3	495,9	- 118,6
1972	1098,1	504,2	593,9	- 89,7
1973	1561,9	484,2	1077,7	- 593,5
1974	2513,7	1095,6	1418,1	- 322,5
1975	2795,8	1626,2	1169,6	456,6
1976	3419,3	2251,9	1167,4	1084,5
1977	3355,8	1933,9	1421,9	512,0
1978	3943,9	2502,2	1441,7	1060,5
1979	4372,2	2461,5	1910,7	550,8
1980	4638,1	2778,2	1859,9	918,3
1981	5280,1	3299,4	2020,7	1238,7
1982	5580,0	3898,8	1682,0	2216,8
1983	4277,2	2871,2	1456,0	1365,2
1984	3913,3	2518,3	1394,0	1124,3
1985	4179,9	2750,6	1429,3	1321,3
1986	5121,5	3149,5	1972,0	1177,5
1987	4915,1	2563,3	2351,9	211,4
1988	5895,7	3129,9	2765,8	364,1
1989	6086,2	3081,7	3004,5	77,2
1990	5913,8	2562,8	3351,0	- 788,2
1991	5431,0	2114,0	3317,0	- 1203,0
1992**	3478,0	1076,0	2402,0	- 1326,0

* Данные Японской ассоциации по торговле с СССР и странами Восточной Европы; Јарап 1993.
An International Comparison, Tokyo, 1993, с.39.

** Данные по торговле с Россией.

указанных факторов советско-японская торговля с 1975 г. вплоть до начала 90-х годов развивалась со значительным активом в пользу Японии.

Надежды деловых кругов обеих стран на значительное улучшение взаимной торговли, связанные с «перестройкой» в СССР, «новым политическим мышлением» и провозглашением курса на переход к рыночной экономике, оказались довольно быстро опрокинуты нарастающими трудностями в советской экономике, усугубившимися впоследствии развалом СССР.

Расстройство союзной валютно-финансовой системы и потеря управляемости экономическими процессами в стране привели к резкому росту задолженности японским предприятиям за экспорт их продукции. Общая сумма задолженности японским фирмам, унаследованная Россией, составила на конец 1992 г. 1,5 млрд. долл., из-за чего многие из этих фирм воздерживаются от заключения сделок с российскими партнерами¹. В итоге, как это видно из таблицы, объем двусторонней торговли с 1989 г. неуклонно снижался. Особенно резкое падение отмечено в 1992 г. При этом в начале 90-х годов весьма значительно сократился японский экспорт, из-за чего сальдо торгового баланса Японии с нашей страной стало хронически отрицательным.

Таким образом, значение Советского Союза, а затем СНГ, в японской внешней торговле, и без того бывшее весьма скромным, сократилось до мизерного. Если в периоды наивысшего подъема двусторонней торговли доля СССР во внешнеторговом обороте Японии превышала 2%, то в 1992 г. этот показатель для России составил всего 0,5%, хотя на нее приходится свыше 90% суммарного товарооборота Японии с СНГ.

Произошло снижение роли Японии во внешней торговле России. По итогам 1992 г., Япония с четвертого места среди внешнеторговых партнеров России сместилась на седьмое — после Германии, Италии, Китая, Чехословакии, США и Франции². При этом ее удельный вес в российском объеме внешней торговли составил всего 4,3% (экспорт — 3,9 и импорт — 4,8%)³.

Структура торговли Японии с Советским Союзом, а затем с Россией более характерна для товарообмена между промышленно развитыми и развивающимися странами. Россия, как и бывший СССР, экспортирует в Японию в основном сырьевые и продовольственные товары: древесину, каменный уголь, цветные металлы, морепродукты. Япония же вывозит в нашу страну главным образом сталь, электробытовую технику (телевизоры, видеомагнитофоны и т.п.), химические изделия, средства транспорта (автомобили, суда).

Переход от административно-командной экономики к рыночной при всей его непоследовательности открыл дорогу на российский рынок зарубежным

¹ Нихон кайдзай симбун. 14.01.1993

² Проблемы Дальнего Востока. 1993, N3, с. 19.

³ Там же.

частным инвестициям, которые, как известно, являются наиболее действенной формой экономического сотрудничества и, как доказывает опыт Восточной Азии, самым эффективным инструментом индустриального развития, ибо они несут новые производственные технологии, «ноу-хау» и т.д.

Несмотря на крайне неблагоприятные условия для деятельности иностранного капитала (отсутствие четкого законодательства, регулирующего деятельность иностранных инвесторов, часто меняющееся налогообложение и т.д.), прямые инвестиции японских компаний в экономику России постепенно растут и на март 1992 г. составили около 300 млн. долл., а число совместных предприятий с участием японского капитала достигло 60. Вместе с тем некоторые ведущие страны Запада, в том числе США, опережают Японию в этой области, что отражает традиционно более осторожный и выжидательный подход японских бизнесменов к своим капиталовложениям в странах с высокой степенью предпринимательского риска.

Как отмечает газета «Асахи», в сфере прямого инвестирования японскими компаниями в России, в том числе в создании совместных предприятий, совершенно не получили развития крупные проекты. Энергично продвигаются мелкие и средние предприятия в основном в близкие к Японии районы Дальнего Востока, однако за исключением гостиничного и другого, связанного с валютными доходами бизнеса многие компании так и не добились успехов. По всей видимости, японские фирмы в сфере прямых капиталовложений будут и далее занимать осторожную позицию⁴.

Несколько более оптимистическая оценка деятельности японских совместных предприятий в России присуща представителям российских деловых кругов. Так, ответственный секретарь Российско-японского комитета по экономическому сотрудничеству И.Б.Титов сообщил читателям журнала «Проблемы Дальнего Востока», что с участием японского капитала в 1992 г. было создано 119 совместных предприятий, а общее их число составило 2122. В 1993 г. было зарегистрировано еще 20 российско-японских фирм. В основном это — небольшие предприятия в сфере услуг, обработки морепродуктов, древесины и т.д. Конечно, в этом есть и положительные моменты. Почти все совместные фирмы с японским капиталом функционируют, тогда как более половины зарегистрированных совместных предприятий в России не осуществляют производственную деятельность. Российско-японские СП к тому же выгодно отличаются величиной уставного капитала. Кроме того, достаточно велики показатели экспорта из России именно этих СП. На них приходится четверть суммарного экспорта совместных предприятий. А вот доля российско-немецких СП — 15%⁵. И это несмотря на то, что прямые япон-

⁴ Асахи симбун. 05.10.1993.

⁵ Проблемы Дальнего Востока. 1993, N3, с. 20.

ские инвестиции в российскую экономику составляют лишь 0,1% общего объема зарубежных инвестиций Японии⁶.

И.Б.Титов признает, что ситуация с японскими прямыми инвестициями в российской экономике пока далеко не удовлетворительная и не соответствует потенциальным возможностям двух стран. В то же время он справедливо подчеркивает, что мотивация политики японского бизнеса имеет свою ярко выраженную специфику: «До тех пор, пока в России не будут созданы благоприятные или хотя бы просто нормальные условия для зарубежных предприятий — как в инвестиционной сфере, так и в торговле, — он (японский бизнес. — *Ред.*) будет выжидать, собирать информацию, просчитывать варианты. Но как только основные слагаемые предпринимательского климата будут налицо, пойдет широкий и достаточно интенсивный процесс сближения наших экономик»⁷.

Следует заметить, что в приведенной цитате ее автор почему-то забывает упомянуть важнейшее условие процесса сближения наших экономик, выходящее за рамки чисто «предпринимательского климата», а именно — политическую стабильность, от которой в первую очередь зависит степень странового риска. Но об этом условии хорошо помнят японские бизнесмены.

Касаясь политической ситуации в России после событий в октябре 1993 г., один из руководителей крупной японской торговой компании «Ниссё Иваи» С. Ёсида в интервью газете «Асахи» утверждал: «Хотя политические беспорядки и прекратились на время, они, по существу, не были урегулированы, и борьба за власть будет продолжаться. Это является следствием роста недовольства россиян своей жизнью и недоверия президенту Ельцину. Неизбежно будут усиливаться голоса, требующие привлечения президента к ответственности за то, что он вызвал ситуацию кровопролития. В отношении будущей экономической политики также обострится противостояние курсов группировок радикальных демократов, консерваторов и центристов. Вероятно, потребуются время, пока правительство всерьез займется экономическими проблемами»⁸.

В обстановке высоких темпов инфляции и других негативных последствий складывающейся ситуации, японские предприятия, по мнению Ёсиды, и далее будут занимать осторожную позицию. Будут сдерживаться и прямые капиталовложения японских крупных торговых компаний. Как подчеркивает японский бизнесмен, предприятия не хотят осуществлять пря-

⁶ Там же, с. 20, 21.

⁷ Там же.

⁸ Асахи симбун. 05.10.1993.

мые капиталовложения в политически нестабильной стране, в которой к тому же отсутствуют гарантии для иностранного капитала⁹.

Министерство финансов Японии считает, что до тех пор, пока в России не стабилизируется политическая обстановка и не заработает экономическая реформа, будет продолжаться спад японо-российской торговли¹⁰.

Помимо политической нестабильности существует ряд структурных препятствий для налаживания более широких и разнообразных связей между Россией и Японией в области торговли и капиталовложений — прежде всего неразвита система транспорта и связи, отсталость промышленной и информационной инфраструктур, дефицит подготовленных кадров и недостаток опыта в сфере внешнеэкономической деятельности. На это накладывается приобретенная уже в период «перестройки» и постперестроечные годы неразбериха в прерогативах российских ведомств, имеющих отношение к указанной деятельности, неясность в разделении компетенции центральных и местных органов власти, постоянно пересматривающееся валютное, налоговое, таможенное законодательство и многие другие «болезни» перехода российской экономики к рынку.

В условиях, когда в силу указанных факторов в сфере двустороннего экономического сотрудничества роль торговли не увеличивается, но имеет тенденцию к снижению, а японские прямые капиталовложения в России, по международным стандартам, находятся в зачаточном состоянии, центр тяжести экономического взаимодействия передвигается в область оказания Японией финансовой и другой помощи России. Этому способствует и гипертрофированные политико-психологические аспекты этой помощи, обусловленные спецификой российско-японских политических отношений, прежде всего попытками японской стороны использовать финансовую помощь в качестве инструмента решения «территориального вопроса», и бурной ответной реакцией на это (как положительной, так и негативной) в официальных кругах, а также среди общественности России.

В эпоху существования доперестроечного Советского Союза в системе его экономических взаимоотношений с развитыми капиталистическими странами, в том числе Японией, такая категория, как «помощь», вообще отсутствовала как по идеологическим мотивам, так и по причине военно-политической конфронтации между Востоком и Западом. Те же сравнительно небольшие по объему займы и кредиты, которые СССР брал у своих западных контрагентов, советская централизованная система управления финансами старалась выплачивать в соответствии с договоренностями точно в срок и полностью. Не в послед-

⁹ Асахи симбун. 05.10.1993.

¹⁰ Нихон кэйдай симбун. 14.01.1993.

ную очередь это делалось из-за стремления избежать валютно-финансовой зависимости, которая, как показал пример Польши и некоторых других бывших социалистических стран Европы, явилась эффективным орудием расшатывания в них основ коммунистических режимов.

Парадокс истории заключается в том, что после крушения восточноевропейского фланга «мирового социалистического лагеря» и развала его цитадели — Советского Союза, западная финансовая помощь стран Восточной Европы и прежде всего России и другим новым государствам, образовавшимся на территории бывшего СССР, стала уже иметь своей целью удержание их на пути продвижения к буржуазно-демократическому обществу с рыночной экономикой.

Впрочем, еще в эпоху «перестройки» Советский Союз превратился в реципиента гуманитарной, технической, финансовой помощи Запада. Последний решился на ее предоставление не только в связи с опасениями поворота вспять начавшихся в тот период демократических преобразований и едва намечившихся рыночных отношений, но и, главным образом, из-за страха, что экономический хаос и полная потеря управляемости социально-экономическими процессами в ядерной сверхдержаве могут реально угрожать основам национальной безопасности западных государств. Правда, масштабы реальной финансовой помощи Запада Советскому Союзу были весьма незначительными, что заставило тогдашнего лидера «перестройки» в отчаянной попытке спасти социалистическую систему, придав ей «человеческое лицо», прибегнуть даже к своего рода шантажу Запада, построенному на простом силлогизме: «Если вы нам не поможете, то может пострадать весь мир».

Со своей стороны ведущие страны Запада не торопились наращивать объемы финансовой помощи агонизирующей командно-административной системе, выжидая исход борьбы между реформаторскими и консервативными силами в тогдашнем Советском Союзе и используя финансовый рычаг (в основном в виде обещаний) как средство подталкивания политических и социально-экономических процессов в СССР в нужном Западу направлении.

Указанный способ оказания финансовой помощи Советскому Союзу в сущности не изменился и после его распада. В нем лишь добавился новый элемент, связанный с возникновением конкуренции за получение западной помощи между рядом независимых государств, образовавшихся на территории бывшего СССР, и возможностью Запада играть на этой конкуренции (например, между Россией и Украиной), исходя из своих геополитических интересов. Вместе с тем основным объектом предоставления финансовой и другой помощи среди государственных новообразований в постсоветском пространстве стала Россия.

Являясь членом группировки стран Запада («семерки»), Япония в целом вынуждена действовать в рамках его общей стратегии в сфере оказания фи-

нансово-экономической помощи бывшим коммунистическим странам и прежде всего России. В то же время на подходах японского руководства к этому вопросу не может не сказаться ряд специфических обстоятельств, обусловленных как проблемами японо-российских отношений, так и рядом черт, присущих только Японии: особым положением ее как ведущего мирового кредитора, наличием серьезных торгово-экономических противоречий со своим главным партнером — Соединенными Штатами, особенностями политики в деле оказания помощи развивающимся странам, направленной в первую очередь на обеспечение интересов отечественного частного бизнеса, географической близостью к сибирским и дальневосточным регионам России, которые, с одной стороны, обладают огромными природными ресурсами, а с другой — испытывают наибольшую нужду в инвестициях и экономической помощи, и др.

Указанные факторы в основном и определяют главные направления и устанавливают пределы финансово-экономической помощи Японии, которые особенно ярко высвечиваются в такие пиковые моменты японо-российских отношений, как встречи на высшем уровне. Характерными в этом отношении оказались визиты в Японию М.С. Горбачева (1991 г.) и Б.Н. Ельцина (1993 г.).

Ожидания советской стороны, что сам факт первого визита главы СССР в Японию в силу своей исторической весомости шире откроет «японский кошелек», оказались явно завышенными.

Дискуссии по проблеме «северных территорий», навязанные японской стороной, затмили другие аспекты двусторонних отношений, в том числе такой важный, как экономическое сотрудничество. И хотя зафиксированная в совместном заявлении готовность «содействовать дальнейшему расширению торгово-экономических связей на основе взаимной выгоды» давала какую-то надежду на то, что встреча М.С. Горбачева и Т. Кайфу явится исходным пунктом для вывода советско-японского делового сотрудничества из тогдашней ситуации застоя, эта встреча не явилась переломным моментом в сфере экономического взаимодействия СССР и Японии. Не оправдала она и ожиданий, связанных с получением Советским Союзом от Японии крупномасштабной и эффективной экономической и технологической помощи.

Как отмечала в своих комментариях на эту тему японская пресса, имелись две основные причины такого исхода встречи. Во-первых, перспектива расширения экономических обменов с СССР жестко увязывалась японским правительством с прогрессом в «справедливом урегулировании проблемы северных территорий», т.е. с передачей Японии спорных Южнокурильских островов. Во-вторых, крупномасштабному экономическому сотрудничеству с СССР препятствовала его внутренняя политическая и экономическая нестабильность.

Касаясь первопричины застойной ситуации в японо-советских экономических отношениях, газета «Нихон кэйдзай» писала: «На нынешней японо-советской встрече на высшем уровне не было достигнуто тех результатов, которых ожидал Горбачев. На такую ситуацию деловые круги Японии смотрят трезвыми глазами. Японо-советские экономические отношения базируются на принципе «неразделимости политики и экономики». В условиях нерешенности территориальной проблемы невозможен и большой прогресс в экономическом сотрудничестве. То, что в настоящее время Япония воздержалась от серьезной финансовой помощи, было неизбежным»¹¹.

Одной из попыток реализовать принцип «неразделимости политики и экономики» явилось обсуждавшееся на страницах японской прессы предложение о предоставлении Советскому Союзу в обмен на спорные острова экономической помощи в размере 26 млрд. долл. Как нам сообщалось, предложение было сделано тогдашним генеральным секретарем ЛДП И. Одава во время его визита в Москву в 1991 г. Однако вопреки ожиданиям многих в Японии «сделка века» не состоялась, так как М.С. Горбачев в самом начале переговоров с Т. Кайфу решительно отверг саму возможность такого компромисса. По мнению японских аналитиков, главным мотивом этого решения стало резко негативное отношение общественности в СССР к такому решению, принятие которого означало бы политическое «самоубийство» для советского лидера.

Определенную роль в формировании негативного подхода Японии к оказанию финансовой помощи СССР сыграло, видимо, и то обстоятельство, что визит М.С. Горбачева пришелся на период, когда в Советском Союзе и за его пределами широко обсуждался вопрос об отходе советского руководства от прогрессивных экономических реформ, сдвиге оси политической жизни в стране вправо и т.д. Наряду с этим важной причиной крайне осторожного и выжидательного отношения деловых и административных кругов Японии к развитию двусторонних торгово-экономических отношений явились царившие тогда в советской экономике разброд и сумятица.

Как отмечал «Джапан экономик джорнэл», японские экономические организации и правительственные учреждения проявили мало энтузиазма в отношении предложенных Горбачевым бесчисленных проектов, реализация которых потребовала бы японской помощи. Они касались развития нефти- и газоносных месторождений, сельского хозяйства и инфраструктуры на Дальнем Востоке и обменов передовой технологией¹².

Оценивая значение подписанных в ходе встречи на высшем уровне 15 японо-советских соглашений и других документов о сотрудничестве в раз-

¹¹ Нихон кэйдзай симбун. 20.04.1991.

¹² The Japan Economic Journal. 27.04.1991, p 5.

личных областях, «Асахи симбун» указала, что они остались в тени проблемы «северных территорий»¹³.

Было бы, однако, неверным утверждать, что визит М.С. Горбачева ничего не дал в сфере экономического и научно-технического сотрудничества с Японией. Будучи заинтересованными в экономической и политической стабилизации в СССР и дальнейшем продвижении его по пути рыночных реформ, а также понимая, что нужны «заделы» для будущего сотрудничества с соседней страной, располагающей крупнейшими в мире природными ресурсами, огромным потенциальным рынком, немалыми достижениями в фундаментальных научных исследованиях и т.п., правящие круги Японии продемонстрировали во время визита не только готовность к диалогу по крупным вопросам экономического взаимодействия, но и стремление осуществлять в ближайшей перспективе практическое сотрудничество в определенных областях, так сказать, в дозированной форме. Это, в частности, нашло отражение в более гибком подходе к принципу «неразделимости политики и экономики».

Модернизированной версией этого принципа стал заявленный Токио во время встречи на высшем уровне подход к двустороннему экономическому сотрудничеству, получивший название концепции «расширенного баланса». Концепция заключалась в том, что каждая уступка со стороны СССР в вопросе «северных территорий» должна была балансироваться адекватным шагом навстречу с японской стороны в сфере двустороннего экономического сотрудничества. Очевидно, также, что указанная концепция имела целью постепенное расшатывание неприемлемой для Японии позиции СССР в территориальном споре.

В отсутствии же серьезных уступок Токио, как показал визит Горбачева, намеревался «канализировать» торгово-экономическое сотрудничество и оказание ему финансовой помощи выгодными для себя и малозатратными формами, такими, как интеллектуальное и научно-техническое содействие «перестройке», гуманитарная помощь и т.п.

Разъясняя позицию правящих кругов, печатный орган японских деловых кругов в статье под характерным названием «Мечи на видеокамеры» писал: «Токио предполагает, что центральным моментом станет его техническое содействие конверсии в СССР, с тем чтобы помочь перевести военные заводы на производство оборудования для потребительских товаров, таких, как видеокамеры и швейные машины. Правительство надеется помочь таким объектам новой индустриальной политики Москвы, как повышение производительности, стандартизации и подготовка менеджеров, а также оказать

¹³ Асахи симбун. 19.04.1991.

финансовую поддержку проектам технической помощи частным советским компаниям через займы Экспортно-импортного банка»¹⁴.

Исходя из широко распространенного среди японцев понимания экономического сотрудничества и финансовой помощи нашей стране как действенного средства благоприятного для Японии решения территориального вопроса, некоторые японские аналитики считают, что это средство следует использовать не в плане сдерживания, а, наоборот, в плане всемерного развития экономических и прочих отношений между двумя странами. Как писала газета «Асахи», «до недавнего времени японо-советское экономическое сотрудничество осуществлялось на основе принципа «неразделимости политики и экономики» через узкий канал. Однако решить проблему северных территорий можно лишь в условиях общего улучшения японо-советских отношений. В этом смысле проблемой является то, как сделать широким канал экономических отношений между двумя странами»¹⁵.

Выход газета видела в том, чтобы привлечь к решению этой проблемы в крупных масштабах частный бизнес. «Японскому правительству для того, чтобы активно задействовать частный капитал, необходимо всемерно использовать средства Экспортно-импортного банка Японии, страхование МВТП торговли и капиталовложений. Далее, было бы хорошо подумать о предоставлении низкопроцентных иенных займов, которые до сих пор предназначались для развивающихся стран в целях налаживания инфраструктуры»¹⁶.

Что касается мнения деловых кругов Японии относительно перспектив развития двустороннего экономического сотрудничества, то определенное представление об этом дает проведенный той же газетой анкетный опрос руководителей 50 ведущих японских компаний сразу после завершения визита М.С. Горбачева в Японию. При общей положительной оценке визита 62% опрошенных заявили, что в перспективе экономические связи между Японией и СССР будут, как и ранее, развиваться замедленными темпами и только 26% считали, что они активизируются.

На вопрос газеты о том, в какой форме лучше развивать экономическое сотрудничество с Советским Союзом, треть респондентов ответила, что надо оказывать техническое содействие и другую интеллектуальную помощь, 46% выступили за сотрудничество главным образом в налаживании инфраструктуры и всего лишь 2% — за оказание финансовой помощи¹⁷.

В русле общей стратегии оказания Японией экономической помощи Советскому Союзу лежало и экстренное выделение на эти цели 2,5 млрд. долл.¹⁸.

¹⁴ The Japan Economic Journal. 27.04.1991, p.5.

¹⁵ Асахи симбун. 19.04.1991.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Асахи симбун. 20.04.1991.

¹⁸ Асахи симбун. 09.10.1991.

Однако строго говоря, указанная сумма не являлась финансовой помощью в буквальном смысле, поскольку большая ее часть — 1,8 млрд. долл. — представляла собой фонд японского правительства для страхования торговых сделок японских частных компаний с СССР, 200 млн. долл. выделялось Экспортно-импортным банком в виде кредитов на развитие экспорта в Советский Союз теми же частными компаниями и только 500 млн. долл. в виде кредитов указанного банка предназначались для гуманитарной помощи.

Кроме того, получение этой суммы было жестко обусловлено реализацией ранее предоставленной гуманитарной помощи (100 млн. долл. в виде займов ЭИБ) выплатой накопившейся к тому времени советской задолженности японским компаниям в размере 350 млн. долл. и другими требованиями¹⁹.

Таким образом, как признавала газета, политика помощи Японии исходила из необходимости развития торговли, которая бы содействовала выводу Советского Союза из экономического хаоса в период реформ²⁰. Другими словами, и в данном случае помощь однозначно увязывалась японским правительством прежде всего с интересами отечественного частного бизнеса. Однако и этой помощью СССР не пришлось воспользоваться. Ибо всего через два месяца после принятия решения о ее выделении он перестал существовать.

Развал СССР и последовавшая затем естественная концентрация Японией основного массива своих экономических интересов и делового взаимодействия в постсоветском географическом пространстве на России не внесли принципиальных изменений в исходные позиции, базисные факторы и конечные цели этого взаимодействия. Даже исчезновение идеологических наслоений в двусторонних отношениях, прекращение конфронтации между Востоком и Западом, а также размывание тезиса о «советской военной угрозе» не способствовали укреплению и расширению российско-японского экономического сотрудничества.

Это следовало ожидать в условиях дальнейшей деградации российской экономики, разрыва ее органических связей с другими частями единого хозяйственного организма бывшего СССР, нарастания сепаратистских тенденций в самой Российской Федерации, криминализации ее социальной и хозяйственной сфер, коррумпированности чиновничьего аппарата и т.п.

Указанные обстоятельства привели к тому, что, с одной стороны, резко возросла зависимость России от иностранной финансовой помощи, а с другой — значительно ухудшились возможности ее эффективного использова-

¹⁹ Асахи симбун. 09.10.1991.

²⁰ Там же.

ния. Оба эти аспекта тщательно учитываются Японией, которая самым внимательным образом отслеживает все нюансы политических и социально-экономических процессов, происходящих в России, при выработке, а точнее корректировке, прежней стратегии двустороннего экономического сотрудничества. В частности, первый из двух упомянутых аспектов породил в Японии новый виток надежд (в значительной степени развеянных ранее Горбачевым) о возможности сдвинуть территориальную проблему в желательном для японцев направлении при помощи финансово-экономических рычагов.

В принципе Япония отдает себе отчет в том, что поддержка демократических преобразований и экономических реформ в России является глобальной задачей, от эффективного решения которой во многом зависит успех создания нового мирового порядка в эпоху после окончания «холодной войны». И все же она склонна использовать ее больше как элемент системы двусторонних связей, что приводит не только к дополнительной напряженности в ее отношениях с Россией, но и к серьезным трениям с партнерами Японии по «семерке». На этой почве у японского руководства не раз возникали разногласия с другими ведущими индустриальными странами Запада, в том числе с Францией, Германией, но особенно с США, которые считают, что Япония пока не вносит адекватного ее финансово-экономическим возможностям вклада в стабилизацию экономической и политической ситуации в России.

На протяжении ряда лет Япония пыталась интернационализировать проблему «северных территорий» путем создания в рамках «семерки» единого фронта финансового давления на Россию. Однако пиком ее достижений стало лишь упоминание в весьма нейтральных тонах в политической декларации по итогам встречи «семерки» в Мюнхене в 1992 г. о необходимости решения этой двусторонней проблемы между Японией и Россией. Дальнейший ход событий подтвердил, что остальные члены «семерки» мало озабочены японо-российским территориальным вопросом и гораздо более важной проблемой для них является внутренняя ситуация в России.

Япония оказалась перед угрозой изоляции в рамках «семерки» по вопросу об оказании помощи России. Более того, ирония судьбы заключается в том, что США стали обуславливать свою поддержку японской позиции по вопросу «северных территорий» предоставлением Японией финансовой помощи России²¹. В результате такого, по выражению представителя японского МИДа, «психологического прессинга», Япония решила отказаться от увязки территориальной проблемы с оказанием международной помощи Рос-

²¹ См.: Нихон кэйдзай симбун. 06.04.1993.

сии и от блокирования планов «семерки» в этой сфере. Однако, судя по всему, Токио намерен сохранить этот принцип на уровне двусторонних отношений с Россией. Более того, когда в начале 1994 г. встал вопрос о приеме России в клуб ведущих стран Запада, Япония отнеслась к этому весьма прохладно.

Двухуровневый подход Японии к оказанию помощи России ярко проявился, например, на встрече в Токио министров иностранных дел и финансов «семерки» («G-7») в апреле 1993 г. Поддержав других членов «семерки» в решении о выделении России финансовой помощи в размере 43,4 млрд. долл., японский министр иностранных дел К. Мито в ходе двусторонней встречи с его российским коллегой А. Козыревым подчеркнул, что Япония и впредь будет придерживаться политики «расширенного баланса». Как считают японские наблюдатели, это было сделано с целью элиминировать заблуждение российской стороны относительно того, что Япония якобы отделила «экономику» от «территорий»²².

Согласие Японии оказывать помощь России вместе с другими ведущими странами Запада, тем не менее не избавило ее от критики по поводу масштабов и качества этой помощи. По данным директора Института исследований тихоокеанского кольца университета Темпл Роберта М. Орра, Япония предоставила всего 0,1% помощи, выделенной России странами, входящими в «G-7», тогда как Германия — 75%, несмотря на огромную финансовую ношу, порожденную процессом объединения с Восточной Германией²³.

Очевидно, Япония все же внесет 2,83 млрд. долл. плюс 1,82 млрд. долл., обещанных на встрече «G-7». Однако лишь небольшая часть этой суммы, подчеркивает Опп, является помощью в западном понимании этого слова, которая должна быть льготной и содержать грантовый элемент в размере не менее 25%²⁴. Из общей суммы японской помощи 1,2 млрд. долл. должны быть выделены Экспортно-импортным банком Японии, который не дает льготных займов, а 2,9 млрд. долл. будут предоставлены в форме страхования министерством внешней торговли и промышленности торговых операций японских компаний с Россией. Таким образом, в действительности из 4,65 млрд. долл., обещанных японским правительством, только 500 млн. долл. будут предоставлены в виде помощи по определению DAC. И это, несмотря на то, что, как указывает Опп, Япония в 1991 г. была ведущим донором помощи в рамках DAC²⁵.

Побуждая Японию к более широкому взгляду на помощь России, упомянутый исследователь в то же время подчеркивает, что даже при масси-

²² Асахи симбун. 16.04.1993.

²³ Здесь и далее приводятся данные из статьи Орра: The Nikkei Weekly. 26.04.1993, p.6.

²⁴ Так, определяет условия Комитет по оказанию помощи на цели развития (DAC).

²⁵ The Nikkei Weekly. 26.04.1993, p.6.

рованной западной помощи движение в направлении экономических и политических реформ в России может окончиться коллапсом. Однако, по его мнению, Б. Ельцин и его сторонники наверняка потерпят фиаско, если такой поддержки не будет. При этом Опп «пугает» японцев тем, что если Россия, дескать, вернется на пути прошлого, то Япония может забыть о переговорах о возвращении островов²⁶.

Важно подчеркнуть, что, помимо территориального, есть еще ряд факторов, уже чисто российских, которые заставляют японцев более сдержанно относиться к оказанию помощи России. Так, председатель Федерации экономических организаций (Кэйданрэн) Г. Хираива пишет по этому поводу: «Японская экономическая поддержка всегда базировалась на предпосылке, что иностранная помощь должна дополняться усилиями принимающей стороны по оказанию самопомощи. Проблема заключается в том, что нам еще предстоит увидеть в России инициативы по адекватной самопомощи. В целях развития национальной экономики российские экспортеры должны предпринять первый шаг и прекратить хранение иностранной валюты на их зарубежных счетах»²⁷. Ряд японских аналитиков ставит под сомнение необходимость оказания помощи стране, которая занимается экспортом оружия. Не способствуют формированию в японском обществе благоприятного отношения к предоставлению помощи России инциденты, связанные со сбросом радиоактивных отходов в Японское море, информация о том, что часть гуманитарной помощи попадает в руки мафиозных структур и т.п.

С учетом указанных моментов, а также исходя из интересов и проблем собственной экономики, Япония стремится обусловить предоставление помощи России четкими (если не сказать жесткими) рамками. По мнению Г. Хираива, помощь должна осуществляться в соответствии со следующим набором приоритетов: поддержка развития сектора энергоресурсов, который испытывает спад производства; перевод заводов оборонной индустрии на производство гражданской продукции; помощь в защите окружающей среды; консультации и техническая помощь²⁸.

Что касается консультаций и технической помощи, то это, пожалуй, та область, в которой участие Японии осуществляется наиболее успешно и последовательно еще со времен перестройки в Советском Союзе. Так, в 1991 г. около 100 стажеров из СССР были приглашены в Японию, где изучали японский менеджмент и опыт функционирования японской экономики. На эти цели Япония ассигновала в 1991 г. 1,6 млн. долл., а в 1992 г. — еще 4,3 млн. долл.²⁹.

²⁶ Ibid..

²⁷ Keidanren Review. 1993, June, p. 5.

²⁸ Ibid.

²⁹ Япония как она есть. Бюллетень Посольства Японии. 1992, октябрь, № 6.

Кроме того, в марте 1994 г. Япония объявила о предоставлении ею 60 млн. долл. (в рамках помощи «семерки») на реализацию программы по оказанию технической помощи российским реформам. 20 млн. долл. из них должны были пойти на содействие развитию малого и среднего бизнеса по линии Европейского банка реконструкции и развития, 40 млн. — на подготовку кадров и создание сети центров по обучению менеджменту и другим основам рыночной экономики. Главное место в пакете технической помощи занимает создание на территории Московского университета исследовательского специализированного центра по обучению российских кадров³⁰.

Важным объектом технической помощи является командирование из Японии специалистов и делегаций для содействия реформам путем консультаций в таких областях, как валюта и финансы, денежное обращение, планирование в рыночной экономике и т.д. Особую активность в этом отношении проявляет одна из ведущих японских компаний по сделкам с ценными бумагами «Дайва секьюрити».

Япония неоднократно оказывала России (ранее СССР) гуманитарную помощь. В декабре 1990 г. была предоставлена безвозмездная экстренная помощь продовольствием и медикаментами на сумму 7 млн. долл. Кроме 500 млн. долл., выделенных Экспортно-импортным банком Японии под низкий процент, были предоставлены на тех же условиях еще 100 млн. долл. В январе 1992 г. преимущественно регионам Дальнего Востока безвозмездно были присланы медикаменты и продукты питания примерно на 50 млн. долл.³¹.

Помимо этого, японское правительство в феврале 1991 г. оказало безвозмездную помощь для закупки через Всемирную организацию здравоохранения медицинского оборудования на 20 млн. долл. в целях помощи пострадавшим от чернобыльской катастрофы. На совещании «большой семерки» в Мюнхене в июле 1992 г. оно объявило о своей готовности предоставить 25 млн. долл. на создание в России Центра подготовки персонала АЭС в области ядерной безопасности, для того чтобы исключить в будущем возникновение аварий, подобных чернобыльской³².

Кроме того, Япония объявила о своей готовности внести 17 млн. долл. на организацию в России совместного с западными странами Международного научно-технического центра исследований в области атомной энергии с целью предотвращения утечки «мозгов»³³.

Содействие развитию российской экономики с участием японского частного капитала, судя по всему, ограничивается направлениями, характер-

³⁰ Известия. 19.03.1994.

³¹ Япония как она есть. Бюллетень Посольства Японии. 1992, октябрь, № 6.

³² Там же.

³³ Там же.

ными для деятельности последнего в развивающихся странах. Это — прежде всего энергоносители и некоторые виды сырья, которые необходимы японской экономике, а также развитие инфраструктуры (связь, транспорт), чтобы создать благоприятные условия для будущей предпринимательской деятельности японских компаний в России. Следует при этом иметь в виду, что Япония больше не намерена участвовать в крупных сырьевых проектах, подобных тем, которые осуществлялись в Сибири и на Дальнем Востоке при помощи японских кредитов и займов в эпоху СССР.

Япония заинтересована в развитии научно-технического сотрудничества в тех областях, в которых Россия занимает передовые позиции (лазерные и космические технологии).

Все это и предопределило договоренности в области экономического сотрудничества, достигнутые в ходе визита российского президента Б. Ельцина в Токио в октябре 1993 г. Судя по всему (и это подтверждают оценки японских аналитиков), визит Ельцина так же, как ранее визит Горбачева, не явился «новой эпохой» в экономических связях между двумя странами. Обе стороны лишь подтвердили свою заинтересованность в развитии сотрудничества по следующим направлениям: совместное освоение нефтегазовых месторождений России, в первую очередь на шельфе о-ва Сахалин, налаживание трансконтинентальной волоконно-оптической связи, развитие инфраструктуры, в первую очередь на Дальнем Востоке, повышение системы безопасности на атомных электростанциях, создание новых транспортных средств, лазерных технологий, сотрудничество в области космоса и др.

Что касается регионального аспекта российско-японского экономического взаимодействия, то в последнее время все более отчетливо вырисовывается тенденция к концентрации внимания и усилий Японии на дальневосточных районах России. Особенно большой интерес к ним проявляют префектуры, расположенные на побережье Японского моря. Кроме того, все большую популярность в Японии приобретает концепция создания зоны экономического сотрудничества вокруг этого моря с участием Японии, России, Китая и обеих Корей. Некоторые эксперты весьма оптимистично оценивают перспективы этой зоны³⁴.

Однако ясно, что при всей заинтересованности России и Японии в экономическом сотрудничестве в отдельных областях и при наличии зафиксированных договоренностей, наивысшая эффективность торгово-экономических отношений для обеих стран может быть достигнута лишь в том случае, когда, во-первых, в России будет обеспечена политическая и экономическая стабильность, гарантирована необратимость рыночных реформ, а также создан благоприятный климат для иностранных прямых инвестиций; во-вто-

³⁴ Более подробно об этом см.: *Огава К.* Перспективы развития экономического сотрудничества в зоне Японского моря. — Проблемы Дальнего Востока. 1993, N 4, с. 3-7.

рых, урегулирована территориальная проблема. При этом, как представляется, достижение только первого условия будет достаточным для крупных позитивных сдвигов в двусторонних отношениях.

Если же такой мощный фактор, как крупный частный капитал, не будет задействован, то российско-японские отношения обречены и в перспективе функционировать в режиме «ни шатко, ни валко». Речь идет не только о японском капитале, но и российском, который, надо надеяться, со временем вырастет из «коротких штанишек» чисто финансовых и торгово-посреднических операций и станет главным двигателем индустриального развития России. Только это позволит стране, и прежде всего ее дальневосточным районам, занять достойное место в восточно-азиатском «строе летящих гусей»³⁵.

Обращаясь к проблеме «северных территорий», следует отметить, что наряду с продолжением активных поисков ее взаимоприемлемого решения российская сторона должна относиться к ней как к индикатору степени заинтересованности Японии в России. Чем острее постановка территориального вопроса с японской стороны, тем она менее заинтересована в нашей стране. Отсюда следует простой вывод: чтобы создать благоприятные условия для компромиссного решения этого вопроса, российской стороне необходимо добиваться повышения заинтересованности Японии в политическом и экономическом сотрудничестве с ней. Однако достижение этой цели является проблематичным в свете того, что роль России на политической арене АТР в последние годы снижается, а экономические связи между двумя странами в обозримой перспективе скорее всего не будут отличаться высокой динамикой.

³⁵ Образное выражение, используемое некоторыми азиатскими исследователями для описания сущности стремительного экономического развития восточно-азиатского региона. Первой волной такого развития явилась Япония (60-е годы), второй — новые индустриальные страны — Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур (70-е годы), третьей — страны АСЕАН (80-е годы). Нынешней волной считается КНР, а перспективной — страны Индокитая во главе с Вьетнамом. При этом страны («гуси») предыдущей волны своими капиталами и технологией как бы прокладывают дорогу и «тащат» за собой остальных.

Социальные связи в японском обществе

С.Б. Маркарьян

Социальную систему общества формируют отношения между людьми, установившийся порядок в их контактах, способность к согласованным, скоординированным действиям. В этом процессе взаимодействия личности и общества формируется и изменяется не только человек, но и одновременно его социальные связи, т.е. все находится в постоянной динамике.

Японцы со всем комплексом национальных особенностей, как и любой народ, по определению американского социолога японского происхождения Тамоцу Сибутани, «живут одновременно в двух средах — в естественном окружении, состоящем из реально существующих вещей, и в окружении символическом»¹.

Основной ячейкой японского общества является группа. Каждый на протяжении своей жизни является членом различных групп — семьи, церковной общины, школы, предприятия, партии и неформальных организаций. Существуют различные концепции и критерии определения группы. Наиболее продуктивной для данного исследования является динамическая концепция группы, согласно которой «индивиды рассматриваются не столько как члены той или иной организации, сколько как активные участники какого-то рода действия»². При этом важна не столько структура группы и результат ее деятельности, сколько сам процесс группового действия, которому присущи разделение труда и гибкая координация. Оно ориентировано на поведение людей. М. Вебер определил это понятие как социальное действие³.

Каждая группа достаточно независима и замкнута, подчиняется своим законам, общим для всех ее членов и объединяется едиными целями. Это

¹ Сибутани Т. Социальная психология. М., 1969, с. 117

² Там же.

³ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 625.

порождает групповое сознание, которое существует на эмоциональном уровне и является традиционной ценностью японцев.

Материальной базой такого сознания можно признать исключительно трудоемкий процесс возделывания риса, который требовал на протяжении тысячелетий кооперации и взаимопомощи не только всех членов семьи, но и родственников, друзей, соседей и даже... богов. Таким образом, экономическая необходимость формировала групповое поведение, вызвала самопожертвование и рождала гармонию. Любая личность, не соблюдавшая правила поведения группы, лишалась ее поддержки.

Если в европейских странах во главу угла ставится личность с ее эгоистическими устремлениями, то в Японии — группа. Хотя группа отчасти нивелирует личностные качества, в то же время она дает возможность индивиду реализоваться в своих рамках. В первом случае подчеркивается важность личности, «я», личной независимости. Во втором — соблюдается норма отношений *амаэ*, что означает устремленность слабого к зависимости от сильного; первоначально — чувство зависимости от матери, затем — от вышестоящего по должности лица. *Амаэ* обычно предусматривает связь в пределах одной группы. Отношения между людьми вне определенной группы основываются на понятии «*нарэаи*» («соглашение»).

Межличностные отношения (означающие в социальном плане ориентацию людей друг на друга в ходе длительного общения) в японских замкнутых группах строятся, как правило, на вертикальных связях (горизонтальные, конечно, тоже присутствуют, но их значение не столь велико). Это — отношения между индивидами с более высоким и более низким статусом, традиционно они обозначаются понятием «*оябуи-кобун*», или «*ояката-коката*» (букв.: отношения родителей и ребенка, старшего и младшего как по социальному положению, так и по возрасту). Понятие «старший» — это отец, учитель, хозяин, начальник. Подобные отношения подразумевают не только подчинение младшего старшему, но и заботу второго о первом, т.е. передают суть патернализма.

Система сподчиненности обеспечивает усиленное взаимодействие в группе сверху вниз и обладает большими мобилизационными возможностями внутри группы. В то же время она способствует «созданию группы внутри группы», т.е. фракционности, что мешает установлению горизонтальных связей и в известной степени является слабым местом вертикальной структуры. В японской группе неформальная иерархия и фракции имеют большее значение, чем формализованные структуры. Именно на этих неформальных связях, которые цементируют различные группы общества, и строит в принципе свое понимание сути японского общества Карел ван Волферен: «Веками существовал баланс между полуавтономными группами, которые делили власть. Сегодня большинство властных групп состоит из чиновников определенных

министерств, некоторых политических группировок и объединений бюрократов-бизнесменов. Имеется еще много менее значимых групп, таких, как сельскохозяйственные кооперативы, полиция, пресса и гангстеры. Все это компоненты того, что мы можем назвать Системой, чтобы отличить ее от государства...»⁴. Японские ученые — авторы коллективной монографии «Структура коммуникаций» утверждают, что определение Волферена соответствует тому, что имманентно присуще большинству японцев как неизменно данное⁵.

Вертикальное объединение, как известно, предполагает иерархию для фиксирования социального порядка. Для Японии исторически была характерна система рангов, привнесенная прежде всего конфуцианством. Ранг определял положение человека в группе и являлся, как указывает известный японский социолог Наканэ Тиэ, «социальной нормой, на которой базировалась жизнь японцев»⁶. Для японца важнее институциональная принадлежность, чем социальное происхождение.

Таким образом, японская группа, по определению Наканэ Тиэ, охватывала всех находящихся в одной рамке. Этот термин она использует по аналогии с понятием поля в физике. Отношения между группами строятся по принципу внутренний-внешний (*ути-сото*), который как бы воплощает дихотомию чистый-грязный. Этот принцип экстраполируется на все социальные уровни. Но он не подразумевает враждебности, а лишь определяет принадлежность к группе (к одной семье или компании).

Отношения в группе, между группами и в обществе в целом строго фиксируются, создавая как бы единое тканое полотно и не оставляя места вновь пришедшим. Такое групповое сосуществование распространяется на политику и бизнес, и его можно рассматривать как своеобразие японского общества.

Тяга японцев к организованности вообще — еще одна особенность этого социума. Причем в силу исторической традиции принадлежность к какой-нибудь группе воспринимается как данность, поэтому в ней как бы отсутствует принцип добросовестности, хотя официально и признаваемой. Такое отношение японцев к участию в организациях служит проявлением группового конформизма, подчиненности лидеру и известной пассивности при принятии решений. Понять суть японского конформизма помогает теория социолога Такэси Исида, который рассматривает его в сочетании с конкуренцией, определяя этот симбиоз, как ключ к пониманию динамики общества. Именно конкуренция между группами и внутри их является дви-

⁴ Van Wolferen K. The Enigma Japanese Power, 1989.

⁵ Комюникэсэн-но кодзо (Структура связей). Токио, 1993, с. 81.

⁶ Chie Nacane. Japan Society. Tokyo. 1987. p. 33

жущей силой развития. Она не вступает в противоречие с конформизмом, ибо направлена лишь на лучший результат в достижении единой цели, цели всей группы⁷.

Традиция такого конформизма восходит к особенностям бытования японской сельской общности, основанной на преданности своей деревне. По мнению Такэси Исида, в такой преданности есть нечто сродни религиозному чувству. Это справедливо, ибо восприятие религии у японцев тесно увязывалось с реальной жизнью, как бы снимая преграду между сакральным и профанным. Именно специфика религиозного сознания у японцев, не признававшего веры в абсолют, что свойственно мировым религиям, содействовала интеграции конформизма и конкуренции. Такая интеграция выполняла и выполняет важную функцию поддержания социальной стабильности в обществе.

Социальные связи каждого японца реализуются прежде всего в двух центрах его протяжения — семье и месте работы. Семья (*изэ*) — первичная группа, основная структурная ячейка общества. Понятие «*изэ*» охватывает не только саму семью (в западном понимании этого слова), но и дом, и имеющееся в нем имущество, а также семейные узы, трудовую активность всех членов данной семьи, в том числе и боковых линий. В связи с тем, что существование *изэ* зависело от деятельности всех ее участников, ее можно рассматривать как семейное предприятие, т.е. скорее как социально-экономический институт, чем связанную кровными узами общность. Поэтому родственные связи в Японии имеют меньшее значение, чем на Западе.

По традиции в состав семьи входили родители и дети, умершие предки и еще не родившиеся потомки, что подразумевало непрерывность семейной линии, преемственность поколений. Нормы, регулирующие поведение всех членов *изэ*, обеспечивали ее иерархическую структуру. Боковые семьи (*бункэ*) подчинялись главной семье (*хонкэ*), дававшей им определенные социальные гарантии. Власть главы семьи распространялась не только на бытовую и хозяйственную деятельность в пределах *изэ*, но и на образ мыслей ее членов. К примеру, мнения членов семьи, идущие вразрез с мнением ее главы, рассматривались как недостойное поведение, разрушающее гармонию и установленный в группе порядок. В связи с этим Наканэ Тиэ подчеркивает: «Все члены *изэ* представляют собой единую группу, подчиненную ее главе. Они не имеют специфических прав, соответствующих статусу личности в семье»⁸.

Отношения *хонкэ-бункэ* распространялись не только на семьи, связанные кровными узами, но охватывали и квазисемейную систему, которая получила

⁷ Ishida Takeshi. Japanese Society. N.Y. 1971. p. 39.

⁸ Chie Nakane. Japan Society, p. 14.

название «додзоку». Ее основными параметрами были строгая иерархия, авторитарный контроль над всеми членами группы при отсутствии родственных связей. Примером *додзоку* на высшем социальном уровне может служить государственная система в эпоху Токугава. Концепция *додзоку* лежала в основе понятия «государство-семья», наиболее наглядно проявившееся перед второй мировой войной. Таким образом, принцип *из* экстраполировался вверх на уровень *додзоку*, а вниз — на *оябун-кобун*.

Социально-экономические перемены в послевоенной Японии, начиная с первых демократических преобразований, безусловно, разрушили некоторые компоненты института *из*. Тем не менее концепция *из* продолжает существовать в деревне и городе в виде крестьянского хозяйства, ремесленных мастерских, магазинчиков, лавок, ресторанов, кафе. Однако постепенно все большее значение приобретает нуклеарная семья с присущими ей характерными чертами. С нуклеарной семьей японцы связывают англоязычное понятие «*my home*»⁹.

Современная японская семья немногочисленна: в городе, как правило, в ней не более двух детей; родители и взрослые дети, даже несемейные, часто живут отдельно. Однако до сих пор доля таких семей в Японии намного ниже, чем в западных странах. Ослабление традиционных семейных связей, в том числе и в нуклеарной семье, обусловлено социально-экономическими факторами, в частности уходом жителей из сельских местностей, периодическими перемещениями по службе в различные районы страны глав семей (при этом не учитываются интересы семьи и зачастую ее члены годами живут раздельно).

Определенное влияние на этот процесс оказывает и изменение социального статуса японской женщины, главным образом ее участие в трудовой и общественной деятельности.

Разрушает семейные связи, как это ни звучит парадоксально, и бурное развитие источников информации. В городской семье личные контакты между ее членами заменяют большое число телевизионных каналов, видеомагнитофоны, уокманы, аппаратура караоке, компьютеры. В этих условиях не только утрачивается потребность общения, но и исчезает время для него.

Современные условия и ритм жизни (отсутствие главы семьи с раннего утра до позднего вечера, занятия детей в школе и на репетиторских курсах) — еще одна причина, скорее психологическая, ослабления внутрисемейных связей. Даже трапеза, которая раньше была ритуалом, редко собирает за столом всю семью, разве что по воскресеньям и праздникам.

Возможно, возрождению и укреплению семьи будет способствовать расширяющееся строительство так называемых домов для двух поколений, в

⁹ Комюникэсён-но кодзо. с. 80.

которых независимо друг от друга живут «отцы и дети». Такой тип жилищного строительства, являющийся новой для Японии архитектурной концепцией, служит своего рода материальным воплощением «компромисса» между поколениями, которые живут рядом, но не вместе, сохраняя свой собственный уклад жизни. Нередко такие дома строятся на земельных участках, принадлежащих родителям. Таким образом, решаются две проблемы — молодое поколение получает жилье, не тратя баснословные суммы на покупку земли, а старшие — заботу о себе в старости.

Однако это не снимает многих противоречий между поколениями. Совместную жизнь затрудняют различия в привычках, ценностных ориентациях, взглядах на ведение домашнего хозяйства и бизнеса. Жизнь рядом (новые соседи) также не лишена осложнений. Старшие в этом случае полагают, что они с детьми по-прежнему единая семья, в то время как дети считают себя полностью независимыми и предпочитают общаться с родителями лишь по праздникам или когда последним нужно оказать какую-нибудь помощь.

Тем не менее при всех сложностях жизнь по соседству двух поколений — наиболее оптимальный вариант семейных отношений. В подтверждение можно привести старую японскую поговорку, смысл которой сводится к тому, что надо жить настолько близко друг к другу, чтобы суп не успел остыть, пока несешь его из одного дома в другой. Несмотря на все новации, семья остается одной из главных ценностей. И сегодня она является тем компонентом общества, который предохраняет его от сплошной европеизации, поскольку именно семья — хранительница национального духа. Проявлением этого может служить «воссоединение» поколений во время праздника Бон (Дня поминовения усопших) или Нового года. Меняются образ жизни, средства передвижения, мода, но неизменны люди, возвращающиеся к местам своего рождения или «обитания» своих предков.

В целом семейные отношения японцев — достаточно гибкие. Во многом этому способствует система воспитания, основная цель которого — социализация подрастающего поколения, т.е. выработка у него способности жить в обществе. Именно в процессе социализации ребенок усваивает духовные ценности, стереотипы поведения, приспосабливается к структуре общества. Поскольку воспитание детей в любой стране идет в системе координат национальных традиций, то не удивительно, что представители разных этносов зачастую не понимают поступков друг друга. На Западе, например, существует устойчивое представление, что японские дети, избалованные и неуправляемые до поступления в школу, после ее окончания превращаются в послушных, безликих, застандартизированных молодых людей, пополняющих армию роботообразных служащих и домохозяек¹⁰.

Но это не вполне соответствует действительности, ибо к японским детям в данном случае подходят с мерками и стандартами западных стереотипов,

¹⁰ *Tobin Joseph. Japanese Preschools and Pedagogy of Selfhood. — Rosenberg Nancy R. Japanese Sense of Self. Cambridge, 1992, p. 21.*

без учета национального характера японцев и их традиций. В семье воспитание младенца ведется в соответствии с принципами *амас* и *омотэ-ура* (вне-внутри; *омотэ* — внешняя сторона «я», которую показывают вне всей группы, и *ура* — внутренняя, которую видят только близкие люди). Именно дома, с родителями дети постигают искусство общения с людьми, т.е. здесь закладывается первый уровень межличностных отношений. Для их формирования чрезвычайно важна разного рода символика, устоявшиеся выражения форм вежливости в языке, ритуалы. Они же поддерживают и иерархию в семье, которая отчасти создает атмосферу гармонии и сотрудничества. Гармония для японцев на бытовом уровне проявляется в следовании принципу «поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой». В межличностных отношениях очень важны стереотипы. Для японцев все, что выходит за их рамки, странно, даже неприлично — *окасий*.

Практически все дети хотя бы в течение года посещают дошкольные учреждения — детские сады (*ётиэн*), или дневные детские центры (*хоикуэн*). Именно здесь, в обществе сверстников, существует возможность впервые осознать себя как личность, утвердить свое «я». То, что закладывается в малой группе дошкольного учреждения, получает дальнейшее развитие в системе школьного образования. Постепенно дети учатся контролировать свои поступки в интересах группы, т.е. в интересах гармонизации социальных отношений. Индивидуальные интересы ниже интересов группы, но они не вступают в противоречие.

Более высокий уровень развития межличностных отношений связан с выходом ребенка за пределы семьи и переходом в новые, более широкие социальные группы, где он формируется как член общества. Именно на этом уровне воспитывается способность чувствовать себя комфортно, приживаться в каждой последующей группе (детский сад, школа, университет, предприятие).

Вторым важным местом реализации социальных связей является предприятие, где работники по большей части имеют общие цели и интересы, где они ощущают себя членами одной общности. Примечательно, что это чувство не возникает по отношению к рабочим другой компании той же отрасли, той же профессии. Другими словами, лояльность японцев направлена на определенную группу, в данном случае на предприятие, где поддерживаются патерналистские отношения. В целях сохранения существующей здесь общности администрация предпочитает набирать работников непосредственно из учебных заведений. На тех, кто раньше служил в другой компании, смотрят с некоторым подозрением, их рассматривают как чужаков. Нанимаемые в раннем возрасте работники, по мнению профессора Урабэ Киёси, представляют собой «идеальный материал, чтобы стать идеальным человеком компании»¹¹. Концепция «человек компании» предполагает, что

¹¹ *Киёси Урабэ*. Нихонтэки кэйэй-о кангаэру (Размышление о японском менеджменте). Токио, 1978, с. 222.

наем — это не просто отношения в процессе труда, а комплекс социальных связей, поэтому, если человек меняет нанимателя, то он может ощутить неудобство и дискомфорт на новом месте, ибо попадает в определенную социальную среду, сложившуюся без его участия. Лояльность предприятию помогает сохранять сравнительно благоприятный социальный климат в компании, обеспечивать более высокий, чем в других развитых странах, уровень социального партнерства, что, безусловно, благоприятно отражается на производстве.

Определенное отождествление работника с предприятием объясняется по-разному. Одни связывают его с традициями *изэ*. Другие находят сходные черты в деревенской общине или даже в бюрократической структуре феодального государства. Безусловно, глава семьи в силу обладания очень широкими правами в отношении любого его члена ассоциировался скорее не с отцом, а с хозяином предприятия. Очевидно, такой характер системы *изэ* и давал возможность в последний период Токугава и ранний период Мэйдзи перенести ее в производственные отношения, в компанию. Отголоском этого является традиция в крупных корпорациях чтить предков, иметь свой гимн и создавать определенный кодекс для последующих поколений. В самое последнее время рождается традиция «оставлять» работника в корпорации и после смерти, устанавливая ему памятник как «человеку компании». Отождествление служащего с компанией лежит и в основе создания пофирменных профсоюзов в стране. Организация союзов по месту работы отражает стремление японцев найти свою нишу в определенной функциональной группе. Ряд японских социологов (Тадаси Хатами, Вакао Фудзита, Итиро Ито) связывает существование пофирменных профсоюзов именно с групповым сознанием, с вертикальной системой патерналистских отношений. В частности, по мнению Итиро Ито, Западная Европа и Япония пошли по разным путям индустриализации — первая, исходя из принципа индивидуализма, вторая — из принципа общности.

В силу такого психологического настроя нанятые на предприятия работники считают само собой разумеющимся вступление в профсоюз, ибо так делают все. Работник взаимодействует со своим пофирменным профсоюзом непосредственно на рабочем месте, отождествляя себя с ним. Поскольку последний повторяет структуру компании, то это помогает работнику ассоциировать себя и с ней. На основе такого рассуждения Вакао Фудзита приходит к выводу, что «нанимаемые присоединяются к своим организациям (профсоюзам) только потому, что работают на одном предприятии. Они вступают в них не добровольно и не принудительно, а становятся членами организаций без предварительного осознания»¹².

¹² Фудзита Вакао. Родо кумнай ундо-но тэнкан (Изменения в профсоюзном движении). Токио, 1967, с. 267.

Достаточно комфортно японец чувствует себя в обществе еще и потому, что обладает многочисленными неформальными связями, которые чрезвычайно важны. Как уже отмечалось, группа живет по своим законам, а путь каждого индивида зависит уже от его собственных социальных контактов (*connection*, или *конэ* в японском звучании). Они определяют взаимоотношения людей и во многом содействуют их успеху в жизни. В принципе *конэ* идентично *дзинмяку* (*дзин* — человек, *мяку* — жила). Это понятие Карел ван Волферен уподобляет минералу с прожилками, ибо связи пронизывают всю ткань общества.

Такие связи отчасти реализуются в виде существования *бацу* (дословно клан, фракция, клика). Это — неформальные группы в обществе, которые объединяют людей, имеющих тесные личные контакты и ориентированных на свои особые ценности. Как замечает Такэси Исида, *бацу* «характеризуется тесным и глубоким единством... нередко включает в себя патерналистское отношение со стороны лидера и зависимое отношение от него рядовых членов. Часто отношения строятся по принципу *оябун-кобун*»¹³.

В истории страны можно проследить возникновение и исчезновение нескольких типов подобных организаций. В свое время заметную роль играли *хамбацу* (клановые клики). В современной Японии наиболее заметными являются *хабацу* (фракции политических партий), *гакубацу* (объединения выпускников одного высшего учебного заведения), *кэйбацу* (группы, связанные брачными и родственными отношениями). Довольно любопытные сведения о деятельности, в частности, *кэйбацу* приводит в своей монографии К. Ван Волферен, ссылаясь на исследования группы японских авторов. Он говорит именно о тех *кэйбацу*, которые помогают формировать тесные административные связи путем устройства соответствующих браков¹⁴.

Социальные связи, выросшие из групповой системы, реализуются также в локальных обществах в городе и деревне. Эти группы соотносятся с обществом в целом, как микро- и макросистемы. Микросистемы образуются связями между индивидуумами, семьями и соответствующими институтами. В англоязычной литературе их называют «комьюнити» («community»), а в японской — «*тиики сякай*». Четкого социологического определения этого понятия до сих пор не дано, хотя оно и признается одним из базовых для анализа жизнедеятельности общества. Это, очевидно, связано с многомерностью самого понятия, которое американский социолог Ларри Лайон определяет как сосредоточение теории и реальной жизни¹⁵. Все зависит от того, с каких позиций рассматривается локальное общество. Одним из первых, кто попытался охарактеризовать его, был американский социолог Ро-

¹³ *Ishida Takeshi*. Japanese Society. p. 64.

¹⁴ *Van Wolferen Karel*. The Enigma of Japanese Power, p. 110.

¹⁵ *Lyon Larry*. The Community in Urban Society. Philadelphia. 1987. p. X1.

берт Парк. В 1936 г. он выделил три типа локальных обществ — территориальная организация людей; объединение по профессии; группа людей, связанных друг с другом в повседневной жизни. Другой американский ученый Джордж Хиллари в середине 50-х годов определил указанное понятие, как группу, процесс, социальную систему, географическое место, малую родину, общий уклад жизни, одинаковое отношение к чему-либо, а всего он насчитал 94 дефиниции. В принципе, все многообразие можно свести к трем базовым признакам — общность территории, общественные связи и социальное взаимодействие. Это и есть локальное общество.

Под это определение, таким образом, подпадают деревня, маленький городок, квартал большого города, микрорайон, возникший вокруг крупного предприятия. Другими словами, то, где сходятся перечисленные признаки. На эмоциональном уровне достаточно часто это понятие у людей ассоциируется с малой родиной (*фурусато*), вызывая ностальгию по замкнутому локальному обществу.

В городах и деревнях Японии — бесчисленное множество локальных обществ. В одном лишь Токио — их многие тысячи. Об одном из них рассказал в капитальном труде, написанном на базе полевых исследований, американский ученый Теодор С. Бестор¹⁶. Это, пожалуй, первая такого рода работа со времени классического труда Р. Дора «Городская жизнь в Японии». Понять суть этих обществ помогает системный подход, который рассматривает связи компонентов, явлений, личностей.

Жизнь любого локального общества, функционирующего в каких-либо границах (территориальных, психологических, социальных), хотя подчас и размытых, определяется повторением и персплетением устойчивых ассоциаций, институтов, стереотипов. Именно они и создают рамку для локальной жизни, где люди, даже будучи не знакомы друг с другом, взаимосвязаны через неформальные социальные, экономические и политические отношения.

Внешнее обрамление локального общества в деревне — это своеобразная смесь жилых и хозяйственных построек, микроскопических полей, теплиц, храмов, водоемов для орошения. В городе — это поистине калейдоскоп домов, лавок, ремесленных мастерских, многоквартирных апартаментов, кафе, забегаловок, патинок, непременных кумирен, храмов. Такое общество определяет все аспекты (социальные, политические, экономические и культурные) жизни тех, у кого здесь дом и работа.

В послевоенный период в условиях индустриализации и урбанизации социальные связи претерпели серьезные перемены. Они затронули оба ареала обитания — деревню и город. Прежде всего это выразилось в резком сокращении сельского населения, что вызвало наиболее кардинальные пере-

¹⁶ Bester Theodor C. Neighbourhood. Tokyo, 1989.

мены именно в деревне, которую профессор Кида (1956 г.) охарактеризовал как «субстрат японской культуры».

В исторической ретроспективе японская деревня представляла собой опирающуюся на систему из замкнутую группу и была одним из проявлений иерархической структуры *додзоку*. В нее входили также и те, кто не был занят в сельском хозяйстве (учителя, врачи, торговцы, ремесленники). Хотя сельское общество не было полностью однородным, все его составляющие держались вместе. Лидерами были, естественно, помещики или зажиточные крестьяне. В известной мере деревенское общество представляло собой унитарную организацию, нацеленную на производство и обустроенность повседневной жизни. Оно аккумулировало историческое единство людей, которые знали друг о друге не только в настоящем, но и в прошлом.

В отличие от ряда азиатских стран, например, Индии и Китая, каждая японская деревня имела четко определенную территорию. Обособленности деревень способствовал и ландшафт, в котором долины рек отделены друг от друга горными хребтами. Межличностные отношения имели общинный характер. Он был обусловлен необходимостью организации совместных работ в земледелии, при строительстве ирригационных сооружений и контроле над ними, проведении дорог и пр., т.е. экономической целесообразностью.

Духовным стержнем каждой деревенской общности был местный синтоистский храм, посвященный богу-покровителю (*удзигами*) данной местности. Он был как бы символом единства людей, проживающих здесь, укрепляя у них чувство принадлежности к своей деревне. Для деревни вообще характерно наложение символических отношений на реальные. В повседневной жизни люди руководствовались более всего обычаями и традициями, хотя, конечно, под все действия была подведена юридическая база. В целом доминирующим в жизни деревни был конформизм.

Деревенское общество с его корпоративно-коллективистским сознанием и иерархической структурой легло в основу современного общества. Несмотря на модернизацию страны именно деревня, представляющая собой социокультурное объединение, сохраняла атмосферу гармонии, солидарности, дисциплинированности; другими словами, способствовала поддержанию и упрочению неформальных связей. В то же время создаваемые заново формальные организации и институты опирались на старые принципы деревенского общества. Их использовало еще правительство Мэйдзи, стремясь перенести конформизм японской деревни на общенациональный уровень. Оно создало систему местного самоуправления даже до введения парламентаризма. Это было сделано с целью не допустить эскалации конфликтов между нарождающимися новыми политическими силами. Распространению в общенациональном масштабе, укоренению концепции «государство-семья» способствовали традиционная идея «императорская семья — главная семья» в государ-

стве, этническая однородность нации и стремление отстоять независимость страны.

Иерархические отношения в сельском обществе и система семейного патернализма начали активно размываться в результате проведения послевоенной земельной реформы, ликвидировавшей класс помещиков. Конечно, в первое время после реформы помещики все еще долго сохраняли свое влияние и авторитет среди жителей деревни, их выбирали на руководящие посты различных сельских организаций, но экономической власти у них уже не было.

Размыванию сельского локального общества способствовало и изменение системы административного деления: ранее самостоятельные небольшие деревни были объединены в более крупные административные единицы, а многие сельские поселения стали пригородами больших городов, подпав в значительной степени под их влияние. Этот процесс усиливало и размещение промышленных предприятий в сельской местности с ее дешевой рабочей силой и сравнительно низкими ценами на землю. К 90-м годам резко возросла разнородность сельского общества. Почти в 1/3 деревень крестьяне оказались в меньшинстве. Хотя общая картина варьируется в зависимости от регионов страны, в чистом виде прежнее сельское единение практически нигде не сохранилось и, естественно, постепенно утрачивают силу старые социальные связи.

За последние годы значительно сократилась численность крестьянской семьи. Ее размыванию способствует уход молодых людей в город — они либо насовсем уезжают, либо продолжают жить с родителями, но работают в городе. Это — серьезный деструктивный элемент в прежде едином сельском обществе, ибо деревня утрачивает социально-замкнутый характер. Исход из деревни прежде всего молодежи не мог не отразиться на возрастном составе жителей сельской местности: если в среднем в стране в 1990 г. лица старше 65 лет составляли 12%, то в крестьянских семьях их было 20%¹⁷.

Вместе с тем деревня продолжает сохранять многие черты прежней общественной жизни и традиций. Несмотря на то что внедрение технических новшеств позволяет осуществлять сельские работы только членами одной семьи, такие мероприятия как борьба с вредителями и болезнями растений по-прежнему требуют совместных действий. Все еще достаточно развита взаимопомощь во время сельскохозяйственных работ, хотя постепенно она все больше уступает место другим формам экономического сотрудничества (совместные хозяйства, сельскохозяйственные союзы, добровольные товарище-

¹⁷ Нихон кокусэй дзүзү (Япония в диаграммах и цифрах). 1992, с. 66; Ногэ хакүсэ фудзюку токусэйке 1992, с. 171.

ства и такие не встречающиеся ранее формы, как работа по подряду или по поручению).

Хозяйства объединяются в производственные организации для совместного использования оборудования и машин, кооперирования при выполнении отдельных видов сельскохозяйственных работ и даже для ведения коллективного хозяйства. Это в основном достаточно мелкие образования, в некоторые из них входят лишь три-четыре двора. В то же время есть и крупные хозяйства, объединяющие до 400 дворов. В известной мере подобные объединения можно считать альтернативой прежних форм осуществления взаимопомощи, но только, конечно, на другой основе.

Как правило, все эти мелкие крестьянские организации действуют в рамках сельскохозяйственного кооператива, функционирующего в данной местности, и являются его коллективными членами. В кооператив входят как крестьяне (практически все дворы), так и просто жители данного локального общества. Наряду с выполнением различных функций, связанных с производством и сбытом сельскохозяйственной продукции, кредитных и страховых операций, сельскохозяйственные кооперативы играют важную роль по обслуживанию жителей района на бытовом уровне. Многие кооперативы имеют библиотеки, парикмахерские, общественные кухни, дома отдыха, поликлиники и даже больницы. При них действует консультативная служба, организуются разнообразные кружки по ведению домашнего хозяйства, икэбана и гр. По всем сельским районам раскинулась сеть кооперативных магазинов. Другими словами, сельскохозяйственные кооперативы — одна из форм сплочения сельского общества в широких масштабах. Во многих местах они — поистине центры притяжения местных жителей.

Таким образом, на смену взаимопомощи приходят новые формы взаимодействия, место строгой иерархической структуры занимают экономические организации, а в целом, несмотря на размывание прежних социальных связей, сельское общество продолжает существовать в достаточно сплоченном виде. Хотя больших семей осталось не так много, имидж их все же сохраняется. Связи по-прежнему осуществляются на уровне семей, а не индивидов. На деревенских сборах, собраниях в кооперативах человек выступает, как правило, не от себя лично, а от крестьянского двора — семьи. В отношениях с местной администрацией деревню представляет староста, ответственный за всю внутридеревенскую общественную жизнь (сбор и выплата налогов, ремонт дорог, улаживание конфликтов и пр.).

Сохранению конформизма в деревне, ее сплоченности способствуют не только экономические факторы, но взаимопомощь в повседневной жизни — во время свадеб, похорон, стихийных бедствий, пожаров. Поддержание достаточно устойчивой социальной стабильности на уровне деревни обеспечивается прежней практикой очередности выполнения общественных обязан-

ностей каждой семьей, своего рода ротацией. Примером может служить традиционно значимое для сельской общности соблюдение религиозных ритуалов, забота о местном храме, проведение праздников.

В целом можно с уверенностью сказать, что сельское общество продолжает играть организующую роль, хотя в последние годы акценты смещаются. Характерно в этой связи высказывание Такэси Исида. Говоря об организующей роли сельского общества в конце 60-х годов, он писал, что «эта ситуация, несмотря на влияние урбанизации на сельское общество, будет сохраняться до тех пор, пока повседневные контакты среди жителей деревни будут столь же тесными, как и сейчас, хотя их интересы, конечно, будут направлены скорее на потребление, чем на производство»¹⁸.

Деревня по-прежнему является хранительницей культурной традиции, остается близкой сердцу ее бывших жителей и их детей. Достаточно упомянуть перемещение жителей из больших городов на малую родину в дни Нового года или Бон. В Токио, например, в дни Бон (в середине года) пустуют не только деловые кварталы, но почти обезлюдывают и жилые районы, и на работу (Бон не является государственным праздником, но очень многие на эти дни берут отпуск) можно доехать в два раза быстрее, чем в обычные дни. В сельской же местности, наоборот, население резко увеличивается. Например, в одной из горных деревень в преф. Ниигата, где обычно очень тихо и безлюдно, в дни Бон оно удваивается¹⁹.

Социальную роль деревни, видимо, в перспективе повысит проводимая в настоящее время кампания за комплексное развитие сельских районов. Эта кампания связана с тем, что быстрый подъем экономики привел к различного рода диспропорциям в развитии народного хозяйства, в том числе к несбалансированности регионального развития, перенаселенности городов, обезлюдению деревень, ухудшению экологической ситуации, разрыву в уровнях развития центральных и периферийных районов. Не случайно в планах экономического развития, начиная с 70-х годов (особенно в 80-е годы), неизменно ставится задача совершенствования региональной структуры, разгрузки районов сверхконцентрации производства, стимулирования хозяйственной деятельности на периферии. Решение этой задачи осуществляется по трем направлениям — создание в слаборазвитых районах наукоемких производств, стимулирование развития сельского хозяйства и восстановление традиционных промыслов. Возрождение сельской местности с включением ее в современное экономическое пространство, оживление неповторимых локальных производств, воспитание местного патриотизма с опорой на все богатство духовных ценностей народа, спасение прекрасных и чистых

¹⁸ *Ishida Takeshi. Japanese Society*, p. 57.

¹⁹ Норин токэй тэса. 1986, N 8, с. 64.

родников народной культуры — составляют суть политики возрождения малой родины. Это понятие охватывает все, что есть уникального, своеобразного, притягательного в каждом районе, городе, деревне. Оно имеет как материальный, так и духовный аспекты.

Движение за возрождение малой родины вполне можно рассматривать как разновидность гражданских движений, занимавших не последнее место в жизни японского общества в 70-е годы. Примечательна активная роль в нем молодежи, ее заинтересованное участие в оживлении производства в малых городах и деревнях. Все это содействует сохранению сплоченности сельского общества, поддержанию традиционных социальных связей.

Ослабление жесткой структуры социальных связей еще сильнее проявляется в городе. Быстрый экономический рост и урбанизация изменили структуру городов и повлекли за собой рождение значительного числа новых городских образований, лишенных с самого начала черт локального деревенского общества. Рост городов шел как за счет включения близлежащих деревень в городскую черту, так и за счет освоения ранее необжитых районов, в том числе путем намывания новых земель в портовых городах, а также за счет создания и расширения городов вокруг крупных предприятий.

Основой городского локального общества является квартал (*те*), хотя во многих случаях его границы не совпадают с местным административным делением. Общество в городе обладает определенной автономией в организации повседневной жизни ее жителей. Эта деятельность осуществляется через советы жителей квартала *тёнайкай*, или *комьюнити кайги*, как их в последнее время стали называть на американский лад. Они являются своего рода связующим звеном между жителями квартала и местной администрацией. Основная задача последней состоит в том, чтобы помочь совету в его деятельности по сплочению местного социума, созданию благоприятных условий для адаптации вновь прибывающих.

Городские локальные общества разнятся по своему характеру. Те, что образуются за счет деревень, больше тяготеют к деревенскому типу. Здесь жителям присуще традиционное общинное сознание (*носонтэки исики*, *кё-дотай исики*). Становясь автоматически членами городских обществ, они по традиции представляют не себя лично, а семью. Население таких кварталов по большей части ремесленники, торговцы, владельцы ресторанчиков, мелких мастерских. По образу жизни они ближе к сельскому обществу и по большей части сохраняют свою суть даже, если район застраивается домами для работников вновь созданных промышленных предприятий. Коренные жители здесь являются носителями консервативного сознания и несмотря на сравнительно небольшой удельный вес, их влияние в общественной жизни достаточно велико: они абсорбируют вновь поселившихся в свою среду, как бы консервируя атмосферу сельского общества.

В таких кварталах до сих пор очень живуча традиция проведения разнообразных праздников-ярмарок (*эннити*). Они устраиваются довольно часто и служат средством социализации местных жителей, становясь частью повседневной жизни людей, приучая их с детского возраста к данной традиции, исподволь прививая привычку соблюдения определенного религиозного ритуала. Средства для их проведения по большей части дают местные торговцы. Всего этого уже почти нет в так называемых городах-спальнях или блок-квартирах многоквартирных домов.

В новых городских образованиях межличностные связи формируются уже в значительной степени на творческой основе, хотя, конечно, и не без влияния традиций деревенской жизни. Наиболее рельефно такие связи просматриваются в локальных обществах, которые складываются вокруг крупных предприятий. Три их основные составляющие — предприятие, жители и органы местной администрации — создают единое целое, вступая в формальные и неформальные связи. Ритм жизни здесь определяется ритмом деятельности предприятия, поскольку большинство населения в той или иной степени связано с ним.

Местные жители создают разнообразные организации с тем, чтобы иметь возможность формулировать, выдвигать и добиваться разрешения своих требований. Предприятия и администрация, стремясь перехватить инициативу у жителей, также учреждают подобные организации, тем более, что они располагают значительными материальными ресурсами и организационными возможностями. Созданные снизу формально независимые объединения жителей попадают, как правило, в сферу влияния руководства предприятия и местной администрации, которые, оказывая им помощь, зачастую определяют и содержание их работы. Практически все организации местных жителей — молодежные, женские, спортивные, потребительские и другие — поставлены под контроль. Следует заметить, что такого рода объединения имманентно были присущи деревенскому обществу, обеспечивая его устойчивость.

Местная администрация и предприятия, используя эти организации, стараются достигать согласия в локальном обществе, примирять интересы коренных обитателей и вновь приезжающих, людей разных поколений, воспитывать молодежь на местных традициях, создавать тем самым благоприятный общественный климат. Все типы объединений связаны между собой системой координационных советов. Кроме того, здесь же имеются отделения общенациональных ассоциаций родителей и учителей, федерации организаций домохозяек.

Органы местного самоуправления, объединения жителей и организации, созданные предприятием, чрезвычайно большое внимание уделяют проблемам молодежи с целью включения в локальное общество. Большую роль

играют женские организации, помогая сближению родителей и детей, предотвращению подростковой преступности и в целом сплочению общества на первичной основе.

В последние годы в связи с постепенным сокращением рабочего времени серьезное значение в локальных обществах приобретает решение проблемы проведения досуга. Исследователи из университета Рицумэйкан (Киото) вполне справедливо отмечают, что организация отдыха жителей здесь «важна не только для воспроизводства рабочей силы..., но и для обеспечения человеческих и общественных отношений среди обитателей местного общества. Это служит одним из средств формирования последнего и локальной культуры». Наиболее популярна культурно-просветительная и спортивная деятельность, в которую в первую очередь и вовлекается молодежь.

Поведение жителей различно в старых и новых городских кварталах. В старых, в силу традиции, они более коммуникабельны и активны. В новых кварталах, особенно в многоквартирных домах, выявляется отчужденность современного общества. Более того, здесь жители действуют активно лишь при предъявлении к местной администрации требований общего характера, а в повседневной жизни они пассивны, ибо среди них преобладают индивидуалистические настрояния.

Многokвартирные дома не располагают к общению соседей между собой. Здесь локальное общество по своему характеру больше похоже на объединение, которое передается понятием *community* в западных странах. Под ним подразумеваются более гибкие социальные связи, без жесткой подчиненности. Но и эти связи все больше ослабляются — соседи не знают друг друга, домохозяйки не общаются в повседневной жизни, лишь здороваются на улице; все меньше народа участвует в общественных мероприятиях, праздниках, устраиваемых в кварталах²¹.

С целью воспрепятствовать этому процессу и оживить отношения, свойственные традиционному обществу, в градостроительной практике наряду с микрорайонами свободной планировки появляются компактные жилые блоки из пяти-шести- и двух-трехэтажных коттеджей, которые образуют замкнутую систему.

Это, очевидно, будет способствовать возрождению утерянных соседских связей на новой основе, созданию локального общества как в городе, так и в деревне. В ходе этого процесса обозначился резкий разрыв в уровне развития отдельных регионов, что зачастую вело к застою, развалу некоторых локальных обществ. Такая тенденция наметилась в Японии уже с конца 60-х — начала 70-х годов. Но в то же время все районы постепенно вов-

²⁰ Кёдай кигё тайсэй то сюмин сэйкацу (Система крупных предприятий и жизнь населения). Киото, 1992: с. 84, 85.

²¹ Asahi Evening News. 17.12.1991.

лекаются в единое информационное пространство путем создания так называемой системы *тиики комюникэсён* (местные коммуникационные связи). Она представляет собой «социальные связи, которые устанавливаются в определенном районе передачей и восприятием информации»²². Через них поддерживаются связи с другими локальными обществами и со всем обществом в целом.

Несмотря на огромные перемены, которые пережила страна, общественные связи и социальные взаимодействия в рамках определенной группы, микросхемы, т.е. локального общества, до сих пор обладают для японцев особой ценностью. Как и другие развитые государства, Япония прошла путь от индустриального общества, общества потребления к информационному. Но это был свой собственный путь, который авторы новейшей монографии, посвященной проблемам коммуникации — связям человека, общества и техники, — удачно определили как «послевоенное издание принципа *вакон-ёсай*»²³. Он совместил функциональную рациональность с традициями, национальными духовными ценностями. Именно такое сочетание (переплетение истории, культуры и современности) придает устойчивость японскому обществу, создает стабильный социальный климат, в котором каждая группа находит свою нишу.

²² Комюникэсён-но кодзо, с. 84.

²³ Там же, с. 82.

Социальные ориентиры японцев

Э.В. Молодякова

Спецификой развития японского общества было широкое заимствование достижений других цивилизаций, адаптация их к местным условиям, органичное сосуществование культур. В течение последних ста с лишним лет страна дважды переживала коренную ломку, радикальные перемены в экономике и политике, которые затронули устойчивые и скрытые факторы социальной жизни. В результате сложились современные социально-психологические установки, общественные нормы и социокультурные ценности японцев.

Японское общество демонстрирует достаточно высокий уровень социального партнерства, что является совокупным результатом взаимодействия разнородных факторов. Они срабатывают именно в этой стране. Прежде всего следует отметить своеобразие самого общества, на формирование которого оказали влияние специфика островного положения страны и природные условия; эпоха изоляции от внешнего мира и последовавший за ней период ускоренной модернизации; социопсихологические особенности японцев, сложившиеся в результате взаимодействия и взаимопроникновения синтоизма, буддизма и конфуцианства; этническая однородность населения; приверженность традициям, патриотизм.

Японское общество с его вертикальной структурой, проникнутое духом корпоративности, с ориентацией всех членов на солидарность внутри определенной группы при умелой политике предпринимателей и правительства оказалось подготовленным не только к восприятию идей социального партнерства, но и к успешной их реализации. В отличие от социальных групп на Западе, где индивидуальные цели преобладают над общими, в японских доминантой являются цели группы. Это порождает групповое сознание, которое базируется на эмоциональном уровне и является традиционной ценностью японцев. Важно, что в целом высокая социальная концентрация порождает высокий уровень сознательности населения, содействуя, как правило, нахождению правильных ответов на возникающие вопросы.

После второй мировой войны быстрая замена старых социально-экономических и политических структур новыми, демократическими оказалась единственно правильным путем подъема страны. Юридической основой всех изменений, мирной модели развития стала конституция 1947 г. Не менее важным для судеб японцев оказался крах националистической милитаристской идеологии японизма. Это касалось отказа от таких категорий, как божественное происхождение императора и его культ, уникальность японской нации, концепция «государственного организма» (*«кокутай»*), что являлось основой мировосприятия населения в первой половине XX в. Крушение националистической идеологии, однако, не означало ее полного ухода из духовной сферы. Более того, в условиях интенсивного проникновения других культур она получила в известной степени импульс для своей реанимации. Национальный элемент сохранялся и вновь стал заявлять о себе в благоприятных социально-экономических и политических условиях.

Принципы демократии становятся главной ценностью в обществе. Но в первое время японцам, воспитанным в условиях традиционных семейных и квазисемейных отношений, было достаточно сложно адаптироваться к ним. Этот процесс сопровождался стремительным усвоением достижений западных стран. Отрицание ультранационалистических принципов ассоциировалось с приятием всего западного. Оно представлялось новым, прогрессивным и демократическим, в то время как традиционное японское — реакционным и устаревшим. До некоторой степени это было повторением пути, пройденного мэйдзийской Японией. Однако в отличие от периода второй половины прошлого века впервые широкие слои населения вступили в непосредственный контакт с носителями западной цивилизации. Они получили возможность своими глазами увидеть образ жизни, нормы поведения людей другой культуры. Речь шла прежде всего об американском влиянии.

Почти полный отказ от прежних духовных идеалов создал своеобразный идеологический вакуум. Чувство растерянности охватило в первую очередь интеллигенцию, которая старалась в острых дискуссиях о взаимоотношениях национального и западного найти выход из идейного тупика. Это было достаточно сложно сделать, ибо прежняя система ценностей была во многом утрачена, а новая еще не утвердилась. Шел мучительный процесс формирования основных мировоззренческих установок. Несмотря на сохранение базисных социальных характеристик нации, различные поколения — те, чье мировоззрение формировалось в эпоху Мэйдзи и между двумя мировыми войнами, — по-разному восприняли послевоенную действительность. Согласно исследованиям общественного мнения в 1955 г., 45% опрошенных отдали приоритет довоенным социальным условиям в обществе и только 16% — новым. В 1974 г. эти показатели были иными — соответственно 20 и 51%¹.

Все это привело к созданию довольно сложного портрета японца и формированию нового общественного устройства с акцентом на повышение ро-

¹ Fukutake Tadashi. The Japanese Social Structure: Its Evolution in the Modern Century. 1989, p. 12.

ли личности в нем, возможности обеспечения ее свободы и творческой индивидуальности. Другими словами, речь шла о переходе от человека иерархического общества к человеку гражданского общества с его социальной открытостью. В таком обществе большую роль приобретает не классовая стратификация, а профессионально-экономическая, которая обеспечивает более высокую степень социальной мобильности.

До конца 70-х годов наблюдалось устойчивое падение престижа традиционных ценностей среди представителей практически всех поколений. Все более привлекательным становились такие жизненные цели, как «жить по собственному желанию», «жить одним днем», «жить весело», «обогащаться», что отражало внедрение в общественное сознание идей индивидуализма и «потребительского общества». Таким образом, старые жизненные принципы, базировавшиеся на общине, институте *изэ*, конфуцианских нормах морали, постепенно отступали. Вместе с тем нельзя сказать, что утверждение новых приоритетов приняло завершенную форму.

В ходе этого процесса наметились существенные изменения некоторых черт национального характера японцев, их поведенческих стереотипов, проявившихся у послевоенных поколений. Наиболее наглядно происходил отход от желания соответствовать группе к утверждению индивидуальных жизненных принципов. Этому способствовала и демографическая ситуация в стране. В 60-е годы (в период быстрого экономического роста) начинается дробление традиционной японской семьи и утверждение нуклеарной. Этот процесс, сопровождающийся размытием родственных связей, затронул и сельское население, наиболее консервативную часть общества. Такие перемены не могли не отразиться на образе жизни, духовных ценностях и мышлении японцев.

По свидетельству социолога Тадаси Фукутакэ, уже в конце 70-х годов около 80% населения отдавало приоритет концепции *майхомусюги* (я и моя семья)². При этом благополучие семьи ставится выше личного счастья, что, безусловно, имеет исторические корни. Такой принцип порождал и чувство отчужденности в обществе. В то же время сохранялось убеждение о необходимости соблюдать общественную выгоду, ориентироваться на других. Двойственное отношение к положению личности вело к принижению прав человека в западном понимании, препятствовало формированию индивидуалистического сознания, не способствовало процветанию эгоизма.

При том, что молодое поколение отдает сейчас предпочтение правам индивидуума и уважению индивидуального мнения, все же большинство населения (71%) считает, что порядок в обществе, т.е. существующая корпоративная структура, важнее свободы и прав человека. Но нельзя

² Фукутакэ Тадаси. Нихон-но кодо (Структура японского общества). Токио, 1981, с. 198.

не отметить, что в целом растет постепенно доля тех, кто высказывается за предпочтительность свободы индивидуума — 34,8% в 1990 г. (22,1% в 1978 г.)³.

В иерархическом японском обществе с его конформизмом, боязнью «потери лица», «чувством стыда» (в противовес западному — с горизонтальной структурой, директивным управлением, понятием греха) сложилось своеобразное восприятие индивидуализма и коллективизма. В отличие от Запада индивидуализм в Японии смягчается чувством солидарности и стремлением к гармонии, т.е. приобретает характер как бы взаимного индивидуализма. Коллективизм же не директивный, а конформистский. Поэтому в японском обществе, структурной единицей которого является группа, именно последняя подчас и выступает как индивидуум (в смысле единого целого).

Вполне можно согласиться с тезисом американского социолога П. Бергера о том, что ценности индивидуальной автономии постепенно ослабляют коммунальные связи в восточно-азиатских обществах и этот процесс будет развиваться⁴.

Японский конформизм лежит в основе достижений многих национальных целей, имеет динамичный характер, приспособляющийся к меняющимся обстоятельствам. Его движущая сила — конкуренция между группами и внутри их. Внутригрупповая конкуренция не вступает в противоречие с конформизмом, ибо она направлена на лучший результат в достижении одной цели. «Благодаря этому конкуренция, — пишет известный японский социолог Такэси Исида, — находит свое воплощение в единодушных усилиях. Такого рода конкуренция не свидетельствует о наличии индивидуализма в узком смысле слова, скорее она является составной частью группового конформизма: члены группы ориентируются не на индивидуальные достижения, а на заслуги, добытые благодаря индивидуальному вкладу в достижение цели группы»⁵.

Интеграция конформизма и конкуренции выполняет важную функцию поддержания стабильности в японском обществе; противоречия проявляются менее резко, чем в других развитых странах. Безработица не является серьезной социальной проблемой, превышая лишь незначительно 2% численности самодостаточного населения. В стране один из самых низких уровней преступности и наркомании. Люди пожилого возраста чувствуют себя достаточно комфортно в обществе, хотя оно и переживает бурный процесс старения, связанный с самым высоким в мире уровнем продолжительности жизни и падением рождаемости. В Японии до сих пор более 65% стариков живет с детьми или другими родственниками, в то время как в развитых

³ Кокумин-но исики то нидзу (Сознание и потребности населения). Токио, 1991, с. 8, 12.

⁴ Приводится по: Вопросы философии. 1933, №12, с. 108.

⁵ Japanese Society. 1971, N 4, p. 39.

странах Западной Европы — лишь 20-30%⁶. Сохраняющиеся негативные стороны жизни — наибольшее количество отработанных часов (включая сверхурочные) среди развитых стран, недостаточный в сравнении с экономической мощью уровень социальной защищенности, жилищная проблема, дискриминация отдельных социальных групп, усиливающаяся социальная дифференциация и очаги нищеты, коррупция в высших эшелонах власти — не влекут пока за собой серьезного обострения социальной напряженности. Бедность имеет скорее относительный характер и разрыв в доходах здесь гораздо меньше, чем в других странах. Можно сказать, что в целом материальное благосостояние людей является важной ценностью в японском обществе. Но, конечно, в условиях изменяющегося образа жизни проблемы бедности и безработицы могут встать весьма остро.

Современное японское общество основывается на эгалитарных ценностях, сочетая стабильность и динамизм. Большинство населения причисляет себя к средним слоям. (Так считали в 1990 г. 78,8% мужчин и 77,3% женщин.) В целом более половины японцев удовлетворены своей жизнью и признают себя вполне счастливыми. Однако, несмотря на нынешнее комфортное состояние, примерно половина высказывает тревогу о своем будущем⁷.

Правительство предполагает усилить социальную ориентацию политики, обратив особое внимание на интересы широких масс, сохранение окружающей среды и пр. В своей программной речи на 127-й сессии парламента (23 августа 1993 г.) тогдашний премьер-министр Морихиро Хосокава сказал: «До начала XXI в. остается мало времени, и нам необходимо использовать его для принятия смелых политических мер, направленных на улучшение системы социального благосостояния, создание такого общества, в котором городские рабочие и сельские жители в равной мере могли бы вести полноценный образ жизни в соответствии с их разнообразными запросами в условиях красивой и комфортабельной окружающей среды»⁸.

В таком обществе для формирования личности и ее статуса важную роль играет образование, выступающее как фактор вертикальной мобильности. Проведенная после войны реформа в сфере образования в значительной степени скопирована с американского образца: было децентрализовано управление просвещением, продлено обязательное бесплатное образование до девяти классов, демократизовано содержание учебных программ, предоставлена большая свобода преподавателям. В целом она была ориентирована на равные возможности. Большинство начальных и средних школ первой ступени (т.е. обязательное образование) — государственные; в то же время детские сады, средние школы второй ступени, колледжи и высшие учебные

⁶ Fukutake Todashi. The Japanese Social Structure, с. 205.

⁷ Кокумин-но исики то нидзу, с. 4-9.

⁸ Ежемесячная информация. 1993, август-сентябрь, N 5. Информотдел Посольства Японии, с. 75.

заведения в большинстве своем — частные. Практически 100% детей получает сейчас среднее образование и более трети заканчивает высшую школу. Это — весьма высокие показатели на фоне других развитых стран и одна из причин обеспечения экономики страны квалифицированными кадрами. Видимо, недаром японское общество часто называют «квалифицированным».

Хотя система образования является в целом достаточно эгалитарной и жесткие вступительные экзамены независимо от социального положения поступающих отбирают наиболее достойных, существует престижность всех типов учебных заведений. Селекция идет не по качеству образования, а по престижности места обучения. Престижный детский сад в значительной мере автоматически открывает двери в элитарные школу и университет, что в свою очередь гарантирует место в политической и экономической элите. Таким образом, при всей эгалитарности остается иерархичность системы, и качество высшего образования не является критерием для занятия высших постов в административных органах. Другими словами, сосуществуют прежние и новые факторы социальной мобильности.

В настоящее время Япония стоит перед очередной реформой системы образования. Узким местом в этой области сейчас считают высшее образование, недостаток гибкости в разработке учебных программ, отсутствие пропаганды традиционных моральных ценностей, недостаточные свобода выбора и самореализации, возможности развития интеллектуальных способностей школьников. Главной ценностью в области образования признается ориентация на воспитание творческой личности, в большей степени, чем на воспитание прилежного работника. Иначе говоря, ставится цель формирования общества, ориентированного на культуру⁹.

Высокий уровень образованности японцев делает их социально активными. Как свидетельствует опрос общественного мнения, более 60% населения проявляет повышенный интерес к положению в обществе и к политике правительства. Более того, на вопрос «необходимо ли интересоваться политикой, чтобы улучшить жизнь», 90% ответили положительно¹⁰. Это, несомненно, говорит о том, что активная жизненная позиция является важной ценностью для японцев, равно как и прагматизм, интерес к материальным благам и дисциплинированность, но при этом и готовность к определенным лишениям ради достижения благополучия в будущем не только для индивидуума, но и для всего общества. Это наиболее наглядно проявилось в тяжелые послевоенные годы.

В ценностных ориентациях в политической сфере устойчиво сохраняется консерватизм. Под консерватизмом понимается прежде всего сохранение высокой стабильности в условиях обеспечения динамики развития. Радикаль-

⁹ The Japan Times. 3.11.1993.

¹⁰ Кокумин-но исики то нидзу, с. 8.

ные настроения первых послевоенных лет достаточно быстро утратили свою привлекательность у широких слоев населения. Это объясняется как объективными (подъем экономики), так и субъективными (авантюристические действия левацких сил) факторами. Наметившееся в 70-е годы некоторое ослабление позиций Либерально-демократической партии (примерно треть населения страны в то время жила на территории, управляющейся представителями оппозиции) было приостановлено уже к 80-м годам. Вместе с тем, несмотря на однопартийное правление ЛДП, общество в целом выглядело плюралистическим. Правда, его политическая стабильность в известной мере нарушается в правящей элите, что подрывает доверие к ней населения. Результаты последних выборов в палату представителей парламента (1993 г.) показали недостаточную гибкость сегодняшней политики консерваторов. Однако несмотря на приход к власти коалиционного правительства, первого за последние 40 лет, ключевые посты все же были сохранены за бывшими либерал-демократами.

Другими словами, у власти осталась прежняя элита с консервативной идеологией, умело использующая ее для регулирования баланса сил. По определению итальянского социолога Вильфредо Парето¹¹, именно у политических элит, владеющих определенной идеологией, и находится реальная власть. Перегруппировка сил в политическом истеблишменте современной Японии свидетельствует о стремлении элиты использовать все легитимные пути для ликвидации накопившихся негативных явлений, открыть доступ в свои ряды для нового поколения политиков, создать новые механизмы для разрешения внутренних конфликтов и не допустить прихода к власти контрэлиты.

В целом в стране сохраняется политика консервативной ориентации, по сути неоконсервативной модели развития. Другими словами, как и прежде, в Японии происходит адаптация к изменившимся условиям.

На социальное самочувствие общества влияние оказывает статус японской женщины, точнее сказать ее ценностные ориентации и прежде всего участие в трудовой и общественной деятельности. Это — одно из главных направлений эволюции общества, ибо, по мнению социолога Сумико Ивао, именно женщине присущ в настоящее время динамизм и творческий дух, в то время как мужчина более пассивен и склонен к соблюдению иерархии. Но в силу своих социопсихологических особенностей и традиций японки перемещались со второстепенного места в общественной жизни на авансцену постепенно, делая это подчас не лобовыми, а обходными путями.

Демографическая ситуация и динамика рынка труда все более обнаруживают значимость женщин в качестве перспективного трудового ресурса. С возрастанием роли женщин неизбежно изменяется их традиционно под-

¹¹ Подробнее см.: *Газенко*. Концепция власти в итальянской политологии рубежа XIX-XX вв. М., 1988 (депонент).

чиненное положение и соответственно отношение к ним. Японки идут работать не только для того, чтобы пополнить семейный бюджет, но и для удовлетворения личных потребностей в более дорогих вещах, развлечений и хобби. В прошлом женщина работала либо до замужества, либо в случае развода или смерти мужа. Немаловажной причиной трудовой активности женщин являются психологические факторы, потребность и возможность раскрытия творческих способностей и самовыражения. Все большее число девушек после школы поступает в колледжи и университеты, после окончания которых достаточно легко находит себе работу.

Тем не менее прошло слишком мало времени, чтобы коренным образом изменилось отношение к женщинам на рабочем месте со стороны менеджмента, чтобы они обрели равный с мужчинами статус. Зачастую их рассматривают лишь как вспомогательные кадры: по-прежнему стараются использовать на подхвате. Достаточно редко они занимают высшие посты в управлении, да и то в среднем и мелком бизнесе. Кроме того, несмотря на принятие соответствующих законов, все еще сохраняется дискриминационная оплата женского труда.

Однако портрет современной японки далеко не так однозначен. Значительная часть женщин все еще не желает жертвовать ради работы семейными обязанностями или просто досугом. Именно поэтому они предпочитают временный наем, чтобы можно было свободно располагать своим временем и регулировать рабочий день в интересах семьи.

Выход женщин на рынок труда, естественно, сопровождается отходом от традиционных ценностей и изменением привычного имиджа. Сдержанность и скромность, привычка быть на втором плане не мешают современной японке быть чрезвычайно активным членом общества, участвуя в различных общественных движениях, как по месту жительства, так и в общенациональном масштабе. Наиболее заметна ее роль в органах местного самоуправления. Но все же именно женщины остаются хранительницами социального прошлого, традиций.

Без преувеличения можно сказать, что и настоящее находится в их руках, поскольку они «отвечают» за половину экономики, контролируя до 80% потребительских расходов. Ведь именно женщины ведут семейный бюджет и распоряжаются заработной платой своих мужей, которая часто переводится на их банковские счета¹².

Какие бы перемены не происходили в мировоззренческих установках японцев, в обществе важной ценностью по-прежнему остается высокая ориентация на труд. Однако за последние 10 лет согласно опросу общественного мнения, проведенного в 1992 г., на 13, 2% возросла доля лиц, чьи

¹² Journal of Japanese Trade and Industry. 1991. N 2, p. 29.

интересы лежат вне работы, и в целом она составила примерно 30% занятых¹³.

В настоящее время корпоративизм в своем прежнем виде («корпорация — семья для рабочих», или, точнее говоря, «корпорация заменяет семью для рабочих») уже не имеет абсолютного значения, но практически все существование работника, являющегося главным действующим лицом происходящих социально-экономических преобразований, вертится вокруг него. Это диктуется логикой экономической эффективности и определяет характер трудовых отношений.

Именно предприятие является тем местом, где все наемные работники реализуют свои социальные связи, где у них общие цели и интересы и где они ощущают себя членами одной общности. Все это приводит их к идентификации с предприятием. Такая идентификация связана с социопсихологическими особенностями японцев, их групповой психологией. Отсюда — основная черта японских трудовых отношений: ориентация внутри предприятия, на сотрудничество партнеров ради достижения главной цели — повышения производительности. При этом чувство общности отнюдь не распространяется на рабочих другой компании той же отрасли, на таком же рабочем месте. Это связано с тем, что лояльность японцев направлена не на абстрактную идею, а на конкретного человека или группу. Опираясь на конфуцианский догмат «сыновней почтительности», такая лояльность в принципе обеспечивает поддержание существующего социально-политического строя.

Таким образом, японский наемный работник ориентирован в первую очередь на интересы предприятия, на патерналистские отношения на производстве, где сохраняется квазисемейная обстановка, а затем уже на характер труда. Чувство общности с предприятием формируется у вновь нанимаемых молодых людей через различные формальные и неформальные программы обучения и профессиональной подготовки. С помощью таких программ вновь нанимаемый сразу включается в состав персонала, пуская корни на предприятии, становясь «человеком компании».

Поэтому неудивительно, что в настоящее время половина наемных работников предпочитает оставаться в компании или на одном рабочем месте, даже если они чем-то и недовольны, а 44% считают смену работы приемлемой при условии возможности найти применение своим способностям¹⁴, что весьма сложно в своеобразных условиях рынка труда.

Примечательно, что для формирования такой рабочей общности администрация предпочитает набирать работников, не имеющих специальной подготовки. Обладающий опытом работы на другом предприятии рассматривается уже с некоторым подозрением как чужак. Нанимаемые в раннем воз-

¹³ Япония. О себе и мире. — Дайжест. 1993 декабрь, № 16, с. 54.

¹⁴ Там же, с. 55.

расте работники лучше воспринимают все то, что компания хочет в них вложить.

В настоящее время до 80% всех занятых удовлетворены своей работой и готовы трудиться даже после достижения пенсионного возраста. Правда, доля тех, кто собирается работать «пока сможет», постепенно падает. Видимо, это связано с улучшением системы социального обеспечения и общим повышением уровня доходов.

В современных условиях структурных изменений в японской экономике, в организации предприятий и системе управления намечаются новые тенденции во взаимоотношениях между наемными работниками и менеджментом. Эти тенденции развиваются на фоне повышения роли индивидуалистических ценностных ориентаций, что, вероятно, в недалеком будущем может вытеснить понятие «человек компании» понятием «человек общества».

С ростом благосостояния у японцев все большую значимость приобретает досуг, особенно у молодого поколения, которое не спешит даже вступать в брак. Но и в этой сфере сохраняется дух корпоративизма. В частности, японцы считают дурным тоном, неэтичным по отношению к фирме полностью использовать свой отпуск. Кроме того, весьма популярным является проведение уикэндов и отпусков совместно с сослуживцами.

Постепенно досуг входит в систему приоритетов в ценностных ориентациях. Если люди среднего и пожилого возраста все еще живут, чтобы работать, то молодежь уже работает, чтобы жить. По свидетельству менеджера по кадрам одной из компаний, в настоящее время молодежь предпочитает скорее меньше работать, чем больше получать¹⁵. Молодые люди, нанимаясь сейчас на работу, интересуются не только заработной платой и условиями труда, но и тем, какими возможностями располагает фирма для организации отдыха.

Хотя до сих пор, по данным опросов общественного мнения, больше половины занятых работают, «чтобы заработать деньги», свыше 20% видят в этом и «долг перед обществом» и около 20% трудятся для самореализации.

Новые ценности внедряются путем формирования стереотипов — от наглядно-примитивной пропаганды американского образа жизни в первые послевоенные годы к воздействию на более высоком уровне. Речь идет о широком заимствовании американского опыта, в частности в области образования, средств массовой информации, кино, индустрии развлечения. В первые послевоенные годы сами американцы (оккупационные власти) подчас директивными указаниями прививали западные ценности, используя самые разнообразные средства.

¹⁵ Иомиури симбун. 02.10.1989.

Не без американского влияния получили в стране широкий размах средства массовой информации, играющие важную роль в формировании массового сознания, его стандартизации. Наряду с образованием они, по выражению К. Волферена, выполняют роль служанки существующей системы в обществе. Именно через телевидение, радио, кино, меньше прессу, идет потребление не только информации, но и всей духовной культуры, в которой достаточно заметно западное заимствование.

Прежде всего оно проявляется в подаче материала, имеющего в большой степени потребительский характер. Основное внимание направлено на то, чтобы человек не сосредоточивался на общественно значимых проблемах, отдавал приоритет досугу, спорту, кулинарии, развлечениям, путешествиям, одним словом, чувственным удовольствиям.

Безусловно, средства массовой информации нацелены на формирование стереотипов, отвечающих социополитическим установкам правящей элиты. В зависимости от политической конъюнктуры меняется набор стереотипов. Так, в годы борьбы против японо-американского договора безопасности пропагандировался стереотип «грубого американца», а в годы бурного экономического подъема — исключительности японской нации, умение адаптироваться к новой обстановке, особой моральной энергии японцев, самобытности японской культуры, сплоченности нации.

Содержание стереотипов отчетливо отражает соотношение национальных и заимствованных элементов в сфере психологии, идеологии, социологии и политики, в целом в массовом сознании. Особенно это характерно для японцев с веками выпестованными стереотипами поведения, которые стали интегральной частью их сознания. С детства каждый японский ребенок усваивает готовые схемы и модели поведения. Почти ничего не остается на долю случайной или личных склонностей (даже блюда на подносе расставляются в определенном порядке). Воспитанный в строго фиксированной системе ценностей и отработанных веками стереотипов поведения, искусства и ремесла японец впитывает на уровне подсознания, что и как необходимо делать в различных обстоятельствах. Например, какие материалы использовать для изготовления того или иного предмета в соответствии с принципами японской эстетики; как упаковывать ту или иную вещь в зависимости от ее предназначения. Эту особенность японцев известный французский японовед Бой де Мент определил как «катаизированность»¹⁶ от японского слова «ката», которое переводится как метод, шаблон, форма, тип, образец, а в данном контексте — как манера поведения.

В определенной степени такие стереотипы становятся сродни вере. Этот принцип не разрушили ни преобразования периода Мэйдзи, ни крушение япон-

¹⁶ The Japan Times. 10.09.1990.

ской империи в середине этого века, ибо они — часть духовной жизни общества, одна из форм его существования.

Более того, именно после реставрации Мэйдзи активно начали создаваться новые стереотипы на основе регламентации с использованием всех нововведений. Конкретным проявлением может служить сфера образования, где все было подчинено единым строгим правилам — ношения формы, поведения, выполнения обязанностей в классах, поклонение императору, скоре его обожествление, и пр.

Примерно та же политика проводилась в системе просвещения и с конца 50-х годов нашего века. Именно тогда началось движение за пересмотр школьных программ в сторону националистической интерпретации истории и политики страны, продолжающееся и по сей день, несмотря на противодействие некоторых общественных сил. Но если раньше фальсификация истории в школьных учебниках осуществлялась большей частью цензурой, то теперь речь шла о коренном изменении их содержания. В 60-е годы активно разрабатывалась концепция формирования желательного человека (кампания *хитодззукури*), в которой наибольший акцент делался на воспитании человека в духе патриотизма и единства нации.

В последние десятилетия националистическое воспитание ведется уже с начальной школы путем ненавязчивого возвращения к традиционным ритуалам (поднятие национального флага, исполнение гимна), что подспудно обеспечивает лояльность императору и государственным структурам вообще. По сути проводится целенаправленная политика сохранения в сознании японцев идеи того, что император является символом нации (как сказано в конституции), мерилом нравственных идеалов и хранителем преемственности поколений. Эта политика вызывает неоднозначную реакцию в обществе¹⁷.

Реализация традиционных духовных ценностей вкуче с заимствованными способствует формированию личности японца, проникнутого идеей конформизма и гармонии. На эту идею работают все средства массовой информации, постоянно поддерживая интерес к институту императора. Особенно наглядно это проявляется во время таких эпохальных событий в жизни императорской семьи, как, например, недавняя свадьба кронпринца, проведенная с соблюдением всех древних ритуалов. В то же время постоянно подчеркивается, что члены императорского дома живут той жизнью, что и миллионы семей японцев с их радостями и горестями. Тем не менее в целом пиетет по отношению к императору падает, особенно среди молодого поколения. Согласно опросу общественного мнения, проведенному телерадиоком-

¹⁷ Асахи симбун. 25.12.1992; 08.03.1993.

панией Эн-Эйч-Кэй в 1988 г., около 50% респондентов проявили индифферентность в этом вопросе¹⁸.

Возрождение концепции «духа Ямато» ведется в рамках пропаганды исключительности национальной идеологии и культурной традиции, несравненного государственного довоенного устройства, возрождения религиозно-мистических ритуалов. Это происходит в известной степени не без участия правящих кругов, что можно рассматривать как реакцию государства на размыв традиционных ценностей и формирование так называемого здорового национализма. В этой обстановке две крупнейшие в стране религии — синто и буддизм предпринимают попытки модернизировать свои догматы, приспособляясь к новой ситуации, но не поступаясь своими многовековыми принципами. Отношение японцев к религии сложно и противоречиво, но она сохраняет свою значимость как духовная ценность. Даже те японцы, которые считают себя неверующими, привычно исполняют различные религиозные обряды (во время свадеб, похорон, традиционных праздников). Все это ведет к тому, что религиозные институты сохраняют свое место в жизни японцев.

Таким образом, возрождаются националистические ценности прошлого, происходит приспособление японизма с его этноцентризмом к условиям высокоразвитого массового общества, которое становится информационным в социально-экономической сфере и более демократическим — в политической. Грандиозные успехи Японии в значительной степени ведут к самоуспокоенности, к утрате духа самокритики.

В условиях современного общества меняются стереотипы и на бытовом уровне. Происходит переориентация населения от единообразного спроса к дифференцированному и более подвижному, от пожизненной ориентации на один вид труда к его разнообразию, в том числе к появлению различных хобби. Иными словами, совершается переход от ориентации лишь на материальные блага к приоритетности духовных сторон жизни, созданию «культурно интенсивного» общества, в котором люди могли бы свободно применять свой опыт на индивидуальном, коммуникативном и глобальном уровнях.

Вот уже более ста лет в ценностных ориентациях в повседневной жизни японцев сосуществуют два направления. В стране сложилась уникальная ситуация, когда население «старое и новое, японское и европейское сосуществует, словно отдельные комнаты в квартире — стучи в любую дверь, кому куда хочется»¹⁹. Но, безусловно, новые поколения японцев все в большей степени открывают западную дверь. Этому содействует их отход от прежних стереотипов, однообразия мышления и унифицированности к более индивидуалистическому восприятию мира.

¹⁸ Fukutake Tadashi. The Japanese Social Structure, p. 149.

¹⁹ Цит. по: Мори Рюкити. Икиру тамэ-но буккё (Буддизм для жизни). Токио, 1996, с.22..

Усиленное проникновение западной цивилизации в японское общество закономерно поднимает вопрос, не разрушает ли импорт иностранной культуры и образа жизни (американский гамбургер, немецкая симфония, французская кухня, итальянский дизайн) японскую национальную культуру? Нет, это не так. По мере насыщения предметами материальной культуры магия американского образа жизни блекнет, а национальные традиции как бы вновь утверждаются практически во всех сферах жизнедеятельности общества. Это говорит о том, что сохранение традиций для японцев является непреходящей ценностью.

Можно сказать, что к концу 80-х годов идея американизации Японии практически себя изжила. Наоборот, вновь усиливается интерес к национальным ценностям. Это находит отражение в сфере общественной морали, межличностных отношений, укреплении существовавших социальных связей и обычаев, возрождении националистических взглядов и интереса к религии. Обращение к традиции идет в русле повышения материального благосостояния, уверенности в завтрашнем дне японцев, их гордости за высокий престиж страны в мире. Это в первую очередь характерно для поколения, выросшего в период высоких темпов экономического роста, в обстановке стабильной, мирной, богатой жизни.

Более того, идет усиленное распространение японской культуры, отдельных элементов образа жизни и духовных ценностей за границу, что зиждется на мощном экономическом потенциале страны. В мире неизменным успехом пользуются японская кухня, чайная церемония, икэбана, караокэ, игра в го; проводятся многочисленные исследования по экономике, истории, культуре Японии, в разных странах несколько миллионов человек изучают японский язык.

Поэтому нельзя не согласиться с мнением известного японоведа Фоско Мараини: «Двадцатый век в Японии часто рассматривается как прогресс, вызванный множеством чужестранных элементов, представляющих собой модернизацию, на фоне упрямого сопротивления сил традиции. В некоторых случаях это верно, но общая картина представляется совершенно иной. Будь прошлое Японии преградой для ее будущего, страна до сих пор была бы неким прилежным и многообещающим учеником своих западных менторов, а не могущественным соперником, поднявшим меч и играющим с умением и жаром, грозя в скором времени побить учителей в их собственной игре»²⁰.

Изменение массового сознания японцев, как вытекает из сказанного выше, происходит по типу «U-образного развития», выражающегося в возврате к национальным ценностям, которые игнорировались в первые послево-

²⁰ Мараини Ф. Япония. Образы и традиции. М., 1980, с. 158.

енные десятилетия, но не просто возрождения, а на новом качественном уровне. Сочетание западных и традиционных социокультурных установок и взглядов создает достаточно стабильный социальный климат, при котором каждая группа находит свою нишу.

Параллельное существование двух культур, поначалу достаточно ярко выраженное, с течением времени смягчается под воздействием взаимопроникновения, органичного соединения разнородных элементов. И именно в настоящее время можно наблюдать довольно тесное переплетение, привычный для японцев сплав заимствованных и национальных ценностей. Для молодого поколения уже нет противостояния между традиционно японским и европейским. Многие молодые люди уже с рождения воспринимают элементы западной культуры как свои, отечественные.

Современный японец демонстрирует самостоятельное жизненное поведение (уважение индивидуальности) и принадлежность к социальной группе, признает железную логику дисциплины и творческий характер труда; отдает должное важности накопления и утверждению эстетических ценностей; твердо придерживается принципов демократии и плюрализма, гарантирующих стабильность в обществе, но не забывает оказывать уважение старшим по возрасту и положению.

В заключение можно сказать, что происшедшие в японском обществе перемены позволяют проследить превращение страны «отшельника» в экономическую супердержаву, использующую все богатства международного сообщества, умело сочетающую общечеловеческие и традиционные ценности и в эпоху интернационализации стремящуюся распространить свою цивилизацию на другие народы.

Социальная роль японской культуры (постановка проблемы)

К.О. Саркисов

Культура в формировании японского общества всегда играла первостепенную роль. Специфичность исторического опыта и возникновение феномена — в значительной степени результат влияния культурного и национально-психологического компонентов в японской социальной модели.

Анализ социальных аспектов культуры осложняется в первую очередь отсутствием разработанной теории по этому вопросу. Поэтому прежде всего необходимо условиться, что следует иметь в виду под понятием «культура» (*«бунка»*). Существуют разные представления о содержании этого понятия. Есть узкое и широкое толкования. Первое охватывает то, что в рамках государства входит к компетенцию министерств и ведомств культуры — литература, искусство, памятники культуры и пр.

Второе понятие включает более обширный круг явлений и ближе к понятию «цивилизация» (*«буммэй»*), хотя ему и не адекватно. Часто под культурой в широком смысле подразумевают образ жизни людей¹.

В зарубежной и отечественной литературе существуют разные теории на этот счет. Данная статья не претендует на выбор точной дефиниции и ставит задачу обозначить лишь некоторую часть огромной культурной системы Японии, ряд духовно-эстетических факторов, влияющих на функционирование и эволюцию японского социума.

Исследование влияния культурного фактора на успехи страны в социальной и экономической сфере не имеет в виду восхваление Японии и японцев. Более того, конечная цель такого исследования доказать, что японский феномен явление общечеловеческой цивилизации, что он основан на человеческом потенциале и имеет «универсальное значение», как писал Т. Дои,

¹ Бунка-но синригаку (Психология культуры). Токио, 1983, с. 2.

автор оригинальных исследований, посвященных японскому национальному характеру².

Многие из национальных черт японцев, или культурно-психологические особенности японской нации не являются сугубо японскими, а принадлежат всему восточно-азиатскому культурному ареалу, странам, в которых, подобно Японии, были распространены буддизм и конфуцианство³.

ИСТОКИ

Особенности японской культурной традиции проистекают из специфического характера ее формирования. Первые следы японской культуры относятся к палеолиту. В них, вероятно, тоже можно найти определенную специфику. Однако с течением времени и формированием более зрелых общественных структур эта специфика стала проявляться более рельефно; главным образом по двум фундаментальным признакам, которые внешне как бы противоречили друг другу. Это была культура островного, «интровертного», т.е. обращенного вовнутрь характера, и культура синтетическая, «экстравертная», т.е. обращенная вовне, поскольку питалась привнесенными извне и в разные времена культурами.

О собственно японской культуре как сформировавшейся системе можно говорить особенно предметно после появления двух наиболее значительных памятников древности — «Кодзики» и «Нихонги», составленных в 712 и 720 гг. Их анализ позволяет судить о существенных особенностях японской мировоззренческой культуры, специфике, формирующейся на японской основе социальной психологии, эстетических и этических норм. Они подвели итог длительному по времени процессу возникновения японской нации как культурного феномена.

Памятники свидетельствуют о появлении своеобразия культуры, отличной от Европы и даже близкого Китая, с особым мировоззренческим и ценностным характером. Все, что происходило позднее, в том числе внешнее культурное влияние, ложилось на эту почву и давало свои плоды, тем самым усиливая изначальную специфичность.

«Кодзики» стали основой японской религиозно-этической системы — синтоизма, чье влияние на японскую культуру, наравне с более поздними религиями — буддизмом, даосизмом и конфуцианством — огромно.

Основой синтоизма явилось обожествление окружающей среды — пантеизм. В пантеистской традиции мировоззрение общее или всеобщее (*дзэн*), в качестве которых выступает природа, является продолжением единичного

² Doi Takeo. *The Anatomy of Self: The Individual Versus Society*. Tokyo, 1986, p. 12.

³ В последнее время корейские ученые начинают оспаривать первенство или уникальность целого ряда черт японского национального характера, утверждая, что эти же черты принадлежат, в частности, и корейцам. — *Japanese Culture and Behavior*. Honolulu, 1986, p. XVIII.

(ко). Если за всеобщее принять природу, то единичным выступает человек. Исходя из этого, человек должен находиться в гармонии с окружающим миром. Именно поэтому бессмысленно и вредно пытаться переделывать природу или бросать ей вызов. И, как бы человек не пытался отдалиться от природы, он в конечном счете к ней возвращался и «растворялся» в «богах», в «космосе»⁴.

В японских мифах существует более высокий уровень обожествления природы, окружающей среды, отличающий их от антропоцентричности континентальной китайской мифологии, не говоря уже о греческой или римской. Связано это не с примитивностью или неразработанностью концептуального мышления древних японцев. Обожествление природы и географии (ландшафта) Японских островов, которое обнаруживается в мифах, отражает отношение японцев к среде обитания как к самоценности, их стремление обрести гармонию с природой, суровой, скупой на щедрости, опасной стихийными бедствиями⁵.

В этих произведениях мы впервые выявляем, что вся мифология и космогонические теории выглядят не столько как мировоззренческие, сколько как культурно-ценностные концепции. Памятники обнаруживают целый ряд качеств, отличающих их от китайской и западной культурно-мировоззренческой традиции. Прежде всего — это «эластичность» культуры. Духовно-этические нормы в ней отличаются большей гибкостью, отсутствием резких и непреодолимых граней между полюсными понятиями и категориями — положительным и отрицательным, добром и злом, светлым и темным, красивым и уродливым, чистым и грязным, счастливым и несчастным, богатством и бедностью и т.п. Отсюда — извечное стремление к компромиссу между полярностями, но не как проявление некой беспринципности, а как способ сохранения самого себя, стремление к выживанию.

Позднее, когда в Японию стали проникать зарубежные культурно-религиозные системы, «эластичность» японского менталитета, способность японцев непредвзято и с прагматических позиций воспринимать привнесенную идеологию, этику и эстетику получили особое развитие. Более того, попадавшие на японскую почву из-за рубежа, главным образом из Китая, философские и этико-эстетические учения вынуждены были адаптироваться к местным условиям для того, чтобы выжить и самоутвердиться.

⁴ Аидзаво Сидзуо, Нихон бунка то сэйсин кодзо (Японская культура и психология), Токио, 1975, с. 201.

⁵ См.: Japanese Culture and Behavior, p. 20.

Специфика японской культуры и ее социального воздействия заключалась прежде всего в том, что она не страдала воинствующей ксенофобией, не утверждала себя как самодостаточную систему.

Из теорий о характере японской культуры в широком понимании наиболее привлекательной является концепция «мембранного» характера этой культуры. Мембрана как образ или механизм обладает огромной гибкостью и способностью к изменению способов действия. Она выпукла и вогнута. Выпуклость — это ее действие вовне и недопущение внешнего влияния в свою внутреннюю среду. А вогнутость, наоборот, — активное восприятие и впитывание в себя влияния извне. Это некий социально-духовный клапан, действующий в соответствии с диалектикой. Он выпукло-вогнут одновременно — согласно внутренним потребностям самого культурного организма.

Сила культуры, ставшей основой государственности, национальной психологии, сцементировавшей в конечном счете японский социум, заключалась в ее многосторонности и синтетичности по своей сути. Японская культура базировалась на мировоззренческо-эстетических и социально-этических элементах разных религий. Сформировавшиеся, получившие расцвет и пришедшие к своему закату в Китае на протяжении многих веков, в Японию они попали приблизительно в одну историческую эпоху.

Это предопределило их синкретичность, т.е. указанные элементы оказались в Японии в одном «котле», где благополучно переплавились, соединились с национальной религией и создали уникальную сублимированную форму японской культуры⁶.

Готовность впитывать внешнюю культуру была осознанной и целенаправленной. Заимствование не носило хаотического характера. В то же время сформировавшийся на основе собственной культуры социум в Японии, несмотря на такую восприимчивость, был достаточно крепким и стойким. Абсорбция внешней культуры шла по двум направлениям. Приживалось то, что японскому социуму было функционально необходимо или полезно, ненужное отвергалось. Воспринятое, не оставалось чужеродным. Оно перемалывалось «жерновами» собственной культуры и становилось в результате органично своим, национальным⁷.

⁶ В данном случае вряд ли рационально говорить только о «синтоистско-буддийском синкретизме». См.: Мецзяков А.Н. Древняя Япония. Буддизм и синтоизм. М., 1987, с. 34.

⁷ «Осуществляемые заимствования объяснялись чисто внутренними потребностями государства и ни в малейшей степени не были навязаны извне... В этом смысле Япония представляет собой идеальный «полигон» для исследования межкультурных контактов, не сопровождавшихся насилием». — Мецзяков А.Н. Древняя Япония, Буддизм и синтоизм, с. 34.

Вообще, сам процесс широкого заимствования извне выработал поразительную способность японцев к восприятию чужого без какой-либо предубежденности⁸.

Огромное и ни с чем не сравнимое влияние на формирование японской культуры оказал Китай. К моменту формирования Японии как нации и государства расположенный рядом Китай обладал высокоразвитой культурой. Культурное влияние Китая экспонировалось на свежую и благодатную почву молодого национального государственного образования, способного к восприятию внешней культуры и жаждущего культурного притока извне в силу относительной удаленности от внешнего мира.

Культурные отношения Японии с Китаем ряд исследователей склонен сравнивать с отношениями Северной Европы со Средиземноморьем. Япония наследовала «классическую» культуру Китая подобно Англии и Германии, наследовавших классическую культуру Рима⁹.

Из Китая в Японию проникли мощные, с огромным цивилизационным потенциалом, культурно-мировоззренческие системы — буддизм, даосизм и конфуцианство. Качество японской культуры определяется в первую очередь тем, что она органично соединила в себе разные системы, выбрав из них самое полезное и конструктивное для себя. В частности, из конфуцианства японцы почерпнули элементы практичности и позитивизма, а из учения Дао — мистицизм и предрассудки, присущие народным поверьям. Два, казалось бы, несочетаемых элемента соединились на японской почве¹⁰.

Основы японской ментальности и мировосприятия заложены религиозно-этическими учениями. Но суть в том, что религии как таковые японцами были восприняты как этико-эстетические (образ жизни), а не как философско-догматические концепции. Поэтому у японцев отсутствует религиозный фанатизм, а сама религия никогда не принимала форму официальной государственной доктрины¹¹.

Для многих в Европе и США до сих пор остается загадкой, как премьер-министрами Японии становились лица, исповадовавшие христианство. «Христианскими» премьер-министрами Японии были Т. Катаяма (1947 г.), М. Охира (1978-1980 гг.) и Т. Кайфу (1990-1992 гг.). Их вероисповедание никогда не вызывало никаких политических и моральных проблем и подобные случаи никогда не рассматривались как кризис национальной и культурной самобытности.

⁸ Об отличии в этом смысле Японии от Англии пишет А.Н. Мещеряков — см.: там же, с. 3.

⁹ Gerste C.A. The Concept of Tragedy in Japanese Drama. — Japan Review. 1990, N 1, p. 51.

¹⁰ Ibid, p. 49.

¹¹ Единственное исключение составляет период реакции накануне и во время второй мировой войны, когда синтоизм был возведен в ранг государственной религии. Но и этот эпизод в японской истории был явной культурно-психологической аномалией, или искусственной структурой, которой правящая элита воспользовалась для идеологического обслуживания тоталитарного государства. Не случайно, что часть синтоистских сект и школ стали в резкую оппозицию режиму.

Художественное эстетическое начало религиозности определило, вероятно, и высокую степень веротерпимости японцев. Проникновение религий в национальное сознание происходило не на идейной, а на духовно-эстетической основе. Сэнсом отмечает, в частности, что дзэн-буддизм заимствовал у конфуцианства не столько его идеи, сколько риторику и цветистость, т.е. эстетическую выразительность¹². Этим же можно объяснить ту легкость, с которой разные религиозно-этические учения в Японии не только мирно сосуществовали, а вполне органично дополняли друг друга в национальном сознании.

Не случайно, религиозные учения воплощались в литературной форме, в которой эстетическое художественное начало преобладало над религиозно-философским в большей мере, чем в европейских религиозных памятниках. Пример тому — «Кодзики» — «первый памятник японской художественности»¹³.

Способность японской культуры воспринимать рациональное или доктринальное через эстетику либо в неразрывной связи с эстетикой подчеркивал в несколько афористической манере Рабиндранат Тагор. Как свидетельствует, Т.П. Григорьева, он удивлялся тому, как японцы «развили такое свойство зрения, когда Истину видят в Красоте, а Красоту в Истине»¹⁴.

БУДДИЗМ

Проникновение буддизма в японское культурное сознание настолько глубоко и органично, что многие японцы этого просто не осознают. Как утверждает Д. Судзуки, внедрение буддизма в VI в. было связано с желанием японской политической элиты «создать институт, который способствовал бы культурному развитию и политической консолидации»¹⁵. Культурный фактор, как мы видим, был на первом месте.

Буддизм оказал исключительное воздействие на японскую культуру, на произведения искусства, живопись, скульптуру, поэзию, театр и музыку не только и не столько с точки зрения своей мировоззренческой философии, сколько с точки зрения эстетики.

Один из ярких примеров взаимовлияния культуры и религии — упоминавшийся дзэн-буддизм. Философия дзэн проникла практически во все сферы культурной жизни народа. При этом японцы оказались более восприимчивыми к эстетике дзэн, чем китайцы.

¹² Japan Review. 1990, N1, p. 43-44.

¹³ Конрад И.И. Избранные труды. Синология, М., 1977, с. 429.

¹⁴ Григорьева Т.П. Красотой Японии рожденный. М., 1993, с. 16.

¹⁵ Suzuki D. Zen and Japanese Culture. Tokyo, 1991, p. 217.

Судзуки пишет о том, что монахи буддийской секты Дзэн в эпоху Камакура в XIII в., часто путешествовавшие между Японией и Китаем, привозили в первую шедевры живописи из южных провинций империи Сун. В Японии они нашли своих горячих поклонников и ныне входят в национальную сокровищницу, в то время как в Китае образцы подобной живописи сегодня трудно найти и идентифицировать¹⁶.

Вместе с тем этико-эстетическое учение дзэн на японской почве трансформировалось, испытав большое влияние японской культуры. Японцы придали ему более законченные формы и, главное, большую социальную направленность.

Примером могут служить такие эстетические категории, как *ваби* и *саби*. Они сыграли большую роль в формировании социально-психологического комплекса японцев, их системы ценностей. В частности, категория *ваби* как принцип эстетики, скромности и умения довольствоваться малым, несомненно, оказала влияние на поведенческие нормы японцев.

Красота «бедности» возникла и утвердилась в Японии в силу объективных условий, в которых находились страна и нация. Скудость природных ресурсов диктовала необходимость формирования таких эстетических норм, которые не только бы примиряли с этой бедностью, но и придавали ей некое очарование и привлекательность.

Это в корне отличало японскую эстетическую систему от западной, где богатство форм, роскошь, буйство фантазии, многоцветие, пышность, яркость были и в значительной мере остаются позитивными элементами эстетики.

Следует отметить, что категория *ваби* повлияла не только на эстетические нормы, но и на интеллектуальную сферу, в которой стал цениться тот же скромный подход, согласие с японской природой, в которой существует гармония форм, «неаффе́ктированная простота», по выражению Судзуки¹⁷.

Простота и скромность в социальной и экономической сфере в конечном счете воплотились в категорию «экономности» т.е. в умение достигать рациональных целей за счет наиболее экономных затрат.

Дзэн-буддизм как учение не столько рационалистически-философское, сколько интуитивно-эстетическое и этическое, оказал влияние на такой социальный институт японской истории, как самурайство. Причем идея насилия или вооруженной борьбы и все другие атрибуты самурайской идеологии не могли найти корни в буддизме, поскольку учение о Будде само по себе отрицает насилие. Но в Японии сработал эффект гибкого подхода, когда для социально-политических нужд применяется селективный метод: из философско-эстетического учения выбираются те элементы, которые необходимы в данный момент.

¹⁶ Ibid., p. 21.

¹⁷ Ibid., p. 23.

Сформировавшийся в ходе исторической эволюции средний слой японского общества — самурайство — искал и находил свои нравственные и эстетические идеалы в буддизме, в частности в дзэн. Дзэн-буддизм дал самурайской идеологии идею о человеческой воле как главной человеческой и социальной добродетели¹⁸.

КОНФУЦИАНСТВО

Японию часто, особенно в журналистских публикациях, относят к «конфуцианскому культурному ареалу» наряду с Китаем и Кореей. Японскому конфуцианству приписывают такие черты национального характера, как трудолюбие, лояльность по отношению к старшим по возрасту и положению, дисциплинированность и др. Считается, что не без влияния конфуцианства создавалась строгая и эффективная система социальной организации, построенная на четком разделении функций.

Сами японцы, не отрицая большого влияния на свою культуру и общество конфуцианства, тем не менее не считают себя конфуцианцами, утверждая, что целый ряд конфуцианских черт в их национальном характере отсутствует. Конфуцианство здесь было воспринято и сублимировано в той мере, в какой это отвечало потребностям японского социума.

Но так или иначе, как свидетельствуют специалисты, даже конфуцианство с его рационализмом в Японии воспринималось в первую очередь через собственную эстетику. Не случайно главное произведение Конфуция, библию конфуцианства «Лунь юй» Н.И. Конрад называл «литературным произведением».

Вместе с тем в конфуцианстве исследователи находят некий синтез рационального с иррациональным, мистическим и чувственным. Российский исследователь И.И. Семененко пишет: «Слово Конфуция отличается двойственностью, двуплановостью, ибо, с одной стороны, оно характеризуется рационально-логически, а с другой — оказывается проникнутым иррационально-мистическими интонациями. Однако этот иррациональный аспект отнюдь не является простым отрицанием рационального. Противостоя ему, он вместе с тем составляет его высший и сокровенный смысл. Мистический мифологизм становится как бы «душой» всех рационалистических заявок «Изречений»¹⁹.

В результате в Японии конфуцианство приняло оригинальную форму нерелигиозной ритуальности. Основой конфуцианского храма является школа по изучению идей великого китайского философа.

¹⁸ Ibid., p. 61.

¹⁹ Цит. по: Переломов Л.С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., 1975, с. 175-176.

Культурное единство японского народа стало основой идейно-психологического конформизма и единства поведенческих норм, особенно в критических ситуациях. В японской истории можно найти немало примеров, как принадлежность одной культуре, а через культуру — одним социопсихологическим ценностям, примиряла смертельных противников, смягчала поведение победителя в отношении побежденного.

Типичной является история средних веков о Такэда Сингэн и Уэсуги Кэнсин, история о благородстве победителя в отношении побежденного, получившая воплощение во многих произведениях искусства. Хорошо известна киноверсия этой истории — «Воин-двойник» («Кагэмуся»), созданная А. Куросава.

Социально-психологический феномен этой истории в том, что и побежденный (Такэда Сингэн) и победитель (Уэсуги Кэнсин) были приверженцами буддизма и оба проповедовали одни и те же этические нормы. Неизбежные в любом социуме и, более того, необходимые для поступательного развития противоречия сглаживаются или, точнее гармонизируются культурной общностью народа, его приверженностью культуре, а также значительной ролью последней в формировании и эволюции общества.

Психологическое единство, сформировавшееся на культурной почве, стало главной причиной отсутствия в японской истории разрушительных явлений, подобных социальным революциям. Борьба шла между отдельными кланами и группами интересов, а не представителями разных культурных, психологически и этико-религиозных систем.

Победа одних над другими не приводила к гибели культурных и цивилизационных ценностей. Уничтожение храмов в некоторых случаях было связано отнюдь не с желанием искоренить культовые сооружения противника. Храмы разрушались в основном как фортификационные сооружения, как крепости или сгорали от пожаров.

«ИНТУИТИВНОСТЬ» МЫШЛЕНИЯ

По некоторым оценкам, японцы как представители культуры восточного типа обладают особенностями в структуре мышления. В нем преобладает «интуитивность», в то время как в мышлении представителей западной культуры — рассудочность (дискурсивность)²⁰.

²⁰ Suzuki D. Zen and Japanese Culture, p. 219.

Ту же разницу в образе мышления японцев, но уже в сравнении с китайцами, на основе анализа классической литературы двух народов, находит Джон Пелцел, один из авторов сборника «Культура и поведение японцев». Он отмечает, что китайская литература «как рационалистична, интеллектуализирована, так и нравоучительна». Ею движет желание умозрительного познания мироздания, сугубо «земное» прагматическое стремление понять роль человека в нем. Помимо моральных аспектов, ее мало волнуют нюансы человеческой натуры.

Японская концептуальная литература берет начало от памятников, полных поэзии, художественного вымысла и драмы. В ней в отличие от китайской литературы познание мира происходит скорее через «интуицию, воображение, нежели разум»²¹.

Судзуки в свою очередь считает, что интуитивная структура мышления имеет свои очевидные слабости, хотя у нее есть неоспоримые преимущества, особенно в тех случаях, когда речь идет о религиозном, метафизическом и эстетическом восприятии мира²².

Наибольшее воплощение эта идея «интуитивного» восприятия мира японцами получила в понятии «*сатори*». Таким образом, происходит некое противопоставление японской категории «*сатори*» европейской — «*логос*». На самом деле эти две категории вряд ли взаимозаклучают друг друга. *Сатори* — интуитивный уровень познания мира — отличается от логического не принципиально другой конструкцией мышления, а иным культурно-психологическим компонентом, добавленным в систему мышления.

Этот компонент — особая этико-эстетическая система ценностей или иная окрашенность подхода к процессу познания. Интуитивность подхода в данном случае, как справедливо отмечает Д. Судзуки, точнее можно определить как «чувственность» или эмоциональность восприятия.

Действительно, в японской системе ценностей уровень «чувственного» или эмоционального восприятия весьма существен. Он в значительной мере определяет и характерные особенности социальных отношений и коммуникационных систем и политической, и экономической, и духовной сферах.

С этой точки зрения *сатори* — категория не столько логическая, сколько эстетическая, т.е. построенная на доминировании чувственного восприятия. *Сатори* как элемент буддийского мировосприятия основывается в значительной мере на окрашивании окружающего мира в сверхъестественные тона с огромной степенью поэтичности и художественной мистики.

Это обстоятельство само по себе определило глубокую связь религиозного и культурно-эстетического компонента в формировании японского фе-

²¹ Pelzel John C. Human Nature in Japanese Myths. — Japanese Culture and Behavior, p. 8.

²² Suzuki D. Zen and Japanese Culture, p. 219.

номена. Согласно буддийской философии нельзя стать полноценной личностью не пройдя долгий путь самосовершенствования и познания *сатори*. Согласно буддийской философии, чтобы стать великим мастером искусств, необходимо, даже весьма одаренному человеку, пройти через суровые круги самосовершенствования — «эпитемы», как это звучало бы в христианской догматике.

Важнейшей особенностью буддийской философии является утверждение о том, что гений заложен в каждом человеке, задача только в том, чтобы его пробудить. В этом — предназначение *сатори*²³.

Эти идеи разумеется, рождены не в Японии и, возможно, даже не в Китае. Они широко распространены и в европейской культурной традиции. Но в Японии они получили свое социальное развитие, утвердились в виде культурно-психологических норм общества. И причина здесь отнюдь не в какой-то исключительности народа и нации. Для этого были важные объективные предпосылки.

Социальная результативность подобной философии очевидна. Она предполагает трудолюбие и упорное самосовершенствование как самостоятельную ценность. Кроме того, это идея одинаковой ценности каждого, а следовательно, его социального значения и равенства.

Особенностью искусства, благодаря буддизму, стало его подчеркнуто божественное начало. Произведения искусства не только интерпретировали или иллюстрировали сюжеты и мистику религиозной философии, но сами становились воплощением этого божественного начала. Более того, через художественно-эмоциональную сферу они проникали в суть божественного. И если согласно философии *сатори* главное было в постижении «непостижимого» и сознании «неосознаваемого», рациональности иррационального, то искусство служило методом достижения этих целей²⁴.

Для японцев, таким образом, искусство было продолжением религиозной философии, ее эстетическим развитием. Каждое искусство, подчеркивает Судзуки, имеет свое собственное волшебство (*mystery*) и свой собственный «божественный пульс» (*spiritual rhythm*), или *мё*.

Посвящая большое исследование сходству японской поэзии хайку с дзэн, Д. Судзуки отмечал, что в поэтике хайку, как и в философии дзэн, логическая схема идеи — не главное. Ценно другое — раскрытие идеи чувства, через острое эмоциональное ощущение. Хайку, пишет он, не выражает какую-то идею, а скорее выдвигает на первый план образы, отражающие интуитивные ощущения²⁵.

²³ Ibid., p. 222.

²⁴ Ibid., p. 220.

²⁵ Ibid., p. 240.

Наиболее сильную специфику в культурно-психологической традиции японцев можно отметить в их представлениях об отношениях личности и общества.

До появления буддизма в Японии роль личности в японской культурной традиции была явно в тени. Буддизму японцы обязаны возрастанием внимания к личности. А.Н. Мещеряков отмечает, что в начале своего распространения в Японии буддизм воспринимался как «защитник отдельной личности» и лишь позднее стал религией государственного строительства²⁶.

Вместе с тем соотношение интересов личности, коллектива и общества в целом в Японии по культурной традиции — явно в пользу последних. Западная традиция организации современных обществ связана с акцентом на личность (на этом основываются теории западного индивидуализма), на ее потенциал, социальную роль и социальную ответственность. Этот фактор — основа западно-европейской демократии.

Демократия строится на балансе двух категорий — свободы и ответственности. Эффективность общества в конечном счете связана с организацией форм социальной ответственности. В европейской традиции ответственность возлагается, как правило, на личность. Поэтому и личности предоставляется свобода.

Восточная, в том числе японская, традиция иная. Здесь в общественных системах и социальном процессе ответственность возлагается на коллектив. Ответственность (*сэкинин*) в японском понимании предполагает обязательства коллектива перед обществом, а личность ответственна перед коллективом (группой).

В политической практике Японии известен прием «взятия на себя ответственности» и уход в отставку за какой-то проступок. Но это как раз и есть акт личного самопожертвования во имя интересов группы.

Свободы личности в европейском понимании в Японии также не существует. Причина скорее всего в том, что феодализм как социальная система в восточных обществах сохранялся более длительный период. В подобных обществах человек уже при рождении, вне зависимости от социального положения, не является свободным. Его жизнь запрограммирована социальной схемой.

Что касается Японии, то в силу жестких природных и ресурсных условий, специфической культуры сельскохозяйственного производства личность была всегда слабее группы, коллектива, общественных объединений. Социальная эффективность не могла быть достигнута за счет полной свободы отдельной личности. А сама личность этого и не добивалась, поскольку осознавала, что такие действия контрпродуктивны.

²⁶ Мещеряков А.Н. Древняя Япония. Буддизм и синтоизм, с. 28.

Более того, только опора на коллектив, на его возможности давала личности шанс на выживание и процветание. По некоторым оценкам, это обусловлено культурой выращивания риса, составлявшего основу питания японского общества с древнейших времен и до последнего времени. При поливном рисоводстве огромное значение имеет равное распределение воды по всем полям. Сама ирригационная система предполагает коллективное сотрудничество, высокие моральные стандарты способности жертвовать собой во имя блага остальных.

Коллективизм, или группизм как основа социальной организации в Японии постепенно подтачивается реалиями новой структуры производства и функционирования экономики. Но тем не менее он остается достаточно сильным генетически. По опросу журнала «Экономисутто», проведенному в 1992 г., японцы ценят свободу личности в 2 раза меньше, чем американцы и англичане²⁷. А по оценкам тех японцев, которые покинули свою родину и оценивают ее культуру из-за рубежа, именно социальная ориентированность личности является главной или основополагающей чертой культурной традиции.

Японская культура, пишет Такиэ Сугияма — Лебра, — «социокультурная», а моральное поведение японцев регулируется высокочувствительным радаром, встроенным в каждого из них²⁸.

Однако приверженность коллективизму вовсе не свидетельствует о какой-то ущербности японского национального сознания, его прирожденной недемократичности. Это — добровольный и вполне осознанный отказ от части своей личной свободы ради интересов группы и общества в целом во имя социальной эффективности и социальной пользы, которые обеспечивают в большей и лучшей мере интересы личности.

В христианстве не существует традиции, когда человек ощущал бы себя Христом или Богом. В буддийской традиции характерной особенностью медитации является такое самоуглубление, при котором молящийся начинает ощущать себя божеством, Буддой, растворяя при этом свое «я» во всеобщем, в «универсуме».

В японской эстетике этот образ личности, растворяющейся во всеобщем, в Боге, достаточно распространен. Японский автор Аидзава в качестве примера приводит образ Ямато Такэру из Тикамацу, душа которого превращается в лебедя и растворяется в природе. А по версии одного из крупнейших японских культурологов, директора Международного центра по изучению японской культуры в Киото Умэхара, образы птиц и бабочек в элегических песнях «Мангёсю» есть не что иное, как души умерших, которые постепенно возвращаются в лоно природы²⁹.

²⁷ См.: Japan Quarterly. 1993, April-June, p. 128.

²⁸ Lebra — Sugiyama Takie. Compensative Justice and Moral Investment among Japanese, Chinese and Koreans, — Japanese Culture and Behavior, p. 43.

²⁹ Аидзава Сидзуо, Нихон..., с. 203.

Согласно буддийской культурной и мировоззренческой традиции личность — это микрокосм. Она воплощает в себе, как в миниатюре, всю полноту и сложность мироздания, космоса. Поэтому личность многогранна многоаспектна и в социальном плане.

Как отмечает один из авторов сборника «Японская культура и поведение», японское общество отличается поразительно гибким или снисходительным отношением к отдельным антисоциальным поступкам личности. Если конкретная личность обладает определенными социально полезными и ценными качествами, то общество склонно прощать ему проступки в одной сфере и допускает его к деятельности в других сферах³⁰.

КОНСЕРВАТИЗМ

Социокультурным ценностям японцев приписывается такое качество, как консерватизм. В значительной мере подобное мнение не соответствует действительности. Это — европейское клише, перенесенное на японскую почву без необходимого учета специфики культурной традиции. Здесь нет четкой грани между консерватизмом и радикализмом. В культурной мембранной системе — это два полюса, между которыми находится множество вариантов. Выбор между ними зависит от конкретной социальной задачи.

Но психологически консерватизм связан скорее с отношением буддийской традиции к окружающему миру. В этой системе значительно больше, чем в западной цивилизации, готовности принимать мир таким, как он есть, и не пытаться его изменить в корне. Отсюда — большая терпимость к бедам и невзгодам, способность философски воспринимать горе, не сетовать на жизнь, а стараться выдержать ее испытания.

В определенной мере «консерватизм» связан с естественным стремлением японцев к стабильности, устойчивости всех социальных и психологических структур. По своей социальной сути стабильность — это критически важное качество для страны, уязвимой для внешних катаклизмов и не обладающей для противодействия им достаточными ресурсами, кроме психологических.

Конструктивный, или «здоровый» консерватизм японцев отличается от европейского, или классического консерватизма. И связано это также с традиционными этико-эстетическими нормами.

В философии буддизма в отличие от христианства и более поздних философий английской или французской революции, а также марксизма нет каких-то абсолютно непреходящих истин. В нем нет утопических идей об улучшении либо создании идеального мира или идеального общества. С точки

³⁰ *Ishida Eichiro. A Culture of Love and Hate. — Japanese Culture and Behavior, p. 40.*

зрения японской традиционной системы ценностей существующий мир и общество в его последовательном развитии есть высший идеал, поэтому главным является поддержание устойчивого социального порядка.

Однако эта устойчивость не статична. Так как общество не связано ни с какими идеалистическими догмами и доктринами, оно легко меняется и приспосабливается к изменению внешней среды. Поэтому японское общество является консервативным и инновационным одновременно³¹.

Структура государства, механизм власти и его восприятие японцами восходит также к их этико-эстетическим воззрениям о том, как должен строиться этот механизм, к традиционной японской системе социальных ценностей. Это — восприятие государства как некой целостности, обладающей тремя «добродетелями»: гармонией, разумной организацией и социальной эффективностью.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ОДНОРОДНОСТЬ

Фактор национальной однородности в силу решающего влияния культурно-психологического фактора на японский социум имеет огромное значение. В прошлом национальное и, следовательно, культурно-психологическое единство обеспечивалось относительно невысоким по разным причинам притоком в Японию иностранцев.

Неприятие иммиграции в Японии носило характер скорее не расовых, а культурных предубеждений, опасений, что иммиграция может испортить качество японского общества, привести в расстройство его культурно-психологическую целостность.

Как пишет Мещеряков, иммиграция в Японию в VI-VIII вв. из Китая и Кореи вызвала противодействие только потому, что иммигранты, представляя низшие или средние слои в своих обществах, как правило, пытались сразу же внедриться в верхние слои японского общества, фальсифицировали свое происхождение, доказывая, что они ведут свой род от императоров и богов, что в свою очередь приводило к дестабилизации японского общества³².

Огромное психологически шоковое влияние на формирование культурного сознания японцев оказало «открытие» внешнего мира в середине прошлого века. Японцы, привыкшие считать свою культуру «нормативной», а следовательно, и наиболее эффективной, убедились, что Запад в культурно-цивилизационном плане оказался выше. Это ощущение вполне можно назвать культурным шоком.

Нынешнее японское общество находится в мучительных поисках оптимального соотношения между необходимостью сохранения национальной од-

³¹ Japan Quarterly. 1993, April-June, p. 126-127.

³² Мещеряков А.Н. Древняя Япония. Буддизм и синтоизм, с. 47.

народности и неизбежностью увеличения числа иностранцев, постоянно проживающих в Японии.

СООТНОШЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО И ДУХОВНОГО

В японской культурной традиции нет противопоставления плоти и духа как двух враждующих начал, что превалирует в христианской догматике, а в христианской эстетической традиции получило, по мнению Аидзава, наилучшее воплощение в эстетике и философии Толстого и Достоевского («Крейцерова соната» и «Братья Карамазовы»). В эстетике Тикамацу, в его произведении «Синдзюмоно» тело и душа соединены воедино³³.

Возможно, этим объясняется и иное отношение японцев к жизни и смерти. Буддийская традиция не имеет представлений о рае и аде. Согласно этой традиции все, кто умирает, превращаются в Будду. Иное отношение и к самоубийству, считающемуся по христианской традиции преступлением и грехом. В Японии самоубийство не считается грехом, так как в пантеистической философии, это не является нарушением святости рождения. И сейчас достаточно часто практикуется самоубийство влюбленных по сговору (*синдзю*), или самоубийство матери и детей (*ояко синдзю*), или даже семейное самоубийство (*инка синдзю*).

ПЕРСПЕКТИВА ЭВОЛЮЦИИ КУЛЬТУРНОГО ФАКТОРА

Вопрос о перспективах развития культурно-психологического фактора в современном японском обществе имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Сохранит ли Япония свою уникальную специфичность, или быстрыми темпами начнет растворяться в некоей глобальной культурной и цивилизационной системе, основанной на европейской модели? От ответа на этот вопрос зависит будущее самой Японии и ее отношений с остальным миром.

Интернационализация экономики — факт непреложный и объективный. Национальные культурно-психологические структуры, как правило, не только более консервативны. Они активно стремятся сохранить себя, а в ряде случаев даже с изрядной долей агрессивности.

Стремление сохранить свою национальную и культурную самобытность является своеобразной реакцией на процесс интернационализации, который грубо и болезненно вторгается в культурно-психологическую сферу.

Поэтому суть мировых процессов, происходящих последние два десятилетия, состоит в развитии двух мощных тенденций, диалектически единых

³³ Аидзава Сидзю. Нихон..., с. 204.

и противоположных — экономической интеграции и национально-культурной диверсификации.

С одной стороны, это — экономическая и политическая интеграция, интернационализация связей и формирование глобального рынка, расширения обмена товарами, идеями, людьми. С другой стороны, это — рост национализма, национального самосознания, усиление тенденций к национальной самобытности, пестованию своей национальной культуры, языка и др. В значительной мере подобными тенденциями объясняется взрыв межэтнических противоречий, которые были законсервированы в прошлую эпоху.

Япония давно пытается соединить в себе оба начала: интернационализируясь, не терять своей самобытности, своей культурно-психологической специфики. Для нее это — вопрос не только сохранения целостности национального самосознания, но и эффективности социальных и экономических структур.

Если личность, группа, общество и государство потеряет свои традиционные черты, то сможет ли Япония выжить, не говоря уже о том, чтобы сохранить свой статус мирового экономического и технологического лидера, свою конкурентоспособность на мировом рынке?

В обозримом будущем, как и в прошлом, эволюция будет происходить по формуле «высокого» синтеза, путем органичного соединения традиционных черт с привносимыми извне и формирования на этой основе нового качества, которое будет по-прежнему национальным, т.е. японским. Культурная «мембрана» будет функционировать как фильтр, поглощая и перерабатывая только то, что полезно, и отбрасывая то, что неэффективно или разрушительно.

Русский интеллигент в Японии (жизнь и творчество Михаила Петровича Григорьева)

Э.Б. Саблина

16 июля 1943 г. в г. Дайрэне в возрасте 44 лет от разрыва сердца скоропостижно скончался Михаил Петрович Григорьев — душа журнала «Восточное обозрение». Необыкновенна судьба этого незаурядного человека. Он родился в 1899 г. в г. Мерве Закаспийской области. В 1918 г. по окончании гимназии в Чите поступил в Читинское военное училище. В 1920 г. был произведен в подпоручики и по поручению атамана Семенова назначен офицером для связи с Военной миссией японской армии и в том же году был командирован в Японию для усовершенствования японского языка, который начал изучать в стенах Читинского военного училища.

До 1939 г. Михаил Григорьев проживал в Токио, где с 1921 по 1930 г. преподавал русский язык в военном училище, в генеральном штабе и в Колониальном институте, а с 1928 г. совмещал преподавательскую деятельность со службой в правлении нефтяной компании «Кита карафуто».

В 1939 г. М.П. Григорьев в качестве агента Отдела печати при кабинете президента Южно-Маньчжурской железной дороги прибыл в Харбин и здесь принял активное участие в начавшемся только что издаваться журнале «Восточное обозрение». В следующем, 1940 г. он был переведен в Дайрэнскую гимназию преподавателем японского языка и японоведения, продолжая в то же время работать в «Восточном обозрении». Руководство журнала считало, что «превосходное знание М.П. Григорьевым японского языка делали его сотрудничество чрезвычайно ценным... Знания, им приобретенные, были столь велики и разносторонни, что могли сравниться лишь с познаниями коренных жителей страны, получивших в области словесности специальное об-

разование». А так как его осведомленность счастливо сочеталась с большим литературным дарованием, то, еще работая в нефтяной компании, он приступил к переводам произведений выдающихся японских авторов на русский язык.

В сборнике «На Востоке», изданном в 1935 г. в Токио, помещены переводы Григорьева — образцы художественного творчества. Блестящего развития его дарование достигло, однако, лишь во время сотрудничества в «Восточном обозрении». Его коллеги вспоминали: «Все четыре года он представлял в распоряжение нашей редакции переводы, весьма точно передававшие не только содержание, но и дух подлинника, к тому же превосходные по стилистической обработке. Последнее имело тем большее существенное значение, что среди его переводов было немало таких, которые требовали передачи на русском языке или средневекового колорита Японии, или особенностей речи японской провинции и деревни. Как известно нашим читателям, М.П. Григорьев справился с этой задачей с большим художественным талантом и умением».

Сказать, что Михаил Петрович в совершенстве владел японским языком, — значит, сказать далеко не все: он постиг самую природу, дух этого языка, художественный гений японского народа, его характер, быт и культуру. Одновременно, живя в Токио, Григорьев принялся за углубление своих знаний в родном ему русском языке. Это придало особую ценность его познаниям в японском языке и культуре Японии. Его переводы выдавали в нем большого мастера и истинного художника.

Благодаря оставшемуся после М.П. Григорьева литературному наследию, можно составить представление о мире мыслей, чувств и верований японского народа. Школьная тема нашла свое отражение в повести Сосэки Нацумэ «Барчук», во фрагменте «Летчик С.», включенном в сочинение Ёдзиро Исидзака «Листки из портфеля», в первой части романа «Флот», принадлежащего перу Тоёо Ивата. К сожалению, безвременная кончина Михаила Петровича помешала ему закончить перевод этого романа. Детским и юношеским переживаниям посвящены переводы рассказов «Божество мальчугана» Наоя Сига, «Бабочки» Сайсэй Муруо, «Мандарины» Рюноске Акутагава и др. В рассказах «Каменное сердце» Сэйити Фунабаси и «Плоскогорье» Ясунари Кавабата русский читатель знакомится с различными человеческими типами, с чувствами японцев.

В течение четырех лет журнал «Восточное обозрение» уделял значительное место, иногда даже половину своих страниц переводам М.П. Григорьева, с большим вкусом выбиравшего такие произведения, которые могли дать ясное представление о настроении и оригинальности японских авторов. Мы знаем, что русская книга широко распространена в Японии. Большой популярностью пользуются Толстой, Достоевский, Тургенев, Чехов. Из мно-

гочисленных григорьевских переводов явствует, какой большой интерес японцы испытывают к русским классикам. Так, в Японии нашла своих сторонников школа русского психологизма, ищущая истину на грани греха и духовного просветления. Например, рассказ Кан Кикүти «По ту сторону мести» — блестящий образчик такого рода литературы. Поневоле вспоминается Лев Толстой, когда читаешь рассказ о самурае, который убил своего господина и превратился в разбойника, дошедшего до полного морального падения, но, в конце концов, отдавшего себя на жертвенное служение людям. Герой рассказа Рюноске Акутагава «Событие в аду», (известного нам под названием «Муки ада»), — сродни персонажам Достоевского. Художник Ёсихидэ пал жертвой творческой страсти, которая победила в нем любовь к единственной дочери.

Поскольку расцвет переводческой деятельности М.П. Григорьева совпал с военными событиями, это не могло не сказаться на выборе им произведений, отражающих патриотические настроения японцев. Это — «Бессонные ночи» Мицудзиро Сэридзава, «Письмо к поручику Н.» Кадзуо Одзаки и др. В «Восточном обозрении» Михаил Петрович помещал переводы не только беллетристики, но и произведений на религиозные, философские и эстетические темы. Полезный материал для изучения мировоззрения японцев дают произведения Дзюньитиро Танидзаки «Похвала тени» и Энтай Томомацу «Воззрение японцев на смерть».

Очень интересными по своей стилистической обработке являются переводы М.П. Григорьевым произведений на исторические темы. Это — историческая драма Роппуку Нукада «Дай Нанкоо», герой которой — проигравший сражение полководец императора Годайго Масасигэ — погибает с истинным величием воина, ставящего долг превыше всего; повесть Юдзоо Ямамото «Не щади живота», герой которой — простой самурай из свиты сёгуна Хидэтада сделался предводителем армии, превратившись из забияки и драчуна в государственного деятеля. Большой интерес представляет перевод повести Кан Кикүти «Смех», в которой рассказывается о смерти «невинного отрока» Мицунодзё, лишившего себя жизни по приказу военачальника за то, что смеялся во время ночного траурного бдения над телом сёгуна Хидэтада. Особенно мастерски сделан перевод обвинительной грамоты, в которой, исходя из уважения к заслугам деда и других родственников Мицунодзё смягчили наказание на одну степень, т.е. позволили самому вспороть себе живот.

Конечно, указанными произведениями не исчерпывается деятельность Михаила Петровича Григорьева, но они дают представление о том, как разнообразно и значительно оставшееся после него литературное наследство. И нельзя не согласиться с мнением редакции «Восточное обозрение», считавшей, что «если начало торгового проникновения русских в Японию было

заложено Лаксманом, Шелеховым и Резановым, а политического — Путятиним, то проникновение их в неведомую доселе область японской литературы началось с Григорьева».

За четыре года Михаил Петрович сделал много и в то же время мало, если принять во внимание, что работа его длилась всего четыре года, а не десятки лет. Внезапная смерть прервала его литературную деятельность. Очень тепло написал о Григорьеве его сослуживец по Отделу печати ЮМЖД Евгений Агапов: «Михаил Петрович не только работал, чтобы познакомить нас с японской литературой и тем облегчить нам познание и понимание великого соседнего народа, Михаил Петрович, кроме того, жил среди нас, и в постоянном общении с ним, мы, его окружавшие, черпали от него не менее ценные для нас познания по Японии и японцах. Мало того, Михаил Петрович был, несомненно, учителем многих, кто, серьезно изучая японский язык, прибегал к его помощи при своих первых попытках реализовать накопленные в этой области знания. И во всех случаях не только знания и опыт, но и личность Михаила Петровича играли колоссальную роль... Последний год, Михаил Петрович, кроме работы в Отделе печати, преподавал японский язык и японоведение в дайрэнской русской гимназии. Там, увлекая русских мальчиков умелыми, мастерскими рассказами о прекрасном и героическом Японии и пробуждая в них любовь к Японии и японцам, он одновременно заставлял их гордиться тем, что они русские. И потому они не могли не полюбить его самого».

По отзывам современников, Григорьева любили не только дети, но и взрослые эмигранты. Женившись на японке, имея двух дочерей, он глубоко пустил корни в японской среде, но не разобщился и с русской средой. Будучи «своим человеком» среди японцев, Михаил Петрович силою обстоятельств оказывается в положении неофициального особоуполномоченного по русским делам, к которому обращаются эмигранты, видя в нем друга, помощника и заступника во всех житейских делах, пример в отношении к русской культуре.

При ограниченности и скудности русского книжного рынка в Японии в 20-30-е годы Григорьев успел собрать значительную коллекцию русских книг, что было предметом его гордости. Она занимала в его токийской квартире целую стену, другая была заставлена стеллажами с японскими книгами. Когда Михаил Петрович переселился из Токио в Харбин, он привез с собой и библиотеку, которая временно находилась в Отделе печати ЮМЖД, и русские эмигранты, пользовавшиеся его книгами, вспоминали, что она была отлично составлена: здесь были русские классики, почти все современные поэты, много ценных советских изданий и, конечно, масса книг по японоведению.

Поистине необыкновенна судьба Михаила Петровича Григорьева. Подобно тысячам русских офицеров, разбросанных революцией по белу свету,

он проходит тяжелую школу борьбы за существование в чужой стране, зарабатывает хлеб насущный, работая музыкантом в оркестре кинотеатра на Синдзюку (вскоре он из простого виолончелиста стал его дирижером), а затем в крупном коммерческом предприятии. Достигнув известного положения и став признанным знатоком японского языка и японской письменности, читинский юнкер и юный семеновский офицер становится японоведом. Освоившись с японской культурой, Григорьев стремится сделать ее доступной русскому читателю и полностью отдает себя работе литературного характера. Специалисту известно, какая не простая вещь перевод. Нельзя не восхищаться, с каким стилистическим изяществом, с какой словесной четкостью, с какой изобретательностью в отборе слов и выражений, способных передать на русском языке явления, русскому быту неизвестные, Григорьев знакомил русскую публику с лучшими произведениями японской поэзии. Не будет преувеличением сказать, что делая переводы художественно, изящно и адекватно подлинникам, он приобщал русского читателя к духу японцев и к красотах японской литературы.

Сохранились интересные свидетельства сослуживцев по Отделу печати ЮМЖД и друзей Михаила Петровича о том, как он работал над своими переводами и каким одаренным человеком он был.

Глеб Морозов, учившийся с Михаилом Григорьевым в читинской мужской гимназии, а затем в военном училище в 1915-1920 гг., вспоминал: «Гимназист Григорьев был весьма скромен, исключительно строг к занятиям, очень предан своим товарищам, отличаясь некоторой замкнутостью натуры. В военном училище — хороший теоретик артиллерийской стрельбы, один из лучших по теоретическим и практическим занятиям Миша Григорьев вполне заслуженно получает лычку портупей-юнкера, что представляет редкое явление, поскольку званием портупея в нашем военном училище награждались исключительно бывшие воспитанники кадетских корпусов, как лучшие строевики, и только двое стали портупеями из «штатских» — бывших гимназистов». Судьба развела их на двадцатилетие. И вот Глеб Морозов определяется на службу в Отдел печати ЮМЖД, формированию которого активно способствовал Михаил Григорьев. «Я являюсь в «Ямато-отель» в Харбине для представления начальству. Передаю швейцару визитную карточку и через каких-нибудь две-три минуты получаю приглашение пройти в гостиную. Рядом с начальником Отдела печати Нодзаки-сан стоит высокий интересный господин... И через полчаса, после делового разговора с Нодзаки-сан, Миша и я уже сидим в ресторане «Нью-Харбин» и отдаемся воспоминаниям о прошлом, о нашей юности».

Друзья проработали в Отделе печати ЮМЖД с 1939 по 1943 г. После смерти Григорьева Глеб Морозов напишет: «Уехав из России, по существу, еще юнком, не столкнувшимся вплотную с жизнью, Миша как-то так и

остался в моем представлении юным в смысле практических навыков и веры в людей. До самых последних дней своей жизни это был, безусловно, идеалист, поклонник всего прекрасного, изящного и возвышенного. Отсюда его преданность изящной литературе и музыке, отсюда его стремление к идеям высшего порядка, отсюда его скромность в отношении удовлетворения своих чисто материальных запросов, отсюда, быть может, и его порой чрезмерное увлечение чем-либо, как равно отсюда и его глубокая религиозность».

Дмитрий Сатовский-Ржевский, однокашник Михаила Петровича по военному училищу, отмечал его удивительную обязательность, лояльность, доброжелательность к людям и считал, что «став литератором и переводчиком с японского, Михаил Петрович нашел себе деятельность по душе. Вероятно, именно литература и притом именно этого рода была его настоящим жизненным призванием... Переводчиком он был, действительно, незаурядным: в его переводах, кроме, несомненно, литературного дарования, сказывалось прекрасное знание языка и тонкое понимание культуры и быта Японии... Он имел все данные для того, чтобы стать крупным деятелем японо-русского культурного сближения, не менее известным и замечательным, чем Лафкадио Херн».

Александра Ванновского, преподававшего в университете Васэда, сблизила с Михаилом Григорьевым совместная двухлетняя работа над переводом «Кодзики». Он вспоминал: «Для него «Кодзики» и древняя литература составляли только прелюдию к более широкому замыслу, который он питал и о котором не раз говорил мне. Он думал написать работу по истории Японии, снабдив ее иллюстрациями из художественных произведений соответствующих эпох. Быть может, у него получилась бы история литературы на фоне японской истории? Это тем более вероятно, что за последние годы у него обнаружился явный поэтический дар».

Сергей Шахматов, участвовавший вместе с Михаилом Петровичем в издававшемся в Шанхае альманахе «Врата» и работавший вместе с ним в иллюстрированном еженедельнике «Феникс», очень тепло отзывался о своем коллеге: «Михаил Петрович Григорьев был не только одаренным и на редкость трудоспособным, в нем были высоки и его внутренние человеческие качества. Всегда неизменно ровный и приветливый, он искренне протягивал руку помощи тем, кто в ней нуждался... У этого человека и душа звучала как его виолончель — широко и нежно».

Варвару Бубнову судьба свела с Михаилом Петровичем во время работы над книжкой «Японские сказки», издававшейся ЮМЖД. Бубнова делала иллюстрации, Григорьев переводил. «Он ввел меня в свою работу переводчика, требуя критики его русского текста. Часто соглашался с моим мнением, но и отстаивал свою точку зрения на стиль и лексику перевода. По этой

маленькой работе ясно было, как бережно относился Михаил Петрович к духу оригинала, ища соответствия к нему в русском языке».

Но самыми интересными, наверное, оказываются слова самого Михаила Петровича о работе переводчика, запечатлевшиеся в памяти его коллеги по «Восточному обозрению» Веры Ивашкевич, делавшей в то время первые шаги на переводческом поприще: «Вы, Вера Анатольевна, делаете те же ошибки, что делал я, идя ощупью в этом трудном искусстве. Не держитесь слепо формальной близости к тексту, чтобы не было суконности в языке; пусть герои японской повести живут в русском переводе, и только тогда перевод не будет искусственным. Подбирайте соответствующие эквиваленты и не бойтесь, если они не всегда совпадают с дословным переводом. Любите вашу работу, и тогда вы достигнете цели».

Необыкновенным был жизненный путь Михаила Петровича Григорьева: он родился в России, а умер в Японии, предки его были в России, а потомки — в Японии. Его деятельность стала своеобразным мостом между двумя народами, двумя культурами, между японским и русским интеллигентом.

Михаил Петрович выехал из России с ощущением всеобщего развала и разгула насилия, и естественно было его стремление найти в японской жизни то ценное, что могло бы послужить на благо родине. Его мечта о сближении народов не была отвлеченной идеей, а заключала в себе практическое начало, ожидавшее своего времени. Все было в нем прекрасно, по свидетельству его коллег и друзей: и талант переводчика, и задатки ученого и общественного деятеля, выдающаяся работоспособность, широта и оригинальность мысли, редкая память и, что очень важно, взыскательность к себе. Это был человек, работавший на будущее. Это был мечтатель, сумевший соединить две великие культуры.

Энциклопедист Ёсикадзу Накамура

Г.Г. Свиридов

Действительно, даже краткое знакомство с библиографией основных работ проф. Накамура убеждает нас не только в широте интересов, но, более того, в своего рода энциклопедичности ученого. Его фундаментальные труды посвящены древнерусской литературе, религиозному сознанию русского народа, старообрядчеству, русско-японским культурным контактам, включая изучение таких ключевых фигур, как Дайкокуя Кодая и В.М. Головнин, русскому и греческому фольклору, а также византийскому наследию в России.

Вот что пишет о творчестве Ёсикадзу Накамура известный японский русист проф. Хироси Мацубара: «В своем творчестве Накамура-сэнсэй, выбирая интересные темы, опирается не только на опубликованные источники. Он широко использует полевой материал, собранный на месте событий: будь то Россия, Греция или поселения румынских и маньчжурских старообрядцев. Работы Накамура-сэнсэй легко читаются, в них чувствуется доброжелательный взгляд ученого на обычаи, повседневные привычки жителей той страны, о которой он пишет. В этом отражается характер самого автора...

До того как установилась современная классификация наук, история и литература были связаны практически неразделимо. Но после отпочкования современной исторической науки, развивается преимущественно ее «социальная» сторона, в результате чего стиль становится сухим и пресным. Однако Накамура-сэнсэй в своей работе сумел охватить и область истории, и область литературы и в хорошем смысле объединить их».

Проф. Мацубара так же, как и Накамура, знаток духовной жизни России, автор монографии «Русская интеллигенция», подчеркивает очень важную особенность творческой личности ученого. Присущие ему манера изложения материала, своеобразное «возвращение» к временам, когда еще не

существовала нынешняя специализация наук, представляются нам шагом в плодотворном направлении. Метод Накамура формально можно назвать «возвращением к энциклопедизму». Этот метод на фоне все еще господствующей схоластической дифференциации гуманитарных наук привлекает широтой охвата и гибкостью в подаче материала. Он требует от автора глубоких и разнообразных познаний, несет в себе подлинно жизненные коллизии взамен умозрительных теорий. Неприятие теоретизирования и наукообразия сближает стиль изложения, точнее литературную манеру, Ё. Накамура с творческой манерой Д.С. Лихачева, последователем и учеником которого в немалой степени можно назвать японского ученого. Через Лихачева проф. Накамура вживе воспринял великую русскую литературоведческую традицию, представленную такими мастерами, как А.Н. Пыпин и А.Н. Веселовский.

Еще в сравнительно молодые годы, так сказать, в годы учения, Накамура прежде всего создал прочный фундамент, на котором и построено в конечном счете его творчество. Я имею в виду его обширнейшие переводы из русской литературы. Из этого кладезя истекает все — и изысканная легкость повествовательного стиля, и ощущение какой-то первозданной сокровенности материала, которым оперирует ученый, и неискоренимое жизненное любие как основа авторской позиции.

Интересы Накамура в области переводов русской литературы широки. Еще в 1970 г. в известном издательстве «Тикума сёбо» вышел в свет в переводе Накамура сборник древнерусских повестей, включающий наиболее представительные литературные памятники: «Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет», «Житие Феодосия Печерского», «Киево-Печерский патерик», «Поучение Владимира Мономаха», «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное», «Повесть о Петре и Февронии Муромских», «Повесть о Тимофее Владимирском», «Повесть об основании тверского Отроча монастыря», «Повесть о разорении Батыем Рязани», «Слово о гибели Русской земли», «Житие князя Александра Невского», «Задонщина», «Повесть о Горе и Злосчастии», «Повесть о Шемякином суде», «Повесть о Савве Грудцине», «Повесть о Флоре Скобееве».

В большинстве случаев — это полные переводы. Только «Повесть временных лет», «Житие Феодосия Печерского», «Киево-Печерский патерик», «Житие протопопа Аввакума» опубликованы во фрагментарном переводе.

Из классиков русской литературы XIX в. Ё. Накамура переводил М.Ю. Лермонтова и Н.В. Гоголя, причем ученый выбрал их вершинные произведения, сложные по языку, стилю и художественно-эстетическому содержанию: «Герой нашего времени» (1977 г.), «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1977 г.) и «Мертвые души» (1980 г.).

Русский фольклор представлен в переводческой деятельности Накамура публикацией сказок А.Афанасьева, при этом в первую очередь вышли эротические и даже скабрёзные «Русские заветные сказки» (1977 г.), а через одиннадцать лет, в 1987 г. — классическая афанасьевская работа «Народные русские сказки» в двух томах.

В 1981 г. Ё. Накамура постоянно публикует переводы былин в своем журнале «Народ». Уже вышли такие былины, как «Илья Муромец и Соловей-Разбойник», «Садко», «Вольга и Микула», «Василий Буслаев молиться ездил» и ряд других. В настоящее время Ё. Накамура подготовил к изданию книгу «Русский героический эпос. Былина», включающую 21 былину с комментариями.

Совместно с А. Накадзава проф. Ё. Накамура опубликовал в 1989 г. перевод культуроведческой книги Д. Лихачева, А. Панченко и Н. Понярко «Смех в Древней Руси».

Нельзя не упомянуть работу профессора по изданию дневников Св. Николая Японского — выдающегося памятника православной литературы, важного свидетельства духовного сродства японского и русского народов. Из современных русских писателей Ё. Накамура привлек Василий Белов (рассказ «На Росстанном холме»).

Прекрасная переводческая школа, пройденная Ё. Накамура, позволила ему проникнуться духом русской культуры и литературы. Это была школа мастерства, которая позволяет ему тонко чувствовать нюансы стиля русской речи, безошибочно схватывать как писательскую интонацию, так и речевую характеристику персонажей и даже в своих статьях, докладах и письмах, написанных по-русски, практически безукоризненно строить фразу стилистически.

Среди сравнительно ранних научных работ профессора привлекает внимание программная статья «Изучение древнерусской литературы в Японии», где сделана попытка сопоставить духовный и эстетический мир японцев и русских на примере восприятия «Слово о полку Игореве».

«Основная причина того, что «Слово о полку Игореве» восхищает японского читателя, заключается в самом памятнике, — пишет Ё. Накамура. — Японского читателя трогает больше всего искреннее чувство патриотизма князя Игоря и страстное желание русского народа к объединению, выраженное в горячем призыве к князьям». Иными словами, японцев восхищают искренность и преданность народа Родине.

Исповедальная идея «Слова» — патриотизм как высшее проявление человеческого духа — оказалась имманентно присущей коллективному сознанию не только русских, но и японцев. Чувства самоотречения и любви к Родине культивировались в японцах всей многовековой культурой, особенно героическими эпопеями раннего средневековья, такими, как «Хэйкэ моногатари» или «Тайхэйки».

Эстетические особенности «Слова о полку Игореве» Ё. Накамура передает через сопоставление с японской эстетикой, подчеркивая аналогичность подходов и методов обеих литератур. «Художественность «Слова» проявляется в мастерстве полных очаровательной красоты картин и переживаний, — пишет Ё. Накамура. — Японский читатель гордится своим прекрасным древним литературным наследием и правильно оценивает мастерство автора, ставящее некоторых скептиков в тупик».

Говоря о сложностях перевода древнерусского памятника на японский язык, Накамура замечает: «Нельзя игнорировать то обстоятельство, что русский и японские языки принадлежат к совершенно разным лингвистическим группам. Неудивительно, что японские переводчики имеют широкие возможности в выборе стилей для одного и того же русского произведения. Добавим, что японский читатель обладает тонким чувством слова, и поэтому, как правило, проявляет высокую требовательность к переводу».

Очень емки и поэтичны характеристики, которые Ё. Накамура дает четырём различным переводам «Слова» на японский язык. Он пишет: «Перевод М. Ёнэкава ясен и прост. Работа К. Дзиндзая блестяща и деликатна. В переводе С. Уэно проявляется чувство древности. Х. Кимура старается не вредить переводом духу подлинника».

В другой статье Ё. Накамура останавливается на различных концепциях японских ученых, касающихся «Слова о полку Игореве». Прежде всего профессор отмечает, что «нет никаких разногласий среди исследователей в оценке «Слова» как самого выдающегося памятника литературы Древней Руси»... Но между тем «одни видят его достоинства в близости к замечательному устному творчеству русского народа (С. Уэно в книге «Древний русский эпос», Р. Ясуи в «Словаре мировой литературы»), другие придают большое значение влиянию на «Слово» со стороны византийской литературы (М. Ёнэкава в статье «Изучение «Слова о полку Игореве»», С. Кимура в своей «Истории русской литературы»), третьи дорожат идейностью «Слова» (Т. Курода в своей «Истории русской литературы», Ю. Канэко в своем «Вадемекуме русской литературы»).

Представляя эти различные точки зрения, Ё. Накамура иллюстрирует их высказываниями самих авторов. Так, например, С. Кимура по поводу удивительного мастерства «Слова» замечает: «Оно («Слово». — Г.С.) имеет сложный характер, включая в себя элементы эпоса, лирики и публицистики... Мастерство автора, который свободно владеет высокохудожественными символическими выражениями, заставляет нас видеть в нем скорее поэта современных событий».

Что касается идейного содержания, то об этом Ю. Канэко пишет так: «Основная идея произведения — прекращение распри между князьями, политическое и культурное объединение русского народа, защита мирного труда».

народных масс... она (идея. — Г.С.) в свою очередь придает произведению лиризм, какого почти не встречается в средневековом эпосе других народов мира».

Ё. Накамура находит, что в японской литературе средневековья нет произведения, подобного «Слову о полку Игореве», ибо «существенно различны литературные традиции и исторические условия обоих народов». Но, по мнению профессора, это нисколько не мешает японскому читателю любить и понимать «жемчужину русской поэзии».

В заключение проф. Ё. Накамура формулирует две задачи, стоящие перед японскими исследователями «Слова». Первое — это передать соотечественникам красоту и значение «Слова» в возможно более совершенной форме. Вторая — попытаться осмыслить красоту и значение «Слова» с точки зрения специфики японских историко-культурных традиций.

С нашей точки зрения, акценты расставлены удачно, так как основой как художественного, так и научного осмысления памятника зарубежной литературы должен быть адекватный, полновесный перевод, на базе которого создается и эстетическое представление о произведении и его эпохе.

Не менее важно и то, что главной задачей японских исследователей русской литературы Накамура считает отнюдь не создание универсальной концепции понимания памятника, не какие-либо имманентные проблемы его изучения. Основой, по мнению профессора, является толкование памятника через категории японской культуры, что позволяет, во-первых, шире и яснее раскрыть его содержание перед японскими специалистами и читателями, а, во-вторых, возможно, откроет выходы для типологического изучения общих или родственных проблем древнерусской и старояпонской литератур.

У проф. Ё. Накамура большой опыт изучения русского фольклора, причем особое внимание уделяет он народной сказке и былине. Важнейшей частью работы профессора в области русского фольклора стали осуществленные им переводы сборника сказок А. Афанасьева и собрания русских былин, о которых уже упоминалось выше. В 1987 г. в издательстве «Иванами» вышел двухтомник малого формата, в который вошло 78 сказок. Источником для перевода послужило московское издание 1984-1985 гг., подготовленное Л.Г. Барагом и Н.В. Новиковым. Ранее, в 1977 г. Ё. Накамура подготовил и издал японский перевод «Заветных сказок» Афанасьева.

Обращаясь к анализу русских сказок, Накамура прежде всего проводит сопоставление их со сказками японскими. Он «неоднократно обращал внимание на сходства и несходства между сказками русского и японских народов. Естественно, что между ними есть немало общего: почти всегда в конце концов одерживают верх добрые силы и хорошие качества человека, такие, как доброта, благородство, отзывчивость, храбрость, терпеливость, честность, великодушие, находчивость и, самое главное (подчеркивает Накамура. — Г.С.) — любовь».

«В сказках обоих народов, — продолжает он, — встречается, хотя и редко, склонность к жестокости». Подчеркивая схожесть моральных установок, Накамура отмечает в сказках и отличия, основанные на различии национальных характеров и традиций национальной культуры. «Характер, темперамент героев сказок не одинаковы. Способы высказывания тоже отличаются друг от друга».

В 1989 г. у Ё. Накамура было желание выступить перед культурологами и литературоведами России со своими соображениями по поводу народной психологии в сказке. Однако пригласившая его организация (кстати, уже несуществующая, — Союз писателей СССР) вместо запланированной встречи в Москве предоставила профессору скромную аудиторию одного из провинциальных вузов, поэтому фактически русская научная общественность так и не получила представления о взглядах ученого на эту тему.

Основываясь на своем опыте переводчика, профессор рассматривает в совокупности две проблемы. Одна из них — это проблема устойчивых выражений, употребляемых в начале сказки (то, что русские фольклористы называют «зачином»), и вообще тех выражений, которые не имеют аналогов, прямых или косвенных, в родном языке переводчика.

Например, «немыслимо было бы переводить «жил-был» на японский язык дословно». Однако одним из самых трудных выражений, «головоломкой», пишет профессор, для него оказалась фраза «за тридевять земель, в тридесATOM государстве». Накамура попытался решить эту задачу, исходя из символики цифр. Как он пишет, и у русских, и у японцев в сказках придается какое-то мистическое значение цифрам три и девять. Тем не менее профессор не решился перевести эту фразу на японский язык «слово в слово», причем одной из причин было явное «арифметическое противоречие выражения», т.е. сказочный счет идет вразрез с обычной логикой. По словарю Даля, слово «тридевять» означает «двадцать семь» и после него должно следовать «двадцать восемь», а не «тридцать» («тридесать»), как в сказке.

Профессор отмечает наличие еще одного варианта: «за тридевять земель, в десятом государстве». Как бы то ни было, Даль толкует этот вариант одним словом: «далеко». Однако Накамура как мастер художественного перевода прекрасно понимал, что если перевести это очень образное выражение как «далеко» или даже «очень далеко», «самобытный вкус оригинала был бы потерян».

В качестве других примеров устойчивых словосочетаний-формул, которые заставляют переводчика, по выражению Ё. Накамура, «плакаты», профессор называет «долго ли, коротко ли». Их, по мнению ученого, также невозможно перевести ни на японский, ни даже на европейские языки.

Профессор приходит к выводу, что «под этими неопределенными и неясными выражениями подразумевается чаще всего чрезвычайно долгое вре-

мя, чрезвычайно широкое пространство». Накамура считает, что характер формул отражает огромные различия, которые существуют в психологическом подходе русских и японцев в проблеме пространства.

Эти различия Накамура демонстрирует на конкретных примерах, анализируя соответственно русскую и японскую сказки со схожими сюжетами. В русской сказке (она называется «Волшебное кольцо») некий юноша получает большое наследство. На эти деньги он покупает собаку, кошку и достает волшебное кольцо. Это чудесное кольцо позволяет герою выполнить сложные задания царя и жениться на царевне. Но царевна не любит его. Она выманивает у пьяного мужа кольцо и убегает к другому — к королю «за тридевять земель, в тридесятое государство». Тогда собака и кошка приходят на помощь герою. Они прибегают «за тридевять земель, в тридесятое государство» и получают назад волшебное кольцо при содействии мыши. Хозяин снова обретает и кольцо, и жену.

В Японии есть похожая сказка, где герою — обладателю кольца, тоже помогают собака, кошка и мышь, которые отыскивают кольцо. Существенным различием между обеими сказками является то, что в русской сказке кольцо уносят «за тридевять земель», в то время как в японской расстояние это четко определено географическими координатами: из Кагосима в Осака, т.е. ровно на тысячу километров, что, конечно, образно проигрывает неизмеримости пути до «тридесятого государства».

В японских сказках, отмечает Накамура, дальность и длительность пути героев выражается словами: «далеко отсюда», «в далекую страну», «перешел гору, перешел другую», «перешел леса, поля, горы и реки», «из восточной страны в западную». Вместе с тем в японских сказках часто фигурируют реальные географические названия в отличие от русских, где это не принято.

В этой связи японский ученый делает вывод, что «японцы в сказках предпочитают конкретное и точное абстрактному и неопределенному, а русские, наоборот, увлекаются неопределенным, неограниченным в пространстве и во времени. Накамура считает, что такое существенное различие в национальной психологии объясняется характером, складом души «русских, воспитанных из века в век необъятной природой».

В конце декабря 1994 г. под редакцией Ё. Накамура вышла в свет обобщающая работа группы японских исследователей «Жизнь Ивана»¹.

Книга состоит из пяти больших разделов: 1) сказки (мукаси-банаси), 2) повседневная жизнь, 3) люди и вещи, 4) о растениях, 5) записки о путешествиях. Каждый из разделов делится в свою очередь на главы, выполненные отдельными авторами, в том числе самим проф. Ё. Накамура, а также авторитетными учеными Итиро Ито, Токуаки Баннай и др.

¹ Иван-но кураси. Имамукаси. Росня минсю-но сэкай. Токио, 1994.

В первом разделе рассматриваются такие вопросы, как формы передачи сказки (Кимико Сайто), способы полевых исследований (Сэцуко Ватанабэ), происхождение образа бабы Яги (Наоки Ёко). Здесь же помещено исследование Е. Накамура о русской сказке в Японии, о трудностях ее перевода, о различии пространственных представлений у японцев и русских. В основу этого исследования лег уже охарактеризованный нами выше доклад профессора, прочитанный в одном из провинциальных вузов России.

В очень интересном разделе «Повседневная жизнь» речь идет о народных поверьях в связи с русской баней (Кимико Сайто), о свадьбе и колдунах (Токуаки Баннай), об украинской одежде (Наоки Камия), а также «Записки о русской еде» Ёсикадзу Накамура, где он рассказывает о крестьянской пище, царских и аристократических трапезах, а также о купеческих застольях.

В разделе «Люди и вещи» читатель знакомится с почти забытыми реалиями старой русской жизни. Например, Наоки Камия рассказывает о чумаках — «степных путниках», т.е. крестьянах, занимавшихся перевозкой и продажей соли, рыбы, хлеба и других товаров. Токуаки Баннай характеризует народный кукольный театр «вертеп»². Акико Аоки в своих статьях знакомит читателей с календарем Льва Толстого и описывает историю расцвета и упадка коммун толстовцев. Заключают раздел заметки Е. Накамура о некоторых отхожих промыслах крестьян.

В разделе «Записки о растениях» речь идет о «наиболее русском» из них — рябине, о поверьях, связанных с сон-травой, о лозоискательстве и пригодных для этого растениях (видах папоротника), о «плакун-траве», спасающей от колдовства, злых чар и болезней.

Немалый интерес представляет этюд Итиро Ито о цветке «иван-да-марья». Вводя в рамки своей работы широкий круг научного, фольклорного и литературного материала (здесь и Леви-Стросс, и украинское предание, и Пришвин, и Пильняк), Ито в пределах ограниченного текста последовательно решает вопросы этимологии названия цветка, его сакрального смысла (в связи с праздником Ивана Купала) и переходит к осмыслению полисемантичности этого понятия, не случайно вдохновившего таких разных писателей, как Пришвин, Брюсов и Максим Танк.

И, наконец, последний раздел книги называется «Два поэта из народа» и речь в нем идет о поэте Николае Фокине из Вологодской области и поэтессе Софье Бланк из Орловской области.

Двадцать работ, составляющих сборник «Жизнь Ивана», ранее были опубликованы в журнале «Народ», о котором мы уже упоминали и который проф. Накамура издает с 1970 г. Вышло уже 28 номеров журнала и все они посвящены русскому фольклору.

² В словаре Ожегова дано следующее определение: «Вертеп — большой ящик с марионетками, место кукольных представлений на библейские и комические сюжеты».

В рамках изучения культуры русского старообрядчества проф. Накамура заинтересовался поселениями русских староверцев, обосновавшихся в Японии в первой половине XX в.

Ученый делит «японских староверов на две группы: первая — те, кто приехал в Японию до революции 1917 г., вторая — те, кто был вынужден покинуть родину вследствие революции.

Староверы попали в Японию в основном из русского Приморья, куда в последней трети прошлого столетия хлынули из центральной России и других мест не только староверы, но и молокане, духоборы и другие сектанты.

Так, например, осенью 1917 г. в Хакодате на южной оконечности о-ва Хоккайдо обосновались две супружеские пары — Ф.Д. Савельев с женой Ксенией и его родственник А.П. Васильев с женой Фёклой (обе пары приехали с детьми). «Их хозяйство успешно развивается», — сообщает японский официальный документ, датированный 1917 г. Переселенцы стали разводить скот, домашнюю птицу, заниматься пчеловодством.

Русские староверы возбудили большой интерес у журналистов Хакодате, поскольку были первыми иностранцами, которые стали заниматься в Японии сельским хозяйством.

Накамура подчеркивает, что в то время в Хакодате было немало русских, здесь находилось японское консульство и именно тут известный подвижник Русской Православной Церкви Св. Николай Японский начинал свою миссионерскую деятельность. В городе до сих пор действует прекрасный православный храм.

Естественно, староверы не посещали церковь, они молились дома. На японцев производила глубокое впечатление набожность староверов и их своеобразные привычки пить только проточную воду из определенной реки взамен водопроводной, есть каменную соль вместо соли, добываемой из морской воды. Поражали японцев и обычаи староверов жить в землянках и приверженность национальному костюму. Зарабатывали староверы извозом — они привезли в собой из-за моря крепких лошадей. Кроме того, они выращивали и продавали арбузы, дыни, баклажаны и другие овощи.

Накамура удалось найти ответ на самый интригующий вопрос — зачем же староверам надобно было приезжать в Японию? Оказывается, это было продиктовано не «мирским» стремлением к умиротворению, спокойной жизни, а вызвано чисто идейными, мировоззренческими мотивами.

На вопрос одного из газетчиков: «Зачем вы приехали в Японию?» староста староверов Хакодате Аким Павлович Васильев отвечал, что они приехали сюда искать «Белый свет». Этот ответ напомнил проф. Накамура легенду о Беловодье, широко распространенную среди староверов в прошлом веке.

Именно в поисках «Беловодья» три казака с Урала в 1898 г. посетили Нагасаки, пробыли там три дня и уехали разочарованные во Владивосток.

Можно назвать своего рода «ходоками» всех староверов, приехавших в Японию до революции 1917 г., включая сюда и уральских казаков. Это были искатели утопии, первопроходцы для последующих переселенцев.

Вторая волна переселенцев — это часть послереволюционных беженцев, так называемых «белых». Общее их число из-за отсутствия официальной статистики установить трудно, но переселение шло со всего Дальнего Востока, т.е. из Приморья, с Камчатки и с Северного Сахалина. Большинство этих переселенцев позже уехало из Японии в Северную Америку или в Китай. Но некоторые из беженцев так и остались в Японии, среди них были и староверы.

Японские газеты первой половины 20-х годов сообщают об образовании в районе Хакодате нового поселения староверов, а в прессе 30-х годов появилось сообщение, что в этих краях проживает более 300 староверов. Все они по праздникам собирались в нарядных национальных костюмах у Акима Павловича. К сожалению, отмечает Накамура, о судьбе этого человека нам почти ничего не известно, за исключением того, что в 1922 г. ему исполнилось уже 90 лет.

В 20-х годах староверы занимались в Японии сельским хозяйством. Кроме того, они нанимались на работу к японским рыбопромышленникам, а также пекли дома русский хлеб, а дети продавали его вразнос по городу. Хлеб был в то время новинкой для японцев, основной пищей которых являлся рис. Один из переселенцев вздумал варить брагу по рецептам староверов, но брага, по всей видимости, несмотря на широкую рекламу, не имела такого успеха, как русский хлеб.

Однако во второй половине 20-х годов население русских староверов в Хакодате начинает уменьшаться прежде всего потому, что не хватало пахотных земель для ведения экстенсивного земледелия, которым традиционно занимались староверы на родине.

Согласно рапорту японской полиции, найденному проф. Накамура в японском МИДе, к 1926 г. большинство староверов из-под Хакодате уехало в Северную Америку. Остались только две семьи из девяти человек, но и они, кажется, к середине 30-х годов переселились в Маньчжурию.

В своей работе по изучению жизни русских староверов в Японии проф. Накамура опирается как на источники и научные работы предшественников, в частности, труды К.В. Чистова «Русские народные социально-утопические легенды (1967 г.)», Г.Т. Хохлова «Путешествие уральских казаков в Беловодское царство» (1903), В.Е. Глуздовского «Приморско-Амурские окраины и северная Маньчжурия» (1917 г.) и др., так и в большей мере на собственные полевые изыскания. Такие же скрупулезные полевые исследо-

вания провел Накамура и в районах обитания староверов в Маньчжурии и даже в Румынии. Представляется, что полевые исследования японского профессора — своего рода научный подвиг, позволивший сохранить для последующих поколений исчезающие свидетельства уникального явления русской культуры и русского духа.

В творчестве Ё. Накамура есть труд, к созданию которого профессор шел долгим путем, по кирпичику воздвигая фундамент уникальной работы. В основании этого фундамента заложены и рассматриваемые нами исследования, посвященные русскому старообрядчеству. Книга «В поисках Святой Руси» — это серьезное исследование, лежащее на стыке сугубо академических штудий и полевых разысканий. Оно вскрыло самое существо проблемы русского национального духа. В отличие от большинства работ на эту тему, где часто духовное наследие русских рассматривается как данность или как итог, где авторы иногда не удерживаются от соблазна выработать константы национальной сущности русских, особенность книги «В поисках Святой Руси» заключается в том, что ее автор видит опорную точку русской души не как неизменную величину, но как перманентный процесс (процесс «поиска Святой Руси»). Именно вечность этого процесса, таинственная могучая энергия, побуждающая народ к постоянным поискам, к скитаниям, мистическое ощущение недостижимости святости — вот существо проблемы, и Накамура говорит обо всем этом веско, доказательно, не мудрствуя лукаво. Он пишет свой труд с «просветленным сердцем», что гармонизирует содержание и стиль книги и делает ее своего рода шедевром, по достоинству увенчанным литературной премией имени Осараги Дзиро.

Книга состоит из разделов о протопопе Аввакуме, о невидимом граде Китеже, о поисках Беловодья в Японии, о казаках некрасовцах, о путешествии паломника XVIII в. Лукьянова к Святым местам, о московских староверах. Как приложение к книге даны раздел о толковании понятия «Святая Русь» и «Заметки о юродстве», где характеризуется понятие юродства, происхождение юродства, чудеса и предсказания юродивых, побудительные мотивы ухода в юродство и закат юродства как религиозно-социального явления.

В целом книге свойственна ясность и обстоятельность повествования, тщательность отбора и достоверность материала, острый, нетрафаретный взгляд автора. Ограничимся несколькими примерами. Так, одна из глав посвящена путешествию паломника Лукьянова к Святым местам в 1701-1703 гг. Обычно такое путешествие предпринималось либо пешим (через Кавказ и Анатолию), либо морским путем. Лукьянов избрал маршрут — от Молдавии до Истамбула на корабле по Черному морю, из Истамбула снова морем до Египта. Вначале у Лукьянова был попутчик, который в Киеве решил повернуть назад. Однако в Истамбуле группа паломников, среди которых был и Лукьянов, состояла из пяти человек.

Путешествие было опасным. Во-первых, неблагоприятными были природные условия. Но, помимо этого, неприятные неожиданности подстерегали в пути. Когда огромный караван паломников (состоящий из православных, католиков и представителей армянской церкви), к которому примкнул Лукьянов, находился уже недалеко от Иерусалима, его «окружили, как осы, разбойные арабы и начали срывать с паломников одежду, требовать денег. «Денег!» — вопили некоторые из них и наносили удары палками. «Денег!» — кричали другие и лезли к путникам прямо в мешки. Но дал ли ты денег или не дал — это не умаляло твои несчастья. Лишь только ты вытаскивал кошелек, как на тебя налстали со всех сторон и начинали бить»³.

На обратном пути караван, учтя печальный опыт, нанял арабов для охраны, и на этот раз все было гораздо спокойнее. Как только налетчики появлялись, охрана раздавала им табак и мелкие деньги, чем дело и кончалось.

Другая опасность заключалась в том, что на море суда паломников поджидали пираты. На обратном пути из Палестины маленькая флотилия торговых судов уже приближалась к городу Мира на побережье Малой Азии (родина Святого Николая), как вдруг от берега к ним направилось несметное число мелких суденышек, в мгновение ока окруживших их.

Торговые суда ретировались в расположенный неподалеку порт Каstellарозе, но и с подоспевшей с берега лодки сообщили, что в городе свирепствует чума, поэтому порт закрыт.

Один из кораблей принял бой с пиратами, его капитан-турок был убит. На другом судне вспыхнула эпидемия чумы. Однако корабль, на котором плыл Лукьянов, смог под покровом ночи прошмыгнуть между пиратских судов и уйти из гавани. Пираты продолжали преследовать судно, так что Пасху 1703 г. Лукьянов со спутниками встретил на корабле, окруженном пиратами. Вскоре, правда, подошло турецкое военное судно, освободившее их. И тем не менее Лукьянов подводит такой итог своим злоключениям: «Когда я созерцал Гроб Господен, душа моя была переполнена радостью и я совсем забыл о своих страданиях в пути».

Как отмечает Накамура, сочинение Лукьянова в наименьшей степени похоже на записки паломника в сравнении с различными образцами этого жанра. Раздел записок, посвященный собственно его пребыванию в Палестине, составляет менее четверти всего текста (например, в «классических» записках игумена Даниила описание Святых мест занимает более 90%).

Помимо Палестины, Лукьянов восхищался Киево-Печерской лаврой и собором святой Софии в Истамбуле (который при турецком владычестве был превращен в мечеть). Кроме того, по запискам Лукьянова можно су-

³ Все цитаты из записок Лукьянова здесь и далее даны в обратном переводе с японского.

дить, что он, видимо, обошел в Истамбуле несколько православных церквей. Учитывая эти обстоятельства, Накамура предлагает называть сочинение Лукьянова «путешествием ко всевозможным святым местам» (а не только к «Святым местам», т.е. в Палестину). Впрочем, японский профессор идет дальше и, исходя из объема материала, предлагает термин «попутные заметки».

В этом смысле Накамура соглашается с мнением немецкого ученого Земана, написавшего, что в сочинении Лукьянова «описание Святых мест и по форме и по существу уступает описанию фона».

Если оставить в стороне религиозные цели повествования, то наиболее важным для Лукьянова было изображение тех трудностей и тревог, с которыми он столкнулся во время путешествия. Вторым существенным моментом было выражение благодарности тем людям, чью доброту ощутил паломник. Так, Лукьянов называет имена тех (вероятно, тоже староверов), кто предоставлял путникам ночлег еще во время путешествия по России. Автор детально описывает, как эти люди заботились о паломниках, как они кормили лошадей овсом и сеном. Например, жители Глухова на территории Малороссии встретили паломников лучше, чем родных и, проливая слезы, провожали их «аж за две версты от города». «Эти люди явно хотели отправиться вместе с нами, — пишет Лукьянов, — но им надо было возвращаться». Отойдя метров за двести, Лукьянов снова обернулся — жители все еще стояли на дороге, отвешивая глубокие поклоны. Такие впечатляющие сцены прощания повторялись не раз.

Выйдя из Киева, Лукьянов так описывает свои чувства расставания с Россией: «Я чувствую и радость, и печаль. Радость потому, что дорога лежит через чужие земли, более того, через мусульманские владения». Накамура указывает, что такой проникнутый личным чувством стиль повествования необычен для жанра записок паломника. Тем не менее этой манеры повествования Лукьянов придерживается и во время пребывания в Истамбуле, и в Египте, и в Палестине. Просто при описании путешествия за границей к этому прибавляется еще и чувство удивления. Он поражен как ребенок, когда впервые в жизни видит на Балканах высокие горы или выходит к пенистому морю. А когда в Египте перед ним появляются черные как смоль арабы, то он просто пугается. «Они были прямо как звери, и я опасался, не съедят ли они меня», — пишет Лукьянов.

Японский профессор усматривает в таком непосредственном изображении чувств явный отход от традиций предшествующей русской литературы (вплоть до XVII в.). Известно лишь одно произведение, имеющее сходные черты — это «Житие протопопа Аввакума». Черты близкого сходства обоих произведений отметил уже немецкий ученый К.Д. Земан. Как и в записках Лукьянова, в житии Аввакума важную роль играет описание трудностей и

лишений пути в Сибирь. Вторая существенная черта сходства — и Аввакум, и Лукьянов проявляют немалый интерес к одержимым, к тем, в кого вселился бес. Видимо, Лукьянов в этом смысле шел по стопам Аввакума, который встретил в жизни немало одержимых — и мужчин, и женщин, о чем он и написал в своем житии. В этом смысле свой опыт был и у Лукьянова. В Иерусалиме он видел одержимую женщину, а уже по пути на родину из Истамбула бес вселился глубокой ночью в некоего приказчика, попутчика Лукьянова, и приказчик этот всю ночь метался, стелая, и изорвал на себе всю одежду в клочки, так что в результате его пришлось заковать в кандалы и так везти в телеге до Киева.

И все же записки Лукьянова — это не просто вариация сочинения Аввакума. Замечательную особенность записок Лукьянова японский ученый видит в том, что автор не просто описывает поведение своей группы паломников в тех местах, через которые они проходят, но и сообщает определенные географические сведения или дает описание этих мест, а кроме того, нередко рассуждает о ценах на такие товары, как зерно, овощи, фрукты, вино, рыба и яйца. Записки Лукьянова имеют в русской литературе особое значение, ибо они впервые в таком масштабе ставят в религиозном сочинении проблемы повседневной, мирской жизни и в это смысле являются предвестником документального, репортажного жанра, заключает Накамура.

К сожалению, размеры этого очерка не позволяют детально остановиться на всех сторонах деятельности проф. Накамура. Так, практически не затронут нами его вклад в изучение русско-японских отношений, а здесь заслуживают хотя бы упоминания его работы о Дайкокуэ Кодая и капитане Головине, о русских песнях, привезенных в Японию в XVIII и XIX вв., первых сведениях о русской поэзии у японцев и др. Но, конечно, первой в ряду этих работ следует упомянуть книгу «Бонская песня в России» (Токио, 1990 г.) имеющая подзаголовок «Эпизоды из ранней истории культурных взаимоотношений между Японией и Россией».

Особого изучения требует и скрупулезная деятельность Накамура по систематизации наследия русиста К.Наруми, работавшего некогда в университете Хитоцубаси и оставившего университетской библиотеке свою коллекцию русских рукописей и книг. Следует упомянуть публикацию, осуществленную Накамура, двух книг русской эротической поэзии «Венок Венере» и «Улыбка Венеры» — по спискам из коллекции Наруми, библиографическую статью Накамура «Специальная пушкиниана в бывшей библиотеке проф. К. Наруми» и, конечно, восстановленные профессором по крупицам интереснейшие воспоминания Наруми о пребывании в России в 20-30-х годах, о таких деятелях русской культуры, как А.А. Ахматова, Д.Д. Шостакович, И.И. Соллертинский, о самой неповторимой атмосфере Ленинграда тех лет.

Знакомство русского читателя с трудами проф. Ё. Накамура началось с 60-х годов, когда в академических «Трудах отдела древнерусской литературы» появились его первые статьи. Затем последовали участие в академических научных сборниках, выступление на страницах журнала «Вопросы литературы». Недавно знакомство было продолжено публикацией в журнале «Звезда» статьи Накамура об Анне Ахматовой и К. Наруми. Пожелаем же русскому читателю новых интересных встреч с многообразным творчеством Ёсикадзу Накамура.

Многоязычие в Японии

В.М. Алпатов

Широко распространено мнение, что Япония — мононациональное и моноязычное государство. Такой взгляд господствует и в самой Японии, и за ее пределами. Считается, что эта страна населена одним этносом, говорящим на одном языке. Общеизвестное исключение составляют айны, число которых, однако, невелико, айнский же язык сейчас уже практически исчез. Другим исключением считают иногда население о-вов Рюкю. Такая точка зрения была обычной для иностранных наблюдателей XIX и начала XX в.: вспомним И.А. Гончарова, для которого «ликейцы» — народ, равно отличный и от японцев, и от китайцев, и от корейцев. Е.Д. Поливанов разграничивал японский и рюкюский языки. Однако в самой Японии о-ва Рюкю устойчиво оцениваются как населенные японцами, говорящими на особых, но японских диалектах. Сейчас эту оценку поддерживают многие специалисты и за пределами Японии. Более ни о каком неапонском населении на территории Японии обычно не говорят.

Однако реальная ситуация, безусловно, сложнее. По причинам, о которых речь пойдет ниже, в Японии долго не обращали внимания на неапонское население и его языки и продолжали считать свое государство одноязычным. Но несомненные демографические сдвиги самых последних лет заставили пересмотреть традиционные взгляды. Это подтверждает проведение 2 июня 1994 г. в Государственном институте родного языка (Кокурицу-кокуго-кэнкюдзё) в Токио международного симпозиума по теме: «Управление языком в многоязычных обществах», на котором затрагивались как общие проблемы, так и конкретные вопросы многоязычия в отдельных странах Азии и Австралии. Для нашей темы важны общетеоретический доклад известного япониста И. Неуступны (в прошлом работал в Чехословакии и Австралии, ныне живет в Осака) и доклад Дж. Махера (Международный христианский университет, Токио), специально посвященный языковой ситуации в современной Японии.

И. Неуступны отмечает, что восприятие языковых ситуаций может отличаться от их реального содержания: только в XIX в. обратили внимание на языки национальных меньшинств и лишь в наши дни начали учитываться языки и диалекты, на которых говорят иностранные рабочие и другие временные жители тех или иных государств, хотя и то, и другое объективно существует уже давно. Традиционное понятие «языки меньшинств» далеко не охватывает все реально существующие языковые образования, отличные от господствующего языка. Среди соответствующих языковых коллективов выделяются исторические (например айны), иммигрантские, беженские, иностранные (рабочие, студенты), временно проживающие (например дипломаты), туристические группы. К нацменьшинствам могут быть отнесены лишь исторические и отчасти иммигрантские коллективы. Языки остальных групп обычно игнорируются как языки «иностранцев». Однако по крайней мере языки коллективов иностранных рабочих и беженцев, которые по численности, как правило, довольно значительны, уже не могут не приниматься во внимание. Это признано в странах Европы, где специально изучают языковое существование «гастарбайтеров».

Специальный анализ функционирования различных языков в Японии содержится в докладе Дж. Махера: некоторые его аспекты упомянуты и в докладе И. Неуступны. Оба подчеркивают, что при интенсивном развитии социолингвистики в Японии она очень мало интересуется функционированием языков, отличных от японского. Даже айнский язык, неплохо изученный в собственно лингвистическом плане, значительно хуже исследован с точки зрения его роли в обществе. Отмечается и недостаточность доступных исследователю статистических данных о численности лиц той или иной национальности в Японии, о владении теми или иными языками и т.д. Последнее особо значимо, поскольку в целом статистика в Японии находится на весьма высоком уровне.

Такое положение дел Дж. Махер вполне обоснованно связывает с традиционным стремлением японцев подчеркивать гомогенность своего языка и культуры, игнорировать все то, что не вписывается в общую схему. Влияние такого же подхода Дж. Махер видит и в недостаточном внимании японских лингвистов к вопросам функционирования диалектов при опять-таки хорошей их лингвистической изученности. С последним, пожалуй, трудно согласиться: в последние 20–30 лет, когда диалекты перестали рассматриваться как «испорченный язык», в японской социолингвистике уже появилось немало интересных работ, посвященных именно социальной роли японских диалектов и их функциональной противопоставленности стандартному языку, о чем мы уже писали¹.

¹ Алпатов В.М. Япония: язык и общество. М., 1988, с. 17–24.

В докладе Дж. Махера описано существование и функционирование в Японии различных языков. Понятие «языка» у него максимально расширено: он склонен считать отдельными языками диалекты Рюкю и даже базирующийся на японском языке способ жестового общения глухонемых.

Обзор Дж. Махера начинается с айнского языка. Известно, что этот язык под влиянием жесткой ассимиляторской политики государства закончил свое естественное функционирование в 50-60-е годы XX в. Осталось лишь небольшое число пожилых людей, для которых этот язык был когда-то (как правило, в детстве) родным и которые могут на нем разговаривать. Правда, А.А. Холодович поторопился еще в 60-е годы написать, что людей, знавших язык айну, уже не осталось; однако до сих пор их насчитывается около десятка (точной статистики нет).

Конечно, наличие или отсутствие владеющих айнским языком мало что меняет. Важнее другое. На смену естественному функционированию айнского языка приходит искусственное. Автор этой статьи еще в конце 70-х — начале 80-х годов наблюдал интерес этнических айнов и даже некоторых японцев к этому языку, попытки учить его и разговаривать на нем². С тех пор, как видно из доклада Дж. Махера, это культурное движение получило еще большее развитие. Помимо преподавания айнского языка в нескольких университетах введено его изучение в языковых школах при общественных центрах, публикуются учебные материалы, появились айнские радиопрограммы, в Саппоро основан Айнский культурный центр, занимающийся, в частности, распространением айнского языка. И. Неуступны связывает изменение общественного и официального отношения к айнскому языку с переходом Японии от индустриального общества (для которого характерна языковая унификация и ассимиляция языков меньшинств) к постиндустриальному, которому свойственно стремление к разнообразию и интерес к различным культурам и языкам. Но даже если это и так, то думается, что этот переход совершился для айнского языка слишком поздно. Возрождение языков — вполне возможная вещь, как показывает пример иврита. Но ситуация с айнским языком все же принципиально другая: потребности общения, безусловно, требуют от айнов прежде всего знания японского языка, а айнский язык может функционировать лишь как дополнительный.

Что касается рюкюских диалектов, то краткая информация у Дж. Махера соответствует данным других исследователей о том, что при больших лингвистических отличиях с социальной точки зрения они не отличаются от других японских диалектов. Они также используются как средство бытового общения со «своими». Кроме того, наблюдается исчезновение традиционных диалектов и появление новых (*син-хогэн*), уже испытавших вли-

² Там же, с. 30.

ание стандартного языка³. Особенность Рюкю, отмечаемая и Дж. Махером, — существование окинавского регионального варианта японского языка, используемого для междиалектного общения (такие варианты не характерны для Японии, где носители разных диалектов общаются между собой обычно на стандартном языке).

Вообще, понятия «язык» и «диалект», по-разному осмысливаемые в лингвистической науке, в широком обиходе разграничиваются исключительно с этнической точки зрения. Лингвистически разные языки могут быть ближе друг к другу, чем диалекты одного языка, но всегда диалектные различия — это различия внутри одного этноса; носитель одного диалекта считает носителя другого диалекта соплеменником, а если этнос имеет письменность, то носители разных диалектов обычно пишут на едином стандартном языке. Когда же говорят о разных языках, то за этим стоит, как правило, и различие этнического сознания, и различные письменные нормы. Японские диалекты вообще очень сильно отличаются друг от друга: говоры деревень, расположенных в нескольких десятках километров друг от друга, с трудом могут быть понятны соседям, а диалекты соседних островов на Рюкю иногда отличаются друг от друга больше, чем, например, любая пара славянских языков между собой. Но и рюкюсцы сейчас воспринимаются как часть японского народа (в XIX в., вероятно, это было не так), а стандартный язык (на котором сейчас не только пишут, но и говорят) един для всех. Поэтому вряд ли можно сейчас говорить об особом рюкюском языке, а о рюкюсцах — как национальном меньшинстве.

Иная ситуация с самым многочисленным меньшинством Японии — корейцами: несмотря на большое антропологическое сходство с японцами и утерю многими из них своего языка, они по-прежнему воспринимаются как особая этническая группа. Массовое переселение корейцев в Японию началось лишь после захвата Кореи Японией в 1910 г. Сейчас там официально зарегистрировано, по данным Дж. Махера, 693 050 корейцев, но реальное их число он оценивает примерно в 1 млн. человек. Среди живущих в Японии корейцев значительную часть составляют потомки переселенцев довоенного времени. Существуют традиционные корейские районы и кварталы: район Икуно в Осака, квартал Ниппори в Токио; много корейцев в Симонэки (префектура Ямагути), одном из ближайших городов к корейскому побережью. В целом же корейцы живут в основном в крупных городах. Некоторые корейцы приехали в Японию недавно, но в большинстве это временные жители (студенты из Южной Кореи и др.).

Постоянно живущие в Японии корейцы, сохраняя этническую обособленность, стремятся овладеть японским языком (обычно сразу в двух раз-

³ Там же, с. 22.

новидностях: стандартной и диалектной) и не видят особой необходимости в сохранении своего языка. Дж. Махер здесь подтверждает данные, содержащиеся в более ранних публикациях⁴. Он указывает, что для первого поколения переселенцев родной язык — всегда корейский, во втором поколении корейский язык чаще второй язык, в третьем же поколении родным языком чаще всего бывает японский. В то же время существуют меры по поддержанию корейского языка, прежде всего функционирует сеть корейских школ и университетов, в большинстве, как указывает Дж. Махер, связанных с КНДР; в крупных городах имеются также воскресные школы.

До недавнего времени, говоря об отличных от японского языках, можно было либо ограничиться айным и корейским или добавить к ним английский. Последний — не только язык живущих в Японии американцев, англичан, канадцев, австралийцев и новозеландцев (47 тыс. человек, по данным Дж. Махера), но и язык общения японцев с иностранцами и профессиональный язык ряда областей науки. Ни для кого из японцев, живущих в Японии, английский язык не является родным, но в качестве второго языка им в той или иной степени владеют многие, хотя в большинстве далеко не так свободно, как это обычно представляется нам.

Такие функции английского языка в Японии общеизвестны. Но и И. Неуступны, и Дж. Махер затрагивают еще один вопрос, не описанный в японской литературе и замалчиваемый статистикой. Речь идет о языковой ситуации на о-вах Огасавара (Бонин). Их коренное население к концу XIX в. состояло из переселенцев с Гавайев, смешанных с европейцами и уже воспринявших английский язык. Позднее туда переселялись и японцы, но в конце второй мировой войны все население островов было эвакуировано в Японию. После войны острова были до 1968 г. оккупированы США, а вернуться туда разрешили лишь коренным жителям. В семье в годы оккупации обычно они говорили по-японски, но учиться могли лишь в американских школах, не знали японской грамоты и нередко пользовались англо-японским пиджином. После 1968 г. на островах восстановили японскую систему обучения, но, как там сейчас соотносится японоязычное, англоязычное и пиджинизированное население, остается неизвестным.

Все остальные языки до последнего времени функционировали в Японии очень ограниченно как языки временно поселявшихся в стране туристов, дипломатов, студентов, бизнесменов. До середины 80-х годов Япония не знала (если не считать иммиграции корейцев в 10-40-е годы) проблемы иностранных рабочих, столь актуальной для западно-европейских стран. Однако за несколько последних лет ситуация резко изменилась. Как указывает Дж. Махер, в небольшом городе Оидзуми в префектуре Гумма до 1987 г. не было

⁴ См.: там же, с. 28-29.

ни одного переселенца из Латинской Америки. Сейчас же (1993 г.) в городе с населением 41 212 человек зарегистрированные иностранцы составляют 2550 человек (6,2%), среди которых преобладают бразильцы (1528 человек), на втором месте находятся перуанцы. В городской библиотеке в 1988 г. не было ни одной книги на португальском языке, а в 1994 г. их уже насчитывалось 70. В городе можно купить португалоязычные газеты и журналы, а также видеокассеты с бразильскими телепрограммами, в церквях идут службы на португальском и испанском языках, открыты бразильские дискотека и рестораны с меню по-португальски. И такая картина типична для многих японских городов, прежде всего в Канто, Кансай и на Кюсю.

Как указывает Дж. Махер, статистические данные даже по официально зарегистрированным иностранцам весьма неполны и фрагментарны. Что касается нелегально живущих в Японии переселенцев, которых тоже немало, то в отношении них можно руководствоваться лишь приблизительными подсчетами. Совсем отсутствуют данные о том, какими языками они владеют. Если можно с незначительной погрешностью установить идентичность иммигрантов из Бразилии и носителей португальского языка, то значительно труднее выяснить принадлежность, например, филиппинцев, являющихся носителями большого числа языков, а многие владеют также английским, которым в основном и пользуются в Японии.

В целом, по данным ежегодника ООН, ненатурализованные иностранцы составляют около 1% населения Японии. По сравнению со многими другими развитыми странами, эта цифра невелика, но важно, что она имеет тенденцию к росту. По данным японского министерства внутренних дел, в 1992 г. в Японию больше всего приезжало иностранцев из Южной Кореи — 1 094 724 человек, с о-ва Тайвань — 745 835 человек, из США — 574 181 человек. Далее шли со значительным отрывом КНР, Гонконг, Филиппины, Великобритания, Таиланд, Бразилия, Канада, ФРГ, Австралия. Однако из таких стран, как США или ФРГ, мало кто задерживается в Японии надолго. Иная ситуация с выходцами из таких государств, как Филиппины (120 660 человек в 1992 г.) и Бразилия (107 245 человек в 1992 г.)

Далсе Дж. Махер приводит данные по отдельным префектурам и городам, не имея, по-видимому, статистики о проживании иностранцев во всей Японии. Так, в префектуре Сайтама в 1993 г. зарегистрировано 61 250 иностранцев из 128 государств, в том числе 15 896 корейцев (без разграничения гражданства КНДР и Республики Корея), 15 041 китайцев, 10 904 бразильцев, 9861 тайландцев, 5966 филиппинцев, более тысячи человек из Перу, США, Ирана, Пакистана. Сравниваются данные по небольшому городу Митака в пригороде Токио и довольно крупному промышленному центру Хамамацу (префектура Сидзуока). Если в Митака преобладают корейцы и китайцы, которых почти поровну, то в Хамамацу более половины иностран-

цев составляют бразильцы. В Хамамацу даны сведения и по динамике национальной структуры населения и по его половозрастному составу. В 1984 г. иностранцев в этом городе было всего 2329 человек (менее 0,5% населения) и более 80% из них составляли корейцы, но в мае 1994 г. иностранцев насчитывалось уже 10 861 человек, т.е. почти 2% населения; число бразильцев за 10 лет увеличилось с 12 до 5920 человек, перуанцев — с 0 до 639 человек, филиппинцев — с 41 до 749 человек, китайцев — со 118 до 568 человек, число же корейцев почти не изменилось (с 1973 до 2001 человек). Как указывает Дж. Махер, есть районы, где число иностранцев еще значительнее: это относится не только к упомянутому выше Оидзуми, но и, например, к токийскому району Синдзюку (6,7%). В то же время в сельских районах их практически нет.

Соотношение мужчин и женщин среди иностранного населения Хамамацу указывает на временный характер пребывания в Японии большинства иностранцев, оставляющих семьи дома. Сбалансированное соотношение наблюдается лишь у немногих национальностей, прежде всего у корейцев. Выходцы из таких стран, как Индонезия (175 мужчин и три женщины), Индия (80 мужчин и две женщины), Пакистан, Шри Ланка и др. — почти целиком мужчины. Обратное соотношение показывают выходцы из Филиппин (77 мужчин и 547 женщин) и Таиланда. На симпозиуме «Управление языком в многоязычных обществах» отмечался массовый характер миграции филиппинок, работающих в качестве прислуги в более богатых странах Восточной и Юго-Восточной Азии (языковому существованию таких филиппинок в Гонконге был посвящен специальный доклад). Среди выходцев из Бразилии и Перу хотя и преобладают мужчины (соответственно 3751 и 435 мужчин и 2738 и 299 женщин), но соотношение здесь таково, что, несомненно, указывает на немалое число семей. Об этом же свидетельствуют данные о взрослых и детях. Среди выходцев из Индонезии, Филиппин, Индии и других стран Азии детей почти нет, тогда как среди бразильцев, перуанцев, а также китайцев, вьетнамцев и корейцев они составляют немалый процент. Таким образом, резко усилившаяся иммиграция из Бразилии и Перу приобретает устойчивый характер.

По данным Дж. Махера, в Японии зарегистрировано 139 400 выходцев из португалоязычных стран (надо думать, практически все они — бразильцы), живущих в основном в пригородах и городах-спутниках Токио, Нагоя и других крупных городов. В основном они двуязычны, поскольку Дж. Махер отмечает также возникновение пиджинизации, однако конкретных данных не приводит. Для бразильцев устраивают курсы японского языка в специальных школах; существуют и португалоязычные школы, организуемые церковью.

Особое место занимают выходцы из таких стран, как Филиппины, Вьетнам, Камбоджа. Филиппинцы (62 837 зарегистрированных) в отличие от

других иммигрантов живут не только в городах, но и в сельской местности, часть из них общается с японцами на английском языке, существуют и смешанные японо-филиппинские браки (дети от этих браков, однако, не владеют филиппинскими языками). Если в крупных городах тагальский и некоторые другие языки Филиппин устойчивы ввиду наличия филиппинских общин, то в сельской местности выходцам из Филиппин приходится переходить на японский язык. Существуют японские школы для филиппинцев, но тагальских школ нет. Одним из институтов, объединяющих филиппинцев в Японии, является христианская церковь, где служба ведется в основном по-английски.

Живущие в Японии вьетнамцы и камбоджийцы — в основном беженцы. Их число невелико: с 1975 г. в Японию въехало 13 768 вьетнамцев, из которых 3416 остались на постоянное жительство (данные о камбоджийцах не приводятся). В таких семьях родители обычно двуязычны, а дети пользуются в основном японским языком. Существуют школы для таких детей, обычно организуемые церковью, где вьетнамские и кхмерские языки учат уже как иностранные.

Очень трудно подсчитать число живущих в Японии выходцев из китайских стран, поскольку многие из них не регистрируются. Среди живущих в Японии китайцев есть и потомки давних переселенцев, их примерно 50 тыс. человек. Среди недавно прибывших из КНР и других стран также немалая часть оседает в Японии на постоянное место жительства, а некоторые вступают в смешанные браки. Особое место занимают так называемые дзанрю-кодзи: японские репатрианты из Китая, среди которых большинство составляют дети от смешанных браков, говорящие в семье по-китайски. В некоторых городах, таких, как упоминавшаяся Митака, дзанрю-кодзи — достаточно заметная часть населения. В Митака создана Ассоциация дзанрю-кодзи, разработана специальная программа для китайских детей, действуют и двуязычные китайско-японские школы. Дж. Махер отмечает особое распространение носителей китайского языка в префектуре Кумамото на Кюсю, тогда как в другой префектуре на этом острове (Кагосима) много филиппинцев.

Итак, наличие в Японии неазиатского населения, владеющего японским языком как неродным или вообще им не владеющего, уже не может игнорироваться при социологическом, социолингвистическом и этнографическом исследовании современной Японии. Дж. Махер отмечает и некоторые признаки изменения отношения к этому как в официальной политике, так и в общественном мнении. Это проявляется и в увеличении числа специальных японских школ для детей иностранцев (по данным министерства просвещения, на сентябрь 1992 г. действовало уже 1437 начальных школ с 3978 учениками и 536 средних школ с 1485 учениками), и в расширении инфор-

мации (в префектуре Канагава и в г. Митака уже имеются лингвистические карты с точными данными о расселении лиц разных национальностей — для Японии принципиально новое явление), и в социолингвистических исследованиях на данные темы, в частности по языковой ситуации в отношении японских корейцев и китайцев. Все же традиционные представления о полной моноэтничности и монолингвистичности Японии еще сильны, о чем свидетельствует и упоминавшийся недостаток статистических данных, и отсутствие четкой государственной политики в отношении иностранцев, в том числе и языковой.

Из всего сказанного Дж. Махер делает четыре вывода: многоязычие — не пережиток японского империализма, а новая социальная форма; в то же время это не новое явление — многоязычие существовало и в прошлом (айнский язык и др.); многоязычие — не «проблема» или нежелательное явление, наоборот, благодаря ему японское общество сможет стать более богатым и интересным; многоязычие — не надстройка над базовым национальным одноязычием, а основа языкового существования в Японии.

Не приходится спорить с двумя первыми выводами, а правильность или неправильность третьего может показать лишь время. Однако последний вывод вызывает сомнения. Японское общество в том виде, в котором оно сложилось в первые века нашей эры и существует без значительных этнических сдвигов до наших дней, никогда не было вполне гомогенным: имели и имеют место региональные культурные особенности, достаточно выражены диалектные различия. Но всегда со времени формирования единого японского государства определяющим было представление о японцах как одном этносе, противопоставленном остальному миру. Одним из объединяющих факторов был и остается общий для всей Японии язык: сначала бунго, употреблявшийся в основном на письме, а с XIX в. современный стандартный язык, охватывающий все сферы общения. Отдельные этнические процессы: оттеснение, а затем ассимиляция айнов, отход от общего этноса рюкюсцев, а затем их возвращение — имели периферийный характер и не затрагивали национальное ядро. Национальный и языковой изоляционизм существовал в Японии очень долго. Одним из его проявлений были многолетние ограничения допуска в Японию иностранцев для постоянной работы; характерно, что в наибольшей степени такую возможность в довоенное время имели корейцы — народ, близкий к японцам антропологически и культурно, но не китайцы или тайландцы, а тем более люди других рас. Несомненно, важный компонент японского национального самосознания — представление о языковом единстве; считается, что быть японцем — то же самое, что говорить по-японски⁵. Имеющиеся же языковые различия оцениваются как диалектные,

⁵ См.: Miller R.A. Japan's Modern Myth. The Language and Beyond. New York — Tokyo, 1982, p. 37-39.

т.е. как различия внутри «своего» языка. Безусловно, одноязычие всегда составляло основу японского языкового существования, а айны и появившиеся позднее корейцы, а также иностранные дипломаты и туристы могли вообще не приниматься в расчет.

Однако в наши дни интернационализация Японии, расширение ее международных связей и участия в международном разделении труда влияют и на этнолингвистические проблемы. Хотя и сейчас Япония в этом отношении остается более однородной, чем большинство государств мира, но значительное расширение иммиграции за последнее десятилетие может и здесь кардинально изменить ситуацию. Особенно примечательна ставшая в последние годы массовой иммиграция из Бразилии и других латиноамериканских стран, последствия которой могут быть достаточно серьезными. Япония уже отошла от традиционного языкового изоляционизма, начав активно пропагандировать японский язык за рубежом. Теперь встает вопрос о признании многоязычия как естественного явления в своей собственной стране. Однако такое признание только начинается.

Неизвестный аспект истории японо-русских театральных связей

Синдзи Хориз¹

Когда мы начинаем вспоминать историю японо-русских театральных связей, первое, что приходит на ум, — это гастроли в Японии Московского художественного театра, которые состоялись в 1958 г., затем в 1968 и 1988 гг. Особенно большое влияние на японский новый театр оказали гастроли 1958 г.²

Конечно, непосредственные связи с театральной Россией имели самый разнообразный характер (здесь мы не рассматриваем косвенные контакты — исследования и переводы драматических сочинений). В 80-х годах в Японии гастролитовал не только Московский художественный театр, но и Ленинградский большой драматический театр (в 1983 и 1988 гг.), Малый драматический театр (Ленинград, 1989 г.). В 1990 г., труппа московского Театра-студии на Юго-Западе привезла шекспировского «Гамлета». В 1990 и 1993 гг. Японию впервые посетила труппа Малого театра из Москвы. Добавим, что в 1993 г. в Японии гастролитовала также труппа Театра-студии Олега Табакова³.

¹ Исследователь театра, доцент университета Тэнри.

² Японский театральный журнал «Тэатро» опубликовал цикл работ под названием «Чему мы учимся у Московского художественного театра?» (1958, N12; 1959, N 1,2,3), которые познакомили японцев с системой К.С. Станиславского и сделали ее популярной. Кроме того, именно в это время первый из японских исследователей русского театра профессор Ёсио Нодзакки начал публиковать перевод глав книги Горчакова «Уроки Станиславского». Однако, к сожалению, полное собрание сочинений самого Станиславского переводили еще до войны с английского, а после войны — с немецкого и опубликовали частичные переводы. Полного перевода сочинений Станиславского с русского языка пока не существует.

³ Приведем репертуар гастролей в Японии каждого из этих театров. Московский художественный театр в 1958 г. привез пьесы «Три сестры», «Вишневый сад», «На дне», «Беспокойная старость»; в 1968 г. — «Ревизор», «Три сестры», «На дне», «Кремлевские куранты»; в 1988 г. — «Чайка», «Дядя Ваня», «Перламутровая Зинаида». Большой драматический театр в 1983 г. показал пьесы «История лошади», «Ревизор», «Дядя Ваня», «Мещане»; в 1988 г. — «История лошади», «Амадеус», «Дядя Ваня»;

Кроме того, в том же, 1993 г. японский импресарио смог пригласить на гастроли Театр на Таганке после двадцати лет всяческих препятствий, чинимых советскими чиновниками. Театр показал пьесы «Борис Годунов» и «Преступление и наказание». Однако, к сожалению, осталось чувство, что эти гастроли состоялись слишком поздно.

Следует отметить такой вид сотрудничества, как работа русских постановщиков в Японии. Пионером в этой области был Анатолий Эфрос, поставивший в Японии в 1981 г. «Вишневый сад» Чехова, а в 1982 г. тургеневскую драму «Месяц в деревне» под названием «Наташа». В обоих спектаклях в главной роли выступила Комаки Курихара.

К тому же Курихара в 1986 г. сыграла в пьесе Алешина «Тема с вариацией» (японский вариант названия — «Размышления о любви»). Постановщиком был Сергей Юрский. Спектакль просуществовал на японской сцене очень короткое время, но за этот период его успели «реимпортировать» в Россию и показать на сцене театра им. Моссовета.

В 1989 г. режиссер Валерий Фокин показал на сцене «Хайюдзё» пьесу Вампилова «Прошлым летом в Чулимске», а в 1990 г. — спектакль по роману Достоевского «Идиот»⁴.

Новой формой японо-русского театрального сотрудничества является принятая в 1993 г. совместная постановка шекспировской трагедии «Ромео и Джульетта», в которой персонажей семьи Ромео сыграли русские актеры московского театра на Юго-Западе, а семьи Джульетты — актеры японской театральной труппы «Тоэн». Постановщиком спектакля был режиссер Валерий Белякович.

Однако примеры такого рода японо-русского сотрудничества пока еще малочисленны. Тем более ничтожно число примеров непосредственного влияния японского театрального искусства на русское, и мы хотели бы познакомить российских читателей с одним из неизвестных им аспектов этого сотрудничества.

В конце 1912 г. молодой режиссер Каору Осанаи (который позже стал одним из основателей японского нового театра) отправился в путешествие по Европе в поисках современных пьес. Прежде всего он хотел увидеть по-

Малый драматический театр в 1989 г. — «Братья и сестры», «Звезды на утреннем небе», «Повелитель мух»; Театр на Юго-Западе в 1990 г. — «Гамлет»; Московский малый театр в 1990 г. — «Леший», «Вишневый сад»; в 1993 г. — «Вишневый сад», «Царь Федор», «Николай Второй»; Театр-студия Табакова в 1993 г. — «Ревизор», «Наша земля», «Обыкновенная история».

⁴ Все перечисленные здесь выступления русских гастролеров состоялись благодаря инициативе японского исследователя русского театра Сюньити Миядзава.

становки Московского художественного театра. Из книг Гордона Крэга, из английских и немецких журналов Осанаи знал о деятельности Станиславского и Московского художественного театра. Осанаи уже перевел с английского пьесу Горького «На дне», назвав ее «Ночлежка». Пьеса была опубликована в театре.

Во время пребывания Каору Осанаи в Москве Станиславский, с которым так жаждал познакомиться японский режиссер, пригласил его на новогодний вечер. Эта встреча положила начало новому японскому театру. Каору Осанаи первым познакомил японцев с русским театром. Очевидно, что именно он заложил основы русско-японского театрального обмена⁵.

Однако на новогоднем вечере в особняке Станиславского Осанаи услышал от артистки Муратовой о японской актрисе, которую театральный мир Японии попросту игнорировал. Об этом Осанаи записал в своем дневнике: «Мы разговаривали на разные темы о Японии и вдруг Муратова сказала о Садаякко: «У этой женщины очнь много темперамента. Она — действительно великолепный человек. Я бы хотела еще разок сыграть с нею в театре»...

«Вы где-то видели Садаякко?» — спросил я. «Много раз видела и в Петербурге, и за границей», — сказала она. Станиславский был рядом и слышал этот разговор. Вскоре он спросил: «Я еще не видел Садаякко, что она за человек на самом деле?». В этот момент Муратова, к счастью, куда-то отлучилась, и я с ожесточением сказал по-немецки: «Sie ist Kunstler! (Она — комедиантка!)». Я сидел весь красный, как на иголках, не зная, куда провалиться от стыда за Японию»⁶.

Садаякко родилась в Токио в 1871 г. В детском возрасте она была отдана на воспитание в Гэнся-я (Дом гейш). В 1887 г., когда ей исполнилось 17 лет, молодой политик Хиробуми Ито за большие деньги купил право первой ночи с Садаякко. Однако к чести гейш надо сказать, что они далеко не всегда были проститутками. Первоначально смысл слова «гейша» означал «человек искусства». Садаякко с детства училась играть на сямисэне (трехструнная японская гитара), петь и танцевать.

В возрасте 24 лет она вышла замуж за наиболее популярного в то время руководителя массового театра Каваками Отодзиро и перестала быть гейшей.

Театральная труппа «Кавакаמידза» под руководством Отодзиро, состоявшая из молодых актеров, преследовала цель создать новый театр в формальных рамках искусства Кабуки, чтобы доходчиво объяснить массам смысл

⁵ О пребывании Осанаи в Москве см.: *Анарина Иина*. Две встречи. — 100 лет русской культуры в Японии. М., 1989; *Хорио Синдзи*. Спектакль — это скульптура души. — Литературное обозрение. 1988, N2.

⁶ Осанаи Каору дзэнсю (Полное собрание сочинений Каору Осанаи). Токио, т.6, 1929, с. 524.

политических событий⁷. Отодзиро и сам подумывал заняться политикой, пока театр был в зените популярности. Однако, выставив свою кандидатуру в парламент в 1898 г., он потерпел поражение на выборах. Театральная труппа в этом же году обанкротилась, поскольку публика охладела к политическим пьесам. Отодзиро, будто спасаясь бегством, отправился на зарубежные гастроли. Садаёкко сопровождала его как жена руководителя труппы. Но именно тогда она впервые стала по-настоящему выступать как актриса.

Во время гастролей в США труппе Отодзиро вначале не повезло, так как антрепренер бежал с театральной кассой. Чтобы каким-то образом поправить дела, необходимо было сразу же привлечь внимание американской публики.

В Бостоне в это время шла пьеса Шекспира «Венецианский купец» в постановке английского актера сэра Генри Ирвинга. Находчивый Отодзиро, как бы в противовес спектаклю Ирвинга, в том же Бостоне поставил пьесу «Венецианский купец. Японская версия». Одновременно он развернул большую рекламную кампанию под девизом «Театральные состязания великих актеров Востока и Запада». После того как пьеса с успехом прошла, Отодзиро снискал популярность демонстрацией сцен из спектаклей Кабуки, импровизированными танцами, которые своей экзотикой поразили американцев⁸. Безусловно, важным элементом успеха было то, что Садаёкко владела основами искусства танца под собственным аккомпанементом на сямисэне.

Добившись таким образом успеха в США, Отодзиро и Садаёкко в июне 1900 г. приехали во Францию и стали выступать на Парижской всемирной выставке под руководством Лои Фуллер, которая была и артисткой, и антрепренером. Фуллер настаивала на том, чтобы Отодзиро ввел в спектакль «Гейша и самурай» сцену харакири, в противном случае она наполовину снизит ему ставку. Отодзиро согласился с ней и, кроме этой сцены, добавил эротические элементы, чем снискал еще большую популярность.

Однако было бы несправедливо объяснять популярность Садаёкко только введением элементов «гротеска и эротизма». Широко известная в ту пору во всем мире танцовщица Айседора Дункан, видевшая в Париже выступления Садаёкко, писала: «Величайшие впечатления от выставки 1900 г. ос-

⁷ Например, когда был совершен террористический акт в отношении лидера Свободной партии Тайсуэ Итагаки, по горячим следам Отодзиро написал пьесу «Трагическое происшествие с Итагаки». — см.: *Одзаса Ёсио*. Гэндай нихон энгэкиси (История современного японского театра). Токио, 1985.

⁸ Конечно, спектакль был состряпан кое-как, наспех. Об этом свидетельствует такой эпизод. Садаёкко спросила Отодзиро, как ей лучше читать свою роль, и последний ответил: «Да, читай, как хочешь. Зрители ведь все равно не поймут. Если забудешь роль, можешь просто нести аброкадабру. Надо только, чтобы ты энергично двигалась по сцене, старательно произносила слова. Видя твоё усердие, будут думать, что у тебя великолепная роль». — Сиридзу Докумэнто нихон дзип (Серия «Японцы в документах». Описание путешествия Отодзиро и Садаёкко). Токио, т. 6, 1978, с. 26.

тавили во мне танцы Садаёкко — великой трагической японской танцовщицы. Много вечеров подряд меня и Чарльза Галле заставляло трепетать чудесное искусство этой великой артистки⁹. Восхищение танцами Садаёкко не осталось незамеченным. «Лои Фуллер сама была не только великой артисткой, но также импресарио Садаёкко, искусством которой я так восхищалась, — писала Дункан, — она предложила мне давать концерты по Германии вместе с Садаёкко. Конечно, я с восторгом согласилась»¹⁰. К сожалению, совместные концерты Айседоры Дункан и Садаёкко не состоялись по экономическим причинам.

В Европе Садаёкко завоевала большую известность. Девятнадцатилетний Пикассо был взволнован, увидев в Париже «Гейшу и самурая» с Садаёкко¹¹. Именно тогда он сделал набросок Садаёкко с распущенными волосами.

Удовлетворенные успехом в Европе, Отодзиро и Садаёкко на какое-то время вернулись на родину, но здесь им опять не сопутствовала удача. И тогда они вторично выехали в зарубежное турне по странам Европы (снова с Лои Фуллер). Согласно лекционным материалам профессора Панцера из Венского университета, они побывали в Англии, Франции, Бельгии, Германии, Австрии, Венгрии, Югославии, Румынии, Польше, Италии, Испании, Португалии, выступали в 78 театрах 69 городов. После этого они поехали в Россию.

Однако сведений о гастролях в России сохранилось крайне мало. Известно лишь, что Отодзиро и Садаёкко поставили спектакль «Гейша и самурай» в Мариинском театре 7 марта 1902 г. (по старому стилю) и получили от Николая Второго золотые часы¹². Они были приглашены императором на банкет во дворец и сфотографировались вместе с ним. Когда Садаёкко гастролировала по России, ее везде сопровождали толпы страстных поклонников. Где бы она не появлялась, ее тут же окружала нетерпеливая молодежь, а когда актриса выходила из экипажа, все наперебой сбрасывали с себя пальто на землю и, стоя перед Садаёкко на коленях, просили ее пройти по этим пальто как по ковровой дорожке¹³.

Других записей о гастролях актрисы в России не найдено, но, подобно тому, как во Франции специалисты высоко оценили Садаёкко, в России ее искусство тоже получило восторженное признание публики и театральных

⁹ Цит. по: Айседора Дункан. М., 1992, с.52.

¹⁰ Там же, с.64.

¹¹ См.: Каваками Садаёкко-но кайгай хёка (Зарубежные критики о Садаёкко Каваками). — Нихон косё цусин. 1979, Февраль.

¹² Новое время. 10.03.1902.

¹³ См. *Ямагути Рэйко*. Дзёю Садаёкко (Актриса Садаёкко). Токио, 1982, с.120. Эта книга — наиболее подробная работа о Садаёкко, вышедшая в Японии.

деятели. Особое отношение испытывал к ней Мейерхольд, неоднократно касавшийся в своих работах исполнительской деятельности Садаякко.

Через семь лет после того, как Мейерхольд видел выступление Садаякко, он вспоминал: «Что такое подлинное формальное совершенство в театре, что такое подлинная скупость жеста, что такое способность полностью выявить красоту структуры? Все это показывает нам Садаякко»¹⁴.

В феврале 1919 г. в своем выступлении, озаглавленном «Возрождение цирка», Мейерхольд подчеркивал: «Не театр — цирк должен стать мечтой современных реформаторов цирка, а до того, как артист выберет себе один из двух путей — цирк или театр, — он должен пройти еще в раннем детстве особую школу, которая помогла бы сделать его тело и гибким, и красивым, и сильным; оно должно быть таковым не только для *salto mortale*, а и для любой трагической роли (вспомним Садаякко и Ганако)»¹⁵.

Кроме того, в 1925 г. в лекции «Учитель Бубус и проблемы музыкального театра» Мейерхольд дважды упоминал Садаякко. «У кого нам можно учиться? Конечно, здесь было бы возможно одно средство. Купить вам всем билеты и отправить в Токио или в Шанхай, потому что старокитайский и старояпонский театры кое-где остались. Садаякко, к сожалению, умерла. Она была изумительна. Другая представительница этой школы — Ганако — несколько меньше»¹⁶. Далее Мейерхольд характеризует творчество Станиславского: «Константин Сергеевич очень музыкален. Когда мы смотрели его в Левборге (в «Гедде Габлер»), он играл разрушающими натурализм приемами, как японец или китаец. Эту игру он ведет по-японски, потому что Константин Сергеевич, как большой музыкант и хороший наблюдатель и жизни, и особенно приемов игры, сознательно или бессознательно их усвоил. Я убежден, что он видел Садаякко и уж, конечно, Ганако, и приемы японской игры Константин Сергеевич осуществлял, но по каким-то причинам бросил, — слишком он окружен Владимиром Ивановичем и другими «свитскими от театра»»¹⁷.

Здесь Мейерхольд допускает две ошибки. Во-первых, в 1925 г. он пишет о Садаякко как об умершей, но на самом деле актриса умерла лишь в 1946 г. в возрасте 76 лет. Вероятно, заблуждение Мейерхольда вызвано тем, что он перепутал этот факт с датой смерти Отодзиро, который скончался в 1911 г. Кроме того, фраза о том, что Станиславский видел Садаякко тоже является ошибочной. Если посмотреть в дневник Каору Осанаи, который мы цитировали вначале, то обнаружим, что в 1912 г. Станиславский не видел Садаякко.

¹⁴ *Edward Braun. Мейерхольдо-но дзэнтайдзо (Все о Мейерхольде)*. Токио, 1982 (пер. с англ. Ура Масахару), с. 50.

¹⁵ Творческое наследие В.Э. Мейерхольда. М., 1978, с.34.

¹⁶ *Мейерхольд В.Э. Статьи, письма, речи, беседы*. М., 1968, с.84.

¹⁷ Там же, с.90.

Разумеется, эти ошибки незначительные. Важным является то, что Мейерхольд, который всегда доискивался до сути сценичности, обратил внимание на Садаёкко и высоко оценил ее. 1902 год, когда Мейерхольд увидел Садаёкко, стал для него особым годом. Все творческие цели, к которым стремился тогда Мейерхольд, — красота образа, пластика, музыкальность — все они существовали в искусстве гейши Садаёкко.

Хотя такой высокой художественной оценки творчества Садаёкко, как в России, пожалуй, не существовало больше нигде, следует все же привести еще высказывание французского писателя Андре Жида о роли Садаёкко в пьесе «Гейша и самурай», которую он видел в 1901 г.: «Благодаря своему вдохновению, основанному на ритмическом балансе, которого мы жаждали, но которого мы не видели в нашем театре, Садаёкко произвела на нас глубокое впечатление, на нас повеяло священным духом великой древней трагедии.

Вот почему ее ритмичные жесты, исполненные бесконечного шарма не содержат в себе никакой дисгармонии, никаких ненужных нюансов, никаких ненужных деталей. Подобно прекрасному произведению искусства, ее творчество, которому сопутствует необычайно торжественный накал страстей, опирается на высокий идеал красоты. Садаёкко бесконечно прекрасна»¹⁸.

*
* *
*

Итак, вернемся к дневнику Каору Осанаи, о котором шла речь в начале нашей статьи. Почему он «сидел, не зная, куда провалиться от стыда за Японию, и сильно покраснел, когда Станиславский заговорил о Садаёкко? Причина кроется в точке зрения, которую имел тогда Осанаи в отношении актрисы. За три года до этого, в 1909 г., он вместе с одним из реформаторов Кабуки Садандзи Вторым основал «Свободный театр», чтобы открыть дорогу новым сценариям, новым пьесам»¹⁹. Их первой постановкой был ибсеновский спектакль «Боргман», во второй раз они поставили пьесу Чехова «Предложение», а в третий раз — «На дне» Горького под названием «Ночлежка». Это был «новый театр», который создали молодой интеллигент, выпускник Токийского императорского университета Каору Осанаи и подающий надежды артист Кабуки Итикава Садандзи Второй, неудовлетворенный устаревшими, по его мнению, традициями этого театра.

В то время театральные воззрения Осанаи опирались в основном на работы зарубежных теоретиков театра. В связи с этим он писал: «Мы не дол-

¹⁸ Андорэ Зидо дзэнсю (Полное собрание сочинений Андре Жида), Токио, т.12, 1934 (пер. с фр. Хидэо Кобаяси).

¹⁹ *Одзаса Ёсио*. Гэндай нихон энгэкиси, с.10.

жны путать зрелище и театр. Нам надо идти вперед, ставя перед собой целью — искусство. Но даже двигаясь вперед, имея ориентиром только искусство, можно доставлять людям наслаждение. Мы можем доставить вечное наслаждение искусством, более глубокое, чем наслаждение зрелищем...

Говорить об успехе обычного зрелища мы можем лишь тогда, когда спектакль шел в течение 300 или 400 дней подряд. Однако, если речь идет о спектакле, выдержанном в канонах высокого искусства, то даже если он прошел не более трех раз, но отразил великую правду человеческой жизни, это — успешный спектакль²⁰.

Казалось бы, взгляды Осанаи не имеют прямого касательства к театральной деятельности Отодзиро и Садаякко. Но если смотреть с исторической точки зрения, то в его словах содержится косвенная критика популярных в начале 900-х годов «политических пьес» — зрелищ, поставленных театром Кавакамидза. Осанаи учил, что новый театр, приходящий на смену Кабуки, не показывает зрелищ наподобие тех, что создавали Отодзиро и Садаякко, а ставит спектакли, отражающие величие человеческой жизни.

Итикава Садандзи Второй на шесть лет раньше Осанаи, в 1906 г., отправился в Европу знакомиться с театральной жизнью (в Россию он не ездил). В Берлине Садандзи видел «На дне». Вот что он пишет об этом в своих воспоминаниях: «Эта пьеса, состоявшая почти исключительно из диалогов, произвела на нас впечатление чуда. Спектакль приковал наше внимание, мы были поражены его жизненной правдой»²¹.

Но еще больше поразило Садандзи резкое различие в поведении европейских и японских зрителей: «Когда я вижу серьезное поведение здешних зрителей, которые даже во время антракта не разговаривают громко, которые молча, не хлопая, смотрят спектакль и также молча расходятся, я с удивлением думаю о японских зрителях, которые смотрят спектакль и при этом набивают полный рот сладостями, походными завтраками, блюдом, «су-си», обмениваются чашечками сакэ, гасят сигареты прямо о подушки для сидения»²².

Таким образом, было совершенно естественно, что Садандзи Второй, собственными глазами повидавший европейскую сцену, и Осанаи, получивший теоретические знания о западном искусстве, нашли взаимопонимание и объединились с целью создания нового театра.

В то же время Станиславский, который поощрял Вахтангова и Мейерхольда на свободные эксперименты в театре и сам постоянно искал «форму», был заинтересован японским театром, но его интересовал так называемый зрелищный элемент, т.е. смелые поиски выразительных средств с тем,

²⁰ Осанаи Каору дзэнсю, т.5, с. 10-11.

²¹ Садандзи гэйдан (Рассказы Садандзи об искусстве). Токио, 1936, с.92.

²² Там же, с.92.

чтобы привлечь народ в театр. Европа смотрела, как на чудо, на красоту искусства Садаякко, на ее символизм — и хотела учиться этому. Поэтому встреча в 1912 г. Осанаи и Станиславского была встречей двух деятелей театра, имевших противоположные стремления и разные интересы.

В Японии благодаря Каору Осанаи и его ученикам, как большая волна, стало быстро распространяться движение нового театра. А искусство Отодзиро и Садаякки было временно забыто. В России имя Садаякко, оставшееся жить в сочинениях Мейэрхольда, кануло во тьму вместе с самим Мейерхольдом.

Помимо Садаякко, еще одна японская гейша Ханako, образовав труппу, отправилась в 1909 г. в турне на Запад, захватив также в Россию. Мейерхольд написал и об искусстве этой актрисы, а Станиславский, назвавший ее «Ганакo», сказал, что следует поучиться у нее театральному мастерству²³.

Впоследствии советский социалистический реализм оказал очень сильное влияние на японский новый театр, который стал, как мы полагаем, идеологизированным театральным движением. Он потерял сценичность и музыкальную пластику. Между тем, музыкальность и сценичность лежали в основе высшего искусства Садаякко, которая в 90-х годах XIX в. переживала расцвет своей деятельности. Ее искусство, бывшее зрелищем для простого народа, равно как и театральные традиции Ханакo надо изучать по-новому, чтобы они заняли достойное место в истории японо-русских театральных связей.

²³ См.: Станиславский К. Из записных книжек. Москва, т.2, 1986, с.213. Кроме того, о Ханакo подробно рассказывают статьи Токуаки Баннай и Икуо Камэяма, помещенная в журнале «Нихон то Россия» (1990, N1).

Геостратегия «меланхолического принца» (проекты и свершения Фумимаро Коноэ)

В.Э. Молодяков

Принц Фумимаро Коноэ (1891-1945), прозванный современниками «меланхолическим принцем», и сейчас еще представляется многим не только одной из самых значительных, но и одной из самых загадочных политических фигур Японии XX в. Потомок известной еще с эпохи Хэйан аристократической фамилии, ставший премьер-министром в возрасте 47 лет (по традиционным японским меркам, неслыханно рано), он «выламывался» из современной ему правительственной бюрократии социальным происхождением, стремительной карьерой, оригинальностью воззрений и даже... высоким ростом, что особенно бросается в глаза на всех парадных фотографиях его кабинетов. Его считали баловнем судьбы, фантазером и романтиком, причем единомышленники подчеркивали поистине всемирный масштаб его планов и проектов, а противники упрекали принца (и небезосновательно!) в слабости воли, неумении доводить задуманное до конца, а порой и в неспособности к реальной политике. Например, один из его врагов, ярый милитарист адмирал Сигэёси Иноуэ заявил: «Не следовало бы делать премьером человека, который в армии едва ли бы дослужился и до майора»¹.

Адмирал Иноуэ ошибался. Но прав биограф принца Ёситаке Ока, который применил выражение «так проходит мирская слава» к судьбе Коноэ. Взлеты и падения этого незаурядного политика и стратега, его блестящие достижения и роковые просчеты — все коренилось прежде всего в особенностях его личности и характера. История геостратегической мысли Коноэ по существу тождественна истории его жизни, которая неплохо изучена в зарубежной историографии, но еще не осмыслена до конца.

¹ Цит. по: *Agawa Hiroyuki. The Reluctant Admiral. Yamamoto and the Imperial Navy. Tokyo, 1990, p. 140.*

Наставником и воспитателем Коноэ в политике стал Киммоти Сайондзи (1849-1940), последний из гэнро — высший сановников реставрации Мэйдзи (1868 г.), западник, либерал и лидер японских атлантистов. Он хотел воспитать молодого, способного, хотя и несколько увлекающегося аристократа как своего преемника не только по воззрениям, но и по положению в бюрократической системе. Сайондзи пользовался исключительным политическим и нравственным авторитетом даже среди своих противников и долгие годы именно он обладал решающим голосом в вопросе назначения нового премьер-министра. Сайондзи противостоял экспансионистским устремлениям армейского командования и ориентировался на союз с атлантическими державами, используя для усиления этой ориентации свое положение при дворе. Коноэ не был связан ни с армейскими кругами, ни с бюрократией и еще не обладал политическим опытом, представляя собой *tabula rasa*, на которой Сайондзи рассчитывал написать свою политическую программу. Однако уже первые шаги принца не могли не насторожить его.

Год спустя после окончания университета в Киото Коноэ опубликовал свое первое значительное политическое произведение — эссе «Отказ от мира с англо-американской ориентацией» (или точнее «Отказ от мира с Англией и Америкой в центре»)². В этой во многом еще незрелой и неровной работе в зачаточной форме содержится вся политическая и стратегическая философия Коноэ и даже шире — японского евразийства. Защищая ценности гуманизма и демократии, он обвинил правящие круги атлантических держав в том, что они присвоили себе монопольное право оперировать этими понятиями по своему усмотрению и исключительно в собственных интересах. Признавая Германию нарушителем мира и виновником первой мировой войны, Коноэ скептически оценил возможности Лиги Наций, волею-неволею ориентированной на атлантические державы. Как предвоенные, так и новые европейские порядки не вызывали у Коноэ симпатии, но особенно он обрушился на колониальную политику европейских держав-победительниц. Как бы солидаризируясь с Лениным (о котором он тогда имел слабое представление), Коноэ видел одну из основных причин агрессивности Германии в том, что она поздно вступила в межимпериалистическое «мировое состязание» (термин В.Я. Брюсова, чьи евразийские геополитические и геостратегические идеи во многом близки идеям Коноэ, но, разумеется, совершенно независимы от них³) и как «опоздавшая» держава во многом была спровоцирована к агрессии своими более удачливыми конкурентами — Англией и Францией. Поэтому, отмечал Коноэ, можно если и не симпатизировать Германии, то по крайней мере понять ее действия и увидеть в этом

² Пихон обби нихомдзин. 15.12.1918.

³ См. подробнее: *Молюдяков В.Э. Историософия и геополитика: Валерий Брюсов о Востоке. — Общественные науки и современность. 1994. № 4.*

стремление к более справедливому переделу мира. Принц не скрывал, что видел в этом урок и для Японии, нынешнее положение которой в мире представлялось ему идентичным положению Германии перед войной. Поэтому он обрушился с резкой критикой на пацифистские лозунги и призывы атлантического блока, справедливо видя в этом лишь стремление сохранить *status quo*, т.е. плоды своей победы.

Другой существенный вывод, сделанный Коноэ, в том, что не только военная сила представляет собой угрозу миру и справедливости, но более опасным становится «экономический империализм», под которым, естественно, понимается атлантическая экономическая экспансия. За этими словами — долгое пребывание Японии в положении неравного партнера европейских держав и США, а также стремление молодого японского империализма выражать мнение всей Азии. Основные идеи этого эссе лягут потом в основание внешней политики Коноэ, ориентированной на союз с Германией и СССР, и его главного геостратегического проекта — «сферы сопровствания Великой Восточной Азии». Коноэ отвергает претензии атлантистов на универсальный характер их ценностей, убедительно показывает, что японское и англо-американское понимание «права», справедливости» или «гуманности» не совпадает в связи с коренными различиями национальных интересов, которые для Коноэ всегда были выше абстрактных «общечеловеческих».

В январе 1919 г. Коноэ отправился на Версальскую конференцию в составе японской делегации, которую возглавлял Сайондзи. Волею случая конференция собрала тех, кому еще на протяжении многих десятилетий суждено было вершить судьбы Японии: один из лидеров японских евразийцев, будущий министр иностранных дел во втором кабинете Коноэ Ёсукэ Мацуока, сторонник войны с СССР, которому суждено будет подписать в 1941 г. исторический советско-японский пакт о нейтралитете; и их противники — атлантисты, будущие «оккупационные» премьеры Кидзюро Сидэхара и Сигэру Ёсида. Именно тогда Коноэ познакомился с Мацуока и нашел немало общего в их взглядах⁴.

В эссе «Мои впечатления о Парижской мирной конференции» Коноэ вновь вернулся к теме атлантического господства в послевоенном мире, с которым не может и не должна смиряться Япония. Мы должны помнить, отметил он, что мировая политика находится в постоянном движении и что слишком рано делать какие-то окончательные заключения или выводы⁵. Молодой политик недвусмысленно намекал, что берется сыграть важную, если не решающую роль в новой перемене сложившегося положения, но время принца просто еще не пришло.

⁴ *Shiroyama Saburo. War Criminal. The Life and Death of Hirota Koki. Tokyo, 1990, p. 32-35.*

⁵ *Коноэ Фумимаро. Сэйданроку (Политические беседы и эссе). Токио, 1938, с. 97-101.*

Основные идеи Коноэ формировались в 20-е годы, когда он делал стремительную карьеру в парламенте (чиновничья служба не привлекала честолюбивого, но романтически настроенного аристократа). В 30 лет он становится председателем палаты пэров — неслыханное дело для Японии даже с учетом знатного происхождения и высоких связей. Выше были намечены те основы, на которых Коноэ строил свою политическую и геополитическую стратегию, однако до середины 30-х годов его мысль была сосредоточена почти исключительно на внутрияпонских и внутриазиатских проблемах. Коноэ становится одним из главных идеологов военного проникновения в Китай и, позднее, в Юго-Восточную Азию, видя в этом не только главное, но исключительное направление военной, политической и экономической экспансии Японии, промышленность которой в ходе стремительной модернизации испытывала все большую нехватку как сырья, так и рынков сбыта.

Говоря о формировании Коноэ как геостратега и политика, необходимо остановиться и на его личных качествах. Обладая кругозором и мировоззрением поистине планетарного масштаба, способностью к глобальным проектам, Коноэ страдал невниманием к «мелочам» (порой жизненно важным) и определенным недостатком упорства и воли. Загоревшись новой идеей, он склонен был оставлять в стороне все прежние, но при малейших трудностях терялся. «Меланхолическим принцем» его прозвали не зря, но было бы неправильно строить характеристику Коноэ исключительно на его слабых чертах⁶. Хотя, конечно, прозвища говорят о многом: Хидэки Тодзио, будущий главный антагонист Коноэ и его преемник на посту премьера еще в юности был прозван «бритвой» за неукротимый темперамент и упорство.

Коноэ был тем «королем», которого «играет свита». Он умел подбирать надежных друзей, советников и помощников, которые восхищались его талантами и стремились довести до завершения его глобальные проекты, не только беря на себя черную работу, но и поддерживая в нужную минуту дух и настроения принца. Не столь одаренные сами по себе, эти люди сформировали мощную евразийскую когорту во главе с Коноэ, однако было бы несправедливо приписывать все заслуги этой группы ему одному. Его окружение составляли ближайший советник и доверенное лицо императора Сэва маркиз Коити Кидо (1889-1977), который занимал посты министров здравоохранения, просвещения и внутренних дел в кабинетах Коноэ и Хиранума, а в 1940-1945 гг. важный пост лорда — хранителя печати⁷; барон Кумао Харада — личный секретарь Сайондзи, осторожный прагматик, не разделявший, однако, атлантических крайностей своего патрона; Акира Кадзэми (1886-1961) — секретарь первого кабинета Коноэ и министр юстиции во втором⁸;

⁶ Ср. характеристику А.С. Селищева: «Слабохарактерный экспансионист Фумимаро Коноэ» — Селищев А.С. Японская экспансия: люди и идеи. Иркутск, 1993, с. 146.

⁷ Кидо Коити. Пикки (Дневники). Токио, 1966, т. 1-2.

⁸ Кадзэми Акира. Коноэ Найкаку (Правительство Коноэ). Токио, 1951.

Кэн Инукаи (1896-1960) — сын премьер-министра Инукаи, убитого «молодыми офицерами» в 1932 г. и, наконец, Ходзуми Одзаки (1901-1944) — политик, непревзойденный специалист по Китаю, более известный отечественному читателю как ближайший сподвижник Рихарда Зорге⁹.

Линия «Зорге-Коноэ» крайне примитивно и в корне неверно истолкована во всей советской официальной литературе о Зорге и нуждается в отдельном специальном исследовании. Отметим только некоторые существенные для нашей темы моменты. Зорге был не только последователем идей Карла Хаусхофера, но и его деятельным японским корреспондентом¹⁰, в свою очередь способствуя распространению его идей в политических кругах Японии. В ближайшем окружении Коноэ проводником этих идей был Одзаки, а также связанные с группой Зорге молодые интеллектуалы из окружения Коноэ (вроде Тэйкити Каваи). Коноэ, вероятно, не догадывался о собственно разведывательной деятельности Зорге, но отчетливо представлял себе его политическую ориентацию. Аресты по «делу Зорге», начавшиеся непосредственно перед падением третьего и последнего кабинета Коноэ в октябре 1941 г. (символично, что сам Зорге был арестован именно в день отставки, к тому же по личному приказу Тодзио), затронули все ближайшее окружение принца. В первый момент Коноэ решил, что началась охота на него.

Анализируя причины многих глобальных политических событий, включая первую и особенно вторую мировую войну, мы не можем пройти и мимо фактора пассионарности, резкая вспышка которой приводит к событиям, ломающим расчеты стратегов и политиков. Но это применимо не только к нациям и государствам, но порой и к отдельным личностям — военным или политическим деятелям. Романтик Коноэ должен быть назван типичным пассионарием, устремления которого в корне отличались как от сугубо захватнических, грабительских планов армейской верхушки (прежде всего экстремистски настроенного командования сухопутных войск), так и от осторожной политики прагматиков-евразийцев из министерства иностранных дел (Коки Хирота, Хатино Арита, Сигэнори Того) и военно-морского министерства (Мицумаса Ёнаи и Исороку Ямамото). Конечно, японская экспансия была продиктована экономическими интересами и потребностями в большей степени, нежели пассионарностью, но это была и своего рода ответная реакция на более чем двухсотлетний период добровольной самоизоляции от внешнего мира. Первым проявлением пассионарности стала послевоенная модернизация и вестернизация, когда тысячи японцев разного возраста, социального положения и профессий буквально рванулись в

⁹ Johnson Ch. An Instance of Treason. Ozaki Hotsumi and the Sorge Spy Ring. Tokyo, 1977.

¹⁰ См. подробнее: там же, с. 96, 142, 144. Список статей Зорге для Хаусхофера выделен в библиографии как специальный раздел (там же, с. 266-267; 8 названий в 11 номерах за 1935-1939 гг.). Необходимость изучения и издания в России геополитического наследия Зорге очевидна.

мир за знаниями, в то время как власти не особенно стремились допускать иностранцев в Японию. Вторая вспышка пассионарности характеризовалась уже попытками нести в мир японские ценности в противовес традиционным англо-американским. Именно последнее было в высшей степени характерно для всей деятельности Коноэ.

Таковы были обстоятельства и условия, в которых «меланхолический принц» выработал во второй половине 30-х годов свой главный геостратегический проект «сферы процветания Великой Восточной Азии», неотделимый от всей его предшествующей работы и определивший последующую политическую судьбу Коноэ.

Понятие «сфера процветания Великой Восточной Азии» как официальная формула впервые было обнародовано в декларации министра иностранных дел во втором кабинете Коноэ Ёсукэ Мацуока 1 августа 1940 г. вслед за программным заявлением нового правительства¹¹. Само заявление вводило в оборот в качестве столь же официальных формул принципы «восьми углов под одной крышей» («хакко итиу») и «нового порядка в Великой Восточной Азии» («Дайтоа синтицудзё»)¹². Основой этого провозглашался союз Японии, Манчжоу-го и Китая с последующим расширением в перспективе. Признание японского верховенства в Азии вошло одним из важнейших пунктов в Тройственный пакт Германии, Италии и Японии, подписанный 27 сентября 1940 г.: «Германия и Италия признают и уважают руководящее положение Японии в установлении нового порядка в Великой Восточной Азии» (ст.2)¹³. В качестве одной из целей пакта провозглашалось «создание и поддержание нового порядка, необходимого для того, чтобы народы в соответствующих районах Великой Восточной Азии и Европы могли пожинать плоды сосуществования и взаимного процветания».

Коноэ мог торжествовать. Ему удалось окончательно оттеснить от власти либерал-атлантистов, ценой военного союза с Германией «заморозить» экстремистов из командования сухопутных войск, развязать Японии руки для активных боевых действий в Азии и на Тихом океане, в том числе по захвату колоний побежденных Германией Франции и Нидерландов. Однако заключение Тройственного пакта и ряд внутривнутриполитических мероприятий принца встретил сопротивление со стороны прагматиков из евразийского лагеря, таких, как адмирал Мицумаса Ёнаи (1880-1948), бывший морским министром в 1937-1939 гг. и главой кабинета министров в январе-июле 1940 г., а также Хатино Арита (1884-1965), который занимает пост министра иностранных дел в правительстве Хироита (1936-1937), Коноэ (первый кабинет, 1938-1939).

¹¹ Домэй дзюмпо. 1940, N 22.

¹² Там же.

¹³ Здесь и далее Тройственный пакт цитируется по: История войны на Тихом океане. М., т. 3, 1958, с. 363-364.

Они считали, что военный союз с Германией может в перспективе привести к войне на три фронта — против Китая, СССР и США, чего Япония, конечно, не выдержала бы. Командование сухопутных войск (Умэдзу, Хата, Итагаки и др.) мечтало «скрестить мечи с Россией на полях Северной Манчжурии»¹⁴, против чего решительно возражали многие руководители морского министерства и дипломаты, например, Хирота и Того, имевшие опыт работы в СССР.

Не хотел войны с Россией и Коноэ. Примиряясь с идеологическими различиями, он считал СССР союзником против атлантического блока. В Тройственном пакте он видел своего рода противовес англо-американскому господству на Тихом океане, тем более что в ст. 5 было записано: «Япония, Германия и Италия подтверждают, что указанные выше статьи никоим образом не затрагивают политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников пакта и Советским Союзом». Коноэ понимал, что для успешной реализации его геостратегических проектов в Восточной Азии необходим как минимум благожелательный нейтралитет СССР. Еще в период пребывания на посту премьера он однажды сказал: «Очевидно и без слов, что Япония и Советский Союз, которые являются соседями на Дальнем Востоке, должны строить свои дружественные отношения на прочной основе»¹⁵. Идеальным вариантом ему представлялось присоединение СССР к Тройственному пакту и создание оси Берлин-Москва-Токио, к чему, как известно, усиленно призывал Карл Хаусхофер (а в Японии эти идеи пропагандировал Зорге). Впрочем, усилия Коноэ успехом не увенчались.

Не следует думать, что реализация главного геостратегического проекта Коноэ — «сферы процветания Великой Восточной Азии» — началась только с формированием его второго кабинета и провозглашением этого лозунга. Основы экономического и военного покорения Азии заложил так называемый «меморандум Танака», приписываемый генералу Гиити Танака (премьер-министр в 1927-1929 гг.). Аутентичность этого документа вызывает некоторые сомнения, однако дальнейшие события развивались явно по его сценарию: вторжение в Манчжурию с целью использования (точнее — ограбления) ее природных богатств в интересах японской промышленности, подчинение своему прямому или косвенному контролю большинства провинций Китая и — в дальней перспективе — война с СССР за Приморье¹⁶. «Меморандум» выражал доктрину командования сухопутных войск, которая в дальнейшем не претерпела существенных изменений. Война в Китае с са-

¹⁴ См. подробнее: Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы». М., 1989, с. 94-117, 139-163; Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. М., 1980, с. 247-249.

¹⁵ Цит. по: Axelbank A. Black Star over Japan. Rising Forces of Militarism. Tokyo, 1988, p. 191.

¹⁶ История войны на Тихом океане. М., т. 1, 1957, с. 337-356.

мого начала была жестокой, типично колониальной войной, направленной на завоевание и подчинение грубой силе. Такие политики, как Коноэ и Хирота пытались смягчить остроту конфликта, когда это по существу стало невозможным. Экстремизм военного руководства провоцировал ответный экстремизм со стороны различных сил и группировок в Китае, а атлантический блок умело играл на этом противостоянии. Идеи паназиатизма антиевропейской направленности развивались Японией недостаточно активно, хотя «Основные принципы национальной политики», принятые в качестве правительственной программы 7 августа 1936 г. и разработанные под руководством премьер-министра Хирота, провозглашали: «Достижение взаимного благоденствия в Восточной Азии путем искоренения осуществляемой великими державами (читай: Англией и США. — В.М.) политики господства и утверждения принципа истинного сосуществования и процветания является воплощением духа императорского пути (*кодо* — одно из важнейших, по существу сакральных, понятий в японской политической и геополитической лексике. — В.М.) и должно быть постоянным и руководящим принципом нашей военной политики»¹⁷. Коноэ, став премьером вслед за Хиротой, придерживался этих же принципов, которые разделял как министр иностранных дел Арита (один из авторов документа), так и Одзаки, бывший ближайшим советником принца по китайскому вопросу и полноправным соавтором концепции «сферы процветания Великой Восточной Азии». Деятельность первого кабинета Коноэ в отношении Китая (прежде всего военная и дипломатическая) подробно исследована в работах Ёситакэ Ока и М.И. Сладковского¹⁸, что позволяет нам более подробно остановиться лишь на геостратегическом аспекте проблемы.

Следует вспомнить и ноту, которую министр иностранных дел Арита (кабинет Ёнаи) вручил 15 апреля 1940 г. голландскому посланнику в Токио Пабсту. В ней говорилось, что после захвата Германией Дании и Норвегии Голландия в скором времени окажется неспособной контролировать свои колонии в Голландской Индии и они станут объектом экспансии Англии и США. Подлинный смысл ноты был предельно ясен — Тройственный пакт угрожал скорым захватом как самой Голландии, так и ее колониям. Арита выразил обеспокоенность японского правительства возможным нарушением *status quo* Голландской Индии, поскольку Япония была связана с ней и другими странами Южных морей отношениями «сосуществования» и «процветания»¹⁹. Эти термины впервые были распространены не только на Китай и Манчжурию, как раньше, но и на страны Юго-Восточной Азии. Как верно

¹⁷ История войны на Тихом океане. М., т. 2, 1957, с. 341.

¹⁸ Oka Yoashitake. Konoe Fumimaro. A Political Biography. Lanham-New York-London. 1992, p. 51-99; Сладковский М.И. Китай и Япония. М., 1971, с. 168-179.

¹⁹ Contemporary Japan. 1940, May.

отметил И.А. Латышев, «это был первый, еще слабый, но весьма знаменательный симптом перемен во внешней политике правящих кругов Японии... Заявление Арита встретило одобрение финансовых кругов в стране»²⁰.

29 июня, уже после захвата Голландии и Бельгии и капитуляции Франции, Арита выступил по радио с программной речью о новых направлениях внешней политики Японии, ориентированных на активные действия в Южных морях. Кабинет осторожного Ёнаи доживал последний месяц, Коноэ уже готовился сменить его, но выработка глобального стратегического проекта по существу шла общими усилиями. Пропагандистский аппарат уже запускал в дело «доктрину Монро для Азии», которую разрабатывал, в частности, профессор Хикомачу Камикава, а близкий к кругу Коноэ философ Киёси Мики даже заговорил о паназиатской культуре, «аналогичной эллинизму»²¹, который был, как известно, не только культурным или историческим, но географическим и политическим феноменом. Поддержанный Одзаки, Мики выступил с рядом заявлений против национализма, ограничивающего то, что мы сегодня называем евразийством.

Второй кабинет Коноэ уже гораздо активнее использовал лозунги паназиатизма и борьбы против «белого империализма». Усиление антисевропейской направленности объяснялось и доминированием в правительстве этнократов или близких к ним сил, на сознательный компромисс с которыми Коноэ пошел ради реализации своих проектов. Создание «сферы процветания Великой Восточной Азии» было невозможно без установления военного контроля над далекими от Японии и отнюдь не мирными территориями. Коноэ с начал 30-х годов был в неплохих отношениях с воснной вер-хушкой, правда, романтики-пассионарии во главе с генералом Садао Араки (1877-1966), честолюбивым самураем и покровителем русских фашистов в Манчжурии, сменились на первом плане политической игры милитаристами-прагматиками, вынашивавшими планы создания грандиозной колониальной империи по всему бассейну Тихого океана. Однако их пресловутый «прагматизм» уживался с идеей одновременной войны с СССР и США, и только поражение при Халхин-Голе (и поныне скромно называемое в японской военной историографии «Номонхонским инцидентом») удержало их от неминуемого «продвижения на Север». Конечно, план «Кантокуэн» («Особые маневры Квантунской армии») все эти годы лежал в сейфе Генерального штаба, готовый к применению. Правда, аналогичные штабные разработки предусматривали даже столкновение с... Германией, если она, слишком быстро расправившись со своими соперниками в Европе, решит попробовать свои силы в колонизации Южных морей.

²⁰ Латышев И.А. Внутренняя политика японского империализма накануне войны на Тихом океане. 1931-1941. М., 1955, с. 79.

²¹ Johnson Ch. An Instance of Treason, p. 119.

В качестве военного министра во втором и третьем кабинетах Коноэ был вынужден терпеть генерала Хидэки Тодзио (1884–1948), неглупого, но крайне жестокого и честолюбивого человека, ставшего признанным лидером самых воинственных армейских кругов. Пример Тодзио как нельзя лучше показывает ограниченность и губительность милитаристского экстремизма и жесткой этнократии, что оказалось губительным для геостратегии «меланхолического принца». Тодзио не хотел ждать, не считал население побежденных стран людьми, а в завоеванных территориях видел лишь источник сырья, которое поддерживавшие его японские промышленники стремились заполучить как можно скорее и любой ценой. Лозунг «сопроцветания» был при Тодзио окончательно забыт, а на практике его политика выродилась в недальновидное и неэффективное разграбление колоний²².

Можно сказать, что, стремясь найти силы для реализации своих геостратегических проектов, Коноэ выпустил из бутылки милитаристского джинна, который погубил все его дело. Если в первом кабинете Коноэ был полноправным хозяином, опираясь на сотрудничество Хирота, Арита, Ёнаи, Кидо, то во втором и третьих кабинетах его действия сковывали военные во главе с министром Тодзио и связанные с армией националистические круги во главе с министром иностранных дел Ёсукэ Мацуока и министром внутренних дел, бывшим премьер-министром Китиро Хиранума. Морской министр — адмирал Дзэнго Ёсида отличался слабым здоровьем и нерешительным характером, а возглавивший евразийцев морского министерства после отставки Ёнаи адмирал Исороку Ямамото был еще осенью 1939 г. назначен командующим Соединенным флотом и удален из Токио.

Однако Коноэ сделал все возможное для реализации своих глобальных проектов. 30 ноября 1940 г. был подписан «Договор об основах взаимоотношений между Японией и Китайской Республикой» с правительством Ван Цзинвэя²³. Японские экономисты и промышленники составляли рекомендательные программы экономического развития для Китая и Манчжурии, а кампания против «белого империализма» и привилегий европейских держав принесла определенные плоды. Как справедливо отметил М.И. Сладковский: «С помощью японской агентуры в среде китайских националистов вновь начали распространяться иллюзии о возможности при содействии Японии, сильной азиатской империи, укрепить национальную независимость и сохранить капиталистические и феодальные отношения в стране»²⁴. В качестве комментария к этой цитате более чем 20-летней давности напомним лишь, что своего рода (феодальные) начала в общественных и политических отношениях сохраняются в Японии и сейчас, но под ними следует понимать преж-

²² См.: Динкевич А.И. Военные финансы Японии. 1937–1945. М., 1958, с. 69–84.

²³ История войны на Тихом океане. М., т. 3, 1957, с. 368–371.

²⁴ Сладковский М.И. Китай и Япония, с. 174.

де всего своеобразный психологический феномен, связанный с национальной традицией.

Японское проникновение в Китай по-прежнему наталкивалось на ожесточенное сопротивление США, а усиление противостояния двух империй, естественно, толкало их к войне. Миссия Номура-Курусу в США в 1941 г., их переговоры с государственным секретарем Хэллом, бесконечные переносы встреч, проволочки и закономерный их провал достаточно изучены и в зарубежной, и в отечественной литературе. Атлантическая историография, разумеется, всю вину за срыв переговоров возлагает на японскую сторону (в советской науке эту точку зрения пропагандировал Н.Н. Яковлев²⁵). Адмирал Сигээси Иноуэ позднее возлагал ответственность за войну с США в равной мере на Коноэ и Тодзио²⁶. Однако Ёситаке Ока, детально исследовавший участие Коноэ в японо-американских переговорах лета и осени 1941 г., напротив, подчеркивает личную заинтересованность принца в их успехе. Неопределенность положения Японии в столь важном вопросе, как вмешательство-невмешательство США в ходе японской экспансии на южном направлении, тормозила реализацию глобальных проектов по интеграции территорий, в числе которых находились и колонии разгромленных Гитлером стран. Когда переговоры окончательно зашли в тупик и стало ясно, что американское руководство тоже не очень-то заинтересовано в их успехе, Коноэ выразил желание лететь в США без предварительной договоренности для экстренной личной встречи с Рузвельтом, которая неоднократно планировалась и каждый раз переносилась под различными предлогами. Поделившись этой мыслью в конфиденциальном порядке с Такио Идзава, он услышал в ответ: «Если вы отправитесь таким образом, вас убьют». Коноэ сказал, что безопасность собственной жизни его не так беспокоит, как судьба нации, но Идзава, памятуя о возможной реакции армии и националистов, напомнил: «Это не просто вопрос вашей жизни; скажут, что вы продали Японию Соединенным Штатам». «Это меня тоже не беспокоит», — ответил принц²⁷. Коноэ, который с времен офицерских путчей 15 мая 1932 г. и 26 февраля 1936 г. боялся терроризма, сейчас готов был пожертвовать собой — даже под угрозой убийства или (ирония судьбы!) обвинения в государственной измене в пользу Америки.

6 сентября 1941 г. совещание высших политических и военных деятелей Японии в присутствии императора приняло решение о начале непосредственной подготовки к открытию военных действий против США, Англии и Нидерландов (в последнем случае речь шла, разумеется, о захвате колоний), а также о мерах по предотвращению создания США и СССР единого

²⁵ Яковлев Н.Н.: Загадка Пирл-Харбора, М., 1968; его же, 3 сентября 1945. М., 1971.

²⁶ См.: Agawa H. The Reluctant Admiral, p. 140.

²⁷ Ябэ Сададзи, Коноэ Фумимаро, Токио, т. 2, 1952, с. 340-341.

антияпонского фронта. Справочные материалы подготовленные для этого совещания при непосредственном участии Коноэ в достаточной степени отражают позицию его самого и японского руководства в целом: «Создание нового порядка будет продолжаться вечно, пока существует наше государство. Однако становится очевидным, что политика Соединенных Штатов в отношении Японии основывается на стремлении сохранить нынешнее положение... США не намерены допустить подъема и развития нашей Империи в Восточной Азии... Исторически неизбежный конфликт между двумя государствами... в конечном счете приведет к войне... Наша Империя будет находиться в отчаянном положении, которое в конечном счете вынудит нас к крайнему шагу, а именно к войне в целях самозащиты и сохранения нации. Даже если мы пойдем на уступки Соединенным Штатам, отказавшись частично от нашей национальной политики (т.е. от создания «сферы процветания Великой Восточной Азии». — *В.М.*) для достижения временного мира. США по мере усиления их военной мощи, безусловно, будет требовать от нас все больше и больше уступок. В конечном результате наша Империя будет повержена и брошена к ногам Соединенных Штатов»²⁸.

Данный в цитате анализ полностью подтвердился. США стремились к войне с Японией, может, и не так активно, как клика Тодзио, но ради сохранения мира не собирались отступать ни на шаг, в том числе и в китайском вопросе. Расчет на то, чтобы, как в 1904 г., столкнуть лбами две евразийские державы — Японию и СССР — не оправдался. Рузвельт и Хэлл понимали, что на Тихом океане назревает решающее столкновение, война на уничтожение одной из сторон, в связи с чем экстремистский курс Тодзио и его союзников был как нельзя на руку атлантическому руководству США. Доверительные беседы Коноэ с американским послом Грю, равно как и усилия Номура и Курусу в Вашингтоне, оказались тщетными. Руководство США не столько поддавалось на провокации, сколько само провоцировало Японию к войне.

При недостатке документальных подтверждений мы не беремся однозначно утверждать, что Рузвельт и Хэлл знали о готовящемся нападении на Перл-Харбор, но при высоком уровне американской разведки подобный «прокол» трудно объяснить даже с учетом блестящего плана Ямамото и его обеспечения японской разведкой. Однако полностью снимать с США ответственность, как это делают историки и публицисты атлантической ориентации, было бы попросту неисторично и несправедливо. Трезвый исторический подход к этому сложному и ответственному вопросу демонстрирует американский историк Ричард Минер в своей книге о Токийском процессе «Юстиция победителей» (или «Правосудие победителей»), достойной издания и внимательного изучения в России, где история процесса известна в весьма неполном и тенденциозно поданном виде.

²⁸ Кошкин А. А. Крах стратегии «спелой хурмы», с. 238-239.

Подвергнув военно-историческому и прежде всего правовому анализу нападение Японии на Перл-Харбор в свете предшествующего развития японо-американских отношений, автор подчеркивает: «Япония напала на США в Перл-Харборе. Эта атака обозначала начало открытой войны на Тихом океане. Однако Япония была подвигнута на этот исключительный шаг соображениями самообороны, и само нападение было не без провокации (со стороны США. — В.М.)»²⁹. Обо всем этом необходимо помнить, рассматривая вопрос о персональной ответственности Коноэ за развязывание войны на Тихом океане. В предсмертной памятной записке 1945 г. он сам оценил свои действия следующим образом: «Я прилагал все силы, чтобы достигнуть взаимопонимания между Соединенными Штатами Америки и Японией, полагая, что только такое взаимопонимание могло бы привести к решению китайской проблемы»³⁰. Рекомендовав Тодзио в качестве своего преемника, Коноэ понимал, что это начало конца его проектов, но противостояние зашло слишком далеко и компромисс обернулся поражением.

Исключительно важное место в геостратегических проектах Коноэ занимала Россия. Выше уже говорилось, что принц как евразиец видел в СССР потенциального союзника против атлантического блока и был сторонником по крайней мере доброжелательного нейтралитета, который обеспечивал бы Японии свободу действий «на южном направлении». Однако Коноэ всегда был антикоммунистом и не мог в полной мере освободиться от воздействия идеологических, «вторичных» факторов на свои геополитические и геостратегические проекты. Желая реализации «Великого континентального проекта» и создания «сферы процветания Великой Восточной Азии» как его логической части, он, разумеется, не мог игнорировать империалистический характер внешней политики Сталина (даже с учетом евразийской ориентации последнего). Впрочем, в отличие от Тодзио, принц явно стремился к положительным сдвигам в японо-советских отношениях и добился в общем-то многого.

При этом Коноэ не мог не оставаться империалистом и был не прочь поживиться советскими территориями на Дальнем Востоке и в Забайкалье в случае, скажем, военного поражения СССР в войне с Германией и распада его как единого государства. Он не имел ничего против использования в политической игре атамана Семенова, мечтавшего о независимой казачьей республике в Забайкалье³¹, каковая могла бы возникнуть только при мощной военной, экономической и политической поддержке Японии. Но против войны с СССР в сложившейся ситуации он выступал категорически, оста-

²⁹ Minear Richard H. Victor's Justice. The Tokyo War Crimes Trial. Tokyo, 1984, p. 158.

³⁰ См.: Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио, с. 51. Более точно источник цитаты установить не удалось.

³¹ Стефан Дж. Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции. 1925-1945. М., 1992, с. 215.

ваясь на этих позициях до конца жизни. После уроков Хасана и Халхин-Гола его поддерживали не только евразийцы Ёнаи, Хирота, Арита, но и «правые» прагматики Кидо и Хиранума и даже генерал Тодзио, так и не объявивший войну России, несмотря на давление со стороны Германии³². Сторонниками войны выступало командование Квантунской армии, связанные с ними представители финансовых кругов и некоторые дипломаты, главным образом из бывших военных, такие, как посол в Берлине Хироси Осима и посол в Риме Тосио Сиратори³³. По иронии судьбы к этой же фракции принадлежал и министр иностранных дел во втором кабинете Коноэ Ёсукэ Мацуока (1880-1946), которому доведется подписать Пакт о нейтралитете с СССР 13 апреля 1941 г.³⁴.

Мацуока ненавидел атлантический мир, хотя вырос и получил образование в США, но столь же упорно ненавидел он и коммунизм, перенося это чувство на Советский Союз (кстати, в 1912-1913 гг. он служил вторым секретарем посольства в Петербурге, но об этом периоде нам почти ничего не известно). Как личность он отличался немалым самомнением и стремлением к славе, за что его не любили в чопорном, аристократическом и атлантистски настроенном министерстве иностранных дел, и его служебная карьера, начинавшаяся так успешно, застопорилась в годы первой мировой войны. Не получая положенных по выслуге лет повышений по службе, Мацуока оставил МИД и 18 лет прослужил на руководящих должностях в компании Южно-Манчжурской железной дороги (отсюда и ненависть к России как к политическому сопернику и экономическому конкуренту). В 1932-1933 гг. он снова возвращается в большую политику, чтобы возглавить японскую делегацию в Лиге Наций, обсуждавшей доклад комиссии лорда Литтона о японской агрессии в Китае. 24 февраля 1933 г. после осуждения Японии как агрессора Мацуока с делегацией покинул Женеву (а Япония — Лигу Наций) и был встречен в Токио как национальный герой.

Мацуока был решительным сторонником скорейшего заключения не только политического, но и военного союза с Германией, причем направленного

³² Вывод большинства советских историков и публицистов прошлых лет (Д.И. Гольдберг, А.А. Кошкин, Л.Н. Смирнов и Е.Б. Зайцев, А.С. Савин и др.) о фактической «необъявленной войне» Японии против СССР в 1941-1945 гг. в нарушение Пакта о нейтралитете нуждается, на мой взгляд, в существенном пересмотре и историческом исследовании, свободном от политической ангажированности. Факты мелких нарушений государственной границы и некоторые другие недружественные действия, равно как и антисоветские заявления японских лидеров (впрочем, почти исключительно в частных беседах с германскими и итальянскими дипломатами — для успокоения последних!), действительно, имели место, но принципиальную важность имеет лишь то, что Япония так и не начала на СССР.

³³ Японский милитаризм. М., 1972, с. 178.

³⁴ Подробное, но лишенное научного аппарата и крайне тенденциозное жизнеописание Мацуока («Неудавшийся Талейран»), совершенно игнорирующее противоречивость его воззрений. — См.: Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио, с. 156-246.

специально против СССР, чем снискал симпатии и поддержку руководства военного министерства и Генерального штаба. Заметим попутно, что отношение к этой же группе Коки Хирота, как это делают авторы книги «Суд в Токио»³⁵, не вполне корректно: антисоветские, точнее антикоммунистические, антикоминтерновские, заявления тогда делали практически все японские лидеры, вне зависимости от их ориентации. Еще не будучи министром, Мацуока участвовал в подготовке Тройственного пакта. Коноэ, некогда видевший в нем единомышленника, может быть, остановился бы на другой кандидатуре на пост министра иностранных дел, но едва ли имел сколь-нибудь реальную возможность выбирать только по своему вкусу. Известно, что в военных кругах на этот пост намечали Сиратори, но он был слишком известен как экстремист, чтобы доверить ему столь деликатную должность.

Уже заключение Советско-германского пакта о нейтралитете заставило японскую сторону подумать об аналогичных мерах, чтобы обезопасить себя. Особенно актуальным стал этот вопрос после подписания Тройственного пакта и неприсоединения к нему СССР³⁶. Мацуока сначала предложил план пакта четырех стран с участием СССР, Монголии и Манчжоу-го, однако эта идея не получила поддержки. Коноэ торопил министра, но тот был занят перестановками в своем аппарате, длительными переговорами с Германией и публичными выступлениями — слабостью честолюбивого политика, наконец-то оказавшегося на вершине власти. Английский посол в Токио Роберт Крейги справедливо назвал период с середины 1940 по середину 1941 г. «годом Мацуока»³⁷. Японского министра восторженно принимали в Берлине и уважительно — в Москве, хотя Сталин и Молотов не обольщались относительно его истинного лица.

24 марта 1941 г. Мацуока прибыл в Москву для переговоров, где пропагандировал Сталину и Молотову идею союза против англосаксов (читай — атлантистов). Затем последовали переговоры в Берлине с Гитлером и Риббентропом, которые посвятили его в планы войны против СССР. Думается, это могло только подстегнуть активность японского руководства, в котором большинство было категорически против такой войны. 7 апреля Мацуока возвращается в Москву, где шесть дней спустя торжественно подписывается Пакт о нейтралитете — одна из величайших побед евразийской дипломатии в целом, которую как личную победу могли рассматривать и Сталин, и Коноэ, и, конечно, Мацуока, снова оказавшийся на консе. Неслыханное дело — сам Сталин проводил его на вокзал...

Потом было нападение Германии на СССР, новая вспышка прогерманских амбиций Мацуока и его беспрецедентная попытка по собственной воле

³⁵ Там же, с. 165.

³⁶ Вопрос о причинах неприсоединения СССР к Тройственному пакту требует тщательного специального исследования, в том числе с привлечением архивных материалов.

³⁷ *Craigie R. Behind the Japanese Mask. New York-London, 1945, p. 102.*

сорвать переговоры с США. Но на чью-либо поддержку он рассчитывать не мог, и принц решил избавиться от зарвавшегося министра. Кабинет подал в отставку, а через несколько дней был заново сформирован Коноэ практически в прежнем составе, но уже без Мацуока, превратившегося таким образом в политический труп. Его отставка свидетельствовала о стремлении Коноэ по возможности сохранить добрые отношения с Германией, с СССР и даже пока с США³⁸.

Но и политическая карьера самого Коноэ подходила к концу. Осень 1941 г. стала началом его «сумерек», а сама отставка оказалась омрачена событием гораздо более печальным, чем просто потеря друга и соратника, — по обвинению в государственной измене и шпионаже был арестован Одзаки, а затем еще ряд молодых интеллектуалов из окружения принца. Тацуо Ивабути, главный редактор газеты «Иомиури» и близкий друг Коноэ, вспоминал позднее, что видел принца в полном отчаянии дважды: в день ареста Одзаки и в день капитуляции Японии³⁹. Враги — как милитаристы из военного ведомства, так и атлантисты из министерства иностранных дел — стали открыто требовать ареста Коноэ и Кадзэми⁴⁰. Лидер атлантистов Мамору Сигэмицу и тогда, и после войны называл Одзаки «супер-предателем», ставившим целью столкнуть Японию и США тогда, когда главным врагом была Россия, и обвинял Коноэ в провоцировании войны с США и покровительстве предателям вроде Одзаки в передаче врагу военных и государственных тайн⁴¹. Сигэмицу кое в чем был прав. Одзаки говорил своему адвокату Син Аоти, что надеялся увидеться со Сталиным при посредничестве Зорге, чтобы подготовить встречу Сталин-Коноэ и добиться такого завершения войны на Тихом океане, которое в равной степени было бы выгодно и СССР, и Японии⁴². Дважды, летом 1943 г. и летом 1945 г. Коноэ собирался с секретной миссией в Москву, но Сталин оба раза отказывался даже от обсуждения японских предложений о предстоящей встрече.

В годы войны Коноэ фактически был удален от дел, не располагая ни полнотой власти, ни даже полнотой информации. Он принял участие в отстранении Тодзио от власти и в замене его генералом Куниаки Койсо летом 1944 г., но заметной роли в этом деле не сыграл. Коноэ распростился со

³⁸ Ср. довольно странный и немотивированный вывод Д.И. Гольдберга: «В состав правительства демонстративно не был включен Мацуока. Это означало, что правительство не хотело считать себя связанным пактом о нейтралитете с СССР, под которым стояла его подпись». — Гольдберг Д.И. Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 г. — декабрь 1941 г.). М., 1959, с. 157.

³⁹ Ивабути Тацуо. Кидзоку то сэйдзи то си то (Аристократия, политика и смерть). — Бунгэй сюндзю 1954, июнь.

⁴⁰ Johnson Ch. An Instance of Treason, p. 179-180.

⁴¹ Сигэмицу Мамору. Сёва-но доран (Потрясения эры Сёва). Токио, т. 2, 1952, с. 92-98. Ср. в краткой английской версии: Shigemitsu Mamoru. Japan and her Destiny. London, 1958, p. 157, 245.

⁴² Гэндайси-но магэрикадо (Поворотные пункты новейшей истории). Токио, 1959, с. 191.

своими глобальными геостратегическими проектами и по существу с ролью активного политика, не сумевшего в должной степени проявить свою волю и решительность. В последний год своей жизни он вдруг решил взяться за борьбу с коммунизмом в Японии, обвинив в прокоммунистических симпатиях ни много ни мало наиболее экстремистскую часть армейского руководства, о чем представил доклад императору во время аудиенции 14 февраля 1945 г.⁴³

Этот документ достаточно верно отражает стремление СССР насадить в освобожденных странах просоветские или хотя бы дружественные нейтральные режимы, а также потенциальное существование такой угрозы для Японии. Но главную опасность Коноэ видит в армейской и частично бюрократической верхушке: «правые — это коммунисты, которые рядятся в одежды сторонников нашего национального государственного строя» — хотя эту формулу можно вполне применить к его собственной деятельности прошлых лет.

Озабоченный «спасением Японии от коммунистической революции» Коноэ роковым образом сомкнулся со своими злейшими врагами вроде Сигэмицу, а после капитуляции прямо попытался сделать ставку на Макартура и его штаб как спасителей от красной опасности. Макартур принял принца достаточно нелюбезно, а японская пресса в условиях объявленной оккупационной армией свободы печати развернула против него ожесточенную кампанию. Победители не доверяли ему, хотя он и пытался возглавить парламентскую комиссию по реформе конституции, т.е. ее демократизации. Газета «Нью-Йорк Таймс» прямо писала, что если Коноэ будет поручено составить проект новой конституции, то это будет столь же странно, как сделать Квислинга королем Норвегии, Лаваля — президентом Франции, а Геринга — главнокомандующим союзными войсками. 29 октября 1945 г. отрывки из этой статьи появились в крупнейших токийских газетах «Асахи» и «Майнити», а через десять дней Макартур отдал приказ об аресте Коноэ, лишенного к тому времени парламентом депутатской неприкосновенности.

В последние дни Коноэ горько жаловался на нежелание американцев вместе с ним бороться с коммунизмом, на еврейское засилие в штабе Макартура⁴⁴, а в своих предсмертных записках пытался представить себя другом Соединенных Штатов. Ёситаке Ока, посвятивший этому периоду отдельную главу в своей книге, удивительно точно назвал ее «Последнее поражение Коноэ»⁴⁵. Принц проиграл, как говорится, по всем статьям и предпочел смерть от яда в собственной постели суду и виселице, заявив, однако, своему другу Томита: «Я готов подождать вердикта истории еще и следующую сотню лет»⁴⁶.

⁴³ История войны на Тихом океане. М., т. 4, 1958, с. 252-258.

⁴⁴ Oka Yoshitake. Коноэ Fumimaro, p. 225.

⁴⁵ Там же, с. 215-239.

⁴⁶ Томита Кэндзи. Хайсэн Нихон-но утигава. Коноэ-ко но омондэ (Проигравшая Япония изнутри. Воспоминания о принце Коноэ). Токио, 1962, с. 307.

Замечательный русский поэт Арсений Несмелов сказал: «Только побежденный не судим!» Эти слова приложимы к жизни и судьбе Фумимаро Коноэ в не меньшей степени, чем сентенция «так проходит мирская слава». Коноэ сам себя судил с максимальной строгостью, испытав полное крушение своих планов, надежд и иллюзий. Друзья и потомки, собиравшие написанное и сказанное им, опубликовавшие о нем книги, выполнили свой долг перед тем, к кому относились с заслуженным уважением. Теперь и в России пришло время в полной мере оценить личность, идеи и дела Коноэ.

Послевоенное развитие Японии пошло совсем не по тому пути, о котором он мечтал во второй половине 30-х годов — в пору своего политического взлета. Но геостратегия Коноэ осталась не просто памятником эпохи — послевоенное японское евразийство, разумеется, не могло сравниться с довоенным ни по силе, ни по власти, ни даже по самостоятельности, однако идея «сферы процветания Великой Восточной Азии» периодически ожидала в стратегических планах новейшего времени. Последний из могикиан японского евразийства Нобусукэ Киси (1896-1988), министр торговли и промышленности в правительстве Тодзио, фактически вынудивший генерала уйти в отставку, затем военный преступник, первый лидер ЛДП и премьер-министр в 1957-1960 гг., в 1957 г. выступал с так называемым «планом развития Юго-Восточной Азии», который пропагандировал во время своих турне по странам региона. План не был реализован из-за вмешательства США, как верно показал Сусуму Ямамото: «Им показалось подозрительным, что господствующие круги Японии, попытавшиеся в прошлом силой оружия создать «сферу совместного процветания Великой Восточной Азии», с невинным выражением лица, будто говорящим, что изо всех стран лишь у Японии «руки не запятнаны», пустились в вояж, чтобы осуществить этот план»⁴⁷. Полной политической самостоятельности Япония не добилась и до сих пор, несмотря на все экономическое процветание и социальную гармонию. Снится или нет «блеск державный» японским политикам, но мы сегодня обязаны с особым вниманием отнестись к глобальным идеям и геостратегическим проектам принца Фумимаро Коноэ — евразийца, пассионария, мечтателя.

⁴⁷ Ямамото Сусуму. Токио-Вашингтон. Экономическая дипломатия Японии. М., 1963, с. 91.

**Анна Евгеньевна Глускина
(1904-1994)**

Я полон грусти, расстаюсь с тобой,
Слезинки светлые дрожат на рукаве
Как яшма белая!..
Я их возьму с собой,
Пусть это будет память о тебе...
(«Маньёсю», неизвестный автор,
пер. с яп. А. Глускиной)

Совсем по-весеннему теплый день. Ярko светит солнце. К токийскому вокзалу медленно подходит поезд из Харбина. На перрон выходит молодая красивая, стройная женщина, которую встречает толпа корреспондентов. Они слепят вспышками блицов и засыпают непривычно откровенными вопросами. Девушка свободно отвечает по-японски, обнаруживая знание местных традиций и цитируя классиков японской литературы, чем навсегда покоряет представителей столичной прессы. На следующий день газеты публикуют ее портреты с заголовками: «Вчера на токийском вокзале встречали гостью японской литературы из России Намико Сумидзё сан»; «Русская красавица Намико Сумидзё на японской земле» и т.д. Загадочной красавицей из России, приехавшей в Японию, была Анна Евгеньевна Глускина, которую сразу нарекли японским именем. Тогда она еще не знала, что эта служебная командировка болью и страданиями отзовется в ее судьбе.

Кто же такая Анна Евгеньевна Глускина? В литературной энциклопедии и других справочниках написано, что она — известный японовед, доктор филологических наук, член Союза писателей, переводчик, поэт, ученица и последовательница основоположника русской школы японоведения академика Н.И. Конрада. Однако, что стоит за этим перечислением профессий, званий? Анна Евгеньевна была человеком трудной и тяжелой судьбы, но, несмотря на это, в ней не было никакого ожесточения, только необычайная жизнерадостность, исключительная доброжелательность к людям. Она умела радоваться и довольствоваться малым: восхищаться веточкой сирени, любоваться пушистой сосной и морским закатом, радоваться зеленым листочкам на деревьях, распустившемуся цвет-

ку, голубому небу. Возможно, здесь сказалось влияние Японии и, разумеется, самих японцев, а может быть, это собственные черты характера Анны Евгеньевны привели к японской поэзии.

Родилась А.Е. Глускина в 1904 г. в Тюмени, в семье врача. Уже в ранней юности ее талант проявился многими гранями. Когда встал вопрос о продолжении учебы после окончания гимназии, то в девушке в равной степени боролись страсть к музыке, любовь к живописи и влечение к сцене. И вот, когда уже был сделан выбор и до вступительных экзаменов оставались считанные дни, произошел несчастный случай: Аня иголкой протыкает большой палец правой руки, следует заражение крови, а затем операция, после чего с мечтой о музыкальном образовании приходится проститься навсегда. В 17 лет она поступает на японское отделение Ленинградского университета и в Институт живых восточных языков, которые в 1925 г. одновременно и блестяще заканчивает. Спустя год в ее переводе выходит сборник «Песни Ямато» — одна из первых книг японской поэзии в России и первая в советское время.

В 1928 г. Президиум Академии наук СССР посылает молодую японистку в годичную командировку в Японию, где она поступает в Токийский Императорский университет, изучает там древнюю японскую литературу, слушает лекции о японской классической поэзии академика Нобуцун Саски, ее научные интересы лежат в области исследования роли народно-песенной традиции в формировании классической японской поэзии, а также роли народного театрального искусства в создании классического театра. В поисках материалов для коллекции Музея антропологии и этнографии, где она тогда работала, Глускина разъезжает по провинциям Японии. Результатом поездки стала богатейшая коллекция по этнографии Японии, которая заняла достойное место в музее.

Именно в провинции произошло «погружение» в японскую поэзию, в поэзию заката древности и ранней зари средневековья — так называют первое японское поэтическое произведение «Манъёсю» («Собрание мириад листьев», VIII в.). Роль природы занимала исключительное место в ранней японской поэзии. Это — источник поэтической мысли и художественного вдохновения для выражения своих чувств.

1937 год — страшный период в жизни многих наших соотечественников. Не обошел он стороной и Анну Евгеньевну Глускину. Сначала арестовывают ее мужа, выдвинув обвинение, что он — японский шпион. Приговор — 10 лет без права переписки. Только теперь мы узнали, что это означало расстрел. В эти тяжелые дни Анна Евгеньевна посвящает мужу следующее трехстишие (хокку):

Когда бы знала я, что час смертельной муки
Тебе был скрашен женщиной другой,
Я б в благодарность ей поцеловала руки...

В 1938 г. арестовывают Анну Евгеньевну. И, что удивительно, эта совсем еще молодая женщина, которая так боялась, когда брали из пальца кровь, проявляет исключительное мужество и твердость.

Просторный кабинет. У окна массивный стол с бронзовой чернильницей, рядом два кресла из черной кожи, в углу диван. Кабинет заполнен важными чинами. Гнетущая тишина, все курят, листая дела в папках. Вдруг, молчание нарушается и сразу — брань, мат, гадости и крики: «Подпиши! Твой муж во всем признался! Он японский шпион! Подпиши, что ты отрекаешься от него и мы тебя освободим, в противном случае...». «Я ничего не подпишу. Он честный человек и ни в чем не виновен, а себя оклеветал. Я не могу от него отречься: он мой муж и отец моих детей», — твердо отвечает Анна Евгеньевна. Так продолжалось несколько часов, но они ничего не добились. Позже следователь пожал Анне Евгеньевне руку. Однако впереди были новые испытания — очная ставка с ее учителем Николаем Иосифовичем Конрадом. И снова грубые крики: «Подпиши!». Но, несмотря на угрозы, Анна Евгеньевна ничего не подписала.

Через 15 месяцев ее освободили, и она вернулась к маленьким сыну и дочери. В это время она пишет:

Одна тревога мучит без конца...

Я все стерплю, я поборю усталость,

Но как мне вам сказать, что нет уже отца?..

С этих пор они всегда втроем и только втроем. А ведь как все счастливо начиналось? Трудно не согласиться со словами философа Солона о том, что как бы не улыбалось человеку счастье, назвать его счастливым можно только после его смерти, слишком велика шаткость и изменчивость человеческой судьбы.

1941 год — страшная война, и волею все той же судьбы Анна Евгеньевна остается в осажденном Ленинграде с двумя маленькими детьми. Каждый день в сорокоградусную стужу через весь город пешком от Петроградской стороны до Васильевского острова, где находится Институт востоковедения Академии наук, ходила на работу эта мужественная женщина, а дома оставались маленькие дети, которые лежали целый день на холодной плите в кухне, укрытые всеми возможными теплыми вещами, и ждали возвращения мамы. Позже она напишет поэму «Ленинградская блокада», в которой опишет все ужасы кромешного ада, через который пришлось пройти ей вместе с детьми.

Только в 1942 г. по «дороге жизни» (Ладожскому озеру) Анна Евгеньевна вместе с детьми выбирается из осажденного города. Это была длинная и тяжелая дорога: внезапная вспышка болезни, высокая температура, все тело в фурункулах, цинга. Наконец, она попадает в Фергану, где в то время размещался Военный институт восточных языков. Здесь она продолжает свою преподавательскую деятельность, которую начала еще в Ленинградском восточном институ-

те, являясь доцентом японской кафедры. В Фергане работалось легко и плодотворно. В Ташкенте она защищает кандидатскую диссертацию. Память навсегда сохранила самые добрые воспоминания о Фергане. Но об этом лучше всего написала сама Анна Евгеньевна.

Шатры зеленых тополей далекой Ферганы
Я не забуду, как друзей не забываем мы.
Их нежный звон в часы зари,
И ласковый их кров
Вернули радости земли,
Вернули к жизни вновь.
Рисунок нежный их вствей,
Средь солнечной листвы,
Пообещал так много дней
Счастливых впереди.
Конец всем ужасам войны
И даже день такой,
Когда все братья и отцы
Придут к себе домой.
Они заставили забыть
Про голод, стужу, мрак,
Они велели долго жить
И научили как.

В 1943 г. А.Е. Глушкина переезжает в Москву, где преподает в Институте востоковедения. В общей сложности свыше 15 лет отдала Анна Евгеньевна преподавательской работе, одновременно работая в Институте востоковедения Академии наук СССР.

В 1954 г. в издательстве «Художественная литература» выходит сборник «Японская поэзия» в переводе А.Е. Глушкиной и В.Н. Марковой со вступительной статьей академика Н.И. Конрада. И сразу приходит признание. Вот они очень простые, но какие дорогие слова, сказанные С. Маршаком: «По первому впечатлению чувствуется, какая это подлинная поэзия и с какою тонкостью и бережностью сделаны переводы. Примите мое искреннее поздравление и сердечный привет».

В мире существует литературное наследие, обладающее непреходящей художественной ценностью. Наряду с такими бессмертными памятниками мировой литературы, как «Илиада», «Одиссея», «Рамаяна», «Слово о полку Игореве», к ним по праву относится и японская антология «Манъёсю». Главным содержанием всей жизни Анны Евгеньевны явилось исследование первого письменного памятника японской поэзии, составляющей национальную гордость японского народа. Чтобы читатель представил себе всю грандиозность работы, сделанной исследователем и переводчиком сообщим следующие данные: в «Манъё

ёсю» представлены произведения около 500 авторов, в 20 книгах этого памятника содержится 4516 песен, разнообразных по жанру, стилю и содержанию.

В 1971 г. в издательстве «Наука» вышел трехтомник «Маньёсю» в переводе с японского А.Е. Глускиной, которая была автором предисловия, вступительной статьи, комментариев и приложения. Общий объем трех томов — 100 печатных листов. Читая средневековые танка убеждаешься, что японская поэзия — это поэзия, идущая от сердца, поэзия чувств, исполненных проникновенной любви к родной природе и окружающему миру. Вот как поэтично, в духе японской поэзии, писала по этому поводу замечательная русская поэтесса Белла Ахмадулина: «Я глубоко почитаю Анну Евгеньевну Глускину и уверена, что труд, совершенный и совершаемый ею, имеет драгоценное значение: он так пугающе обширен, так величественно скрупулезен и, видимо, так тяжел, что нам остается лишь с легкостью насладиться его итогом. Все сделано за нас: непостижимая даль иного языка, иного времени, иной пленительной души, накрепко зашифрованной в таинственные знаки, оберегающие замкнутость национального духа от глубокого любопытства чужестранцев, — все это преодолено, но вовсе не обижено, не повреждено, а в целостности и сохранности преподнесено нам для нашей радости. Предаваясь блаженству этого чтения, мы не замечаем, что предаемся важному поучению, просвещению, улучшению ума и сердца, которые даются нам удобно и легко, — тяжким усилием чьей-то любви, кропотливости, сосредоточенности, многознания и прочих качеств, для краткости и справедливости именуемых талантом переводчика...»

В 1971 г. в издательстве «Художественная литература» выходят «Японские пятистишия» (перевод, вступительная статья и примечания А.Е. Глускиной). Японские пятистишия (танка) — это поэтический экспромт, сложенный по конкретному поводу. Танка умели слагать все, не только поэты, это была подлинно народная форма стиха. Вскоре на японские танка в переводе Глускиной были написаны музыкальные произведения многих композиторов, среди которых М. Ипполитов-Иванов, М. Таривердиев, С. Слонимский, Т. Смирнова.

В 1979 г. выходят «Заметки о японской литературе и театре», а в 1988 г. — последняя книга Глускиной «Японская любовная лирика».

В Японии существует обычай в дни больших торжеств преподносить символический подарок, который представляет собой тройственное сочетание: бамбук, цветы вишни и ветку сосны. Вся жизнь Анны Евгеньевны была подчинена этим символам. Она была нестигаема, как бамбук, и выдерживала любые потрясения, которые преследовали ее до последнего дня; ее внутренний мир, тонкая, чуткая душа были прекрасны, как цветы вишни, а ее любовь к японской поэзии была постоянна и неизменна, как сосна.

Не удивительно, что собственные стихи А.Е. Глускиной не избежали влияния японской поэзии:

Сегодня хмурый день. Затихли птичьи хоры,
Как в полусне задумалась земля,
И облаков сиреневые шторы закрыли солнце от меня.
А море, широко раскинув руки,
От берегов затихших отошло,
Ах, даже с солнцем надо быть в разлуке,
Чтоб оценить его тепло.

Без преувеличения можно сказать, что завершение работы над «Маньёсю» явилось настоящим гражданским подвигом А.Е. Глускиной, образцом преданности любимому делу. Благодарная Япония не осталась равнодушной к труду высокого мастера, открывшему России глубины японской поэзии, и в 1990 г. император Японии наградил А.Е. Глускину орденом «Благодатное сокровище». Орден символизирует древние регалии: зеркало, меч и яшму. Зеркало олицетворяет Богиню, сияющую на небосклоне, волшебный меч — «собирающий небесные облака», яшмовые подвески-магатама — знак чистоты.

В последние годы Анна Евгеньевна часто ездила в Дом творчества писателей в Голицыно. Там и было написано ею последнее стихотворение «Осень в Голицыно»:

Я хочу воспеть в Голицыне березы,
Что до высоты небес простерли руки,
Что стоят, как стражи, по бокам дороги,
Наблюдая встречи и разлуки.
А когда настанет час заката,
И волшебным светом озарятся дали,
Вспыхнут изумруды на сережках веток,
Превращая ситец в дорогие ткани.
А потом, когда сгустится сумрак
И поблекнут краски в побледневшем небе,
Прозвенят у окон бубенцами листья,
Приглашая сны к моей постели.

Совсем недавно ушла из жизни А.Е. Глускина. Трудно поверить в случившееся, слишком живы в памяти ее стихи, рассказы о жизни, всегда полные оптимизма и творческих замыслов. Она была человеком сердца и тонкой души, наполненной любовью к людям и окружающему миру, вот почему так трепетны и так проникновенны ее переводы и стихи. Бог щедро одарил ее талантом и за подтверждением мы вновь обращаемся к Белле Ахмадулиной: «И лишь потому, что переводчик «Японских пятистиший» и «Маньёсю» счастливо и сильно одарен поэтической гармонией, не схоластическим знанием, а убедительной достоверностью яви приходятся нам дивные поэты и поэтессы Японии, жившие

так давно, любившие так нежно, страдавшие так сильно, возведшие беззащитную хрупкость в неуязвимое могущество...»

На миг один, пока зарницы блеск
Успел бы озарить колосья в поле
В осенний день, —
На самый краткий миг
Я позабыть тебя не волен!

(«Японские пятистишия», неизвестный
автор, перевод А.Е. Глускиной).

А. Олженко

«Умей в улыбке спрятать свою грусть»

Как было показано выше, наряду с прекрасными переводами А.Е. Глускина оставила после себя собственные стихи. Мы впервые публикуем некоторые из них.

* * *

Когда из репродукторов вдруг грянуло: «Война!»
Ты был красавец-город спокоен как всегда.
Стояли величаво по-прежнему дворцы,
Катились гордо волны красавицы Невы,
Дугой вставали смело мосты над той рекой,
Ничто не взволновало твой царственный покой.
Раскинутые шали красивых площадей,
Казалось, не слышали взволнованных речей.
Изящным полукругом, лаская нежно взор,
За жемчугом фонтана Казанский спал собор.
И глядя на величие Исаакия вдали,
Гранитную ограду красавицы Невы,
На ленты строгих улиц, на памятник Петра,
На парки, где обычно резвилась детвора,
На мастерство Растрелли,
На Клодтовских коней,
На шпиль Адмиралтейства, размахи площадей,
На стройные колонны, где грезил Монферан,
Казалось, грохот пушек не будет слышен нам.
И как бы ни был злобен и кровожаден враг,
Он не посмеет тронуть красавец Ленинград!

* * *

Не страна, а сад цветов и солнца,
Не земля, а отблеск облаков,
Не айва, а золото червонцев
Сброшено с небесных берегов.
Не листва, а море изумруда,
Зелень в зелени стократ повторена,
Словно в малахите блюда
Всех оттенков налита волна.
Не гранаты, зарево рубинов
Загорелось в сердце у меня,
Как невеста сказочно красива
Вся в цветах и солнце Фергана!

* * *

Устала я наедине с собой,
Я наконец попробую признаться:
Никто не знает ведь, какой ценой
Мне удастся на ногах держаться.

И только одинокая слеза,
Оброненная по дороге к дому,
Могла бы рассказать кому-нибудь родному,
Как часто ей подернуты глаза.

Напрасная мечта: дорога в дом
Не приведет заботливого друга,
И вслед за мной невзгод несется вьюга,
Не отраженная ни лаской, ни щитом.

Надейся на себя и спрячь слезу.
Потеря гордости дороже сердцу стоит.
То дерево цветет, которое в грозу
Пред ветром головы своей не клонит.

* * *

Зачем кому-то знать твои печали.
Умей в улыбке спрятать свою грусть.
Ее никто не замечает. Пусть.
Родным глазам глаза бы не солгали,
Но, если Ваш не видит это взгляд,
С улыбкой я уйду, не посмотрев назад.

* * *

Кому-то солнце нынче ярко светит,
Зовет идти смеяться, говорить,
Заставить многих полюбить,
И многих на любовь ответить.
Но мне оно лучей не принесет,
Не обласкает от тебя приветом,
Так, иногда в залитом ярким светом,
На брошенном лугу и травка не растет.

* * *

Пришла Печаль. Я затворила дверь.
Она стучала: «Ты в мечтах, как прежде,
Оставь дружить с обманчивой надеждой,
Впусти меня, я спутник твой теперь!»

И вдруг березы поднялись стеной,
Щитом зеленым от нее укрыли,
И сосны, гневную качая головой,
Зеленых стрел концы в нее вонзили.

Встал на защиту бирюзовый небосвод,
Сверкнуло солнце яркими клинками,
И море смело ринулось вперед,
Как панцирем, прикрыв меня волнами.
И золото песков слетело с дюн,
И зашумели грозным гулом ветры,
И лепестки цветов, откликнувшись на шум,
В бою сверкали полчищем несметным.

И травы подняли зеленые мечи,
Кричало все: «Мы за нее в ответе!
Оставь ее, Печаль! Уйди и замолчи.
Она должна забыть, что есть печаль на свете!»

И лес зажег зеленый свой костер,
И звезды вспыхнули, как дальние гранаты,
И с белых и с сиреневых кустов
Дурманом огненным стекали ароматы...

Враг побежден. Теперь придет покой.
Звенели бубнами веселые березы,

И ветви веером, склонившись надо мной,
Отерли ласково катившиеся слезы.

И сосны мудрые шептали мне слова,
Учили жить, большим мерилом меры,
И неба голубая голова
Склонилась ласково, лучем закатным грся.
Стелилось шелком море возле ног,
И травы целовали мне колени,
И птичий хор звенел, как только мог,
И нежно наклонясь, цвели кусты сирени.
И золото песков манило к берегам,
И обнимали ароматом встры,
Прислушивался лес к моим шагам,
Встречало солнце радостным приветом.
Я протянула руки к ним: «Друзья,
Меня от грустных дум вы много раз спасали.
Благословенны будьте небо и земля,
Что снова на мою защиту встали!»

* * *

Сегодня на свиданье вышло солнце,
И небо в яркоголубом огне,
А в море, на струящейся волне
Сверкают блики золотых червонцев.
И вспыхнули, как пламя на ветвях,
Зеленые глаза весенних почек,
И не вместят стихи всех вдохновенных строчек,
Что просятся из сердца в честь весны!

* * *

Что-то все труднее мне с тоской расстаться,
Что-то все труднее стало рассмеяться.
Неужели это тяжесть лет сказалась,
Неужели счастья в сердце не осталось?
Нет, я не поддамся слабости и грусти
И тоска исчезнет и меня отпустит.

Следующий цикл стихотворений написан А.Е. Глускиной под влиянием японской поэзии, в частности четверостиший и трехстиший (хокку).

* * *

Любви отказ — одной минуты боль,
Любовь утратить — тяжелее много,
Такой пустынной кажется дорога
И в сердце пустота, усталость, боль.

* * *

Работать так, чтоб день мелькал как миг,
Работать жадно, радостно, запоем,
Чтоб счастьем стало то,
Что было горем!

* * *

Ковер цветов раскинут по воде,
Лазурь и золото.
Гляжу — не наглядеться...
Как много радости дано нам на земле...

* * *

Как хорошо, когда Вы здесь,
Уйдете — сразу мир пустыня.
И я одна средь горя и тревог,
Как среди волн затерянная льдина.

* * *

«Прекрасная жизнь», —
Сказала ансмона,
Навстречу мне поднявшись из земли.

* * *

На ветках нераскрывшейся сирени
Слезой весны
Сверкают капельки дождя...

* * *

Прошли дожди...
И полон обещаюсьм
Полуоткрытый глаз у почек на ветвях...

* * *

Настал волшебный час
Осеннего заката
И огненный костер зажегся в небесах.

* * *

Как будто радуга с небес упала в воду,
Где небо, где земля?
Один волшебный сад.

* * *

Минутный гнев сумей сдержать в себе,
Обидой мелочной не омрачайте радость,
Так мало времени дано нам на земле...

* * *

Тенистые леса, зеленые поля,
Закатом нежным тронутые дали,
Как хороша вечерняя земля...

* * *

Не ты ль была горда, что на душе твоей,
Как в горнице пустой всегда светло и вольно,
Зачем же от чужой любви тебе сегодня стало больно?

* * *

«Красивые усталые глаза», — сказали Вы.
Какая это малость!
О, как бы ужаснулись Вы, узнав, какая на душе усталость!

* * *

Кругом зеленый цвет —
Счастливый цвет надежды!
Украсть бы малость мне для сердца моего!

* * *

Леса, как малахитовый дворец,
Вздыхаются мечтой к лазурным далям,
Ужели им придет когда-нибудь конец?

* * *

Росток зеленый
Среди тающего снега,
О, вот оно дыхание весны!

* * *

Ночь в Сталинграде. Свет среди руин.
Такое может только в снах присниться.
Пусть не веришь ты, но на такой земле,
Встать надо на колени и молиться.

* * *

Среди сухих опавших
Старых листьев
Находка дивная — раскрывшийся цветок.

* * *

Весна идет...
На обнаженных ветках
Глазок зеленый почек молодых.

* * *

Посмотрите,
Как нежны узоры зеленой травы,
Непонятно, что люди тоскуют о розах...

* * *

Просторы рек и запах трав и леса,
Безумный человек, как мог ты променять
На жалкое убожество прогресса?

Желание поделиться и рассказать о чудесной стране, ее природе, традициях так естественно, и Анна Евгеньевна пишет рассказ в стихах для детей «Послушай о Японии», сама делает к нему рисунки. Я не был в Японии, но этот рассказ заставил меня так осязаемо увидеть эту далекую страну, почувствовать всю силу ее волшебной природы, ощутить музыку красок и поэзии.

Послушай о Японии

Там, где в море острова,
Где среди гор растет сосна,
Где тростник у взморья, —
Там страна Япония.

Хризантемы там растут,
Сливы, вишни и бамбук,
И всегда среди сада
Там звенит цикада.

Дома там строят разные:
Есть многоэтажные,
Такие, как московские,
И есть дома японские.

Вместо двери и окон
Ширмы в них со всех сторон,
И когда идут гулять,
Надо ширмы раздвигать.

А вместо пола в домиках,
В соломенных все ковриках,
И вместо стульев с ножками,
Подушки там с рогожками.

И чтобы их не пачкали
И каблуком не топали,
И дети все, и взрослые
Без туфель ходят по полу.

Чулки там — рукавичками,
Отделсны в них пальчики,
И носят их в Японии
И девочки, и мальчики.

А обувь там — скамеечкой,
Шнурами украшается,
И мальчиком, и девочкой
У входа оставляется.

Пока ребята дома,
Стоят они у входа,
О них никто не спросит,
Всё дома их не носят.

А кушают япончики
Свой суп всегда без ложки,
И вместо вилок палочки
Дают там детям мамочки.

И сколько бы не плакала,
Там чай дают без сахара,
И, как трава средь лета,
Зеленого он цвета.

В Японии не по-нашему,
Там, кроме карандашиков,
И кроме наших ручек,
Чернильниц и пера,

И дети все, и взрослые
Кистями пишут белыми,
Что из волос там сделаны
И стеблей бамбука.

Возьмут коробку черную,
Нальют водой холодной,
Потрут в ней тушью наскоро,
И пишут черной краскою.

А ванна там бочоночком
И в ней вода горячая.
И девочки, и мальчики
Здесь любят мыться тщательно.

Постель у них особая:
Футоном называется,
И прямо на пол стелется,
Простынкой накрывается.

Взамен подушек — валики
Положат на скамеечки,
И спят послушно мальчики,
И спят послушно девочки.

Пусть спят они спокойно
До самого утра.
Скажи им по-японски: «Саёнара, саёнара!»¹.

¹ Саёнара — прощайте.

**Лидия Львовна Громковская
(1933-1994)**

Умерла Лидия Львовна Громковская — один из авторитетнейших отечественных специалистов по истории культуры и литературы Японии, талантливый организатор, яркий и интересный человек.

Лидия Львовна родилась в Ленинграде в 1933 г., окончила восточное отделение (1955) и аспирантуру ЛГУ (1959). С 1962 г. в ленинградских «толстых» журналах печатались выполненные ею переводы стихов и прозы современных японских авторов. В 1970 г. защитила кандидатскую диссертацию «Основные тенденции прозаического творчества Накано Сигэхару» — первое специальное исследование в нашей стране творчества этого писателя. В том же году под ее редакцией вышел первый русский однотомник писателя («Пляшущий мужчина»). Следующая монография Лидии Львовны, посвященная известному японскому прозаику Токутоми Рока, вышла в 1983 г. в серии «Писатели и ученые Востока». Эту книгу о собеседнике Льва Толстого, по сути открывшем для Японии великого русского писателя, отличали новая интерпретация многих культурологических проблем, прекрасный стиль и мастерство изложения. Эти качества были присущи всему, что писала Л.Л. Громковская.

Велика заслуга Лидии Львовны в сохранении научного наследия выдающегося русского японоведа Н.А. Невского. Если основные труды репрессированного ученого начали «возвращаться» к читателю после его реабилитации, в первую очередь благодаря усилиям академика Н.И. Конрада, то Л.Л. Громковской принадлежат первые капитальные исследования его жизненного и научного пути. Такова книга о Невском, написанная ею совместно с Е.И. Кычановым, которая вышла в 1978 г. в серии «Русские востоковеды и путешественники».

Лидия Львовна была организатором и душой семинара по истории культуры и искусства Японии в Институте востоковедения. Заседания семинаров, на которых выступали практически все наши ведущие японоведы, отличались непринужденной атмосферой, духом творчества. Их итогом стал сборник статей «Япония: культура и общество в эпоху НТР» (1985).

На одном из последних семинаров Лидия Львовна дарила участникам свою книгу «Сто первый взгляд на Японию» (1991) — еще одно свидетельство ее незаурядного литературного дарования. «Сто взглядов на Японию уже было, — шутила она, — почему бы не быть и моему, сто первому». Одной из последних работ Л.Л. Громковской стала глава «Русская культура и японское общество: проблемы влияния» в коллективной монографии «Япония и мировое сообщество. Социально-психологические аспекты интернационализации» (1994).

Память о Лидии Львовне навсегда сохранят ее коллеги, друзья, ученики.

**Дмитрий Васильевич Петров
(1927-1994)**

12 ноября 1994 г. умер Дмитрий Васильевич Петров — один из виднейших ученых-японистов России, педагог, публицист, обаятельнейший человек, замечательный товарищ, наставник, друг. Ученая степень доктора исторических наук, звания профессора и Заслуженного деятеля науки России, члена-корреспондента Российской академии естественных наук — все эти титулы лишь с формальной стороны отражают заслуги Дмитрия Васильевича. И как ученый, и как человек он был неповторимой, талантливой личностью, чьи выдающиеся способности невозможно привести к «общему знаменателю». Дмитрия Васильевича уже нет с нами, но остались его книги и статьи, которые, несомненно, будут полезны исследователям нынешнего и будущих поколений, многие помнят его лекции, доклады, знали его как опытного руководителя и высоко ценили его мастерскую работу редактора. И, конечно, с нами живут наши воспоминания о покинувшем это мир коллеге, учителе, друге.

Дмитрий Васильевич Петров родился 8 августа 1927 г. в г. Бабушкин Московской области (ныне — один из районов Москвы) в семье служащего Василия Васильевича Петрова. Школьные годы мальчика были омрачены суровой войной. Его отец, ушедший в 1941 г. на фронт, попал в плен, но вскоре бежал оттуда и воевал сначала в партизанском отряде, а позднее — в действующей армии. Окончив школу, Дмитрий Васильевич поступил на японское отделение Московского института востоковедения. В 1949 г. он с отличием окончил институт, годом раньше появилась в печати его первая научная работа — статья «Начало американского проникновения в Японию». Дмитрий Васильевич остался в аспирантуре института, в июне 1952 г. защитил диссертацию и ему была присуждена ученая степень кандидата исторических наук. Диссертация легла в основу его первой монографии «Колониальная экспансия США в Японии в середине XIX в.», которая до сих пор сохраняет свое научное значение.

Именно в 50-е годы Дмитрий Васильевич сформировался как ученый. Представитель послевоенного поколения исследователей, он сочетал редкое для того времени (даже в профессиональной среде) знание языка и источников, широту кругозора, добросовестность и объективность, насколько это позволяли политизированность и идеологическая ангажированность подобных исследований. Если многие оценки и выводы работ Дмитрия Васильевича в настоящее время нуждаются в пересмотре, то собранный и обобщенный им материал, тонкие наблюдения и прозорливые прогнозы останутся в активе отечественного японоведения еще на долгие годы. Дмитрию Васильевичу был присущ панорам-

ный взгляд на проблему, он никогда не замыкался на частных вопросах, хотя некоторые представители академических кругов до сих пор считают это признаком «научности». Он мог временно отойти от той или иной темы, но никогда не останавливался на достигнутом и не прекращал изысканий полностью, нередко возвращаясь к ранее изученным проблемам через годы и даже десятилетия.

После окончания аспирантуры Дмитрий Васильевич был направлен на так называемую «практическую» работу — сначала на радио, где работал обозревателем по внешнеполитическим вопросам в отделе вещания на Японию (1952–1955), а затем переводчиком-консультантом в Высшую партийную школу при ЦК КПК в Пекине. Работа на радио стала для Дмитрия Васильевича прекрасной школой практической журналистики, хотя и отвлекала от собственно научных изысканий. Даже оставив должность обозревателя, он долгие годы продолжал писать для передачи в эфир (главным образом для вещания на зарубежные страны) материалы по различным вопросам мировой политики и международных отношений. Только за первые 20 лет их было более 200, а общий объем доходил до 30 печатных листов. Следует отметить, что библиография основных научных трудов Дмитрия Васильевича далеко не полностью исчерпывает написанное им — за ее пределами «по законам жанра» остались сотни газетных статей («Правда», «Известия», «Литературная газета»), публикаций в еженедельниках общественно-политического характера («Новое время» «За рубежом» и т.д.), упомянутые выше материалы для радио. Это можно было бы считать «поденкой», журналистской «текучкой», но и эти — однодневные по своему характеру — материалы отличались неизменной обстоятельностью, добросовестностью и, что не менее важно, прекрасным языком и стилем, характерными для всего написанного Дмитрием Васильевичем.

По возвращении из Китая он, проработав всего полгода в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР, был направлен в Японию в качестве собственного корреспондента газеты «Извести». Трудно было сделать лучший выбор. Сочетание ученого-профессионала, достаточно опытного журналиста и коммуникабельного человека, обладавшего к тому же несомненным чувством слова и вкусом к литературно-публицистической работе, делало его корреспонденции подлинным украшением газеты (стоит напомнить, что в те годы «Известия» находились в особом фаворе у властей). Не будет преувеличением сказать, что именно годы журналистской работы дали раскрыться еще одному таланту Дмитрия Васильевича — таланту популяризатора. Его брошюры «Япония», «СССР и Япония», «Япония наших дней», написанные для общества «Знания», были просветительскими в самом прямом смысле этого слова и, хотя были вынужденно несвободны от идеологических штампов, несли в себе «качественные», проверенные знания и сведения, а не «развесистую сакуру». Следует отметить и его многолетнее участие в «Международном политико-экономическом ежегоднике», издававшемся «Политиздатом» и содержа-

шем сведения о важнейших событиях в различных странах (Дмитрий Васильевич на протяжении многих лет писал для этого издания главы о Японии). Талант популяризатора и просветителя ярко проявился позднее: в лекциях, которые Дмитрий Васильевич на протяжении почти 30 лет читал в Московском государственном институте международных отношений, а в последние годы — в его публицистических статьях. Дмитрий Васильевич был прекрасным лектором и оратором, тонко чувствовавшим аудиторию, даже порой настроенную не самым дружелюбным образом. На протяжении многих десятилетий он участвовал в различных ситуационных анализах, а также международных конференциях, семинарах, симпозиумах. Около ста раз выступал на научных форумах в России и за рубежом, порой по весьма острым политическим вопросам, неизменно отстаивая свое понимание научной истины и государственные интересы СССР, а затем и России. Как выдающийся специалист по международным отношениям Дмитрий Васильевич считал необходимым иметь свое собственное мнение по многим спорным вопросам, хотя и был чужд нарочитому выставлению его напоказ. Его публичные выступления с докладами и сообщениями (далеко не все из них были опубликованы) были теснейшим образом связаны с его научными изысканиями, знакомили с их достижениями и результатами, а порой и дополняли работы, появившиеся в печати. Все они отличались той же основательностью, максимально возможной объективностью, панорамностью и широтой видения проблемы и элегантностью исполнения.

Дмитрий Васильевич не оставлял научной работы и во время своей журналистской деятельности (в 1961 г. была опубликована его монография «Рабочее и демократическое движение в Японии»), но в полном объеме вернулся к ней в 1962 г., став старшим научным сотрудником сектора международно-политических проблем Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии ИМЭМО АН СССР. По «наработкам» прошлых лет он быстро завершил и в мае 1964 г. защитил докторскую диссертацию, составившую основу его фундаментального исследования «Внешняя политика Японии после второй мировой войны» (1965), к которому будут обращаться еще многие поколения ученых. Впрочем, здесь тоже было не без сложностей — по указанию «сверху» набор книги был рассыпан, и в существующем виде она вышла уже в другом издательстве. Все, как говорится, «обошлось». Тогда же Дмитрий Васильевич начинает преподавать в МГИМО, где не только читал лекции, но был научным руководителем и оппонентом при защите кандидатских и докторских диссертаций в институте Академии наук и высших учебных заведениях.

В 60-е годы работы Дмитрия Васильевича получают подлинное признание не только в узком кругу японоведов-профессоров. Его приглашают к участию во втором и третьем изданиях «Большой советской энциклопедии», «Советской исторической энциклопедии», без написанных им глав и разделов не обходится практически ни одна коллективная монография по гло-

бальным проблемам международных отношений («Международные отношения после второй мировой войны», «История международного рабочего и национально-освободительного движения», «История международных отношений и внешней политики СССР. 1917-1987» и др.). В это время окончательно утверждается авторитет Дмитрия Васильевича как одного из «столпов» современной отечественной японистики, хотя он, с присущими ему скромностью и чувством юмора, едва ли согласился бы с таким определением.

В 1969 г. Дмитрий Васильевич становится заведующим сектором и продолжает работу до 1976 г., до перехода в Институт Дальнего Востока, с которым была связана вся его дальнейшая научная деятельность. Характер ее со временем менялся: много меньше было опубликовано статей (в 60-е годы Дмитрий Васильевич постоянно печатался в журналах «Международная жизнь» и «Мировая экономика и международные отношения»), зато значительно возросло количество «закрытых» материалов — справок, аналитических записок, а также выступлений на столь модных в конце 70-х — первой половине 80-х годов «ситуационных анализах». Если за 12 лет работы в ИМЭМО им было подготовлено 46 подобных материалов, то только за первые пять лет работы в ИДВ — 22. Сегодня уже не секрет, что справки и аналитические записки, сделанные лично Дмитрием Васильевичем, а также под его руководством, шли «на самый верх». Разумеется, руководство МИД, ЦК КПСС и страны в целом не всегда следовало содержащимся в них рекомендациям и советам, но все эти материалы были подготовлены на высоком профессиональном уровне и исходили из государственно-политических интересов России, а не из желания «угодить», «подать» наверх то, что там хотели услышать. Можно предположить, что если бы руководство страны больше прислушивалось к мнению таких профессионалов, как Дмитрий Васильевич, было бы много меньше ошибок и вытекающих из них сложностей и проблем в наших отношениях с зарубежными странами, да и в мировой политике в целом.

В 70-е годы в полной мере развернулся редакторский и организаторский талант Дмитрия Васильевича. Он с воодушевлением планировал, составлял и редактировал коллективные монографии и сборники статей (в том числе и те, в которых практически не участвовал сам), был членом редколлегии ежегодника «Япония» и журнала «Проблемы Дальнего Востока». Строгий и требовательный редактор, он порой «спускал стружку» с нерадивых авторов, заставляя их буквально страницами переписывать статьи, главы и авторефераты. Многие, наверно, в тот момент сердились на него, зато потом вспоминали уроки Дмитрия Васильевича с благодарностью. Сам он был достаточно восприимчив к критике, конечно, если она была обоснованной и по делу. А на голословную, недоброжелательную критику, на придирки мог, при всей своей деликатности, ответить решительно и резко.

Темперамент общественника и организатора, стремившегося быть среди людей, общаться с ними, делиться своими знаниями и идеями — именно это, а не пустос тщеславие лежало в основе многогранной общественной,

прежде всего просветительской работы Дмитрия Васильевича. Как уже говорилось, он много лет был связан с обществом «Знание», активно участвовал в работе Союза советских обществ дружбы, Советского комитета защиты мира, Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, общества «СССР — Япония». Сегодня можно подумать, что эта работа была конъюнктурной, сводившейся к идеологическому обслуживанию действий тогдашнего руководства, но подлинный характер всей работы Дмитрия Васильевича наилучшим образом проявился именно в последние годы, более свободные от указаний «сверху» и идеологических и политических установок. Многие его коллеги оказались явно неготовыми к работе в новых условиях: одни продолжали отстаивать догмы, осужденные самим естественным ходом истории, другие с прежним рвением стали пропагандировать новомодные идеи и ценности, мгновенно «сменив вехи». Дмитрий Васильевич, конечно, не мог не учитывать радикальных изменений как в политическом курсе правительства, так и в духовной и идеологической атмосфере общества, но воздерживался от необдуманных заявлений по политическим и идеологическим вопросам, которые порой делали его коллеги, придерживавшиеся различных, порой диаметрально противоположных политических взглядов. За позицией Дмитрия Васильевича стояли, как и прежде, продуманность, стремление взвесить каждое слово и обостренное чувство ответственности за свои слова и поступки, но отнюдь не конформизм (хотя лояльность всегда была свойственна его воззрениям). Думается, это должно стать нравственным уроком для коллег и учеников Дмитрия Васильевича, настоящего и будущего поколений ученых.

Постепенно к Дмитрию Васильевичу пришло международное признание. Четыре его монографии были переведены и изданы в Японии, некоторые другие работы переводились на японский, английский, немецкий, чешский и польский языки. Он пользовался большим авторитетом среди японских ученых, журналистов и дипломатов, среди коллег из других зарубежных стран. Не ограничивая свою деятельность только местом основной работы, Дмитрий Васильевич был постоянно связан с другими институтами Академии наук, учебными заведениями, государственными учреждениями, профсоюзами, общественными организациями. Поэтому, когда в 1987 г. Институт Дальнего Востока ходатайствовал о присуждении Дмитрию Васильевичу почетного звания «Заслуженный деятель науки РСФСР», это предложение поддержали ИМЭМО, Институт США и Канады, Институт востоковедения, Дипломатическая академия и МГИМО МИД СССР, Институт военной истории МО СССР, Институт стран Азии и Африки при МГУ, МИД СССР, Агентство печати «Новости» и многие другие. Следует, однако, сказать и о том, что несмотря на бесспорность научных заслуг Дмитрия Васильевича и единодушную поддержку, оказанную ему в научных кругах, почетное звание было присвоено ему только через четыре года, в 1991 г.

Последние годы жизни Дмитрия Васильевича были омрачены тяжелой болезнью, однако он не сдавался и работал как никогда активно. Оставив по воз-

расту должность заведующего отделом (напомним, что в 1976–1986 гг. он руководил отделом Японии ИДВ, а в 1986–1988 гг. отделом международно-политических проблем Дальнего Востока ИДВ), он в декабре 1988 г. принял на себя руководство сектором, а после организационного реформирования стал главным научным сотрудником Центра исследований Японии и Кореи ИДВ. Впечатляют страницы скромного служебного отчета главного научного сотрудника Д.В. Петрова о проделанной работе за 1992 г.: подготовлено пять аналитических записок и справок, в том числе для Президента России, МИД и Верховного Совета; прочитано шесть докладов на международных конференциях в Москве, Генолулу, Токио, Сеуле. В том же году Дмитрий Васильевич принял участие в ряде межинститутских и межведомственных симпозиумов и научно-практических конференций, а также выступил в качестве эксперта на закрытых парламентских слушаниях Верховного Совета России. В 1993 г. он по праву председательствовал на учредительной конференции Ассоциации японоведов и был избран заместителем ее председателя. Принял он участие и в только что созданном журнале «Знакомьтесь — Япония», где появилась его последняя крупная работа «Россия и Япония: стереотипы воспоминания». В более расширенном варианте она стала заключительным разделом коллективной монографии «Япония и мировое сообщество. Социально-психологические аспекты интернационализации», ответственным редактором которой также был Дмитрий Васильевич. В этих работах не было и тени «усталости» или «упадка» — они только лишний раз напоминают нам о том, какого выдающегося ученого мы потеряли.

В 1993 г. Д.В. Петров был избран членом-корреспондентом Российской Академии естественных наук (РАЕН) и ученым секретарем отделения свразийских исследований академии. Дмитрий Васильевич был полон идей и проектов и успел даже составить их комплексную программу. Он задумал еще одну коллективную монографию и даже начал организовывать авторский коллектив и собирать статьи, которые должны были стать главами монографии. Эту работу мы закончили уже без него.

Завершая эту краткую хронику деятельности Дмитрия Васильевича Петрова, стоит вспомнить еще об одном. В повседневной жизни Дмитрий Васильевич являл собой образец подлинного джентльмена, всегда собранного, подтянутого, неизменно элегантного, приветливого, корректного. И в науке, и в практической работе, и в быту он не терпел расхлябанности, неаккуратности, безответственности — никогда не позволял этого ни себе, ни другим. Глубокая цельность и внутренняя собранность его натуры еще долго будут служить примером молодым (и не очень молодым) ученым, коллегам, друзьям и ученикам выдающегося ученого, гражданина, замечательного товарища и друга — Дмитрия Васильевича Петрова.

Э.В. Молодяков.

Основные научные труды Д.В. Петрова*

I. Монографии и брошюры

Колониальная экспансия США в Японии в середине XIX в. М., «Госполитиздат», 1955, 280 с.

Рабочее и демократическое движение в Японии. М., «Госполитиздат», 1961, 191 с.

Япония, М., «Знание», 1964, 31 с.

Внешняя политика Японии после второй мировой войны. М., «Международные отношения», 1965, 400 с.

СССР и Япония. М., «Знание», 1968, 32 с.

Япония в мировой политике. М., «Международные отношения», 1973, 295 с.

Япония наших дней. М., «Знание», 1979, 62 с.

Ниссо корю (Японо-советские отношения). Токио, «Адзиа сёбо», 1968, 174 с.

Сорэн кара мита Нихон (Япония в мировой политике). Токио, «Саймару», 1975, 248 с.

Сорэн-но хэйва сэйсаку то Нихон (Советская политика мира и Япония). Токио, «Адзиа сёбо», 1985, 143 с.

Сорэн то Нихон (СССР и Япония: добрососедство во имя мира). Токио, «Адзиа сёбо», 1974, 112 с.

II. Статьи и главы в коллективных монографиях, сборниках, ежегодниках, энциклопедиях и справочниках

Начало американского проникновения в Японию. — Восточный альманах. М., «Московский институт востоковедения», 1948.

Предисловие к книге Канда Масао и Кубото Ясутаро «В японской деревне Утинада. Борьба против военных баз» (пер. с яп.). М., «Государственное издательство иностранной литературы», 1954, с. 3-16.

К вопросу о мануфактуре в Японии. — Ученые записки Института востоковедения. М., «Институт востоковедения АН СССР», 1956, с. 48-78.

* Список опубликованных работ построен по хронологическому принципу. В список не включены справки, аналитические записки и другие материалы справочного характера: тексты выступлений на научных симпозиумах, конференциях и ситуационных анализах; статьи в газетах и общественно-политических еженедельниках; рецензии, официальные отзывы.

Япония. — Политика и экономика. Международный ежегодник. М., «Госполитиздат», 1958, с. 371-378.

Япония. — Политика и экономика. Международный ежегодник. М., «Госполитиздат», 1959, с. 429-436 (с Я.А. Певзнером).

Япония. — Политика и экономика. Международный ежегодник. М., 1962, с. 320-327.

Внутренняя политика правящего лагеря. Борьба японского народа за повышение жизненного уровня, за демократические свободы, мир и независимость. — Экономические и политические проблемы современной Японии. М., «Издательство восточной литературы», 1963, с. 367-449, 450-497.

Вступительная статья к книге Ямамото Сусуму «Токио-Вашингтон. Экономическая дипломатия Японии» (пер. с яп.). М., «Соцэкгиз», 1963, с. 8-10.

Политика американского империализма в Японии. — Международные отношения после второй мировой войны. М., «Госполитиздат», т. 2, 1963, с. 452-478 (с Л.Н. Кутаковым).

Япония. — Политика и экономика. Международный ежегодник. М., «Госполитиздат», 1963, с. 258-263.

Источники и литература по послевоенным отношениям (Раздел «Япония») — История международных отношений и внешней политики СССР. 1945-1963 гг. М., «Международные отношения», т. 3, 1964, с. 861-867.

Предисловие к книге Кр. Эрстрем «Бамбуковый фонарик». М., «Прогресс», 1964, с. 5-10.

Япония. — Политика и экономика. Международный ежегодник. М., «Госполитиздат», 1964, с. 209-214.

Внешняя политика Японии. — Международные отношения после второй мировой войны. М., «Госполитиздат», т. 3, 1965, с. 479-499.

Рабочее движение в Японии после второй мировой войны. — История международного рабочего и национально-освободительного движения. М., «Мысль», т. 3, 1966, с. 561-575.

Япония. — Политика и экономика. Международный ежегодник. М., «Госполитиздат», 1968, с. 195-200.

Япония в 1969 г. — Политика и экономика. Международный ежегодник. М., «Госполитиздат», 1970, с. 184-194.

Внешняя политика. — Экономика и политика стран современного капитализма. Япония. М., «Мысль», 1973, с. 328-397.

Внешняя политика. — Япония 1972. Ежегодник. М., «Наука», 1973, с. 69-92.

Правые организации. — Современная Япония. Справочник. М., «Наука», 1973, с. 557-562.

Предисловие к реферативному сборнику «Проблемы современной Японии». М., ИНИОН АН СССР, 1973, N 7, с. 5-45.

Новые явления в японской экспансии в Азии. — Материалы VII советско-японского симпозиума ученых-экономистов. М., ИМЭМО АН СССР, 1974, с. 199-204.

Япония и страны Западной Европы: нарастание противоречий. — Япония 1973. Ежегодник. М., «Наука», 1974, с. 79-90.

Япония. — Политика и экономика. Международный ежегодник. М., «Госполитиздат», 1974, с. 213-219.

Новые тенденции во внешнеполитическом курсе Японии. — Япония 1974. Ежегодник. М., «Наука», 1975, с. 36-56.

Предисловие к японскому изданию его книги «Япония в мировой политике». Токио, «Саймару», 1975, с. 1-3.

Япония. Исторический очерк. — Советская историческая энциклопедия. М., «Советская энциклопедия», т. 16, 1976, с. 903-948.

Внешняя политика Японии в 1975 г. — Япония 1976. Ежегодник. М., «Наука», 1977, с. 47-65.

Разделы по Японии в книге «История международных отношений на Дальнем Востоке. 1945-1977». Хабаровск, «Хабаровское книжное издательство», 1978, с. 141-164, 225-239, 240-267, 347-386, 468-517.

История Японии в 1868-1977 гг. (Раздел в статье «Япония»). — Большая Советская Энциклопедия. М., «Советская энциклопедия», т. 30, изд. 3-е, 1978, с. 520-521.

Введение и первая глава в книге «Международные отношения в Азиатско-тихоокеанском регионе». М., «Международные отношения», 1979, с. 3-35.

Влияние сближения Китая с Японией на международно-политические отношения в Азии. — Материалы международного симпозиума «Политика Китая в Азии. 1949-1979 гг.». Берлин, 1979.

Внешняя политика Японии в 1977 г. — Япония 1978. Ежегодник. М., «Наука», 1979, с. 45-68.

Отношения Китая с Японией в системе международно-политических отношений в Азии. — Материалы 4-й научной конференции по проблемам новейшей истории Китая, посвященной анализу 30-летнего развития КНР (1949-1979 гг.). М., ИДВ АН СССР, 1979, с. 258-264.

Позиция Японии по наиболее актуальным вопросам военной разрядки. — Актуальные проблемы борьбы СССР за прекращение гонки вооружения и предотвращения угрозы мировой ядерной войны. М., «Дипломатическая Академия МИД СССР», 1979.

Внешняя политика Японии на рубеже 70-80-х годов. — Япония 1980. Ежегодник. М., «Наука», 1981, с. 49-75.

Отношения Китая с Японией в 1979 г. — Китай 1979. Ежегодник. М., «Наука», 1981, с. 131-142.

Противоречия и борьба Японии и Китая за влияние в Азии. — Информационный бюллетень ИДВ АН СССР. М., т. 2, 1981, N 22, с. 21-39.

Япония в современном мире. Внешняя политика. — Современный монополистический капитализм. Япония. М., «Мысль», 1981, с. 12-29, 333-403.

Возрождение японского экспансионизма. — Гегемонизм: с эпохой в конфликте. М., «Прогресс», 1982, с. 186-204.

Внешняя политика Японии. — Япония наших дней (Справочное издание). М., «Наука», 1983, с. 171-197.

Внешняя политика Японии в 1981 г. — Япония 1982. Ежегодник. М., «Наука», 1983, с. 42-66.

Япония во внешнеполитической стратегии Китая: итоги и задачи научных исследований. — Основные итоги и задачи советского китаеведения. Сборник докладов Второй всесоюзной конференции китаеведов. М., ИДВ АН СССР, 1983.

Внешняя политика в системе средств обеспечения господства правящих кругов Японии. — Правящие круги Японии: механизм господства. М., «Наука», 1984, с. 202-215.

Отношения КНР с Японией. — Китайская Народная Республика в 1980 г. М., «Наука», 1984, с. 146-150.

Политическое значение визита Генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана в Японию. — Информационный бюллетень. М., ИДВ АН СССР, 1984, N 124, с. 3-29.

Внешняя политика Японии в 1983 г. Курс на подрыв разрядки. — Япония 1984. Ежегодник. М., «Наука», 1985, с. 64-89.

Позиция КНР по проблемам безопасности в Азии и милитаризации Японии. — Китай: проблемы войны и мира. София, 1985.

Характер «особых отношений» КНР с Японией и их влияние на международно-политическую обстановку на Дальнем Востоке. — Проблемы безопасности и мира на Дальнем Востоке. Материалы международной конференции. М., ИДВ АН СССР, 1985.

Военно-блоковая политика империализма на Дальнем Востоке в послевоенный период. — Разгром японского милитаризма во второй мировой войне. М., «Воениздат», 1986, с. 349-359.

Советско-японский симпозиум по вопросам борьбы против угрозы ядерной войны. — Япония 1985, Ежегодник. М., «Наука», 1986, с. 283-284.

Японо-американский союз — угроза миру и безопасности в Азии. — За единую Азию в едином мире (на англ. яз.). Нью-Дели, 1986.

Внешняя политика Японии в 1985 г.: трудный выбор. — Япония 1986. Ежегодник. М., «Наука», 1987, с. 53-88.

Мирное урегулирование с Японией. — История международных отношений и внешней политики СССР. 1917-1987. М., «Международные отношения», т. 2, 1987, с. 66-75.

Япония в международных отношениях на Дальнем Востоке. — В кн.: История международных отношений и внешней политики СССР. 1917-1987. М., «Международные отношения», т. 3, 1987, с. 238-253.

Япония: экономика, политика. — Справочник пропагандиста-международника. М., «Политиздат», 1987, с. 115-129.

Японская дипломатия на совещании глав ведущих империалистических держав в Токио. — Актуальные проблемы современной Японии. Информационный бюллетень, М., ИДВ АН СССР, вып. VI. 1988, N 42, с. 3-23.

Внешняя политика Японии. — Япония. энциклопедический справочник. М., «Политиздат», 1989, с. 185-204.

Подход Японии к проблемам обеспечения мира и безопасности В АТР. — Проблемы мира, безопасности и сотрудничества в Азиатско-тихоокеанском регионе. Информационный бюллетень. М., ИДВ АН СССР, 1989, с. 82-93.

Роль и место Японии в современной системе международных отношений. — Япония: экономика, политика, история. М., «Наука», 1989, с. 51-59.

Япония и советские мирные инициативы на Дальнем Востоке. — Азиатско-тихоокеанский регион: проблемы безопасности и сотрудничества. М., «Международные отношения». 1989.

Влияние сдвигов в глобальной системе международных отношений на политическую ситуацию в Азиатско-тихоокеанском регионе. — Проблемы мира, безопасности и сотрудничества в Азиатско-тихоокеанском регионе. Информационный бюллетень. М., ИДВ РАН, 1990, с. 28-36.

Главы в книге «Япония и мировое сообщество. Социально-психологические аспекты интернационализма». М., МИКАП, 1994, гл. 16-18, с. 183-231.

Предисловие к книге «Эволюция политической системы Японии». М., МРТИ, 1995, с. 15-32.

Вводный раздел и заключение в книге «Опыт Японии в решении социально-экономических проблем». М., 1995, с. 13-66, 322-327.

Japan and South-East Asia. Influence of Japan. — Developments in Asia-Pacific Region. New Delhi, 1989.

Атарасий сико то сорэн-но Адзия сэйсаку (Новое мышление и политика СССР в Азии). — Куно суру пэрэсаторойка. Сорэн ва до нару ка (Мучительная перестройка. Что будет с Советским Союзом?). Токио, «Нингэнся», 1990, с. 139-145, 150-154.

III. Статьи в научных журналах

Японский вариант «нового капитализма» и реальная действительность. — Мировая экономика и международные отношения. 1957, N 5, с. 81-91.

Японо-американское военное соглашение — угроза миру на Дальнем Востоке. — Мировая экономика и международные отношения. 1960, N 4, с. 72-85.

Возрождение фашизма в современной Японии. — Мировая экономика и международные отношения. 1961, N 4, с. 64-76.

Япония: фашизм — орудие реакции. — Мировая экономика и международные отношения. 1963, N 1, с. 60-70.

Особенности японской экспансии в Азии. — Мировая экономика и международные отношения. 1963, N 9, с. 35-45.

Иена против доллара: торговая война союзников. — Международная жизнь. 1964, N 3, с. 73-82.

Штормовой период японо-американских отношений. — Международная жизнь. 1965, N 2, с. 51-60.

Япония и Южная Корея: сговор за спиной народов. — Мировая экономика и международные отношения. 1965, N 6, с. 99-101.

Япония и война во Вьетнаме. — Международная жизнь. 1965, N 11, с. 48-57.

Треугольник Вашингтон-Сеул-Токио. — Международная жизнь. 1966, N 4, с. 38-45.

Япония в стратегии Вашингтона. — Международная жизнь. 1968, N 6, с. 23-33.

Япония во внешней политике группы Мао. — Международная жизнь. 1968, N 12, с. 38-48.

Политика Пекина в отношении Японии. — Мировая экономика и международные отношения. 1969, N 8, с. 67-71. (Под псевдонимом Д. Васильев).

Советско-японские отношения развиваются. — Международная жизнь. 1969, N 9, с. 110-113.

Окинава — ставка в большой игре. — Международная жизнь. 1970, N 2, с. 72-80.

Япония: 25 лет после капитуляции. — Мировая экономика и международные отношения. 1970, N 9, с. 31-41.

США-Япония: новая фаза. — США. Экономика, политика, идеология. 1972, N 2, с. 15-25.

Япония в современном мире. — Коммунист. 1972, N 9, с. 88-101.

Система коллективной безопасности в Азии (сдвиги и тенденции). — Международные проблемы. 1973, N 9.

Япония в поисках нового курса. — Мировая экономика и международные отношения. 1973, N 9, с. 16-31.

Япония под ударом. — Мировая экономика и международные отношения. 1974, N 3, с. 76-77.

Тихоокеанская Азия после окончания войны во Вьетнаме. — Международные проблемы. 1976, N 20.

Политический кризис в Японии. — Проблемы Дальнего Востока. 1977, N 2, с. 58-79.

Япония в азиатской политике США. — Международная жизнь. 1978, N 9, с. 57-65.

Влияние милитаризации Японии на отношения с Китаем. К результатам поездки премьер-министра М. Охира в КНР (Разделы в «Круглом столе»). — Проблемы Дальнего Востока. 1980, N 1, с. 9-11.

Япония в современном мире. — Мировая экономика и международные отношения. 1980, N 12, с. 67-79.

Милитаризация Японии — угроза миру в Азии. — Проблемы Дальнего Востока. 1981, N 1, с. 50-64.

Состояние и перспективы развития советско-японских отношений (на яп. яз.). — Дзию. 1981, N 12.

Япония в ядерной стратегии США. — Проблемы Дальнего Востока. 1984, N 2, с. 53-63.

Токио-Вашингтон. Характер «особого партнерства». — Международная жизнь. М., 1984, N 7, с. 62-71.

Японо-китайские отношения: проблемы и тенденции. — Проблемы Дальнего Востока. 1984, N 4, с. 26-36.

Милитаризация Японии в планах Вашингтона (на чешском языке). — Новая мысль. 1985, N 7.

40 лет мира: уроки истории и современность (на яп. яз.) — Коннити-но сорэмпо (Советский Союз сегодня). 1985, N 17.

Военно-блоковая политика империализма в азиатско-тихоокеанском регионе. — Проблемы Дальнего Востока. 1986, N 4, с. 71-82.

Япония и планы милитаризации космоса. — Международная жизнь. М., 1986, N 5, с. 59-68.

Советский Союз — за прочный мир и безопасность в Азии. — Слово лектора, 1987, N 6.

Результаты и значение визита Б.Н. Ельцина в Японию. — Знакомьтесь — Япония. 1993/1994, N 4, с. 47-62.

Россия и Япония. Стереотипы восприятия. — Знакомьтесь — Япония. 1994, N 5, с. 46-52.

Россия и Япония. Стереотипы восприятия (продолжение). — Знакомьтесь — Япония. 1994, N 6, с. 42-49.

Россия и Япония. Стереотипы восприятия (окончание). — Знакомьтесь — Япония. 1994, N 7, с. 65-73.

**Галина Ивановна Подпалова
(1904-1994)**

«Если бы человеческая жизнь была
вечной и не исчезала бы в один
прекрасный день...»

(Кэнко-хоси)

Разбирая фотографии Галины Ивановны Подпаловой, я обратила внимание на то, что у нее всегда было доброжелательное выражение лица. Она и была такой, сохранив до конца своих дней душевную чистоту, дружелюбие, приветливость.

В Институте востоковедения хорошо знали и любили улыбчивую и обаятельную Галину Ивановну, более 30 лет проработавшую в отделе Японии. И вот 28 февраля 1994 г. ее не стало.

Галина Ивановна любила историю Японии, причем один из самых интересных ее периодов — Токугава, время бурного и динамичного развития страны. Но жизненные обстоятельства у нее сложились так, что непосредственно наукой она смогла заняться, когда ей было уже 50 лет.

Г.И. Подпалова — человек непростой судьбы. Она родилась 13 августа 1904 г. в г. Лубны Полтавской губернии в дворянской семье. Думается, что ее дворянское происхождение долгие годы висело над ней как дамоклов меч. Может быть, поэтому она никогда не рассказывала об отце, о своем детстве, юности. Отец умер в 1923 г. и ей приходилось рассчитывать лишь на собственные силы.

Окончив в 1921 г. школу в Иркутске, Г.И. Подпалова поступила на восточный факультет Дальневосточного университета во Владивостоке, где велась подготовка востоковедческих кадров практического профиля.

Но поскольку средств к существованию не хватало, ей пришлось работать делопроизводителем в губернском финансовом отделе.

Еще будучи студенткой, Галина Ивановна побывала на практике в Японии, где работала переводчиком в Торгпредстве СССР и в советском консульстве в Хакодате. Ей представилась прекрасная возможность увидеть страну, расширить и углубить свои знания по истории и культуре Японии. Кроме того, это была и повседневная языковая практика, которая позволяла постигнуть сложности особого языкового стиля официальных документов, что пригодилось ей позднее, когда работая над диссертацией, она переводила исторические документы.

В 30-е годы многие востоковеды, хорошо знавшие язык, попали на работу в различные практические организации. Так случилось и с Г.И. Подпаловой. С

1932 по 1950 г. она служила в системе вооруженных сил и одновременно преподавала японский язык в различных учебных заведениях, читала курс истории Японии на историческом факультете МГУ.

Однако никакая практическая работа не смогла заглушить в ней любви и интереса к японской истории. В 1946 г. она закончила аспирантуру в Тихоокеанском институте Академии наук СССР и защитила диссертацию «Крестьянское петиционное движение в Японии XVII и начала XVIII веков». Это была малоизученная тема в советском японоведении. Ее исследование было сопряжено с многими трудностями, одна из которых — чтение документов, что требовало хорошего знания не только старого языка, но и истории страны. Галина Ивановна в науке была великим тружеником, поэтому написала прекрасную работу, в которую был включен и перевод ряда важных исторических документов, касающихся существенных сторон экономической и политической жизни Японии того времени. Эта работа до сих пор не утратила своей научной ценности и служит прекрасным пособием по истории периода Токугава, которым пользуются не только японоведы.

Г.И. Подпалова перевела и прокомментировала многие документы периода Токугава. Особо следует отметить документы по аграрному законодательству правительства Токугава, которые могут послужить основой для изучения экономической истории Японии, остающейся до сих пор «белым пятном» в отечественном японоведении. Эти переводы опубликованы в 1983 г. в «Хрестоматии по истории средних веков». Одной из первых в СССР она начала изучать традиционные японские праздники и обряды, женское движение.

Г.И. Подпалова была человеком твердой воли, целеустремленным и дисциплинированным. Когда отдел Японии института востоковедения, куда она в 1955 г. пришла работать, заставили поменять тематику исследования и переклеститься на изучение современных проблем, ей пришлось заняться Социалистической партией Японии. По этой теме она написала две монографии и позднее защитила их как докторскую диссертацию.

Но это вовсе не означало, что Галина Ивановна прекратила заниматься средневековой историей Японии. Она продолжала переводить документы, писать статьи, участвовать в работе семинаров и выступать с докладами. Кроме того, она была историографом русского японоведения, поскольку лично знала многих японоведов старшего поколения и оставила о них память в виде статей-воспоминаний об их жизни и научном наследии, за что мы должны ей низко поклониться.

Галина Ивановна всегда была открыта для общения, она умела доставлять людям маленькие радости, ее письма и поздравительные открытки отличал тонкий юмор и неподдельная доброжелательность. Друзья находили у нее поддержку и помощь, а порой и кров.

В 1943 г., например, она приютила у себя В.П. Плотникову с детьми, когда те вернулись из эвакуации. В.Д. Плотникова была дочерью известного ученого Д.М. Позднеева, расстрелянного в 1937 г. Муж Веры Дмитриевны был арестован в 1938 г. Вера Дмитриевна была талантливым японоведом и коллегой Г.И. Подпаловой. Она умерла в ноябре 1943 г., в возрасте 37 лет.

Ее дочь Юлию будет связывать с Галиной Ивановной долгая и крепкая дружба. Вот что вспоминает Ю.М. Плотникова, доктор биологических наук, зав. отделом Главного ботанического сада РАН: «Моя мать, Плотникова Вера Дмитриевна и Галина Ивановна Подпалова были не только коллегами, но и близкими подругами. Они вместе преподавали в Академии РККА им. Фрунзе и в Военном институте иностранных языков. На долю их поколения выпали суровые испытания, пройдя через горнило которых их дружба и взаимная симпатия и привязанность только окрепли. Наша семья оказалась в очень тяжелом положении. Мой дед и отец были арестованы и расстреляны. Когда в 1943 г. мы вместе с Военным институтом иностранных языков вернулись из эвакуации, мать сразу же уволили с работы, так как руководство не могло во время войны держать в Институте жену врага народа, несмотря на ее высокую квалификацию. Мы в буквальном смысле оказались на улице, поскольку наша комната была занята другими и никто не собирался нам ее возвращать.

Нас было четверо: мать, только что вышедшая из больницы с тяжелой формой диабета, наша няня, которая к тому времени уже была членом нашей семьи, мой 11-летний брат и я, шести лет от роду. Средств к существованию у нас не было. После ареста отца мать, естественно, осталась без работы и единственным средством к существованию тогда были случайные заработки нашей няни Евдокии Игнатьевны Ромадиной, которая после смерти моей матери в ноябре 1943 г. взяла надо мной опеку, будучи сама малограмотной, дала мне возможность закончить школу и институт.

Мои первые воспоминания о Галине Ивановне связаны с замечательным ощущением тепла, домашнего уюта и заботы. Мало кто в те тяжелые голодные военные годы обладал такой человечностью, душевной щедростью и смелостью, чтобы приютить у себя опальную семью даже на короткое время. Галина Ивановна и ее мать обогрели нас, промерзших на ноябрьском морозе, поделились хлебом, который у всех был на счету, согрели душевным теплом и заботой. Прошло с тех пор уже 50 лет, но я помню это замечательное ощущение теплого света и человеческой доброты, которое помогло нам выжить.

Я по-новому познакомилась с Галиной Ивановной, когда стала взрослой. У нас сложились особые, очень близкие отношения. Этому способствовало то, что я рано потеряла мать, а у Галины Ивановны не было своих детей. Она была из поколения и профессиональной среды моей матери. Встречая ее доброту и ласку, мне казалось, что я в чем-то нашла свою мать. Мы даже немножко стеснялись своих чувств и не обнаруживали их при других.

Галина Ивановна много рассказывала мне о моей матери, об их работе, о том времени. Она с готовностью откликнулась на мою просьбу разобрать библиотеку моей матери и сделать опись японских книг.

Светлый образ Галины Ивановны, такой женственной, такой красивой и в молодости, и в старости, стойкой к жизненным невзгодам, будет жить в моем сердце, пока оно будет биться. Умная, строгая, с огромной работоспособностью, высокой требовательностью к себе и всепрощением к окружающим, Галина Ивановна останется прекрасным примером женщины-ученого».

Г.И. Подпалова всегда искренне интересовалась делами и заботами своих знакомых, не жаловалась на тяготы повседневной жизни, на свои болезни и трудности, а если и говорила о них, то с большим чувством юмора, была очень деликатной и старалась не обременять друзей и близких своими проблемами.

Г.И. Подпалова активно участвовала в научных и культурных контактах нашей страны с зарубежными странами. Она выступала с докладами на международных симпозиумах в Киото, Канберге, Париже. Университет Рингумэйкан, где она была в научной командировке в 1964 г. и где ее до сих пор вспоминают с теплотой, избрал ее в 1987 г. почетным профессором.

Как говорил японский монах Кэнко-хоси, живший в 1283-1350 гг., «если у вас есть что оставить кому-нибудь после своей смерти, лучше всего отдать это еще при жизни». Так и поступила Галина Ивановна — всем своим друзьям, знакомым и сослуживцам она что-то оставила на память.

Последние годы жизни Г.И. Подпалова часто болела, но по-прежнему работала, написала статью по истории русского японоведения, которая уже опубликована. Но осталась много незавершенных работ, о чем свидетельствуют многочисленные папки с черновыми набросками. Осталась незаконченной статья о востоковеде К.А. Харнском, погибшем в годы репрессий.

Светлая память о Галине Ивановне как о доброй, отзывчивой, красивой и обаятельной женщине, вдумчивом историке-востоковеде и талантливом ученом, честном и надежном товарище навсегда останется в сердцах ее друзей и коллег.

Н.Ф. Лещенко

**Борис Васильевич Поспелов
(1923-1995)**

16 февраля 1995 г. скоропостижно скончался известный российский ученый, доктор философских наук, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник института Дальнего Востока Борис Васильевич Поспелов.

Ушел от нас человек, с именем которого неразрывно связано развитие отечественного востоковедения, становление российской науки о Японии, служению которой он посвятил всю свою жизнь.

Борис Васильевич родился 20 сентября 1923 г. в д. Березники Саратовской области. В 1941-1948 гг. служил в рядах Советской Армии, участвовал в Великой Отечественной войне. В 1950 г. он с отличием закончил Московский институт востоковедения, а в 1953 г. — аспирантуру этого института, успешно защитив диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Так начал свой путь в востоковедении Борис Васильевич. Сфера его деятельности была исключительно широка, многогранны и глубоки были его научные интересы. Будучи сотрудником Издательства иностранной литературы (1954-1964 гг.) и издательства «Прогресс» (1964-1968 гг.), Борис Васильевич вел большую научную работу. Под его руководством и при непосредственном участии было начато издание в СССР японской общественно-политической литературы. В качестве научного редактора, рецензента и переводчика Б.В. Поспелов принимал участие в издании переводов около 20 книг японских авторов.

С 1969 г. и до последних дней своей жизни Борис Васильевич работал в Институте Дальнего Востока. Здесь в полной мере проявился талант ученого, раскрылись его замечательные качества как исследователя и руководителя.

Полный энергии, Б.В. Поспелов стремился поднять на новый уровень российское японоведение, приложил все свои силы, талант и умение для развертывания в институте японоведческих исследований.

Борис Васильевич был внимательным наставником наших японоведов, всегда находивших у него помощь и поддержку. Десятки российских специалистов — японоведов при научном руководстве Бориса Васильевича стали кандидатами и докторами наук. В нашей стране нет ни одного научного и практического учреждения, связанного с изучением Японии, где бы не работали воспитанники этого замечательного ученого.

Велико и многогранно научное наследие Бориса Васильевича. Им опубликовано около 100 работ, в том числе шесть крупных монографий по истории общественной мысли Японии, общим объемом около 200 п.л.

Борис Васильевич был членом Ученого и Специализированного советов ИДВ, членом редколлегий ряда периодических научных изданий, активным членом Ассоциации японоведов, других объединений ученых. Многие научные справки Бориса Васильевича использовались правительственными органами при выработке государственной политики в отношении Японии.

Имя Бориса Васильевича как ученого известно далеко за пределами нашей Родины. Он принимал участие в работе зарубежных исследовательских центров и поддерживал тесные научные контакты с крупнейшими учеными-японоведами мира, отдававшими ему дань уважения. В начале этого года в Стокгольме вышли отдельными изданиями его лекции, прочитанные им в Стокгольмском университете в 1994 г.

Особое место в жизни и деятельности Бориса Васильевича всегда занимала Япония, не только как объект научного исследования, но и как страна, привлекавшая его своими успехами, красотой своей природы и населяющими ее замечательными людьми. Он постоянно выступал за дружбу и сотрудничество между российским и японским народами, остро переживал трудности и периоды охлаждения в отношениях между нашими странами.

Была еще одна черта характера Бориса Васильевича, которая особенно выходила его, как ученого и человека. Это — сила духа, неукротимое стремление всегда находиться в гуще научной и общественной жизни. До самого последнего момента он ни на минуту не прерывал контактов со своими коллегами, не прекращал работы над научными трудами. Как не велик был вклад Бориса Васильевича в российское японоведение, он не оставлял мечты о разработке новых актуальных научных проблем, строил планы новых исследований и осуществлял их.

Тяжела утрата! Велика наша скорбь! Трудно представить себе нашу японоведческую науку без Бориса Васильевича, одним из лидеров которой он был. Его образ навечно останется в нашей памяти. Его пример беззаветного служения научной истине будет всегда вдохновлять нас в нашей работе.

Японское законодательство

КОММЕНТАРИЙ ПЕРЕВОДЧИКА

В России состояние среды обитания приобрело кризисный характер. «Накапливаясь десятилетиями, — отмечают российские эксперты, — экологические проблемы привели к деградации экосистем большей части России, а во многих из них и к катастрофическим последствиям». Чтобы разрешить такого рода проблемы, государству необходим действенный правовой механизм. Российский закон «Об охране окружающей природной среды», принятый в конце 1991 г., положил начало формирования такого механизма, но пока во многом остается декларацией о намерениях и еще не стал эффективным средством борьбы за здоровые условия жизни человека, за сохранение природы для нынешнего и будущего поколений.

В этой связи полезно внимательно присмотреться к зарубежному, в том числе японскому, опыту. Наш дальневосточный сосед также не избежал разрушительных последствий хозяйственной деятельности. Стремительный подъем японской экономики со второй половины 50-х годов сопровождался бесчисленными проявлениями когай — общественного ущерба здоровью людей, природе от промышленных предприятий, транспорта и т.п. Жизнь человека подвергалась опасности, разрушалась его органическая связь с природой.

Япония смогла преодолеть надвигающуюся катастрофу, когда за решение экологических проблем высказались практически все общественные силы: партии, профсоюзы, гражданские организации и т.д. Правительство и муниципальные органы развернули работу по предотвращению нарушений окружающей среды. В Японии была создана многосторонняя законодательная основа природопользования. В 1956-1972 гг. правительство подготовило, а парламент принял 17 законов, касающихся защиты атмосферного воздуха, водных бассейнов, предотвращения загрязнения почвы и оседания грунта, регулирования шумов, охраны природы, несения природоохранных расходов

¹ Можин В., Белкин В., Стороженко В. Об экологической политике России. — Свободная мысль. 1993, N 4, с. 88.

и мерах финансовой помощи, а также создания системы организаций, призванных заботиться об окружающей среде (Управление окружающей среды, специальные службы на предприятиях, комиссии по урегулированию конфликтов экологических проблем)².

Однако жизнь подсказывала, что помимо сугубо конкретных законов, дающих ответ на отдельные экологические проблемы, необходим также закон, охватывающий все аспекты защиты окружающей среды и раскрывающий перспективу систематической, комплексной экономической политики. В апреле 1992 г. премьер-министр К. Миядзава поручил Управлению окружающей среды изучить целесообразность реализации высказанной бывшим премьер-министром Н. Такэсита идеи о разработке Основного экологического закона³.

Стимулом к быстрейшему появлению такого закона послужила международная конференция в Рио-де-Жанейро (июнь 1992 г.), проведенная по инициативе ООН и призвавшая мировое сообщество к совместным природоохранным усилиям.

В октябре 1992 г. было опубликовано мнение двух совещательных органов при Управлении окружающей среды — консультативных советов (по предупреждению общественного ущерба и по сохранению окружающей среды). Они рекомендовали разработать «закон принципов» в отличие от других японских «основных законов» (об образовании, о сельском хозяйстве, о земле, об атомной энергии и др.), которые, формулируя принципиальные положения, были бы одновременно «практическими законами». Японская пресса усматривала за этим «бюрократическую ограниченность центральных министерств и ведомств, всецело поглощенных эгоистическими интересами, а также недостаточное руководство со стороны премьер-министра К. Миядзава». Она отмечала, что конкретизированные предложения, поддерживаемые Управлением окружающей среды, наталкивались на сопротивление министерств внешней торговли и промышленности, строительства и др.⁴.

Получив рекомендации ученых и специалистов, правительство приступило к подготовке законопроекта. В начале февраля 1993 г. Гражданский комитет по изучению экологического законодательства, пытаясь оказать влияние на содержание правительственных разработок, опубликовал собственную «Экологическую конституцию», подготовленную на базе анкетных опросов и дискуссий, проведенных гражданскими экологическими движениями. В этом документе главным принципом провозглашается «приоритет защиты окру-

² Японский опыт решения экологических проблем постоянно находится в поле зрения российских ученых. Ими также давалась характеристика упомянутых законов. См., например: *Иванов О.В., Мельник И.Г., Шепеленко А.Н.* В борьбе с драконами «когай». Опыт природопользования в Японии. М., 1991.

³ Асахи симбун. 21.10.1992.

⁴ Асахи симбун. 21.10.1992; Майнити симбун. 21.10.1992.

жающей среды и сохранения природы перед экономическим ростом». Центральным субъектом защиты среды рассматриваются граждане, которые в своей деятельности должны опираться на «экологическое право». В японской прессе отмечалось, что «именно гражданское участие должно стать опорой в защите среды обитания для всей административной вертикали». «Экологическая конституция» была расценена «не как реалистический контрпроект, а скорее выражение гражданской решимости», отправной пункт для развертывания «эффективной дискуссии»⁵.

Однако широкого обсуждения не последовало. На первое место вышли проблемы «политической реформы», которые поглотили внимание и правящих кругов, и оппозиции. В мае 1993 г. правительственный законопроект получил одобрение палаты представителей. Но принят он был позже, в ноябре 1993 г., уже после отстранения либерал-демократов от власти, при новом, многопартийном правительстве.

Со стороны японской общественности этот закон и на стадии его разработки и после принятия парламентом подвергался суровой критике. Основной экологический закон, как писали японские журналисты, не прошел серьезного обсуждения, в то время как, например, аналогичному закону в ФРГ предшествовала глубокая, шестилетняя дискуссия. Указывалось, что провозглашая принципы, закон не содержит указаний, как их следует превратить в жизнь. Обращалось внимание на декларативность многих положений с их необязательными выражениями типа «следует стремиться», «следует заботиться» и т.п. Закон, писала газета «Асахи», «не смог придать юридическую силу» требованиям, касающимся оценки экологических последствий хозяйственной деятельности, устранился от фиксирования «экологического права, которое необходимо дать гражданам». На основании того, что министерства и ведомства, работающие под постоянным прессингом предпринимателей, а также промышленные круги приветствовали новый закон, делался следующий вывод: «Это, естественно, поскольку в законе изъята часть пунктов, где их интересы сталкивались с требованиями Управления окружающей среды, многие положения имеют неопределенную форму, затуманены». Однако признавалось, что и Управление окружающей среды может быть довольным, оно добилось многих уступок. В целом закон носит компромиссный характер⁶.

Критику японских журналистов можно понять. Ведь они исходили из желания не допустить необратимого процесса нарастания экологических проблем, придать законодательству большую эффективность. Наличие взыскательной демократической прессы — важный фактор, побуждающий правительство и парламент думать о совершенствовании готовящихся ими право-

⁵ Асахи симбун. 06.02.1993.

⁶ Асахи симбун. 14.11.1993.

вых актов. Вместе с тем законодатели обязаны считаться с другой стороной правотворческой деятельности — с реалистичностью принимаемых законов, степенью готовности общества к немедленному осуществлению их требований.

На наш взгляд, при ознакомлении с Основным экологическим законом создается впечатление, что он не ограничивается декларацией принципов, а содержит конкретное руководство к развертыванию целенаправленной систематической деятельности по сохранению окружающей среды на длительную перспективу.

Сформулированные в ст. 3, 4, 5 «основные принципы», имеют важное моральное и практическое значение, тем более, что они пронизывают все содержание закона, находят конкретное воплощение в последующих статьях.

Закон четко излагает обязанности всех субъектов, от которых зависит судьба окружающей среды: государства, муниципальных органов, предпринимателей, населения. От правительства закон требует систематической отчетности перед парламентом о состоянии среды и принимаемых мерах по ее сохранению. Государство должно заботиться о совершенствовании законов, о пересмотре устанавливаемых экологических норм в соответствии с научными оценками.

«Сердцевиной» закона японские специалисты называют положения, обязывающие правительство составлять и проводить в жизнь «основной экологический план», который должен обеспечивать «комплексное и плановое развитие политики сохранения окружающей среды» в национальном масштабе. Такой же цели должно содействовать формирование Центрального экологического консультативного совета и возглавляемого премьер-министром Совета по предупреждению общественного ущерба.

Муниципальные органы должны уделять постоянное внимание проблемам окружающей среды, проведению действенных мероприятий по предупреждению ее нарушения. Серьезные обязанности возлагаются на предпринимателей, которые должны заботиться о снижении производственной нагрузки на окружающую среду, заблаговременно оценивая ее возможные негативные последствия и принимая меры по их предупреждению.

Значительное место отведено определению источников финансирования мероприятий по предупреждению нарушений окружающей среды и ликвидации их последствий. Государство, в частности, получает право возлагать подобные расходы на лиц, занятых хозяйственной деятельностью, оказывающей негативное влияние на экосистему. Конкретные методы взимания средств закон не излагает, но определяет основные принципы применения данного права. В связи с этим газета, отражающая мнение предпринимательских кругов, писала, что закон «откроет путь к введению в будущем экологического налога». Тем более, что такого рода налог уже взимается в ряде пе-

редовых стран (в США — «энергетический», в Финляндии, Швеции — «углеродный» — и т.д.)⁷.

Новым в законе явился отклик на глобализацию экологических проблем не только в форме провозглашения соответствующего «основного принципа», но и включением специальной главы об участии Японии, в том числе местных органов власти, предпринимателей и гражданских организаций, в международном сотрудничестве.

Закон введен в действие со дня его опубликования, за исключением статей 43-й и 44-й, на реализацию положений которых отводится один год. Хотелось бы надеяться, что публикуемый ниже перевод Основного экологического закона, ставшего заметной вехой в совершенствовании законодательства Японии, привлечет внимание и специалистов, и всех тех, кто искренно заинтересован в защите среды обитания, сохранении неповторимой, прекрасной природы нашей страны.

ОСНОВНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ЗАКОН

ГЛАВА I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Ст. 1. Настоящий закон имеет целью изложить основные принципы сохранения окружающей среды, указать ответственность государства, муниципальных органов, предпринимателей и населения, и одновременно определяя основы политики защиты окружающей среды, способствовать комплексному и плановому ее проведению, а, следовательно, утверждению в настоящем и будущем здоровой и культурной жизни народа, внесению вклада в благополучие всего человечества.

Ст. 2. «Экологической нагрузкой» в настоящем законе называется воздействие человеческой деятельности, заключающее в себе опасность нанесения урона окружающей среде.

2. «Глобальным сохранением окружающей среды» обозначаются действия, направленные на защиту окружающей среды от глобального или затрагивающего обширные части Земли негативного воздействия человеческой деятельности (от общего, планетарного потепления, дальнейшего разрушения озонового слоя, загрязнений морей, сокращения диких видов животного мира и т.п.) и имеющие целью благополучие человечества и утверждение здоровой и культурной жизни народа.

3. «Общественным ущербом» («когай») называется вред, нанесенный окружающей среде предпринимательской деятельностью и прочей деятельностью человека, которая приводит к обширному загрязнению воздуха, за-

⁷ Нихон кэйдай симбун. 10.03.1993.

грязнению и ухудшению качества воды, загрязнению почвы, оседанию грунта, возникновению шумов, вибрации, неприятных запахов.

Ст. 3. Без сохранения окружающей среды в полном богатых даров обществе не может быть здоровой, культурной жизни человечества. Окружающая среда, сохраняющаяся благодаря сбалансированному равновесию экологической системы и являющаяся фундаментом человеческого существования, подвержена опасности вследствие экологической нагрузки на нее в результате человеческой деятельности. С учетом этих обстоятельств, необходимо заботиться об окружающей среде, чтобы нынешние и будущие поколения людей получали дары здоровой, богатой среды и вместе с тем сохраняли ее как основу дальнейшего существования человечества.

Ст. 4. Защита окружающей среды должна принять форму строительства такого общества, в котором она поддерживается в здоровом состоянии благодаря снижению по возможности экологической нагрузки и активизации других самостоятельных мер в этой области при справедливом распределении роли и бремени всех субъектов. В результате обеспечивается успешное, с минимальной экологической нагрузкой непрерывное развитие экономики. Защита окружающей среды должна опираться на научные знания, чтобы заблаговременно предотвращать ее нарушения.

Ст. 5. Глобальное сохранение окружающей среды является общей задачей человечества, а вместе с тем и обеспечения в будущем здоровой и культурной жизни нашего народа. Экономическое общество нашей страны функционирует в условиях отношений тесной международной взаимозависимости. Это требует раскрытия возможностей нашей страны и активного развития международного сотрудничества в сохранении окружающей среды на Земле в соответствии с местом Японии в мировом сообществе.

Ст. 6. На государство возлагается обязанность следовать определенным в трех предыдущих статьях основным принципам сохранения окружающей среды, разрабатывать и осуществлять принципиальную, комплексную политику сохранения окружающей среды.

Ст. 7. На муниципальные органы возлагается обязанность следовать основным принципам, определять и проводить мероприятия по сохранению окружающей среды в соответствии с нормативной политикой государства и сообразно с природными и социальными условиями в своих административных границах.

Ст. 8. На предпринимателей возлагается обязанность следовать основным принципам и, осуществляя производственную деятельность, предупреждать возникающие вследствие нее задымление, загрязнение воды, проблемы с отходами производства и прочий общественный ущерб, а также принимать необходимые меры для сохранности природной среды.

2. Следуя основным принципам, в целях предупреждения ущерба окружающей среде при производстве, переработке, продаже и пр., предприниматель обязан принимать меры, необходимые для разрешения проблемы отходов производства и т.п. отбросов.

3. Следуя основным принципам, предприниматель, помимо указанного выше, должен стремиться к снижению экологической нагрузки, возникающей в момент использования и потребления произведенных им товаров, а также после их использования. Предприниматель должен стремиться также к воспроизводству ресурсов и применению сырья, материалов, работ и т.д., способствующих снижению экологической нагрузки.

4. Следуя основным принципам, предприниматель, помимо указанного выше, должен самостоятельно стремиться к снижению экологической нагрузки от своей деятельности, к принятию других мер по сохранению окружающей среды, к сотрудничеству с государством и муниципальными органами.

Ст. 9. Следуя основным принципам, население, чтобы предупредить нанесение ущерба окружающей среде, должно стремиться к снижению экологической нагрузки, возникающей в процессе его повседневной жизни.

2. Помимо указанного выше, население обязано самостоятельно стремиться к сохранению окружающей среды и сотрудничать с государством и муниципальными органами в проведении мероприятий в этой области.

Ст. 10. В целях углубления интереса и достижения понимания предпринимателями и населением проблем сохранения окружающей среды, стимулирования их активности в работе по сохранению окружающей среды установить День окружающей среды.

2. День окружающей среды проводится ежегодно 5 июня.

3. Государство и муниципальные органы должны стремиться к осуществлению дел, отвечающих смыслу Дня окружающей среды.

Ст. 11. Для проведения политики сохранения окружающей среды правительство должно принимать необходимые законодательные, финансовые и другие меры.

Ст. 12. Правительство должно ежегодно представлять парламенту доклад об экологической обстановке и принятых им мерах по сохранению окружающей среды.

Ст. 13. Меры, касающиеся предупреждения загрязнения воздуха, воды и почвы радиоактивными веществами, осуществляются на основе Основного закона об атомной энергии (1955 г.) и других, имеющих к этому отношению законов.

ГЛАВА II. ОСНОВЫ ПОЛИТИКИ СОХРАНЕНИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ И ОТНОСЯЩИХСЯ К НЕЙ УКАЗАНИЙ

Ст. 14. Разработка и осуществление определяемой в настоящей главе закона политики сохранения окружающей среды должны отвечать основным принципам, обеспечивать взаимное органическое единство мероприятий различного рода. Эта политика должна производиться комплексно и в плановом порядке, обеспечивая исполнение следующих положений:

- 1) соблюдение хорошего состояния воздуха, воды, почвы и других элементов природы, образующих окружающую среду, в целях сохранения здоровья человека, жизненной и природной среды;
- 2) забота о гарантиях сохранения многообразия живой природы, ее диких видов и систематическая охрана природной среды в лесах, полях, водных пространствах и т.п. в соответствии с природными и социальными условиями местности;
- 3) сохранение ценностей сопричастности человека и природы.

2. ОСНОВНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛАН

Ст. 15. В целях комплексного и планового продвижения политики сохранения окружающей среды правительство обязано принимать принципиальный план, касающийся сохранения окружающей среды' (далее: основной экологический план).

2. Основной экологический план включает следующие положения:

- 1) основы комплексной политики сохранения окружающей среды на длительный период;
- 2) другие положения, необходимые для комплексного и планового осуществления данной политики.

3. Премьер-министр должен, заслушав мнение Центрального экологического совета, разработать основной экологический план и потребовать принятия соответствующего решения кабинета министров.

4. После принятия упомянутого выше решения премьер-министр должен незамедлительно опубликовать основной экологический план.

5. Положения двух предыдущих пунктов распространяются на случаи изменения основного экологического плана.

3. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ НОРМЫ

Ст. 16. По экологическим условиям, касающимся загрязнения воздуха, воды, почвы, возникновения шумов, правительство устанавливает нормы, со-

блюдение которых должно способствовать защите здоровья человека и сохранению жизненных условий.

2. В случаях, когда устанавливается несколько параметров норм, предназначенных для применения в том или ином районе земного или водного пространства, правительство может передать право установления района применения конкретных параметров губернатору префектуры в порядке, установленном правительственным указом.

3. Установленные нормы должны постоянно пересматриваться в соответствии с надлежащей научной оценкой.

4. Правительство должно добиваться строгого соблюдения установленных норм с помощью комплексного и эффективного осуществления мер предупреждения общественного ущерба, предусматриваемых в настоящей главе.

4. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА В ОСОБО УСТАНОВЛЕННЫХ РАЙОНАХ

Ст. 17. В отношении отдельных районов, отвечающих следующим ниже условиям, премьер-министр может указать губернатору префектуры принципиальный курс, которого тот должен придерживаться в данном районе для предупреждения общественного ущерба, а также предписать ему составить собственный план предупреждения общественного ущерба в данном районе.

К районам такого рода относятся:

1) районы слишком явного общественного ущерба, который практически невозможно предупредить без комплексного подхода;

2) районы, выделяющиеся общественным ущербом из-за стремительной концентрации населения и промышленности и прочих обстоятельств, где добиться предупреждения общественного ущерба без комплексного подхода затруднительно.

2. Принципиальный курс, предусмотренный п. 1, должен указываться, исходя из основного экологического плана.

3. Губернатор префектуры, получивший предписание премьер-министра, должен в соответствии с указанным принципиальным курсом разработать план предупреждения общественного ущерба и получить одобрение премьер-министра.

4. Одобрив план предупреждения общественного ущерба, премьер-министр должен предварительно обсудить этот вопрос в Совете по предупреждению общественного ущерба.

5. Отдавая предусмотренное п. 1 предписание соответствующему губернатору префектуры, премьер-министр должен предварительно выслушать его мнение.

Ст. 18. Государство и муниципальные органы должны принять меры, необходимые для осуществления плана предупреждения общественного ущерба.

5. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МЕРЫ ПО СОХРАНЕНИЮ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Ст. 19. При разработке и осуществлении мероприятий, которые признаны оказывающими воздействие на окружающую среду, государство должно проявлять заботу о сохранении последней.

Ст. 20. Государство принимает меры, необходимые для того, чтобы побуждать предпринимателей, занятых земляными работами, строительством и другими подобными делами, самостоятельно проводить соответствующее предварительное обследование, прогнозирование и оценку воздействия своей деятельности на окружающую среду и на основе их результатов проявлять надлежащую заботу о ее сохранении.

Ст. 21. Для предотвращения нарушения окружающей среды государство осуществляет:

1) меры регулирования, необходимые для предупреждения общественно-го ущерба, установление строгих норм для предпринимателей в отношении загрязнения воздуха, воды и почвы, выброса веществ, являющихся источником зловония, уровня шумов и вибрации, откачки вод, вызывающих оседание почвы и т.п.;

2) меры регулирования, необходимые для предупреждения общественно-го ущерба при использовании земли, а также при строительстве сооружений, которые могут нанести ущерб окружающей среде, особенно в местности, подверженной такому ущербу или таящей его опасность;

3) меры регулирования, необходимые для предупреждения ущерба от перемещения земли, строительства сооружений, рубки леса и тому подобных действий, мешающих сохранению природной среды в районах, где ее защита особенно необходима;

4) меры регулирования, необходимые для предупреждения ущерба в отношении нуждающихся в охране диких видов животных и растительного мира, рельефа и качества почвы, горячих источников и других объектов природы при их добыче и использовании;

5) меры регулирования, необходимые для совместного предупреждения общественного ущерба при нарушении природной среды в случаях, когда это вызывается совместными действиями или существует такая опасность.

2. Для предупреждения нарушения окружающей среды, затрагивающего здоровье и условия жизни человека, помимо перечисленного в пункте 1 настоящей статьи, государство принимает и другие меры регулирования, указанные в подпунктах 1 и 2.

Ст. 22. Государство стремится к принятию необходимых мер по оказанию экономической помощи и исключению помех усилиям по сохранению окружающей среды, тем лицам, деятельность которых либо порождает экологическую нагрузку, либо становится ее причиной (далее: деятельность с

экологической нагрузкой), но которые в то же время устанавливают соответствующее оборудование и принимают другие меры для снижения экологической нагрузки.

2. Политика привлечения указанных выше лиц к самостоятельным усилиям по уменьшению экологической нагрузки от своей деятельности, представляется эффективной и соответствует международным рекомендациям. Государство, осуществляя такого рода политику, организует проверку и исследование принимаемых мер с точки зрения их эффективности в деле предупреждения нарушения окружающей среды и влияния на экономику Японии. Принимая данные меры в случае необходимости, государство тем самым добивается со стороны народа понимания и сотрудничества.

Ст. 23. Государство принимает меры для поощрения предприятий, которые в целях защиты окружающей среды занимаются оборудованием заповедных зон и других общественных сооружений, очисткой загрязненных мест, охраной диких животных и растений, находящихся под угрозой исчезновения, работами по их разведению и выращиванию и т.д.

2. Государство принимает меры для поощрения предприятий, которые предупреждают нарушения окружающей среды путем создания канализации, общественных сооружений для переработки отходов, транспортных сооружений, включая подвижные, способствующие снижению экологической нагрузки; производства оборудования для других общественных сооружений аналогичного назначения; проведения лесопосадочных и прочих работ.

3. Государство принимает меры для поощрения оборудования парков, озелененных участков и других общественных сооружений, а также соответствующего, используемого в интересах здоровья, оборудования для сохранения природной среды.

4. Государство принимает меры, способствующие надлежащему использованию общественных сооружений, указанных в двух предыдущих пунктах, а также повышению их эффективности в защите окружающей среды.

Ст. 24. Государство принимает меры для оказания технической и т.п. помощи предпринимателям, чтобы они имели возможность при производстве, переработке, продаже и пр. предварительно оценивать экологическую нагрузку производимых товаров и заботиться о снижении их экологической нагрузки.

2. Государство принимает меры, необходимые для поощрения использования вторичных ресурсов, сырья, материалов и готовых изделий, а также труда и пр., снижающих экологическую нагрузку.

Ст. 25. Государство принимает меры, необходимые для углубления понимания проблем сохранения окружающей среды и повышения активности предпринимателей и населения в работе по сохранению окружающей среды.

В этих целях государство расширяет обучение, поощряет самостоятельное образование и развешивает рекламную деятельность.

Ст. 26. Государство принимает меры, необходимые для осуществления предпринимателями, населением и их гражданскими организациями самостоятельной деятельности по озеленению, сбору утиля для воспроизводства ресурсов и тому подобной работе по сохранению окружающей среды.

Ст. 27. Государство стремится предоставлять необходимую информацию, касающуюся защиты прав и интересов физических и юридических лиц, состояния окружающей среды и проблем ее сохранения, содействуя тем самым обучению и поощрению самообразования в сохранении окружающей среды, предусмотренному ст. 25, а также самостоятельной деятельности гражданских организаций, указанной в ст. 26.

Ст. 28. Государство осуществляет обследование состояния окружающей среды, прогнозируя его изменение, изучает возможные последствия таких изменений, а также проводит другие обследования в интересах сохранения окружающей среды.

Ст. 29. Государство стремится к оснащению и оборудованию системы надзора, осмотра, наблюдений, составления прогнозов, испытаний и проверки и т.п., необходимых для контроля за состоянием окружающей среды и осуществления надлежащих мер по ее сохранению.

Ст. 30. Государство заботится о стимулировании науки и техники в изучении механизма изменений окружающей среды, разработке способов снижения экологической нагрузки, методов комплексной оценки влияния экономики на окружающую среду, а также в других работах, касающихся сохранения окружающей среды.

2. В интересах поощрения науки и техники в области сохранения окружающей среды государство принимает меры по оснащению испытательно-исследовательской системы, поощрению исследований и разработок, распространению их результатов, подготовке исследователей и т.д.

Ст. 31. Государство должно эффективно применять посредничество и прочие меры урегулирования конфликтов, связанных с общественным ущербом, а также принимать другие меры, направленные на мирное разрешение подобного рода конфликтов.

2. Государство должно принимать соответствующие меры, чтобы бесконфликтно добиваться оказания материальной помощи пострадавшим в результате общественного ущерба.

6. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СОХРАНЕНИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Ст. 32. Государство принимает меры для обеспечения международной солидарности и поощрения международного сотрудничества в глобальном сохранении окружающей среды. Государство стремится к принятию мер, не-

обходимых для сохранения окружающей среды в зарубежных развивающихся районах, для оказания помощи и содействия прочему международному сотрудничеству в сохранении окружающей среды развивающихся районов, имеющих высокую ценность с точки зрения благополучия человечества и обеспечения здоровой и культурной жизни народов (далее: сохранение окружающей среды в развивающихся районах).

2. Государство стремится к принятию мер, необходимых для подготовки специалистов по международному сотрудничеству в области сохранения окружающей среды в глобальном масштабе, а также в развивающихся районах; для сбора информации о состоянии сохранения окружающей среды за пределами своей страны; для содействия международному сотрудничеству по вопросам регулирования и анализа глобального сохранения окружающей среды.

Ст. 33. Государство стремится к международной солидарности в области эффективного содействия контролю, наблюдениям и составлению прогнозов состояния окружающей среды, а также к международному сотрудничеству в обследованиях, испытаниях и исследованиях, касающихся глобального сохранения окружающей среды.

Ст. 34. Учитывая важное значение муниципальных органов в содействии глобальному сохранению окружающей среды, государство стремится предоставлять им информацию и принимать меры стимулирования деятельности муниципальных органов в области международного сотрудничества.

2. Учитывая важность для международного сотрудничества в указанной сфере самостоятельной деятельности гражданских организаций, которую они осуществляют за пределами своей страны, государство стремится представлять им информацию и принимать в их интересах другие меры.

Ст. 35. Государство должно заботиться о глобальном сохранении окружающей среды в тех районах, где оно участвует в международном сотрудничестве.

2. Государство предоставляет предпринимателям информацию и принимает другие меры, необходимые для того, чтобы они в своей деятельности, осуществляемой за пределами своей страны, надлежащим образом заботились о глобальном сохранении окружающей среды в соответствующем районе.

7. МЕРОПРИЯТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Ст. 36. Муниципальные органы, придерживаясь комплексного и планового подхода, осуществляют мероприятия по образцу тех, которые определены в разделе 5 для государства, а также принимают меры, необходимые для сохранения окружающей среды в соответствии с природными и социальными условиями своего района.

8. РАСХОДЫ, ФИНАНСОВЫЕ МЕРЫ И ПР.

Ст. 37. Государство и муниципальные органы принимают необходимые меры для справедливого, полного или частичного возмещения расходов, требующихся государству, муниципальным органам или приравненным к ним лицам (далее: общественные производители работ) с целью производства работ, направленных на предупреждение общественного ущерба и нарушений природной среды (далее: общественный ущерб). Расходы общественных производителей работ в случае признания их неотложности и при расчете их размеров и учете других обстоятельств возлагаются на лиц, своей деятельностью породивших необходимость таких работ, в той степени, которая признается соответствующей нанесенному общественному ущербу и т.п.

Ст. 38. В случае, когда предприятие, созданное для сохранения окружающей среды в особо нуждающемся районе, дает заметную прибыль, государство или муниципальный орган принимают меры для возложения расходов данного предприятия на его владельца полностью или частично, в соответствии со степенью доходности первого.

Ст. 39. Государство стремится принимать финансовые и другие меры по расходам, которые несут муниципальные органы, разрабатывая и осуществляя мероприятия по сохранению окружающей среды.

Ст. 40. Государство и муниципальные органы сотрудничают друг с другом в осуществлении политики сохранения окружающей среды.

ГЛАВА III. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСУЛЬТАТИВНЫЕ СОВЕТЫ И ПР.

1. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСУЛЬТАТИВНЫЕ СОВЕТЫ

Ст. 41. При Управлении окружающей среды учреждается Центральный экологический консультативный совет (далее: консультативный совет).

2. На консультативный совет возлагаются следующие задачи:

1) исполнение дел, касающихся основного экологического плана, предусмотренных ст. 15, п. 3;

2) изучение и обсуждение принципиальных вопросов в области сохранения окружающей среды по запросу премьер-министра;

3) изучение и обсуждение важнейших вопросов сохранения окружающей среды по запросам начальника Управления окружающей среды и заинтересованных министров;

4) исполнение дел, отнесенных к полномочиям консультативного совета другими законами и правительственными указами.

3. Консультативный совет может выражать свое мнение по делам, предусмотренным п. 2 премьер-министру, начальнику Управления окружающей среды, заинтересованным министрам.

РАСХОДЫ, ФИНАНСОВЫЕ МЕРЫ И ПР.

Государство и муниципальные органы принимают необходимые меры справедливого, полного или частичного возмещения расходов, трес-ся государству, муниципальным органам или приравненным к ним далее: общественные производители работ) с целью производства ра-правленных на предупреждение общественного ущерба и нарушений ой среды (далее: общественный ущерб). Расходы общественных про-елей работ в случае признания их неотложности и при расчете их в и учете других обстоятельств возлагаются на лиц, своей деятель-поротивших необходимость таких работ, в той степени, которая при-соответствующей нанесенному общественному ущербу и т.п.

38. В случае, когда предприятие, созданное для сохранения окру- среды в особо нуждающемся районе, дает заметную прибыль, го-о или муниципальный орган принимают меры для возложения рас-анного предприятия на его владельца полностью или частично, в твии со степенью доходности первого.

39. Государство стремится принимать финансовые и другие меры по 4, которые несут муниципальные органы, разрабатывая и осущест-роприятия по сохранению окружающей среды.

40. Государство и муниципальные органы сотрудничают друг с дру-ушествствии политики сохранения окружающей среды.

АВА III. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСУЛЬТАТИВНЫЕ СОВЕТЫ И ПР.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСУЛЬТАТИВНЫЕ СОВЕТЫ

При Управлении окружающей среды учреждается Центральный эко-ий консультативный совет (далее: консультативный совет).

и консультативный совет возлагаются следующие задачи:

полнение дел, касающихся основного экологического плана, пре-нных ст. 15, п. 3;

учение и обсуждение принципиальных вопросов в области сохра-оужающей среды по запросу премьер-министра;

учение и обсуждение важнейших вопросов сохранения окружаю-цы по запросам начальника Управления окружающей среды и за-ванных министров;

полнение дел, отнесенных к полномочиям консультативного совета законами и правительственными указами.

нсультиативный совет может выражать свое мнение по делам, пре-нным п. 2 премьер-министру, начальнику Управления окружаю-ы, заинтересованным министрам.

ЛОЖЕНИЕ

Ст. 42. Консультативный совет образуется в составе до 80 человек.

2. В случае необходимости изучения и обсуждения особых вопросов в состав консультативного совета могут быть включены специальные члены.

3. Члены и специальные члены, назначаемые премьер-министром, должны обладать знанием и опытом в сфере сохранения окружающей среды.

4. Члены и специальные члены работают на непостоянной основе.

5. Другие вопросы организации и ведения дел консультативного совета определяются правительственными указами.

Ст. 43. Для изучения и обсуждения принципиальных вопросов сохранения окружающей среды в зоне каждой префектуры учреждаются префектуральные экологические консультативные советы.

2. Необходимые положения, касающиеся организации и ведения дел префектурального консультативного совета, определяются постановлением соответствующей префектуры.

Ст. 44. В порядке, установленном постановлением города, поселка, деревни, учреждаются соответствующие экологические консультативные советы для изучения и обсуждения принципиальных вопросов сохранения в их границах окружающей среды.

2. СОВЕТ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА

Ст. 45. При канцелярии премьер-министра учреждается Совет по предупреждению общественного ущерба (далее: совет).

2. На совет возлагаются следующие задачи:

1) исполнение дел, касающихся плана предупреждения общественного ущерба, определенного ст. 17, п. 4;

2) помимо указанных выше дел, обсуждение плана принципиальных и комплексных мероприятий по предупреждению общественного ущерба;

3) исполнение прочих дел, отнесенных к полномочиям совета другими законами и правительственными указами.

Ст. 46. Совет состоит из его членов и председателя.

2. Председателем является премьер-министр.

3. Члены назначаются премьер-министром из руководителей соответствующих административных органов.

4. В совете учреждаются секретари.

5. Секретари назначаются премьер-министром из работников соответствующих административных органов.

6. Секретари помогают председателю и членам совета в делах совета.

7. Секретариат совета функционирует при Управлении окружающей среды.

8. Прочие положения, касающиеся организации и ведения дел совета, определяются правительственными указами.

Комментарий и перевод А.И. Сенаторова

СОДЕРЖАНИЕ

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Сенаторов А. И. Первые уроки коалиционного правления 7

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Лебедева И. П. Особенности механизма экономического развития Японии 36

Тимонина И. Л. Региональное планирование в Японии 51

Матрусова Т. Н. Пожизненный наем как система мотивационного управления 68

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Носов М. Г. Зрелое партнерство на фоне экономической конкуренции 83

Кистанов В. О. Россия и Япония: экономические отношения в интерьере территориальной проблемы 105

ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА

Маркарьян С. Б. Социальные связи в японском обществе 124

Молодякова Э. В. Социальные ориентиры японцев 142

Саркисов К. О. Социальная роль японской культуры (постановка проблемы) 157

Саблина Э. Б. Русский интеллигент в Японии (жизнь и творчество Михаила Петровича Григорьева) 174

Свиридов Г. Г. Энциклопедист Ёсикадзу Накамура 181

Алпатов В. М. Многоязычие в Японии 196

Хориз Синдзи. Незвестный аспект истории японо-русских театральных связей 206

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Молодяков В. Э. Геостратегия «меланхолического принца» (проекты и свершения Фумимаро Коноэ) **215**

ПАМЯТИ КОЛЛЕГ 233

ПРИЛОЖЕНИЕ

Японское законодательство. Основной экологический закон 269

Научное издание

Япония 1994 — 1995

Ежегодник

Редактор Н. П. Дмитриевская
Младший редактор Н. И. Кияшко

Институт востоковедения РАН
Ассоциация японоведов
103753, Москва, ул. Рождественка, д. 12/1

Сдано в набор 12.09.95. Подписано к печати 27.11.95. Формат 70×90¹/₁₆.

Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18.

Тираж 800. Заказ 38

Отпечатано в типографии МРТИ